

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ПРОСТРАНСТВО
ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ПРОСТРАНСТВО
ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ПРОСТРАНСТВО
ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ас*** • ЛЮКС ЛУКС

МОСКВА 2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С38

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.09.04.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 6000 экз. Заказ 2582.

Синякин С.Н.

С38 Пространство для человечества: Сб. / С.Н. Синякин. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 413, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-026672-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0695-4 (ОАО «ЛЮКС»)

Куда может завести обычное журналистское расследование?

На другую планету?

В параллельный мир?

Трудно сказать...

Ведь даже сами участники странного секретного эксперимента, длящегося уже ДЕСЯТКИ лет, не знают, КУДА они заброшены.

Ясно одно — того, кто выйдет за пределы охраняемого Поселка, ждет практически ВЕРНАЯ ГИБЕЛЬ в джунглях, где водятся монстры, растут неведомые деревья, а ландшафт меняется ПОСЛЕ КАЖДОГО ДОЖДЯ...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С.Н. Синякин, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Часть первая

НОС ЛЮБОПЫТНОЙ ВАРВАРЫ

Глава первая

Лев Крикунов был журналистом по призванию.

Есть люди, которые из любопытства суют свой нос, куда не просят, а потом стараются поделиться сенсационными новостями с окружающими, немало не забываясь о том, что кто-то долго и упорно занимался сохранением государственной тайны. Лев Крикунов считал, что для журналиста запретных тем нет; если уж ты добрался до тщательно оберегаемой от любопытных глаз тайны, то имеешь право по крайней мере на эксклюзив. Иногда он попадал в неприятные ситуации, дважды становился заложником у террористов, что отнюдь не говорило о его смелости, скорее о самонадеянности, граничащей с глупостью. Он первым вызывался в поездки на горячие точки, брался за журналистские расследования, в которых ему запросто могли оторвать голову, водил знакомства с такими же террористами пера и имел почти равное количество обожевлявших его почитателей и людей, которые так же искренне писаску ненавидели.

Квартиру его трижды обворовывали, однажды сожгли дачу, записок с угрозами было столько, что их можно было использовать вместо обоев, задумай Лев сделать ремонт в своей квартире. Но браться за ремонт ему и в голову не приходило, тем более что в квартире своей Крикунов жил от случая к случаю, используя ее вместо ночлежки для своих многочис-

ленных знакомых, стараниями которых квартира быстро превратилась в некое подобие декораций спектакля «На дне»...

Сам Лев был невысок и сублитен. К тридцати годам он начал стремительно лысеть, поэтому недостаток волос пытался компенсировать бородкой и усами, придававшими его внешности нечто испанское. Обычно такими рисовали соблазнительей в средние века. Но это было лишь кажущееся сходство. Хотя сам Лев женщин любил, они не отвечали ему взаимностью. Всю жизнь Крикунов завидовал своим друзьям, у которых отношения с женщинами строились свободно и весело. Женился он рано, но в семейной жизни ему не повезло — жена, вышедшая замуж, как ей казалось, за перспективного журналиста, быстро убедилась в том, что со Львом ничего, кроме неприятностей, не наживешь, а мечты о зарубежных вояжах так и останутся мечтами, и ушла от него, не прожив совместно и трех лет. После этого Лева женщин сторонился, подружки у него были редки и недолговечны, узнав Льва поближе, они расставались с ним без особых сожалений, тем более что делить им с ним было нечего. А женщины в свою очередь Лева избегали, оттого у него всегда были такие страдальческие и красивые глаза.

Работа составляла основу жизни Крикунова. После того как Союз распался и коммунистическая партия приказала всем остальным долго жить, Лев с воодушевлением бросился устанавливать в печати демократические принципы, но очень быстро понял, что эра свободного кваканья завершила свое существование в младенческом возрасте. Даже не успев окрепнуть. В конце концов, кто платит за девочку, тот ее и танцует. Крикунов почти год проработал в небезызвестном «Колоколе», славном своими антисемитскими высказываниями и настроениями, но и там демократия и свободы были относительными — ими можно было пользоваться лишь в тех случаях, если надо было сказать что-нибудь неодобрительное или шельмующее о богоизбранном народе. Далее любого свободногомыслящего журналиста окружало столько запретов, что выжить можно было, лишь смирившись с ними или сменив

убеждения. Жить с фигой в кармане тяжело, всегда так и тянет ее кому-то показать. Однажды Крикунов пришел в редакцию в похмельном состоянии, повздорил с главным редактором газеты Терентьевым, бывшим одновременно главным антисемитом и десионистом России, и показал ему то, что так долго прятал в кармане. Реакцию главного редактора предугадать было нетрудно — в тот же день демократический журналист Лев Крикунов стал действительно свободным.

Странное дело, потеряв работу, Лев стал зарабатывать больше. К тому времени появилось много газет и журнальчиков, которые сделали ставку на скандальные слухи и подробности кровавых побоищ. Слава богу, побоищ хватало, а скандальные слухи при некоторой сноровке и умении обращаться с фактами надлежащим образом можно было выдумывать самому.

Сотрудничество с «желтой» прессой оказалось не только выгодным, но и интересным. Крикунов познакомился с изобретателем машины времени Белобородовым, с исследователями М-ского треугольника в Пермской области, он стал своим среди лимоновцев и баркашовцев, побывал на месте посадки «летающей тарелки» в Киржаче и даже несколько раз встречался с доброжелательно настроенным Владимиром Вольфовичем Жириновским, который подарил ему свои книги и дал обширное интервью. Интервью это свободный журналист сумел продать почти во все газеты и журналы, с которыми сотрудничал, чем неплохо поправил свое материальное положение.

И все-таки Лев мечтал о таком материале, который одночасно вознесет его к вершинам журналистской славы и принесет известность: Ввязываться в сомнительные аферы вроде разоблачений махинаций военных с оружием или писать о бандитских вожаках и их разборках Крикунов побаивался — пример Дмитрия Холодова и некоторых других журналистов заставлял держаться от этих опасных сенсаций в стороне. С возрастом он постепенно становился умнее, оказаться в заложниках очередной раз или пасть на поле боя для новых русских ему уже не улыбалось. Оставалось всего несколько

вариантов, от большинства из них был некоторый запашок, их Крикунов держал про запас, но некоторые выглядели вполне пристойно. Хорошо бы было раздобыть список агентуры КГБ, которая работала в диссидентских кругах. Это была бы бомба! Неплохо было бы оказаться рядом с большим открытием, способным перевернуть жизнь общества. В крайнем случае Лев с удовольствием написал бы что-то нелицеприятное и сенсационное о каком-нибудь политике. Правда, такие сенсационные статьи появлялись каждую неделю, а политики делали свое дело, любое дерьмо к ним почему-то не прилипало. «Братишка, — раскрыл Крикунову глаза ас журналистики Юрий Брехов*, писавший из-за своей фамилии в основном под псевдонимами (ну кто поверит содержанию статьи, которую написал Брехов?), — для них это лишняя реклама, не больше». Они тогда сидели в баре и обмывали Левину премию. Ас допил коньяк и сказал доверительно: «Лева, дерьмо к дерьму не пристаёт. Они же сплошь ассенизаторы. Только политик способен сделать из дерьма конфетку да еще продать эту конфетку населению как чистый шоколад». Кстати, именно по совету Брехова Лева тоже взял себе псевдоним. «Ну, сам посуди, — растолковывал Брехов, — напишешь ты что-то очень интересное, что-то сенсационное. Глянут люди на подпись — а-а, Крикунов! Ну, кричи, кричи, зарабатывай дешёвую популярность. И все. Возьми ты себе нормальный псевдоним, нет, конечно, не Шолохов, не Симонов, тебя просто не поймут. Назовись как-то нейтрально и вместе с тем значимо, чтобы уже одно имя на себя внимание обращало, тогда и будет толк». Крикунов к совету старшего товарища прислушался. Он стал Бойцовым.

Нет, став для читателей газет и журналов Бойцовым, Лев Крикунов жил совсем неплохо. Ему в жизни не хватало всего

* Трёхголовый дракон журналистики, одна голова его (Брехов) была с левым уклоном, другая (Туроверов) — с правым, а средняя голова (Астров-Зацарицынский) вообще занималась написанием критических статей о фантастических книгах, т.е. к политике относилась нейтрально.

лишь двух вещей — славы и женщин. При этом на первое место Лева ставил именно славу, резонно полагая, что женщины появятся вслед за ней.

Последнее время он работал в газете «Жуткие истории», которая, впрочем, помещала на своих страницах статьи, рассказывающие не только о жутких убийствах, но и о не менее жуткой российской жизни. Читая газету, можно было подумать, что еще немного — и от страны ничего не останется.

Однажды в начале апреля маленький, но сплоченный редакционный коллектив сидел в кабинете главного редактора и методом мозгового штурма прикидывал, о чем еще можно написать, чем поразить воображение читателей и завоевать их сердца, а следовательно, и кошельки.

— А вот если написать о тяжелой жизни детдомовцев, вступающих сегодня в жизнь? — несмело сказал Лева.

В кабинете наступила тяжелая тишина. Все смотрели на Крикунова. Тот замолчал. Уже позже, когда совещание безрезультатно закончилось, технический редактор покрутил пальцем у виска и доброжелательно сказал журналисту:

— Ты думай, чего папе предлагаешь! Он же сам детдомовский!

Крикунов этого не знал. Когда он шел по вызову в кабинет главного редактора, все смотрели на него как на обреченного. Главный редактор сидел за столом, бесцельно гоняя стрелку «мыши» по экрану монитора. Кивнув журналисту на стул, он некоторое время продолжал заниматься своим делом, потом, не глядя на Льва, негромко сказал:

— Ты эту тему придумал, тебе и писать, Левушка. Езжайка ты в Орехово, будешь писать про тамошний детдом.

Тут и гадать не приходилось, в каком детдоме главного редактора воспитывали. А Лева что? Сказано — люминий, значит, будем грузить люминий. На командировочные расходы он денег не брал. До Орехова было недалеко, а командировочные — вещь суровая: берешь чужие деньги и на время, а отдавать потом приходится свои и навсегда.

В Орехово ходили электрички.

Глава вторая

Крикунову всегда было интересно, как писали журналисты, скажем, в прошлом веке. Телефона и телеграфа еще не было, статьи приходилось пересылать с почтовыми тройками, неудивительно, что новости запаздывали, в те времена, наверное, новость недельной свежести казалась животрепещущим и обжигающим фактором, способным поразить умы обывателя и повлиять на современников. Это сейчас пишущая братия соревнуется, кто кого обгонит хотя бы на полчаса. Но это в основном касается новостей. Есть темы, которые не устаревают. Вечные темы. К одной из таких тем в настоящее время и собирался прикоснуться журналист Крикунов. Все мы знаем, что наше государство — паршивый родитель. Оно только обещает, но обещания свои выполнять не торопится, а если и вспоминает о них, то, конечно же, не для того, чтобы немедленно исполнить. Чаще всего деятельность государства строится на принципах полной противоположности данным им обещаниям. Если государство говорит, что его гражданам станет скоро легче, значит, можно не сомневаться — гражданам обязательно станет легче. В одной рубашке ходить легче, чем в пиджаке. Если кошелек станет тоще, не придется горбатиться, перетаскивая продукты с рынка или вещи из магазина. Забота государства как раз и направлена именно на то, чтобы его гражданину стало легче, чтобы не надо было думать, на что именно потратить заработанные деньги. Государству деньги нужнее. Но мы государству вроде бы и не родные, у нас еще и родители есть, которые всегда поймут и по возможности помогут. А что же сказать о тех, кому государство стало отцом и матерью за неимением оных, как они чувствуют себя под надзором бдительного родительского глаза и государственной опекой? Есть такая поговорка: «У семи нянек — дитя без глазу». А если нянька одна и притом одноглазая, а детей столько, что углядеть за всеми невозможно? Как тогда воспитываются дети и воспитываются ли они вообще?

Автор не ставил целью показать бедственное положение детских домов и их воспитанников, вступающих с достижением совершеннолетия в новую для них взрослую жизнь. И так понятно, что молочные реки и кисельные берега этих воспитанников впереди не ждут, а ждет их суровая действительность, в которой обществу наплевать на каждого своего гражданина, если он не обладает влиятельными родителями или солидно весящим кошельком.

Цель привлечь к этому внимание читателей имел журналист Лев Крикунов, поэтому ему и пришлось ехать на гроыхающей и бренчащей электричке в провинциальный городок, известный разве что своей шпаной и разборками на почве мелких экономических разногласий среди нарождающегося среднего класса. Наш средний класс нарождался с кастетом в одной руке и обрезом в другой. Все приходилось делать на кредиты и займы, но ведь дураку понятно, что куда проще ликвидировать кредитора, нежели возвращать ему долг да еще с набежавшими процентами.

Электричка останавливалась на каждой станции, время от времени по составу проходил оборванный мужик, который останавливался посреди вагона и зычным голосом рассказывал пассажирам свою жалостливую историю о том, как он отстал от поезда. Деньги он просил, конечно, на проезд, но застарелый неистребимый водочный перегар ясно указывал на вожденную конечную цель его маршрута. Когда он вошел в вагон в пятый раз, Лева уже испытывал дикое желание выбросить его из электрички.

Ближе к входу сидели какие-то работяги и азартно шлепали о деревянные сиденья картами. Игра в подкидного дурака сопровождалась умеренной выпивкой, но это воспринималось даже с некоторым умилением и определенной завистью к пролетариям, которые сумели себя занять в томительной дороге.

Купленные газеты Крикунов перечитал уже через два часа и теперь сидел, тайно прислушиваясь к азартным выкрикам игроков. В вагон вошел милиционер, старательно делая вид,

что не замечает нарушений. Он прошел по вагону и скрылся в тамбуре, даже не сделав работягам замечания. Попробовал бы он их сделать! Пришлось бы бедняге пешком по рельсам топать. Рабочий класс, да еще разгоряченный выпивкой, как раз после выпивки и становится пролетариатом, которому нечего терять, кроме собственных цепей. А какое основное орудие пролетариата, давно всем известно — это булыжник. В крайнем случае — кулак.

Электричка остановилась на очередной станции, потом тронулась вновь, и Крикунов увидел, что милиционер стоит на перроне, с каменным выражением юного лица выслушивая железнодорожного попрошайку. Мужик искал на седалище приключений, и судя по непреклонному холодному взгляду милиционера, он их нашел. За окном вновь поплыл лес. Белые березы тянулись вдоль железнодорожного полотна, отгороженные от него бесконечной железной изгородью. Даже странно было, что кому-то пришла в голову мысль огородить лес: бесполезная и ненужная работа, которая не редкость в Стране дураков, хотя, может, дело было совсем не в дурусти, а напротив — в хитроумной изворотливости бизнесмена, сообразившего, что на этой нелепой изгороди можно хорошо заработать.

Берез росло много, а вот березового сока в последнее время уже никто не собирал. Лев сам приложил к этому определенные усилия. Одно время в Подмоскowie нашелся маньяк, который из подвешенных к березам банок собранный сок выливал, но наливал туда концентрированного уксуса или соляной кислоты. После того, как трое любителей березового сока скончались в ужасных мучениях, Крикунов много писал на эту тему жутковатых статей, нагнетающих напряжение. Понятное дело, это были хорошо оплаченные статьи, за них Крикунов получил приличные деньги, а как же! Но вспоминать всю эту историю было не слишком приятно. Времена, о которых поэт писал, что «счастлив тем, что целовал я женщин, мям цветы, валялся на траве, и зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове», ушли в далекое прошлое. Сейчас порой встреча с меньшими братьями в лесу

была чревата смертельной опасностью. Бродячие собаки собирались в стаи и совершали организованные и продуманные нападения на деревни, одинокий волк, встретившийся на опушке леса, вполне мог оказаться бешеным, но опаснее зверей стал случайно встреченный в лесу человек, который мог оказаться насильником, грабителем или того хуже — маньяком, как убийца Ряховский, видевший в подмосковных лесах личные охотничьи угодья.

Почему так получается: стоит в обществе произойти социальным переменам, как на поверхность кипящего мира выносит грязную пену, которая начинает считать себя сливками этого общества? Так было при царях, так происходило в революцию и в период оттепели начала шестидесятых годов, но более всего это дало о себе знать именно при буржуазно-демократической революции, совершенной бывшими коммунистическими руководителями, которым надоело есть черную икру взаперти и строго под одеялом. Вот тут пена вскипела подобно девятому валу и накатила на обывателя криминальными бригадами братков, почувствовавшими свою силу педофилами, отрядами заказных киллеров и одинокими маньяками, которые, уловив зов времени, начали тоже мечтать об объединении, а потом эти объединения отозвались Ферганой, Сумгаитом, Карабахом и Чечней. Никто не считал, сколько же крови пролилось в этот «бескровный» период и сколько еще прольется, чтобы новые нравы окончательно утвердили себя в обществе и стали его нормами. Конечно, писать об этом Крикунову хотелось, но он отлично понимал, что это печатать никто не будет. Сальную историю об оскоромившихся педофилах печатать будут. Статью о новом серийном убийце вырвут из рук, особенно если этот убийца еще и сексуальный насильник. Фельетон про проворовавшихся милиционеров опубликуют с удовольствием, а про это — не станут. «Пипл это не хавает! — отговариваются хозяева и редактора. — Пипл требует хлеба и зрелищ». Но если писать то, что не хаваet пипл, то совершенно очевидно, что и сам будешь голоден.

В истории с детдомовцами были свои нюансы, которые могли здорово облегчить Крикунову задачу и поднять его статью до публицистических высот. Как уже говорилось, государство о детских домах заботится через пень-колоду, а уж о детдомовцах, достигших совершеннолетия и покинувших свою альма-матер, оно и вспоминать не хочет. Поэтому детдомовцы, вступая в большой мир, часто в нем теряются. За отсутствием места в большом мире они нередко опускаются на его люмпенизированное дно, занимая там достойное с волчьей точки зрения место. Вот на истории таких людей Крикунов и хотел бы опереться в своей статье, придав ей, таким образом, некоторую сенсационность и общественную значимость. Ну не о редакторе же своей газеты писать, не о паре-тройке детдомовцев, случайно выбившихся в бизнесмены или нашедших себя в искусстве!

Детский дом Крикунов нашел сразу. Пройдя по казенному коридору, выкрашенному зеленой однотонной краской, придававшей помещению тоскливую официальность, Лев нашел кабинет директора. Директором детского дома оказалась молодая дама с затейливой прической на голове и в деловом сером костюме, строгость которого подчеркивалась наличием на руках у дамы часов и браслета, которые в совокупности походили на наручники, особенно если директор детского дома клала руки перед собой. Крикунов представился. Директора детдома звали Ирина Андреевна, и, к радости журналиста, она работала в этом учреждении более пятнадцати лет, а потому должна была знать его редактора. Отрекомендовавшись, Крикунов предъявил даме свое удостоверение, а в дальнейшей беседе ненавязчиво упомянул имя своего редактора. Как и следовало ожидать, особых восторгов имя редактора у дамы не вызвало. Тут могло быть две причины. Первая была очевидной — в школьные годы редактор прославился совсем с иной стороны и слава эта была так щекотлива, что одно упоминание его имени вызывало у директора детдома дикую мигрень. Вторая причина была более деликатна, но тоже вполне возможна: кому же понравится упомина-

ние о воспитаннике, достигшем редакторского кресла пусть даже «желтой», но столичной газеты, в то время, когда ты продолжаешь директорствовать в провинциальном детдоме и тратишь свои силы и нервы на разных оборотов? Тем не менее дама внимательно выслушала Льва, пожала круглыми плечами и, поправив очки в золоченой оправе, сказала:

— Не думаю, чтобы в такое время наши проблемы были кому-нибудь интересны. Впрочем... Я приглашу воспитателя, он поможет вам поговорить с воспитанниками, покажет, как мы тут живем... Больше ничего?

— А потом мы встретимся, — обрадованно подхватил Крикунов. — Может, что-то и понадобится, мы с вами это потом обсудим.

— Ну хорошо, хорошо, — с утомленным видом сказала директриса. — Пойдемте, Лев Николаевич, я познакомлю вас с воспитателем. А мне еще надо к главе администрации ехать, лето уже скоро, надо что-то думать об отдыхе наших воспитанников. Это ведь не просто дети, это дети без родителей.

Глава третья

Воспитатель был высок, плечист и своим загривком заставлял вспомнить о вольной борьбе. Он исподлобья оглядел Крикунова, некоторое время что-то сосредоточенно и откровенно решал для себя, потом скупой улыбнулся.

— Писать будете? — спросил он. — Не знаю, что о нас особенного можно написать. Не живем — существуем. Денег нет, учебников не хватает, да что учебников — ремонта нормального сделать не можем.

Они шли гулким пустым коридором. Сквозь маленькие давно не мытые стекла пробивался тусклый свет, но в коридоре все равно царил полумрак, который почему-то казался Крикунову влажным. Воспитателя звали Геннадий Андреевич, фамилия у него была знаменитая — Стрельцов, и по совместительству он вел уроки физкультуры. Крикунов, впро-

чем, так и предполагал. На мыслителя Геннадий Андреевич не тянул, и даже смешно было предполагать, что он в институте прилежно грыз гранит науки. Скорее вариант был обычным — парень добросовестно защищал спортивную славу института на ковре или ринге, а сердобольные и патриотично настроенные к своей альма-матер преподаватели ставили ему на зачетах и экзаменах усредненные отметки, которые и позволили в конце концов получить диплом. А потом Геннадия Андреевича направили в детский дом. На аспирантуру он уже не потянул по причине утраты необходимой физической кондиции вследствие постоянных нарушений сурового спортивного режима.

Редкие ученики пугливо и без особого любопытства проскальзывали по коридору, стараясь не привлекать к себе внимания воспитателя.

— В правом крыле у нас жилой корпус, — объяснял воспитатель. — А налево — учебные классы.

— Разве в Орехове обычной школы нет? — удивился Крикунов.

— Есть, — сказал воспитатель. — В шестидесятых годах пробовали организовать обучение детдомовцев в обычной средней школе. Пошли скандалы, драки между учащимися, потом кто-то кого-то даже убил, поэтому эксперимент свернули и вернулись к привычной форме обучения.

— А кто убил-то? — полюбопытствовал журналист. — Ваш или местный?

— Не знаю, — хмуро бросил Геннадий Андреевич. — Я тогда еще сам пешком под стол ходил. Наверное, домашний. Они наших ребят сильно не любят.

— Директриса у вас симпатичная, — попытался сменить тему Крикунов. — Но строгая, сразу чувствуется. Спуску вам, наверное, не дает.

— Она в нашем детдоме в свое время воспитывалась. — Геннадий Андреевич кому-то на ходу погрозил пальцем. Такого пальца убоялся бы и Крикунов, слава богу, что ему никто не грозил. Кому воспитатель грозил, журналист так и не

увидел. Та-ак, Ирина Андреевна тоже здесь в свое время росла. Ни о чем особенном это еще не говорило, в любом коллективе определенное количество нормальных людей случается, но настроение у Крикунова несколько упало. А вот Геннадий Андреевич прекрасно вписывался в выстроенную Львом схему. Он вполне годился на роль бойца из бандитской группировки, ему бы еще пальцы веером научиться делать да лоб одной-единственной морщиной при несложных вопросах напрягать. Нет, было бы очень здорово, сколоти этот здоровяк из детдомовцев преступную группу, которая держит в страхе все Орехово. Вот это был бы поворот темы!

Геннадий Андреевич снова быстро глянул на журналиста, и тот мог поклясться, что губы воспитателя тронула легкая улыбка. Словно воспитатель его мысли прочитал. Но этого не могло быть, поэтому Лев даже не подумал смущаться.

— А вы тоже здесь воспитывались? — доброжелательно поинтересовался он.

— Да нет, — неохотно сказал воспитатель. — Я когда-то МГИМО окончил, только жизнь повернулась так, что пришлось сюда воспитателем поехать.

Да, непрост был мужичок, совсем не прост! МГИМО окончил, значит, вся дорога ему была по дипломатической линии двигаться. Для Штатов и Европы он, конечно, родителями не вышел, а вот в какой-нибудь азиатской или африканской столице вполне мог дорасти до третьего, а то и второго секретаря. Нашалил, наверное, или с иностранцами путался. В политике с этим строго, надо обязательно быть, а главное — слыть патриотом своей страны. С этим обычно проблем никогда не возникает, каждый русский человек, посмотревший заграничную жизнь, становится ярым патриотом. Он ведь понимает, что нам так никогда не жить, а потому и хвалит свое болото. Правда, одновременно это зачастую сопряжено с продажей секретов родного болота, так ведь это и понятно — нам на этом болоте жить и жить, надо же как-то благоустраиваться! А этот, видимо, не вписался, вот судьба его и выкинула на обочину. С такими-то вопросами, да воспитывать детдомовских детишек, стать для них

папой... Теперь Крикунов посматривал на воспитателя с интересом, хотя, на взгляд журналиста, воспитатель на дипломатического работника никак не тянул, у такого мордоворота дипломатический прием стрелкой покажется, нота — ультиматумом воровского мира. Нет, все-таки замечательно было бы, если бы этот воспитатель в детдоме занимался, скажем, растлением малолеток или девочек на панель выгонял, чтобы те доллары ему зарабатывали. Вот была бы статеечка!

— А вы как планируете все? — поинтересовался Геннадий Андреевич. — В классе посидеть, посмотреть, как дети живут, так? С детьми общаться будете?

— Пожалуй, — сказал Крикунов, отводя взгляд в сторону, словно боялся, что воспитатель прочтет его мысли. А не хотелось бы, очень не хотелось! Вон какие у Геннадия Андреевича ручки, такими ладошками не детишек по голове гладить — мамонтов в землю забивать. — И знаете, хотелось бы получить адреса некоторых ваших бывших воспитанников. Произвольно, разумеется. Желательно дать ретроспективный взгляд на проблему, обсудить с читателем ее плюсы и минусы.

И опять незаметно поежился от пронизательного цепкого взгляда работника детдома — Крикунову показалась, что взгляд этот внимательно шарит по самым окраинам его души, и спрятать от него мысли никак не получалось.

— С кем беседовать-то будете? — еле заметно усмехаясь, спросил Геннадий Андреевич. — С отличниками или с хулиганами?

— Желательно, конечно, выслушать обе стороны, — неловко пробормотал журналист. — И главное, кем становятся ваши воспитанники, к какому берегу прибываются, плывя по течению реки?

— Интересует вас, значит, — уже открыто ухмыльнулся Геннадий Андреевич, — какие ряды пополняют наши ребята — бандитов или обывателей?

— Ну, так вопрос нельзя ставить, — ответно улыбнулся Крикунов. — Вопросы социальной адаптации сложны, тут нельзя однозначно сказать, какое мнение вынесут читатели из статьи.

Лукавил Крикунов, и при этом он великолепно понимал, что собеседник его это понимает. В данном случае все зависело от журналиста, а значит — от Крикунова. Читатель статьи, написанной хорошим журналистом, всегда принимает его точку зрения. Особенно если статья написана так, что не дает поводов для иных толкований. Объективность в средствах массовой информации — это такой же миф, как чудовище озера Лох-Несс, и надо прямо сказать, что чудовище имеет даже больше шансов на существование, нежели объективность журналистов при освещении ими происходящих в обществе событий. Журналист всегда четко осознает, что он пишет, для кого пишет и что именно люди должны думать по вопросам, затронутым в его статье. А уж вопрос о том, для чего он пишет, вообще перед журналистом не стоит. Перо для акулы и маленьких щук пера является таким же орудием производства, как для селянина комбайн, сеялка или трактор. Именно пером журналист сеет разумное, доброе и вечное, этим же пером он культивирует всходы рядом последующих статей, им же расписывается за гонорары, позволяющие удержаться на жизненном плаву. А если хочешь хорошо питаться, надо обязательно хорошо писать, излагая при этом точку зрения того, кому принадлежит газета. Сам Лев Крикунов во время первых выборов губернатора поддерживал кандидатуру коммунистов. На вторых выборах он уже отдал свое перо демократам. На третьих он блистательно агитировал за либералов. Потом поработал в антисемитском «Колоколе», в ультрапатриотической газете «Воспрянем!», разругавшись с редактором, сменил газету на журнал «Деловые круги», потом поскитался по газетам и журналам, пока не оказался в «Жутких историях». Если бы кто-то попробовал проследить эволюцию взглядов Льва Крикунова и с этой целью начал изучать его духовное наследство, оставленное в этих журналах и газетах, он бы с удивлением заметил, что взгляды журналиста Бойцова напоминали плывущую без руля лодку. Они покачивались, левели, резко уходили вправо, порой разворачивались на сто восемьдесят градусов, и все это зависело не

от Крикунова: уж у него-то убеждения были неизменными, но вот позиции, которые он занимал, зависели от его работодателя. Эра свободного кваканья завершилась, не начавшись. Оказалось, что диктат денег ничуть не лучше диктата идеологического, порой он оказывался даже более жестким.

Сейчас, говоря о своей беспристрастности, Крикунов лукавил, но сам верил каждому своему слову. Именно эта убежденность и позволяла ему писать о вещах, которые в приличном обществе неловко было упоминать — о тусовках гомосексуалистов у московских театров, об оргиях педофилов на петергофских дачах, о дележе чукотской шкуры столичными чиновниками, — словом, обо всем, что так интересно и притягательно российскому обывателю, который в глубине своей всегда несет два начала — мазохистское и садистское, позволяющее ему спокойно наслаждаться жизнью, которую не вынес бы ни один азиат, а тем более — ни один европеец. Именно поэтому среднестатистического россиянина следует считать евроазиатом*.

— А здесь у нас учительская, — сказал воспитатель, открывая дверь. — Вы на урок пойдете или здесь будете с детьми разговаривать?

В каждом из взрослых живет тайная тоска по школе, когда перед тобой не вставляли серьезные жизненные проблемы, а двойка в четверти казалась едва ли не самой ужасной трагедией твоей жизни.

Разумеется, Лев Крикунов отправился на урок.

Глава четвертая

Самый таинственный предмет, который преподается в нашей школе, это, конечно, история. Каждый год мы совершенно не представляем, какое у нас было прошлое. Мы уже столько раз перекраивали нашу историю, что наше прошлое — это фан-

* Именно так. Похожее можно найти у Блока и в трудах славянофилов, а также тех, кто утверждал, что славяне являются связующим звеном между цивилизациями Востока и Запада. Прослойка, одним словом. Та самая прослойка, которую всегда били со всех сторон.

тастический роман, написанный летописцами и подправленный составителями учебников.

История считает, что первое столкновение русских и татар произошло на реке Калке. Так написано в учебниках. Правда, никто не может сказать, где находится река Калка и какого черта там делали татары. Одни специалисты считают половцев страшными врагами, другие видят в них кровных союзников. В отношении татаро-монгольского ига вообще ничего не понятно: мы триста лет страдали под этим игом, а теперь даже не можем сказать, сколько именно татар и сколько монголов на нас напали. Если почитать романы Яна, то вообще надо удивляться тому, что Русь после этой хищной саранчи на низкорослых гривастых и улыбчивых конях сумела возродиться. А знаменитый герой войны с поляками Иван Сусанин, главный персонаж оперы Глинки «Жизнь за царя»? Тут вообще начинаешь сходить с ума! Ну не было, не было поляков в Костромском уезде. Тогда спрашивается: кого наш Ваня завел в лес? То-то и оно! Или знаменитое секретное соглашение между Германией и СССР перед началом Второй мировой войны. Специалисты все архивы облазили, а подлинника документа так и не нашли. Есть какая-то подозрительная копия, которая взялась неизвестно откуда. Тем не менее современные историки кричат, что такое соглашение было, только его уничтожили после победоносной войны. Если опираться на слухи, а не на факты, у нас полстраны сидело в сталинских лагерях. Но статистики по этому вопросу никто не публикует. Почему? Выражу личное мнение, что опубликование такой статистики развеет еще один миф и запутает нашу историю еще больше. А так ведь очень славненько получается — начало войны мы проиграли потому, что в лагерях сидело полстраны и почти все военачальники. А выигрывать стали именно после того, как из заключенных сформировали штрафные батальоны, которыми и выиграли войну. А тут опять менять сложившуюся картину. Ну сколько раз историю переписывать? Переписали в начале девяностых, пусть такой и остается!

Чем больше Крикунов сидел на уроке, тем больше понимал, что русскую историю придется переписывать еще не раз

и выглядеть она будет именно так, как захочется очередному победителю. У учителя был собственный взгляд на события девяносто первого года, и он очень расходился со взглядами, изложенными в учебниках, по которым учились дети. В учебнике говорилось о демократической революции, героями которой являлись демократы первого призыва. Учительница, упирая на тот факт, что большинство демократов первой волны стали либо нуворишами, либо сели в тюрьму, считала все случившееся государственным переворотом. Учительницу надо было понять, ей зарплату платили от случая к случаю, а это, несомненно, увлекало ее на левый политический фланг. У педагогов это не было редкостью, маленькая зарплата тому только способствовала. Но вместе с тем совершенно очевидно было, что эти два взгляда на наше прошлое невозможно совместить, а потому еще не единожды придется выбирать одну из точек зрения. Какая точка будет выбрана, зависело от случая — неизвестно, какую из сторон муза истории сделает в будущем победителем, диктующим условия побежденным.

Поэтому тема урока Крикунову быстро наскучила, и он принялся с любопытством разглядывать детей. Совершенно очевидно было, что демократические преобразования в обществе детского дома не коснулись. Учащиеся напоминали инкубаторских цыплят — все были одеты чистенько, но однообразно. Нет, как раз это и было понятно. Некогда детдомовскому начальству для каждого ребенка что-то индивидуальное приобретать. Деньги выделяются χοхом, χοхом они же и тратятся. Мальчишки были в аккуратных синих костюмчиках, девочки в синих же юбочках и белых блузках, явно пошитых в одной мастерской. Разными у них были лица. И это неудивительно, возьмите, к примеру, фотографию своей детсадовской группы и посмотрите на нее внимательно. Что-то общее у нас, несомненно, есть, и это нежный возраст. Но уже в нежном детсадовском возрасте мы начинаем различаться. У одного лицо и взгляд будущего бабника и разбивателя женских сердец, другой же своей сосредоточенностью и серьезной задумчивостью обещает в будущем стать инженером и семейным философом, у третьего на лице печать бесшабаш-

ности и циничного превосходства, можно даже не сомневаться, что будущее приведет его в тюрьму или в политику. С девочками сложнее — трудно угадать, кто именно из них окажется хранительницей семейного очага, верной супругой, изменяющей мужу не более двух раз в жизни (в первый раз из любопытства, а второй, чтобы окончательно убедиться в правильности своего выбора), но еще труднее сказать, кто из девочек вступит на пагубный путь стрекозы или мотылька. Правда, если фотография очень качественная, можно разглядеть огонь порочного любопытства, уже горящий в детских глазенках. Мы разные, и это немаловажное обстоятельство делает мир неожиданным и разнообразным, не сводя его к нескольким вариантам бытия.

Дети в классе только внешне выглядели однообразно. Вихрастый нагловатый паренек за третьей партой оглядывал класс с видимым превосходством. Он не то соображал, кого будет приводить на перемене к покорности, не то прикидывал, чем будет заниматься после уроков. Двое угрюмых мальчишек на задней парте были похожи друг на друга полной отстраненностью от происходящего на уроке, мысли их были далеко, возможно даже, что именно сейчас задумывался побег из детского дома, но никто из присутствующих этого даже не подозревал. Девочек Крикунов особо не разглядывал, он боялся даже столкнуться с ними взглядом, все-таки старшеклассницы, поэтому очень не хотелось увидеть в их глазах собственную оценку, в глубине души Крикунов про себя и сам все знал. Внимание его привлек худощавый и спортивно сложенный паренек, который сидел слева от него и читал, удобно положив на колени толстенную книгу. На объяснения учительши он не обращал никакого внимания, все происходящее вокруг для него словно не существовало. Почувствовав взгляд журналиста, подросток оторвался от страницы и с хмурым вызовом глянул на Крикунова. Лев сочувственно улыбнулся, всем своим видом стараясь показать, что он не осуждает любителя подпольного чтения, более того, он ему сочувствует. Усмешка подростка стала еще более презрительной, и Крикунов поспешил отвернуться.

— Мария Николаевна, — спросила девочка с первой парты. — Вот тут написано про Беловежское соглашение. А они имели тогда право принимать такое решение?

— Лидочка, — сказала учительница. — Это так называемое пьяное соглашение. Разве могут пьяные люди соблюдать какие-то законы? Особенно если они являются первыми лицами государства. Соглашение было незаконным, оно противоречило результатам проведенного народного референдума. Это хорошо, что ты такие вопросы задаешь. Если интересуешься, приходи на факультативный кружок молодогвардейцев, там мы все более подробно разбираем.

Оставшаяся часть урока прошла обычно, Мария Николаевна, непримиримо поблескивая оправой и стеклышками очков, дала очередной материал, ее оценка преобразований в стране была чисто негативной, но Крикунов в общем-то с этим и сам был согласен. Реформы — дело тонкое. Не зря у китайцев существует проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен». Время для людей крайне неудобное. И еще кто-то сказал, что правильность реформ можно сверять с одним: любое изменение в обществе не должно ухудшать уже сложившееся положение, оно его должно обязательно улучшать. Крикунова поразило, что учительницу слушают с интересом. Обычно дети, когда начинаются разговоры о политике и прочих несъедобных с детской точки зрения вещах, начинают отвлекаться, решать свои локальные задачи. Эти слушали.

— Мария Николаевна, — неожиданно спросил с места нагловатый подросток, который уже закрыл и спрятал в сумку книгу, которую он читал, — а когда нас будут учить настоящей истории?

Учительница почему-то покраснела, бросила взгляд в сторону Крикунова. В классе воцарилась неловкая пауза, словно подросток сказал что-то очень неприличное. Подросток неприязненно посмотрел на журналиста и снова повернулся к учительнице.

— Я имею в виду археоисторию, — поправился он. — Интереснее ведь изучать историю с ее вещественными доказа-

тельствами и памятниками. А так одни разговоры, разговоры... Скучно!

Лицо Марии Николаевны постепенно обретало естественный цвет, и хотя журналист смотрел на подростка, краем глаза он увидел, как учительница сделала всем понятный жест, означающий неуместность вопроса, — она быстро повертела пальцем у виска.

— Ах, археисторию... — с видимым облегчением сказала она. — Археисторию вы будете проходить в следующем году, вместе с криптоисторией* и историей научно-политических взглядов**. Предмет надо изучать комплексно, этот год должен дать вам начатки знаний, которые позволят правильно ориентироваться в основных предметах. Я ответила на твой вопрос, Самохин?

Но видно было, с каким облегчением она восприняла трель звонка, возвещающего об окончании урока. Нельзя сказать, что на случившееся Крикунов сразу обратил внимание. Маленькая, ничего не значащая деталь, которая из памяти не выпала только благодаря привычке Крикунова делать короткие записи в блокноте. Вот и сейчас, когда этот не слишком понятный ему разговор закончился, Лев быстро и размашисто черкнул в блокноте: «Настоящая история? Криптоистория! История научных взглядов? Преподают ли все это в других школах?» Потом вспомнил и торопливо добавил: «Молодогвардейцы?» Он-то думал, что просто отстал от жизни, поэтому и пометочку сделал, чтобы при случае внимательнее изучить эти новые для него дисциплины. Но, делая заметки, Лев Крикунов совершенно не предполагал тогда, что именно с этой размашистой надписи в его жизни начинается новый этап — тревожный и полный неожиданных опасностей.

После окончания урока журналист добросовестно посидел в учительской, знакомясь и беседуя с учителями, а потом

* Подробнее о криптоистории читайте в трудах одного из ее основоположников А. Валентинова-Шмалько.

** Основателем этого научного направления в Районе считают советского физика Андрея Сахарова, который и не подозревал о такой возможности, полагая, что основной свой научный вклад он внес все-таки в любимую им физику атомного ядра.

отправился в гостиницу. Просить ночлега в интернате ему показалось неудобным, а в провинциальной гостинице всегда есть свободные места, чего ж не поселиться, если счет оплачивает редакция газеты?

Глава пятая

Неприятности всегда начинаются с мелочей. Скажем, опаздываешь ты на работу. Обязательно потеряется брючный ремень, или станешь долго искать ключи от квартиры. А когда ты прибежишь на остановку, то выяснится, что автобус только что ушел, а маршрутные такси окажутся переполненными. В довершение всего ты обязательно на входе столкнешься с начальником, который по всем раскладкам должен быть в главке. Если же на рабочем месте у тебя вдруг забарахлит компьютер — все, баста, ничего можно не начинать. Любое начинание закончится крупными неудачами. Начало неприятностей надо ощущать, в противном случае ты неожиданно для себя окажешься в круговороте неприятных событий, из которых невозможно выбраться. Будешь крутиться как белка в колесе, пока полоса невезения не закончится.

Нет, с номером трехэтажной гостиницы у Крикунова оказалось нормально, пусть даже номер этот оказался на двоих. С возможным соседом Лев детей крестить не собирался, ему бы переночевать да с утра закончить все запланированное в детском доме. Пока выходила всего лишь унылая статья о заурядном детском доме с оригинальными преподавателями, окончившими МГИМО или нестандартно подходящими к преподаванию своих дисциплин. Надо было много потрудиться, чтобы из этой серятины сделать действительно настоящее чтиво, такое, чтоб у читателя газеты сердце схватывало, чтобы бледнел он от негодования и тревоги — да что это, черт возьми, делается?! Да будет ли наконец порядок в нашей стране?! Но это уже относилось к технике, а в своем профессионализме Крикунов не сомневался. Даже тот же Брехов во время

совместных попок не раз доверительно говорил: «Божий дар у тебя, Левчик, конечно, есть. Но робок ты, до безобразия робок. С такой робостью тебе только в правительственном органе работать, там от тебя никто фантазии не потребует, у них строго — установки сверху спускаются. Это для тебя. А когда работаешь на хозяина, тут надо творить. Хозяину что надо? Денег ему надо. Будет тираж — будут деньги. Все взаимосвязано, поэтому у частника бойкое перо всегда в цене. Но запомни, особого ума не проявляй, единственно умным хозяин только себя считает, остальные у него на подхвате».

Обдумывая, как ему лучше обыграть текст статьи, Крикунов разместился в номере. Собственно, это было несложно — сумку бросить на пол, у койки. Отметившись в номере, он спустился в небольшой гостиничный ресторанчик. В зале в это время суток было малоллюдно, тихо и прохладно.

Немолодая официантка приняла у него заказ. Выбор блюд оказался приятно широк, немного поколебавшись, Лев заказал сто пятьдесят граммов водки. Колебался он, потому что не любил пить в одиночестве. Однако он находился в командировке, поэтому менять с годами сложившиеся привычки Лев не стал. Сто пятьдесят — доза небольшая, но фантазию следовало немного растормозить, а что это сделает лучше водочки? К необходимости приукрашивать действительность Крикунов относился с философским спокойствием стоика. Приукрашивание чаще всего заключалось в очернении, как ни странно, читатель с большим интересом относится к негативу. Возможно, в этом крылось что-то из области психологии, а скорее даже психиатрии. Каждому хочется быть белым и пушистым, поэтому одно осознание того, что в мире есть люди неизмеримо хуже, поднимает читателя над собой, а понимание того, что в действительности ему, читателю, живется, в сущности, неплохо, дает ему моральное удовлетворение. А журналисту подобное профессиональное отношение к делу дает так необходимую для жизни копейку.

Холодная водка приятно обожгла пищевод.

Продолжая размышлять, Лев вяло ковырял вилкой принесенное второе и поглядывал вокруг. Ничего особо приме-

чательного он не обнаружил, ближе к входу сидела за столиком немолодая пара, в углу у небольшой эстрады торопливо поедали что-то незатейливое двое командировочных восточных мужчин, которые невесть по какой надобности заглянули в провинциальный городок, а за столиком рядом с кухней сидели мучающиеся от безделья официантки. Судя по их оживленным лицам, время они проводили с большой пользой для себя.

Девиц легкого поведения поблизости не наблюдалось. Возможно, они просто не водились в славном городе Орехове, но скорее всего не наступило время их появления. Не зря же обитательниц древней профессии прозвали ночными бабочками.

Муха. То, что журналист поначалу принял за подгоревший кусочек картофеля фри, оказалось дохлой мухой. Крикунов испытал легкий приступ брезгливости и резко отодвинул тарелку. Официантка поняла его жест по-своему, потому что вскоре оказалась рядом со столиком с чашкой кофе в руках.

— А там у вас мухи нет? — поинтересовался Крикунов, стараясь вложить в сказанное максимум презрения и сарказма.

— Ну что вы! — возмутилась официантка. — У нас ресторан, а не какая-нибудь забегаловка. Какие мухи, гражданин! У нас варят прекрасный кофе!

Крикунов махнул рукой и принялся без удовольствия пить кофе, хотя тот оказался действительно превосходным.

Удивительно, но как может осложнить жизнь человеку простая муха. Даже не простая муха, а муха дохлая. Вроде маленький кусочек органики, а сколько неприятных эмоций может вызвать! Между тем это был тот самый сигнал о том, что приближаются неприятности, а Крикунов его легкомысленно пропустил.

Пытаясь вернуть утраченное душевное равновесие, журналист решил прогуляться. Напротив гостиницы через дорогу был небольшой, но уютный скверик. Туда Лев и направился. В скверике стоял памятник Ленину — одна из тех гипсовых или бетонных поделок, без которых не обходился в советские годы ни один городок, превышающий населением

десять тысяч жителей. Вождь мирового пролетариата был густо напояжен, и багровые губы на его белом лице святого производили порочное и комичное впечатление.

Крикунов остановился, критически разглядывая бюст, и в это время за его спиной кто-то хрипловато, но вполне дружелюбно спросил:

— Братила, сигаретки не найдется?

Голос был лишен агрессивных интонаций, но Крикунов хорошо знал, как обманчиво это впечатление. Вначале у тебя спрашивают прикурить, потом интересуются, не богат ли ты мелочишкой, а получив отрицательный ответ, удаляются, оставив тебя с разбитой физиономией и прихватив на память что-нибудь из твоих личных вещей. Поэтому поворачивался он с большой неохотой.

За спиной у него стоял неприметный мужик лет тридцати пяти, без признаков татуировок и стальных фикс, по которым его безошибочно можно было отнести к уголовному миру. И внешний вид у него был самый непрезентабельный, все надетое на мужике было наверняка куплено в ореховском универмаге. Вот только смотрел он на журналиста слишком внимательно, скажем, даже оценивающе.

— Я не курю, — сказал Крикунов, и это было чистой правдой, он не курил уже третий день и надеялся не курить и дальше. По крайней мере силы воли у него на это хватало.

— И зря, — задушевно сказал мужик.

Он покачал головой, вздохнул и добавил:

— Ехал бы ты отсюда, братила. Ну чего тебе в нашем городе? Не любят у нас любопытных. А ты мужик умный, вижу, глаза у тебя с соображением. Вот и ехай, не порть в городе воздух. Оно ведь как бывает, с непослушными да любопытными всегда что-нибудь случается. Ага?

— А что я сделал? — неожиданно для себя сказал Крикунов. — Ну приехал, так я же никуда и не лезу. Писать вот о детском доме собрался, обычная статья, жалостливая такая, глядишь, отцы города ее прочитают и что-нибудь детдомовцам подкинут. Кому от этого плохо?

Собеседник беззаботно махнул рукой.

— Да мне-то что? — благодушно и почти задушевно сказал он. — По мне, хоть про местную мафию пиши, все реклама. Будь моя воля, я бы даже местного мэра тебе позволил обгадить с ног до головы. Мне-то какая разница, это он, а не я будет в дерьме, меня это не колышет. Но ты понимаешь, братила, меня люди тебя остеречь попросили. Я остерег, а дальше дело твое, может, все хорошо закончится, может, найдут тебя где стылого и нестигаемого, как вождь мирового пролетариата. Мне-то не одна хрень? Мое дело — сказать, твое — правильные выводы сделать. Ага? И в милицию зря ноги не бей, все равно толку не будет, а настроение серьезным людям испортишь. Значит, нет у тебя курева? Жаль! Ну, бывай. — Сказав это, неожиданный и опасный собеседник Крикунова повернулся к нему спиной и пошел прочь, сутулясь и держа руки в карманах куртки.

Вот так! Ты не ждал, а мы приперлись! Интересно, по какому же поводу эти серьезные люди тревогу забили? Вроде никаких болевых точек он сегодня в детдоме не затрагивал, угрозы никому не нес. Что же так встревожило и главное — кого? «А может, я и в самом деле угадал? — вдруг подумал журналист с ненужной и даже опасной гордыней. — А если там действительно свила гнездо местная мафия или из воспитанников детского дома организовали нечто закрытого публичного дома?» Крикунов о таких домах сам читал, и не раз, вон в одной из среднеазиатских республик даже девочек слепых местные баи не гнушались пользоваться. Или этот самый воспитатель, который МГИМО окончил, здесь чем-нибудь предосудительным вроде реализации наркотиков занимается. Тут уж Льву стало не до прогулки. Неизвестно еще, сколько времени они ему отвели на раздумья. Может, шагнешь сейчас на улицу, тут и вывернется из-за угла грузовичок с поддатым водителем.

Обошлось. Крикунов вошел в гостиницу. Дежурного администратора за стойкой не оказалось, да он и не нужен оказался — ключа от номера на щите за стойкой все равно не было. Журналист поднялся на этаж. Дверь номера была открытой.

В номере кто-то был.

Глава шестая

Паршиво на душе, когда ощущаешь опасность и прекрасно осознаешь, что ты не можешь от нее защититься. Чувствуешь свое бессилие, тело покрывается липким потом, ты не знаешь, что делать — бежать или шагнуть навстречу опасности. Главное в такой ситуации — сделать правильный выбор. Правильнее, конечно, было бежать, но Льву было унижительно покидать номер, за который было уплачено и где лежали его вещи. Там у него в сумке было не бог весть что, а все-таки в такой ситуации жалко и носков с полотенцем. Оглядевшись, он увидел у входа коричневые туфли. Отморозки при входе разуваться бы не стали, и сиротливые туфли, небрежно сброшенные у входа, успокаивали.

Он вошел в номер.

Его сумка так и оставалась рядом с койкой у стены, а на другой кровати — рядом с окном — сидел длинный худой мужчина лет сорока с дынеобразным лицом и длинным повисшим носом, который придавал его обладателю печальный и потерянный вид. Одет он был в вытянутый полосатый свитер и джинсы.

— О, сосед, — сказал новый постоялец. — Я смотрю, вещи лежат, а хозяина нету. Надолго сюда?

— До завтра, — сказал Крикунов.

— Жаль, — сказал сосед по номеру. — А я вот здесь, судя по всему, застряну. Тоже думал, за два дня справлюсь, но, похоже, мне тут куковать и куковать. Ресторанчик, кафе здесь есть?

— Есть, — сказал Лев. — Только там отбивные с мухами.

Мужчина встал и оказался на три головы выше журналиста.

— Давайте знакомиться, — сказал он. — Все-таки ближайшее время мы будем соседями по номеру, неловко общаться, не зная имен друг друга. — И первым протянул руку. — Буряков Николай, саратовский предприниматель.

— Лев Крикунов, журналист, — представился Крикунов.

Рука у предпринимателя Бурякова была влажной и холодной.

— Вы как, закончили уже дела на сегодня? — Предприниматель взял свою сумку и поставил ее в шкаф. — Как насчет стаканчика молочка от бешеной коровки?

Лев его понял правильно. А чего тут понимать — два мужика в номере, обязательно один другому предложит выпить за знакомство. Старинный обычай командированного люда. Не нами это заведено, не нам это и ломать. Да и дел у него больше не было, а по зрелом размышлении и не предвиделось — пришла пора уносить ноги из этого паршивого городка. Для себя Лев уже решил, что ноги его не будет в этом странном детдоме, обитатели которого так не любят журналистов. Потом он сообразил, что в случае невыполнения редакционного задания гостиницу придется оплачивать из собственного кармана, да и остальные затраты ему тоже никто не возместит, и загрустил.

— Можно, — сказал он. — Только без отбивных.

Вечером ресторан в гостинице совсем не походил на обеденное сонное царство. Играла музыка. Рядом с эстрадой задорно крутила круглой попкой девица в красных штанах; танцуя, она еще успевала время от времени повисать на толстой шее кавалера, шептаться с худенькой подружкой и весело взвизгивать, исполняя совсем уж слаломное па. Официантки скользили по переполненному залу с грацией горнолыжниц, даже удивляло, что они ничего не разливали и не проливали.

На эстраде стояли пестро одетые по моде восьмидесятых годов ушедшего века музыканты. Закончив очередную рок-н-рольную композицию, они некоторое время пребывали в определенной задумчивости. К ним подскочил вертлявый мужичок, сунул в верхний карман пиджака одному из музыкантов купюру и что-то горячо зашептал на ухо, косясь в угол, откуда появился. Музыкант выслушал, солидно кивнул и вернулся к коллегам. Посовещавшись, они разобрали инструменты. Пробно и неуверенно тренькнула гитара.

— Эта песня исполняется для уважаемого Кости, вернувшегося из далекого города Якутска, — объявил руководитель группы.

И ансамбль грянул «Владимирский централ».

За богатым столом умиленно плакал седой и коротко стриженный гость с синими от наколок пальцами. Сразу было понятно, что в далекой Якутии он был не по своему желанию, не за туманами ездил, и красоты сибирской природы на него впечатления не произвели, а если и вызывали эмоции, то исключительно отрицательные — лесоповал в морозной тайге дело далеко не романтическое. Сейчас гость брал реванш за растраченные в далекой Сибири годы.

— Нет, ты понимаешь, Лева, — жаловался предприниматель, бодро хлопнувший несколько стопок подряд. — Ну невозможно вести бизнес. Пока груз довезешь, столько отстегиваешь на дорогах! И кого только нет — контрольно-диспетчерская служба, менты, братва на своих «девятках» как волки кружат. И никаких прав, понимаешь? Ни-ка-ких! На прошлой неделе коллегу моего из «Бонуса» прямо в офисе взорвали. Так можно бизнес вести? Брошу все, к чертовой матери брошу! А как жить? Семью кормить надо? Надо. Вот и рискуешь шкуркой, а ведь были славные времена, когда я на заводе работал. Тогда душа ни о чем не болела, одно хреново — платили мало...

Крикунов слушал его вполуха, ему собственные проблемы покоя не давали. Впрочем, к беспокойству, рожденному неожиданными угрозами, примешивалось невольное любопытство. Хотелось бы Льву знать, какой муравейник он неожиданно разворошил. Ведь и вопросов щекотливых не задавал, никаких подноготных не выпытывал, а тут как обухом по голове — угрозы посыпались, и нешуточные. Крикунов многое повидал, и угрожали ему не раз, поэтому он смело мог сказать, что ленивый мужик в сквере не шутил — здесь за излишнее любопытство и голову оторвать могли. И жаловаться некому. В органы не пойдешь, ведь ничего определенного, а там люди сидят занятые, они конкретику любят, а по поводу туманных угроз они и палец о палец не ударят. Да и неизвестно, кто же ему угрожает, может, представители этих самых органов угрозы и передают.

Выпитая водка настроения не улучшила, напротив — стало еще мерзостнее.

Вот говорили в свое время — цензура, цензура. А собственно, в чем суть-то была? В основном сами себе цензорами и были. Журналист писал с упреждением, знал, что его редактору не понравится, и этого не писал. Редактор, в свою очередь, был битым волком, он знал, что именно начальству не понравится, это и вымарывал безжалостной рукой. Поэтому разным там цензорам почти ничего и не оставалось — махнуть пару раз для приличия карандашом, чтобы значимость и необходимость свою подчеркнуть. И опасности никакой не было. Ну, могли от профессии отлучить на некоторое время, самых неисправимых на пару лет в лагерь отправить, чтобы поняли и осознали все сложности пути построения социализма в отдельно взятой стране. Но ведь голову никто не откручивал, кирпичами по затылку, как Юдину в Калмыкии, не били, никто никого не взрывал в родном кабинете, как Дмитрия Холодова. Цензура никуда не девалась, она стала агрессивной, идеологическая зависимость обернулась материальной, тот, кто этого не понимал, просто переставал получать деньги, а особо непонятливых вразумляли иным способом — ну хотя бы кирпичом по затылку в темном подъезде. «А ведь мы живем по одним правилам, — неожиданно понял Крикунов. — Только он в бизнесе, а я в журналистике. Свобода — понятие относительное, и за меня, и за него решают другие люди, стоящие на вершинах официальной и теневой власти». А то, что не решают они, решают такие же люди, только обладающие повышенной наглостью и взявшиеся решать, что именно надо народу.

К черту! В конце концов, он никому ничего не должен. И зарабатывает он в самый раз, чтобы оплатить эту поездку из собственного кармана. У каждого случаются творческие неудачи. Вот как раз такая неудача у Крикунова и случилась. А от неудач, как известно, никто в жизни не застрахован. Надо было только прикинуть, что он будет говорить редактору, когда вернется с пустыми руками, но времени для обдумывания у него было предостаточно.

— Гулять, Коля, так гулять, — сказал журналист, наполняя рюмки в очередной раз. — На Руси все определяет питье, как говорится, тот не знает правды жизни, кто ни разу не был пьян.

И они выпили еще, а потом еще, а под горячее у них вообще задушевный разговор начался, когда каждый собеседника великолепно понимает, но спроси наутро, о чем, собственно, разговор шел, никогда не вспомнит.

А когда они в двенадцатом часу вернулись в номер и включили свет, вещи их были беспорядочно разбросаны по комнате.

— Ё... — пробормотал Буряков и, встав на четвереньки, сунулся в полупустую сумку. — Ну, суки, ну, суки...

Он выпрямился, держа в руках полиэтиленовый пакет с деньгами, отрезвевшее лицо его излучало полное удовлетворение.

— Цело все, — сказал предприниматель. — Не нашли, что ли? Они у меня под вторым дном лежали.

Но Крикунов уже смутно подозревал, что лезли не за деньгами, хотя никаких иных ценностей в номере, пожалуй, не было. Сев на кровати, он неторопливо принялся собирать вещи в сумку. Все оказалось на месте, и, только закончив, Лев понял, что пропал блокнот, в котором он накануне в детском доме делал записи. Насколько он помнил, никаких особенных секретов в этих записях не было. Ну данные педагогов и воспитателей, короткие заметочки на память — словом, ничего такого, из-за чего следовало ночью, рискуя свободой, забираться в номер и воровать блокнот.

И тут его охватила пьяная злость. Захотелось вдруг доказать неизвестным противникам, что они ничего не выиграли, украв блокнот, и не запугали его через прибалтненного мужичка в сквере. Плевать он на них хотел! Завтра обязательно вновь появится в интернате. Нет, лезть он никуда не будет, а вот независимость свою этим идиотам обязательно продемонстрирует.

Случившееся вновь выбило его из установившегося было душевного равновесия. Саратовский предприниматель уже

давно спал, слабо похрапывая и постанывая во сне, а Лев все еще лежал, глядя, как по потолку бродят тени от фар проезжающих мимо гостиницы машин. Нет, память у него была хорошая, он быстро вспомнил все записи, которые сделал в детдоме, но ни одна не стоила того, чтобы лезть за блокнотом в номер гостиницы. Не прикоснулся журналист Бойцов даже косвенно к возможным детдомовским секретам.

С какой стороны ни посмотреть, ситуация выглядела на редкость идиотской.

Глава седьмая

Утром, когда журналист проснулся, соседа по номеру уже не было. И сумка его исчезла. Тут уж понимать все надо было как хочешь. То ли предприниматель сделал все свои дела и теперь катил по просторам родины на «КамАЗе», груженном товарами народного потребления, то ли гостиница, где ворье запросто лазит по номерам, ему пришлось не по душе и он решил поискать местечко поспокойнее. А может, задание свое выполнил, журналиста еще раз попутал. Лев и такую возможность не упускал, все ведь могло случиться. Правда, из ресторана сосед по номеру не отлучался и сам, похоже, нешуточно испугался, увидев погром в номере, полез сразу бабки свои проверять, но ведь каких артистов только не бывает! Верить никому было нельзя. Крикунов и не верил.

Ночная решимость не отступить от намеченного плана бесследно испарилась вместе с выпитой накануне водкой. Все это настроения прибавить никак не могло. Чем больше Лев размышлял над происходящим, тем нелепее казалось ему произошедшее с ним накануне. Словно кто-то играл с ним в детскую игру со страшной тайной, которую положено было соблюдать всеми силами, если потребуются — с угрозами и даже некоторым насилием. Он не сомневался, что, будь это все всерьез, с ним бы уже поговорили, ему бы доходчиво объяснили, что и почему, может быть, как это обычно бывает, прятником поманили, прежде чем лупить по хребту кнутом.

Поэтому в детдом он все-таки пошел. Боялся, конечно, в глубине души, покажите мне такого, кто после всего случившегося хладнокровен и спокоен был бы, как змея, что на солнышке греется. Но все было на редкость обыденно, никто на него грузовиком наехать не пытался, преподаватели и воспитатели были ровны в обращении и приветливы, сколько Крикунов ни приглядывался, ничего наигранного Лев в их поведении не заметил.

— Как спалось? — поинтересовался Геннадий Андреевич.

Крикунову показалось, что он едва заметно улыбается. И это неожиданно разозлило журналиста.

— Плохо, Геннадий Андреевич, — сказал он. — Плохо. Вчера пошли с соседом поужинать, так кто-то в наш номер забрался. Станный, однако, вор — денег не тронул, а блокнот с моими записями упер. Там ведь ничего важного не было, так, каракули одни. Но ведь дверь открыл, хотя ключ мы не сдавали. Какой уж тут сон.

Геннадий Андреевич слегка нахмурился.

— Глупости, — проворчал он. — У нас тут тайн нет, да и в ваших записях, я полагаю, ничего секретного не было, верно?

— А вчера в сквере ко мне один тип подошел, — неожиданно для самого себя сказал Лев. — Сказал, что его уважаемые люди послали. Мол, хватит по интернату лазить да вынюхивать, пора домой возвращаться. Очень настоятельно советовал разумную осторожность проявить.

— Глупости, — сказал Геннадий Андреевич. — У нас тут не секта, не секретное общество, обыкновенный детдом. Может, пошутил кто?

— Да не похоже это было на шутку, — возразил журналист. — Такое впечатление, что мой приезд кому-то очень не понравился.

Если Геннадий Андреевич и имел к произошедшим накануне событиям какое-то отношение, то внешне это ничем не проявилось. Здоровяк стоял перед Крикуновым, покачиваясь и скрестив руки на груди. Некоторое время они смотрели

друг другу в глаза. У Геннадия Андреевича был безмятежно спокойный взгляд. Журналист не выдержал первым и отвел глаза в сторону.

— Действительно, — сказал Геннадий Андреевич. — Такое впечатление, что над вами кто-то сыграл злую шутку. Детский дом здесь ни при чем. И все-таки я попробую разобраться. Вы долго у нас пробудете?

— Думаю, что нет, — сказал журналист. — Все, что вчера произошло, настроения писать не прибавляет. Проводите меня в учительскую, надо же записать фамилии педагогов. На память я их не запомнил, боюсь перевернуть в статье.

— Разумеется, — согласился Геннадий Андреевич. — А я пока пойду с учащимися поговорю.

Лев Крикунов еще беседовал с воспитателями и учителями на разные отвлеченные беседы и пил в учительской прекрасный цветочный чай, которым его угощала молоденькая учительница математики, когда в дверь заглянул Геннадий Андреевич. Вид у него был смущенный. Разговаривать в присутствии других педагогов он не захотел и потому поманил журналиста в коридор.

В коридоре Стрельцов без лишних слов протянул журналисту его потрепанный блокнот.

— Я так и знал, — сказал он. — Это Самохин. Чем-то вы ему не понравились. И блокнот он у вас утащил, и алкаша какого-то подговорил вас немного пострашать. Глупости, конечно, но вы, Лев Николаевич, понять должны, мальчишка ведь, сопляк еще, в заднице ветер гуляет. Без обид?

Да какие обиды! Лев почувствовал, что его вдруг нагло и бессовестно обокрали. Еще вчера он чувствовал себя разведчиком, который с определенным риском для жизни добывает секреты во вражеском стане. Это, друзья мои, прибавляло самоуважения. И вдруг оказалось, что все это затеял глупый мальчишка, просто так, от нечего делать, потому что, видите ли, ему журналист не понравился. Крикунов даже догадался, кто именно это все затеял. Тот самый мальчишка, который

на уроке книгу читал, это его учительница Самохиным называла. Но зачем, зачем?

Неловко пробормотав что-то, журналист взял блокнот и спрятал его в карман куртки. Вот так, воображаешь себе черт знает чего, а никакой мафии здесь и в помине нет, игра воображения, не более. Вместо чувства облегчения Крикунов испытывал разочарование. Казалось бы, радоваться надо, что тебя пугал какой-то сопляк, а не серьезные люди, которым ты перешел дорогу. Но радости не было.

В РОНО он заглянул более по инерции. Там его просьбе не удивились, выдали списки воспитанников детского дома, окончивших среднюю школу. У некоторых были даже направления в ПТУ и техникумы, еще четверо поступали в институт, среди них Крикунов нашел фамилию нынешней директрисы детдома, еще одна показалась ему знакомой в связи с недавними криминальными разборками в столице, когда на вещевом рынке в Измайлове палили прямо из автоматов, не обращая внимания на толпу.

Домой он возвращался без особого настроения. На этот раз уже раздражало все — и грязь в вагоне, и шлепающие картами работяги, и сопливые побирушки из таджикских беженцев. Пытаясь отвлечься, Крикунов достал из кармана куртки блокнот и углубился в собственные записи. Потом он вдруг сообразил, что некоторые записи отсутствуют. Проверил корешок блокнота. Точно, два листка было вырвано. Первый, впрочем, вырвал он сам еще на прошлой неделе, когда случайно встретился с сослуживцем по «Колоколу», но второй... Второй вырвал не он. А что там было записано? Скорее всего ничего важного, не помнил Лев, что он записывал в блокнот что-то весьма важное. И все-таки? Он долго морщил лоб, но ничего не вспомнил. Посмотрев блокнот на свет, Лев обнаружил, что запись, сделанная шариковой ручкой, не исчезла совсем. От нее остались вдавленные линии на следующем листе. Лева вспомнил, как они еще в школе наловчились восстанавливать такие вот записи, насмотревшись по телевизору какой-то забытый уже детектив. Некоторое время

он размышлял, не оставить ли все как есть до дома, но любопытство и вечный журналистский зуд нетерпения все-таки взяли верх. Он нашел в папке простой карандаш и взялся за работу. Надо было извлечь часть грифеля, измельчить его в порошок и этим порошком с помощью листочка бумаги натереть страницу. От грифеля страница потемнеет, а вдавленности, оставленные ручкой, останутся незакрашенными. Получится нечто вроде негатива, который будет прекрасно читаться.

Вскоре он уже читал, что днем ранее записал в своем блокноте. Особых ясностей восстановленные записи в происходящее не внесли. Торопливым корявым почерком, к которому сам Крикунов никак не мог привыкнуть, в блокноте было написано несколько слов. Запись, как сейчас Лев вспомнил, он сделал на том самом уроке истории. «Настоящая история? — белели кривые буквы на темном фоне. — КRYPTOистория! История научных взглядов? Преподают ли все это в других школах?» Чуть ниже еще более небрежно было добавлено: «Молодогвардейцы?»

Ну и что?

Глава восьмая

Лучший способ сохранить тайну — не привлекать к ней внимания.

Не случись с ним в Орехове загадочных происшествий, не стал бы Крикунов глубоко копать. Тем более что и главный редактор утратил всяческий интерес к теме, даже не поинтересовался, где его журналист был два дня. Ну съездил и съездил. Правда, Лев несколько реабилитировался, сделав хорошую компиляцию статей из других газет о московских притонах. Несколько штрихов, рожденных его фантазией, добавили заметке таинственности и кровавой мрачности.

Потом Лев отправился писать рекламную статью о люберецком гей-клубе, который содержали щедрые чеченцы в по-

мещении бывшего кинотеатра, и провинциальные события постепенно отошли на второй план. Отошли, но не забылись. В свободное время Крикунов наводил справки.

О «молодогвардейцах» никто ничего не слышал, разве что о тех, что были в войну в Краснодаре. Но это и понятно, если клуб этих самых молодогвардейцев существовал в детском доме, откуда было взяться широкой известности? Про такие дисциплины, как история научных взглядов, а тем более криптоистория, не знали даже в Министерстве просвещения. Получалось, что и это являлось самодеятельностью преподавателей из детского дома. Не было таких наук, не было!

А вот с бывшими воспитанницами детских домов получалась какая-то путаница. В Московской области и близлежащих областях никто из них прописанным не значился, это Лев сам проверил по адресным бюро. Покинули воспитанники детский дом и исчезли. Разумеется, на тех областях, по которым их Крикунов проверил, свет клином не сошелся, вполне могло этих бывших воспитанников занести, скажем, в погоне за длинным рублем на Крайний Север или Дальний Восток. Но все-таки настороженность Льва не покидала, было у него предчувствие, что бродит он где-то рядом с разгадкой. Если выпускники действительно исчезали, то прекрасно объяснялось все происшедшее с ним в Орехове. Кто-то испугался, что он набредет случайно на исчезновения, и этот вариант неизвестному или неизвестным очень не понравился.

Как у всякого журналиста, у Льва Крикунова было много знакомых. Оказались такие знакомые и в ОблОНО. Вернее, даже не знакомые, а знакомая. Были у них одно время попытки завязать отношения. Потом попытки ушли, а отношения остались. Не те, на которые в глубине души надеялся Крикунов, а чисто дружеские. Звали знакомую Еленой Михайловной. Наверное, у Льва была счастливая рука — все, с кем он безуспешно знакомился, быстро выходили замуж. Правда, не за него. Елена Михайловна исключением из этого правила не стала. Может, именно поэтому она относилась к несостоявшемуся мужу и любовнику со снисходительным

пониманием. Просьбу его, хоть и не сразу, Елена выполнила. Вскоре перед Крикуновым лежали списки бывших воспитанников детских домов с полными установочными данными. И тут выяснилась любопытная картина — никто из бывших воспитанников на территории Московской области не остался. Вот это уже было чистой фантастикой! Трудно было поверить, что государство дополнительно тратилось на сирот, подозревать государство в расточительности было просто глупо. Это все равно что наших олигархов обвинять в благотворительности. Днем Лев добросовестно трудился в газете, а вечером он не менее добросовестно заполнял адресные справки на воспитанников детских домов, положив на кухонный стол пачки конвертов и книгу административно-территориального деления России.

Приходящие ответы не баловали разнообразием. Из четырехсот человек он нашел только сто четырнадцать. Трое из них были инвалидами разных степеней, остальные — особами женского пола, изменившими фамилию по вступлении в брак сразу же после достижения совершеннолетия. Некоторые были прописаны в разных областях и краях страны, но впоследствии выписывались, и следы их терялись. Из приходящих ответов складывалась жутковатая картина. Получалось, что, достигнув совершеннолетия, очень многие воспитанники детских домов исчезали неизвестно куда. На территории России они прописанными не значились, но такого просто не могло быть! Крикунов, как всякий уважающий себя журналист, имел ноутбук, который в ободранной кухне смотрелся несколько странно. На ноутбуке Лев создал схему, при взгляде на которую у него по коже пробегали мурашки. В исчезновениях просматривались по массовости определенные волны, одна из них относилась к восьмьдесят пятому году прошлого века, еще одна четко обозначалась рамками начала девяностых годов и еще одна — последняя — четко датировалась двухтысячным годом.

Вот это уже походило на сенсацию!

Лежа на продавленном диване, Крикунов курил и, глядя в потолок, спрашивал себя, до чего это он докопался.

Жуткий вариант с тайной переправкой детдомовцев за границу с последующей пересадкой их органов нуждающимся богатеям Лева отбросил сразу. Нужды не было дожидаться до совершеннолетия. Вон Фратти в Царицыне взяла и переправила в Италию около шестисот детей по липовым документам на усыновление и удочерение. И наварилась хорошо, и осудить ее не могут, хотя взяли ее, что называется, с поличным. А детей пока ищут и многих еще найти не могут.

Трудно было поверить и в то, что воспитанников детских домов массово отправляют за границу для шпионской работы. Во-первых, такого количества шпионов в европейских странах просто не требовалось, а во-вторых, шпионов еще надо готовить, разведчик — это не профессия, к этому призвание надо иметь. И ведь для внедренки каждого надо обеспечить хорошей легендой, выделить немалые средства для обустройства за рубежом, а откуда деньги у нищего государства? Таких масштабов даже Сталин со своей державой позволить не мог. Нет, этот вариант можно было смело откинуть.

И что тогда оставалось? Оставался, пожалуй, единственный вариант. Где-то существует тайный объект, для обслуживания которого требуются люди. И воспитанники детских домов для этих целей подходят как нельзя лучше. Они сироты, и это хорошо, лишний раз родственники интересоваться не будут. Исчезновение такого человека из мира проходит безболезненно. Люди в наше время соседями не особенно интересуются, а тут вообще круглый сирота. Уехал и уехал. Кому какое дело до того, куда он уехал? И привязанностей у сироты в мире нет, тосковать особенно не станет, особенно если рядом с ним друзья по детскому дому. Но если дело обстояло именно так, то каких размеров должен был быть такой объект? Или их несколько? Помнится, ходили слухи о подземном городе под Москвой, в котором постоянно живет персонал. Говорят, там даже заводы есть. Самое место для детдомовцев...

Крикунов полежал немного, встал и подошел к окну. Некоторое время он разглядывал пустырь за окном, недостро-

енный дом напротив, потом вернулся на диван и снова лег, закинув руки за голову.

А если это не объект? Если люди задействованы в какой-нибудь секретной программе? Между прочим, тоже вариант. Мало ли у нас их было? И несомненно, что такие программы существуют и будут существовать. А охраняются они серьезно и основательно. Но если дело обстояло именно так, то и сомневаться не стоило, что Крикунов в их поле зрения со своими душевными движениями и бурной почтовой деятельностью уже попал. От этого Льву стало совсем не по себе. Прихлопнут, как муху.

Прошло еще несколько дней, поступили очередные ответы из других городов, и выяснилась еще одна интересная деталь. Даже две. Несколько человек оказались прописанными в Московской и Новгородской областях, они значились прибывшими из Новосибирска, но оттуда у журналиста справки уже пришли, и по ним выходило, что эти люди в Новосибирске никогда не проживали. Просто возникли они неизвестно откуда. И все эти люди значились работниками ООО «МСП». Что это за ООО, еще только предстояло узнать, и тот факт, что контора эта значилась гражданской, Льва никак не успокаивал. Секретные объекты всегда залегендированы, поэтому трудно даже представить, на что ты наткнешься в результате своего журналистского расследования. И еще — дамочки детдомовские, что замуж повыходили, они ведь в основном со своими детдомовскими браком сочетались, а следовательно, были в курсе, где находятся их мужья. Впрочем, след этот оказался довольно скользким. После регистрации брака девушки чаще всего меняли паспорта на фамилию мужа, после чего выписывались, и далее их след также терялся.

Крикунов долго прикидывал, не рассказать ли ему всю эту историю главному редактору, несколько раз он порывался это сделать, но что-то удерживало его, а потом события помчались вскачь, они стали совершенно неуправляемыми, и от Льва уже ничего не зависело.

— Лева, — доверительно сказала главный бухгалтер газеты. Была она женщиной неопределенного возраста и при этом

удивительно честной. Потому ничего и не боялась. Бухгалтерской работой она занималась еще с начала пятидесятых годов. — Куда вы вляпались, Левушка?

Крикунов отвел глаза в сторону.

— А куда я мог вляпаться? — философски сказал он. — В растлении малолетних не замечен, не ворую, банки не граблю, живу на свои, на кровные, что платят... Вы о чем, Элеонора Моисеевна?

— Не знаю, как у вас обстоят дела с малолетними, — поджала губы главный бухгалтер, — но вами уже интересовались компетентные люди из серьезной конторы. Даже ваше личное дело смотрели, вы представляете?

Крикунов представлял. То, что кто-то изучал его личное дело, Льва абсолютно не интересовало. С таким же успехом эти компетентные люди из серьезной конторы могли бы читать «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого. Ну скажите на милость, что можно почерпнуть из личного дела? То, что научных степеней он не имеет? Или тот факт, что журналист Крикунов состоит в Союзе журналистов России? Это только в глазах Элеоноры Моисеевны факт изучения его личного дела неизвестным, но компетентным лицом являлся значительным и тревожным фактом. Самого Крикунова больше тревожило именно то, что объявилось *компетентное лицо*, которому зачем-то понадобилось его личное дело. Это означало, что он попал в чье-то поле зрения, что его переписка с адресными бюро страны не осталась незамеченной, а это, в свою очередь, могло означать лишь то, что журналист Бойцов оказался на верном пути и сунул свой нос туда, куда его совать категорически не рекомендовалось. При мысли об этом Лев Крикунов спиной ощутил неприятный холодок, словно его голого в сыром подвале прислонили к холодной батарее парового отопления.

Знаменитая поговорка о любопытной Варваре, которой нос оторвали, могла оказаться пророческой.

— Элеонора Моисеевна, — спросил Лев. — А... откуда он был?

— А то вы не знаете? — гордо сказала женщина, выпрямляя спину. — Я вам говорила, не пишите вы про эти гей-клубы, сами знаете, какие влиятельные лица их сейчас посещают. Господи, все в мире переменялось, Лаврентий Павлович хоть настоящим мужчиной был, он любовниц имел, любовниц, Левушка, а не любовников!

Крикунов пошел в туалет, постоял, нервно выкурив две сигареты подряд, но решения не принял. Больше всего ему хотелось пойти домой и выбросить злополучную папку с адресными справками в мусоропровод. Однако он с тоской осознал, что это не поможет. Прикосновение к тайне предполагает знание, если уж ты что-то узнал, то бесполезно выбрасывать бумаги, знание остается в голове, и от него никуда не денешься. Глупо было полагать, что представители этих чертовых компетентных органов таких вещей не понимали.

Глава девятая

Видели вы, как ведет себя лягушка, на которую охотится уж?

Попискивает, зараза, протестует, а все равно к нему в пасть прыгает. Нечто подобное происходило и с Крикуновым. Все он понимал, последствия своего поведения прикидывал, а все равно удержаться не мог. Другой бы давно выбросил пухлую папку с собранными документами в мусоропровод, а еще лучше — сжег бы ее к чертовой матери, чтобы в соблазн не вводила, а Крикунов ее хранил, мало того, он еще и пытался найти обозначенных в справке людей. Журналист походил на школьника, ворующего из банки варенье. Знал ведь, что накажут, а удержаться не мог.

Николая Ивановича Девятчикова, который, по данным адресного бюро, значился прописанным в Сходне, дома не было, вместо него на звонки Льва сухо и официально отзывался автоответчик.

Инна Владимировна Гомес отказалась от встречи наотрез, едва лишь услышала, что разговаривает с журналистом.

Больше Крикунов ей дозвониться не смог, трубку на другом конце провода никто не поднимал.

До Антонина Войтеховича Зелинского он все-таки дозвонился. Но, узнав о цели предстоящей встречи, тот коротко выругался и бросил трубку. Разумеется, за всю его журналистскую жизнь Крикунова в это место посылали, и не раз, но, положив трубку, он снова почувствовал азартное беспокойство — вот сейчас этот самый Зелинский позвонит куда надо, и оттуда явятся разобраться с настырным журналистом. А может, и появляться никто не будет — раздастся телефонный звонок и сухой официальный голос пригласит его для беседы в орган, из которого ты можешь и не вернуться. Времена, конечно, пошли не те, но перед органами Лев Крикунов испытывал страх, живущий в каждом интеллигенте и передающийся от одного человека к другому на подсознательном уровне.

Обошлось.

ООО «МСП» оказалось зарегистрированным в далекой и неизвестной Льву Царицынской области, что располагалась на реке Волга. В справочниках об этом предприятии ничего не было, да и источники информации в различного рода ведомствах об этой организации ничего не знали и не слышали, а ехать в этот чертов Царицын было накладно, да и время не позволяло.

Между тем дела в газете пошли значительно хуже. Куда-то исчез спонсор, щедро финансировавший «страшилку», перестали поступать деньги за рекламу. Главный редактор начинал свои совещания с единственного вопроса — где взять деньги на издание следующего номера. Все стыдливо молчали, глядя в пол, хотя все присутствующие понимали, что раз падется газета и каждый из них окажется на улице. Вслух этого, разумеется, никто не говорил даже в курилке, говорить об этом было просто неприлично, но постепенно в коллективе газеты стали преобладать чемоданные настроения.

Наконец ушел редактор отдела новостей. Ушел он не бог весть куда — в затюканные «Про и контра» на малооплачиваемую должность, но это послужило сигналом для остальных.

Крысы побежали с корабля, еще находящегося на плаву, но уже обреченного.

Тут уже стало не до журналистских расследований.

Нет, Лев Крикунов мог бы вообще бросить работу. К тому времени у него сложились неплохие связи со многими редакциями, которые охотно принимали для опубликования его материалы. Но он привык каждый день появляться на работе, оказываться в гуще дневных событий и новостей, ему было сложно изменить ритм своей жизни, складывавшийся в течение последнего десятилетия.

Происходящее в ряд случайностей никак не вписывалось. В глубине души Лев Крикунов считал, что все это является следствием его прикосновения к тайне. Докопался, вот и началось давление. Он даже не задумывался над вопросами. На кой хрен неизвестной силе мстить именно газете, а не ему лично. Наверное, это было самомнением. Каждому человеку свойственно переоценивать себя. Крикунов исключением не был.

Редактор в разговоры с ним не вступал, все шло уже устоявшимся порядком, и никаких особых изменений в отношениях редактора к нему, Крикунову, Лев не замечал.

У каждого человека есть полоса невезения. Попал в такую полосу и Крикунов. Похоже, что все и в самом деле началось в Орехове с дохлой мухи, которая притворилась кусочком картофеля фри. Квартиру журналиста обворовали. Неизвестно, на что рассчитывали грабители, какую поживу предполагали найти в обшарпанной однокомнатке, но факт остается фактом — дверь в квартиру выломали, а все скудное имущество Крикунова безжалостно перевернули. Разумеется, Лев тут же сопоставил кражу с проводимым им расследованием. Немного смущало, что папку с документами воры не взяли, а просто разбросали бумаги по комнате и кухне, но Лев твердо полагал, что это еще одно предупреждение. В милицию он, разумеется, не заявлял. Последнее время таких знаменитостей обворовывали, такие ценности у них уносили, что, заявись Лев со своими претензиями в ближайшее отделение, его бы просто на смех выставили. Да и побаивался он милиции.

Весь выходной он наводил в квартире порядок и собирал разбросанные документы в папку, потом пошел в магазин, взял несколько бутылок пива и, завалившись на продавленный диван, принялся под пиво перебирать справки. В глубине души все-таки жили сомнения. Мелко это было для работников спецслужб, слишком мелко. В прежние времена его давно уже вызвали бы на профилактическую беседу в КГБ, намылили бы холку за что-нибудь, взяли бы подписку, а то и просто бы повязали сотрудничеством, как это случилось со многими коллегами по перу. Не секрет ведь, что в конце прошлого века многие стучали, причем стучали с удовольствием, с усердием друг на друга доносы писали. Потом, когда памятник Дзержинскому с Лубянки убирали, сколько скандалов было, сколько взаимных обвинений высыпали друг на друга те, кто себя не без гордости тайными полковниками и генералами называл. Крикунов и сам таких знал не один десяток. По возможности он их, конечно, сторонился, только вот возможности такие не всегда случались, чаще приходилось рукопожатиями обмениваться и коньячок в доверительной беседе попивать.

Крикунов терзался сомнениями, и именно в это время ему элементарно, можно сказать — житейски, набили морду. Случилось это вечером, после девяти, когда он возвращался домой. Сколько их было, Крикунов не видел, но случилось все обидно незатейливо. Подстерегли его в темном подъезде, ударили по голове, а очнулся Лев уже часа через три. Голова болела, карманы оказались вывернутыми. Правда, и тут бог миловал, как раз накануне зарплату выдавали, но Крикунов предусмотрительно оставил ее в сейфе на работе, разумно полагая, что подальше положишь, поближе, как говорится, возьмешь.

И все-таки сомнения оставались.

Все складывалось, и невозможно было сказать, что явилось причиной событий, может, и не было ничего, просто пошла полоса невезения, которая не имела никакого отношения к его расследованию, да и все, что связано было с ним, не имело под собой почвы. Хотелось думать именно так.

Воскресенье Лев отлеживался дома, ставил примочки и компрессы на затылок, а вечером посмотрелся в тусклое почерневшее по краям зеркало в ванной комнате и с досадой констатировал, что чудес на свете не бывает и на работу ему придется явиться с темными кругами под глазами и терпеть шуточки коллег и невинные вопросы, которыми они его будут доносить со скуки.

Но утро началось не так, как он думал. Нет, на планерке на отеки и синяки внимание обратили все, только вот обошлось без подначек. И совсем не потому, что товарищи по работе проявили снисходительность.

После окончания планерки шеф, глядя в бумаги, буркнул:
— Все свободны. А ты, Лева, задержись.

Крикунов ждал неприятных вопросов, но главный редактор на синяки под глазами не обратил ни малейшего внимания, помолчал, потом, по-прежнему не поднимая глаз, спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Нормально, — сказал Лев.

— Вот и хорошо. — Шеф побарабанил пальцами по столу. — Езжай в аэропорт, возьми на завтра билеты. И отлежись немного, а то на живой труп смахиваешь.

— А куда полетим-то? — поинтересовался Лев. — На какой рейс билеты брать?

— Билеты уже заказаны. — Главный редактор медленно протер очки и водрузил их на нос. Некоторое время он задумчиво смотрел на журналиста, потом ухмыльнулся. — Спросишь в центральной кассе. Заказ на мое имя. А полетим мы с тобой в Царицын. Годится?

— Мне все равно, — пробормотал Лев. — А что мы там делать будем, в Царицыне этом?

Главный редактор снова усмехнулся. Нехорошая у него была улыбочка, слава богу, Лев редактора не один день знал, а потому в его гримасах разбирался уже хорошо.

— Что делать? — сказал главный редактор. — Деньги будем искать.

— Я-то вам зачем? — растерянно сказал Лев. — Я в этом Царицыне никого не знаю.

Шеф снова уткнулся в бумаги.

— Значит, познакомишься, — пробормотал он. — Катись, Лева, не отнимай время. Зайди в бухгалтерию, деньги в под- отчет тебе уже выписали.

Глава десятая

Поезд — идеальное средство для путешествий. Особенно если он не торопится и хочет увидеть как можно больше. Можно полежать на полке, лениво разгадывая кроссворд, можно поговорить с попутчиками за жизнь или просто по- глазеть в окно. Можно пройти в вагон-ресторан. Кормят там, конечно, скверно, но долгая дорога способствует аппети- титу, и тогда даже железнодорожный салат кажется тебе ку- линарным изыском, а куриная нога в сухарях — деликатесом, особенно если используется она в качестве закуски.

Но для того, кто торопится, существует самолет. Очень удобный вид транспорта. Однако Крикунов летать не любил. Он вообще настороженно относился к полетам. Нет, не то чтобы он боялся летать, хотя и в этом была толика истины. Последнее время газеты пестрели заметками об авариях — то «тушка» где-нибудь о землю грянется, то вертолет за провода высоковольтной линии зацепится, то рядовой «кукурузник», опыляя поля химикатами, увлечется земледелием до того, что начнет поле вспахивать. Да что технологические аварии! Бомбы в самолеты подкладывать стали!

Главный редактор ничего не боялся.

Даже тот факт, что вылет задержали почти на час, его абсолютно не смутил.

В самолете шеф расположился с максимально возможны- ми удобствами. Даже свежую «Комсомолку» приготовил, как раз на час сорок пять полета. Некоторое время Лев предпри- нимал осторожные маневры, пытаясь выяснить, к кому они летят и какая фирма не пожалеет денежек на «желтую» газе- ту. Шеф отвечал односложно и уклончиво. Ничего не добив-

шись, Крикунов достал из кармана очередную книжку модного в последнее время Акунина и попытался читать.

— Бумажки свои выбросил или дома оставил? — неожиданно спросил шеф.

Крикунов ошеломленно посмотрел на него. Впервые за все время редактор показал, что ему что-то известно! Пауза затянулась. Крикунов лихорадочно соображал, что ему ответить. Врать было неудобно, говорить правду — чревато неприятностями.

— С собой взял, Александр Иванович, — наконец отозвался он. — Думал, будет время — покопаюсь немного.

— Покопаюсь... — проворчал шеф. — А тебе не кажется, что опасное это дело — лезть в чужие игры? За излишнее любопытство нос оторвать могут, а?

— Да ведь профессия наша, — неловко пробормотал Крикунов. — Она же вроде обязывает, Александр Иванович. Как в песенке поется, жив ты или помер, а материал должен быть на первой полосе.

— Профессия... — Шеф снова уткнулся в газету, всем своим видом показывая, что разговор продолжать не намерен.

Так-так-так! Такие, значит, дела. Крикунов своими журналистскими изысканиями в редакции ни с кем не делился, по всему выходило, что главный редактор знал о них со стороны. Но откуда? В ореховском детдоме Лев сам еще ничего не знал, даже трудно было предположить, что он влезет в эти непонятные дела. Детдом отпадал. Все началось со справок адресного бюро. Выходит, ему настучали представители компетентных органов, которые изучали его личное дело. А если сам главный редактор с ними связан? Нет, это отпадает, будь он с ними заодно, не послал бы он журналиста в детдом, жил бы по принципу «береженого Бог бережет». Он искоса посмотрел на главного редактора. Тот достал авторучку и принялся неторопливо разгадывать кроссворд на последней странице.

Все происходящее выглядело какой-то любительской постановкой. Причем любитель поставил пьесу, написанную гра-

фоманом. Не было в происходящем серьезной интриги, все напоминало детскую игру в военную тайну. Ну допустим. Допустим, он и в самом деле прикоснулся к чему-то запретному. Что бы сделали те, кто эту тайну охраняет? Одно из двух — или постарались бы, чтобы журналист Бойцов исчез, или попытались бы перевербовать его на свою сторону. Вместо этого идут какие-то совершенно дикие накаты, непонятная возня с мордобоем, где даже не объясняют, за что морду бьют, залезают в квартиру, в которой брать нечего, а то, что подлежит безусловному изъятию, демонстративно разбрасывают по всей квартире. Глупость!

— Возможно, тебе сделают предложение, — неожиданно сказал главный редактор. — Фантастическое предложение. Так вот, от таких предложений не отказываются, понимаешь?

Некоторое время Крикунов ошеломленно смотрел на него. Главный редактор покусал кончик ручки.

— Приспособление для метания стрел, — сказал он. — Вторая буква «Р», заканчивается на «Т», семь букв. Не знаешь?

— Арбалет, — машинально сказал Лев.

Игра такая есть, «холодно-горячо» называется. Человека отправляют искать заранее спрятанный предмет. Когда он подходит близко к предмету, окружающие говорят ему «горячо», а если он начинает удаляться — ему говорят «холодно». Сейчас явно становилось все горячее. И запутаннее. По крайней мере Лев ничего не понимал.

Царицын встретил их порывами пыльного горячего ветра.

Стеклянное здание аэропорта было почти безлюдным, даже голос диктора, объявляющий прибытие рейса, сопровождало эхо. У входа в здание аэропорта два милиционера проверяли документы у кучки людей с характерной внешностью, по которой их можно было отнести к лицам кавказской национальности. «Тут же Чечня недалеко, — сообразил Крикунов, поспешая за главным редактором. — Впрочем, после захвата заложников на Дубровке и в Мытищах их сейчас, наверное, везде проверяют».

— На такси, Александр Иванович? — спросил Крикунов.

— Где-то здесь нас машина должна ждать, — не оборачиваясь, сказал главный редактор. — Сказали, напротив входа в аэропорт — синенькое кафе, а слева от него будут стоять зеленые «жигули»... А, вот они! И Паша за рулем, надо же!

В машине играла негромкая музыка. Водитель дремал, откинув сиденье. Увидев подходящих к машине людей, он вылез и пожал обоим руки.

— На час позже прилетели, — без особой укоризны сказал он. — Ну что, Александр Иванович, в гостиницу?

— Потом, — сказал главный редактор. — Сначала к Бояславцеву.

Досадливо поморщился.

— И чего его сюда потянуло? Сидел бы в Москве, проблемы бы быстрее решались.

— Так тянет же, — сказал шофер. — Да и тут последнее время проблем немерено.

Помолчал немного и пожаловался:

— Надоело баранку крутить, прошусь у него, а он не отпускает.

— Потом, Паша, потом, — сказал главный редактор, досадливо бросив взгляд на Крикунова. Видно было, что раздражает его любопытство, но присутствие журналиста сдерживает.

— В районе вертолет потеряли, — сообщил шофер. — Трое без вести пропавших. Ищут, конечно, но сам знаешь, это все равно что иголку в стоге сена искать!

— Плохо, — нахмурился главный редактор. — Я их знаю?

— Симонова и Диму Дронова вы должны помнить, — сказал водитель, расчетливо тормозя, чтобы подойти к светофору на зеленый свет. — А Новикова, наверное, нет. Он у нас недавно.

— Люди делом занимаются, — мрачно сказал главный редактор. — А я сейчас стал главным распространителем российских сплетен. Жалко ребят. Если в ближайшее время не найдут, надежда, что выберутся, очень слабая. *Лаун!*

— Сергей Сергеевич в свое время несколько лет продержался, — возразил водитель. — И ничего.

Интересный у них был разговор, только непонятный. Крикунов обиженно уставился в окно. Машина уже проскочила через железнодорожный переезд, и справа потянулась сосновая лесополоса, а слева вытянулись заводские корпуса. Движение здесь было интенсивнее, но водитель вел машину уверенно, нахально лавировал среди автомобилей, перебрасываясь с главным редактором загадочными репликами. Здесь главный редактор чувствовал себя как дома. А, впрочем, где он чувствовал себя иначе? Крикунову доводилось пару раз сопровождать его в Белый дом и в администрацию концерна «Мост». И там он тоже чувствовал себя уверенно, несмотря на больших людей, с которыми они ходили разговаривать. И надо сказать, эти большие люди с Александром Ивановичем разговаривали на равных. Да что они, с ним автор «Господина Гексогена» Проханов за руку здоровался, минут пять руку тряс, уважение свое демонстрировал!

В Царицыне Крикунов был впервые, он все головой вертел, чтобы увидеть монумент на кургане, но так и не увидел, не выдержал и спросил о нем у водителя.

— Так мы же с другой стороны в город въезжали, — без удивления принялся объяснять водитель. — Его от нас сотки закрывают. Ничего, сделаете свои дела, я вас туда свожу. Меня Бояславцев в распоряжение Александра Ивановича отрядил. А жить будете в нашем гостиничном комплексе. Он хоть и небольшой, но уютный. К тому же в центре города, рядом с Волгой.

Как ни странно, приветливость и словоохотливость водителя добавили Крикунову уверенности. Он покосился на главного редактора. Ну Александр Иванович, ну Штирлиц! За все время даже намек не дал, бровью не повел, а на деле ведь все знал. Сам Крикунов такой сдержанностью никогда не обладал. И дела у него в Царицыне какие-то. И знают его здесь. «Но зачем он меня сюда приволок? — подумал Крикунов. — Мне-то что здесь делать?»

И вдруг он сообразил, что именно здесь будет решаться его судьба. «Как в самолете сказал главный редактор? Вам

будет сделано фантастическое предложение? Нет, — поправил себя Крикунов. — Он сказал, что *возможно* мне будет сделано фантастическое предложение. Но это совсем не факт, что оно будет обязательно сделано. А если предложение сделано не будет? Что со мной тогда сделают? Вплыв по Волге до Каспийского моря отправят?» В машине было душно, а его вдруг прошиб озноб. Как это обычно бывает в безвыходной ситуации, несколько минут спустя он уже немного успокоился и не без гордости подумал, что был прав в своих предположениях. Скорее всего где-то здесь был объект, куда отправляли детдомовцев. Как Александр Иванович водителю сказал? Лаун? Знать бы еще, что это такое! И пропавший вертолет. Это в каком районе он ухитрился пропасть, если его спасатели найти не могут? Крикунов в Царицыне был впервые, но он твердо знал, что в его окрестностях неизведанных территорий, на которых мог бесследно пропасть вертолет, просто не было. А из этого вытекало... Чертовщина из всего этого вытекала.

Между тем машина, покрутившись по улицам, остановилась у трехэтажного здания, облицованного коричневой плиткой.

— Пошли, — сказал главный редактор, открывая дверцу.

Ступеньки были длинными и широкими, поднявшись по ним, Крикунов с замиранием сердца увидел табличку, которую обычно вывешивают у входа в учреждение. «ООО «МСП» — гласила табличка.

Глава одиннадцатая

В детективах, которые время от времени почитывал Крикунов, все было загадочно и увлекательно страшно. Какой-нибудь искатель приключений становится носителем ужасной тайны, и за ним начинают охотиться — пытаются похитить, расстрелять в подъезде или взорвать в автомобиле, на худой конец — отравить супчиком или хорошим коньяком. А

герой самостоятельно или с чьей-нибудь помощью пытается выпутаться из истории, в которую втравила его любознательность. Если рассматривать происходящее именно с этой стороны, происходил какой-то фарс.

К чему-то он, конечно, прикоснулся, приоткрыл полог неведомой тайны, только вот суровой кары не последовало. Мелкие происшествия не в счет, да и то, что они явились следствием его нечаянного открытия, он уже крепко сомневался. Так, знаете ли, тайны не охраняют! Вместо того чтобы надежно изолировать любопытную Варвару, ее вполне благосклонно приглашают именно в то место, которое ее особенно интересует. И еще обещают сделать какое-то фантастическое предложение. Было над чем подумать.

Главный редактор привел его в небольшую уютно обставленную комнату, сунул ему несколько иллюстрированных журналов, сказал:

— Жди меня здесь. Я скоро.

И опять в душе Льва закопошился нехороший червячок сомнения. Он с тоской посмотрел в сутулую спину удаляющегося шефа. Черт его знает, может, приказано ему так сделать. Уйдет он сейчас, тогда-то оно все и завертится!

Но шеф ушел, а руки ему никто крутить не собирался, более того, юная длинноногая девица в подчеркивающей их стройность мини-юбке принесла чашечку великолепного кофе. Даже по запаху, мгновенно распространившемуся по комнате, было видно, что весь этот рыночный и магазинный ширпотреб с этим кофе даже на одной полке не стоял.

Немного успокоившись, Лев принялся без особого интереса просматривать журналы, прихлебывая кофе. Журналы были местными, но качеством могли поспорить с лучшими московскими. Глянцевая бумага, прекрасные фотографии, отличный дизайн — похоже, что цивилизация добралась и до провинции. Сделаны журналы были вполне профессионально, да и тексты писались знающими умными людьми.

Крикунов вздохнул, расстегнул пиджак, чуточку распустил галстук и уже свободнее устроился в кресле, принимаясь

читать статью о местном бизнесмене, который начал свою предвыборную борьбу за место губернатора области. Бизнесмен на фотографии в центре статьи выглядел молодо. Короткая стрижка и бычья шея спортсмена в сочетании с упрямым взглядом человека, который привык добиваться своего, делали бизнесмена похожим на члена какой-нибудь люберецкой группировки, поэтому очки в тонкой оправе, надетые им скорее всего для интеллигентности, казались неуместными. Тут уж имиджмейкеры, или как называл их сам Крикунов, мордоделы, немного перегнули с лепкой образа.

Говорил герой статьи под стать внешности — короткими рублеными фразами.

Впрочем, сказанное им было густо замешено на риторике, поэтому особенного впечатления не производило. Каждый избиратель знает, что начальнички в подавляющем своем большинстве сволочи и жулики. Повторяя это, ты особых открытий не делаешь, а вот негативность подобных высказываний очевидна — если наверху все жулики, то чего же ты сам рвешься наверх?

Лев покачал головой и, обреченно раскрыв последнюю страницу, принялся читать анекдоты. В большинстве своем они были, конечно, с изрядной бородой, но изредка попадались и очень оригинальные.

Несколько раз по коридору шумно протопали люди. Окно в кабинете было приоткрыто, и из соседнего дома доносилась песня группы «Любэ».

Комбат, комбат, батяня комбат,
Не прятался ты за спины ребят! —

душевно утверждал Николай Расторгуев. Крикунов посмотрел на часы. Его редактора не было уже двадцать пять минут. «Интересно, а как наш Александр Иванович? — внезапно подумал Лев. — Не спрячется за мою спину? Или поддержит своего подчиненного в щекотливой ситуации?»

В комнате появилась все та же девица. Ноги у нее были великолепные, и, нарушая правила приличия, Крикунов то и дело косился на них.

— Еще кофе? — спросила она, ставя на поднос пустую чашку.

— Пожалуй, — согласился журналист. — Вас как зовут?

— Зоя, — охотно призналась девица.

— Что-то мой шеф задерживается. — Лев посмотрел на дверь. — Не знаете, он скоро будет?

— А он у Бояславцева, — сказала девушка. — А Станислав Аркадьевич пока все вопросы не прорешает, никого не отпускает. Но вы не волнуйтесь, там у вас под столом кнопочка, если я понадобится, нажмите. Хорошо?

— А чем вы тут занимаетесь? — поинтересовался Крикунов.

— Я или наше предприятие? — улыбнулась Зоя. Улыбка у нее была миленькая, придававшая девушке этакую пикантность. — Я здесь в отделе комплектации. А вообще наше предприятие многопрофильное — от продуктов питания до развлекательной индустрии. У нас даже своя фармацевтическая фабрика есть!

Она была полна неподдельной гордости за фирму, в которой работала.

Крикунов залюбовался ее круглым личиком, похорошевшим от неожиданного румянца, и неожиданно для себя спросил:

— А ваши родители... Они тоже в «МСП» работают?

И все. Улыбка погасла, девушка смотрела на Льва настороженно и неприязненно.

— Простите, — сказала она. — Мне надо работать. Кофе я вам сейчас принесу.

Пока она ходила за кофе, Крикунов клял себя за неосторожный вопрос. А собственно, чего он особенного спросил? Само собой подразумевалось, что молодая девчонка идет на работу туда, где уже кто-то трудится из ее родственников. Без протекции в наши времена только торговать «Гербалайфом» приглашают. Или товары на улице продавать, только раньше таких работников коробейниками называли, а сейчас гордо именуют торговыми агентами. Но суть-то от этого не меняется! И все-таки он чувствовал себя неловко.

Девушка принесла ему кофе и вышла.

Немного погодя в комнату заглянул рослый парень в камуфляже и запыленных ботинках на высокой шнуровке. Судя по экипировке, это был охранник. Сердце Крикунова неприятно дернулось, он ощутил, что ладони стали влажными.

— Таманцева не видели? — спросил охранник.

Крикунов неопределенно пожал плечами.

— Я здесь не работаю, — сказал он. — Сам сижу и жду.

— Извините, — сказал парень в камуфляже и прикрыл дверь.

Крикунов облегченно вздохнул и снова посмотрел на часы. Однако! Шеф отсутствовал уже около часа. Ожидание затягивалось, и Льва это утомляло. С большим удовольствием он сейчас бы отправился в гостиницу, переоделся, принял душ и отправился прогуляться по городу. Плевать он хотел на все эти загадки, на непонятные намеки начальства, на таинственный вертолет, исчезнувший бог знает где и принадлежавший многопрофильной фирме, которая занималась абсолютно всем, включая развлекательную индустрию, как бы она ни выглядела. Больше всего ему сейчас хотелось отдохнуть.

Он встал, подошел к окну и посмотрел на улицу. В открытую половинку вид улицы был самым обычным, но если смотреть через стекло, все странным образом уменьшалось. Автомобили и люди у подъезда выглядели почти игрушечными. Кому пришло в голову вставить в раму уменьшительное стекло? Честно говоря, выглядело это забавно.

Он прислушался.

Где-то неподалеку звонили церковные колокола.

Он обернулся, спиной ощутив, что дверь открывается.

Главный редактор выглядел не слишком довольным, но Лев счел необходимым показать свою обиду.

— Александр Иванович, — недовольно протянул он.

— Потом, потом, — нетерпеливо сказал начальник. — Пошли, времени нет.

Коридоры были отделаны янтарного цвета пластиком, потолок был навесной с галогенками, отчего можно было сразу

определить, что фирма процветала. Но особо осмотреться Лев не успел, редактор потащил его по этому коридору с молчаливой напористостью муравья, тянущего в муравейник дохлую муху.

Они вошли в прохладный кабинет. В кабинете было сумрачно, напротив входа стояли буквой «Т» столы с придвинутыми к ним стульями, а за столом сидел плотный бритоголовый человек лет шестидесяти пяти. Такими изображали обычно в старых фильмах директоров крупных заводов и средней руки партийных функционеров.

Редактор сел за стол и показал рукой Крикунову, чтобы тот садился.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Крикунов и сел.

Глава двенадцатая

Если бы люди точно знали, что их ожидает в ближайшем будущем, жить стало бы совсем неинтересно. Зачем, скажем, готовиться и торопиться на свидание, если ты будешь точно знать, что она не придет? Стал бы крестьянин вспахивать поле, если бы точно знал, что до следующего урожая он не доживет? И еще неизвестно, пустился бы в свое авантюрное путешествие до Лондона неугомонный д'Артаньян, если бы знал, что его в порту Кале ранит граф де Вард? Хотя нет, этот бы все равно отправился в роковое путешествие. Слово, данное даме, галатность и дворянская честь, гасконская уверенность, что все обойдется, — все смешалось бы воедино, заставив его пуститься вскачь навстречу смертельному уколу шпаги. И все же, все же...

Лев Крикунов мушкетером не был, вся бесшабашность и надежда на авось выветрились с годами, но развернувшиеся события были ему неподвластны, а открывающиеся перспективы зачаровывали так, что не было времени обдумать происходящее.

— Знакомьтесь, товарищ Бояславцев, — сказал главный редактор. — Крикунов. Лев Николаевич. Любопытная Варвара, которая сует нос куда попало.

— Вижу, — без улыбки сказал бритоголовый. — Недосмотрел ты, Саша, ох недосмотрел!

— Я же объяснял! — вспыхнул редактор. — От меня это совсем не зависело.

— Ну да, не зависело! — возразил Бояславцев. — А кто его в детский дом отправлял? Я?

— Так ведь я что думал? — сказал главный редактор. — Думал, поедет, статью напишет проблемную. Сам знаешь, как сейчас детским домам туго приходится. Кто же знал?

— Надо было знать. — Бояславцев встал, неторопливо прошелся по кабинету. — Не первый день в разведке работаешь!

Крикунов после этих слов чуть со стула не упал. Сурков? В разведке?

— Холост, детей нет. — Бояславцев вернулся за стол. — Отца не помнишь, мать в прошлом году умерла. Из родственников только тетка, и та живет в Абхазии. Все верно?

Крикунов только кивнул. Страх и неловкость, что он ощутил в первые минуты, уже прошли. Лев начал испытывать легкое раздражение, которое медленно росло.

— Хороший журналист, — сказал Бояславцев. — Так Сурков тебя отрекомендовал, а я ему верю. Любознатель, желаешь прославиться на журналистском поприще, но пока тебе это плохо удастся. Бумаги где?

— В папке, — сказал Крикунов. — А она в машине осталась. Могу принести.

— Не надо, — с некоторым раздражением повторил Бояславцев. — Без тебя принесут.

Он нажал на кнопку селектора:

— Хромкин? Пусть кто-нибудь принесет мне из машины Леута папку, которую там журналист оставил.

Похоже, распоряжения товарища Бояславцева здесь выполняли без промедления. Вскоре в кабинет скользнул невысокий худощавый человек в униформе, немного напоминающей американскую военную форму. Не разглядывая присутствующих, он положил перед Крикуновым его папку и незаметно покинул кабинет. Словно в воздухе растворился.

Лев достал из папки материалы и пододвинул их Бояславцеву. Хозяин кабинета, подперев бритую голову одной рукой, неторопливо и внимательно изучил их и поднял голову.

— Впечатляет, — сказал он главному редактору. — А все-го-то глупая выходка воспитанника и архив РОНО. А в результате богатейший материал для аналитиков. Вовремя вы там спохватились. О мерах по организации прикрытия можете мне не докладывать, уже доложили.

Повернулся к Крикунову и поинтересовался:

— А какой вывод из всех этих данных сделали вы, Лев Николаевич? Поделитесь с нами своими догадками, это очень важно.

Некоторое время Лев молчал.

— Смелее! — подбодрил Бояславцев.

Поделись с ними своими догадками. А дальше что? «Но холодные воды Урала пусты, и Чапая не видно нигде»? Идиотская была ситуация, глупее не придумаешь.

— Да не бойтесь, не бойтесь, — подбодрил бритоголовый. — Не делайте трагического лица. Никто к вам мер принимать не собирается. Выкладывайте, Лев Николаевич!

Нет, братцы, было в нем что-то властное. Крикунов вздохнул и принялся рассказывать. Почему он это делал, Лев и сам не знал. Взял и выложил все свои прикидки — и про секретный объект, и про освоение новых территорий. Излагал он все несколько запутанно, но вместе с тем понятно. Бояславцев дважды вставал, прохаживался по кабинету, заложив руки за спину, потом сел и значительно посмотрел на главного редактора.

— Такие дела, Саша, — сказал он. — Что значат живой ум и немножечко воображения.

Посидел немного, словно решался на что-то.

— Вас дома кто-нибудь ждет? — поинтересовался он у Крикунова. — Любовница, знакомая? Да не волнуйтесь вы, никто вам плохого не желает. Понимаете, Лев Николаевич, волею случая вы наткнулись на бреши в нашем прикрытии. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что мы теперь знаем свои

слабые места и у нас будет достаточно времени, чтобы исправить положение. Плохо то, что теперь нам надо решить вопрос с вами. Разумеется, ничего плохого мы вам не желаем. Есть два пути. Первый — взять вас в программу. Но для этого необходимо ваше согласие. Второй — неизбежно вытекает из вашего отказа. И в этом случае ничего плохого, несколько сеансов психотерапии, лечение под гипнозом, и вы свободны, как птица. Будете по-прежнему работать в редакции, писать свои страшилки...

Он холодно улыбнулся.

— Могу я узнать, что это за программа? — неожиданно севшим голосом спросил Крикунов. — Трудно, знаете, выбирать из двух котов в мешке, тем более что мешки разные.

— Освоение территорий, — сказал Бояславцев, быстро переглянувшись с редактором. — Вы угадали, Лев Николаевич. Речь идет об освоении новых территорий. Только не совсем обычных. Представьте себе, что мы получили доступ в иное измерение. Технические детали вам не нужны, поэтому я на них останавливаться не буду. Скажу, что это было невероятно сложно.

— Не надо, — сказал Лев. — Я только не понимаю, какое место в вашем проекте могу занять я. Я ведь жалкий гуманитарий, в технике ничего не соображаю, даже машину плохо вожу.

— Вот пошел детальный разговор, — одобрительно сказал Бояславцев. — Александр Иванович не соврал, у вас действительно имеется прекрасное качество брать быка за рога.

Он задумчиво покрутил ручку в руке и бросил ее на стол.

— Видите ли, Лев Николаевич, процесс освоения идет уже несколько десятилетий. Нужно как-то систематизировать его историю, привести его к какому-то общему знаменателю. Все, что происходило, происходит и будет происходить, однажды станет частью общечеловеческой истории. Не хотелось бы, чтобы эта история была основана на домыслах и легендах. У человечества и без того достаточно в прошлом различного рода легенд, которые подменяют истинно происходившие

события. Необходим человек, который вплотную займется описательской частью происходящего.

— Вам нужен историк, а я просто журналист, — уставившись в стол, сказал Крикунов.

— Но с историческим образованием, — уточнил Бояславцев. — Не скромничайте, Крикунов, скромность не всегда украшает человека, иногда она становится досадной помехой в движении вперед. Нам не нужен историк, нам необходим летописец, а на эту должность более подходит не кабинетный червь, а человек, бойко владеющий пером. Вам придется не только изучать документы и беседовать с людьми, вам придется принимать участие в рискованных экспедициях, да и само нахождение на территории не всегда безопасно. Но это вы поймете на месте. Это хороший шанс, ведь вы мечтали о сенсациях?

Крикунов пристально взглянул на хозяина кабинета.

— Не могу сказать, что мечтал о подобном путешествии всю жизнь, но думаю, что это лучше, чем промывание мозгов. Из двух зол выбирают меньшее. Как я понял, вы представляете государство?

Ему показалось, что Бояславцев и Сурков смущенно переглянулись.

— А разница есть? — с высокомерным видом удивился Бояславцев.

— Разница одна, — грустно усмехнулся журналист. — Частные структуры обычно более безжалостно оберегают свои секреты.

— Будем считать, что мы с вами договорились? — Хозяин кабинета встал. — Думается, вы приняли правильное решение и никогда об этом не пожалеете. Сейчас вами займутся, вечером вы уже будете на месте. Ко мне вопросы есть?

— Пожалуй. — Крикунов не готовил этого вопроса, он вырвался сам. — Сколько мне будут платить?

Бояславцев согласно качнул головой:

— Резонный вопрос. Скажем так, когда вы вернетесь, вам будет выплачена любая разумная сумма, которую вы назовете.

— Ясно, но непонятно, — усмехнулся Лев. — Тогда у меня еще один вопрос. Назовите минимум суммы, которая вам кажется разумной.

Бояславцев назвал.

Что ж, названная им сумма могла произвести впечатление и на более искушенного журналиста.

— И еще одно, — нахально настаивал Крикунов. — Вы сказали, что сумма мне будет выплачена по возвращении...

— Там деньги не будут нужны, — недовольно буркнул со своего места Сурков.

— Я не о том, хотелось бы узнать, когда мое возвращение станет возможным?

— Будущее покажет, — сказал Бояславцев. — Послушайте, Крикунов, вы меня разочаровываете. Я считал вас более умным человеком.

— Хотелось еще быть предусмотрительным, — вздохнул журналист. — Теперь мне кажется, что вы приговорили меня к пожизненному пребыванию в этом вашем измерении.

«Если оно и в самом деле существует», — добавил он мысленно.

— Николаев, зайди, — вызвал Бояславцев по селектору.

Еще раз с непонятным выражением лица оглядел Льва и неожиданно спросил:

— Вы в детстве фантастику любили?

— Я ее и сейчас люблю, — пожал плечами Крикунов.

— Тем лучше. Гарантирую незабываемость впечатлений. Ваше маленькое путешествие перевернет всю вашу жизнь. Проверено на практике.

Ну кто бы после таких слов продолжал сомневаться? Особенно если жизнь не удалась и впереди нет ничего, кроме старости и печальных воспоминаний.

В кабинет вошел человек. Видимо, это и был Николаев.

— Толя, — сказал Бояславцев. — Познакомьтесь, это наш будущий летописец Лев Николаевич Крикунов. Лев, заберите свои бумаги, возможно, там они вам могут пригодиться. Уже сегодня он должен быть в районе. Как обычно — весь комп-

лекс прививок и на кратник. Что там нового? Вертолет не нашли?

— Ищут, — сказал Николаев, с любопытством оглядывая журналиста. — Пойдемте, товарищ Крикунов.

А вот на этот раз Лев обратил внимание на обращение, сегодня к нему уже второй раз обращались «товарищ», и это, конечно, не могло быть случайностью. Честно говоря, Лев и сам никак не мог привыкнуть к обращению «господин», оно ему казалось издевательским. «Господа крестьяне, пришло время собирать урожай!» Звучит? Идя за Николаевым по коридору, Лев вдруг подумал о своем главном редакторе. Что-то в поведении Суркова подленькое просматривалось. Сдал он своего подчиненного без зазрения совести. А что вы хотели? Разведчик! У них моральные принципы не в чести. И еще. Второй раз за сегодняшний день он услышал о пропавшем вертолете. Судя по всему, он пропал где-то в ином измерении, куда сегодня предстояло попасть ему самому.

Почему-то Крикунову захотелось, чтобы пропавший вертолет обязательно нашелся.

Часть вторая

РОБИНЗОНУ БЫЛО ЛЕГЧЕ

Глава первая

Сверху лес был похож на зеленую неровную пену; собираясь в плотные красно-бурые комки возвышенностей и узлы густых зарослей, лес вдруг резко обрывался, и начинался светло-желтый берег, за которым открывалась голубая ровная и бесконечная поверхность Большого озера.

— Еще один квадрат обойдем, — сказал Симонов, — и домой.

Небольшой, полненький, чем-то похожий на колобок, он сидел на своем месте в светлых брюках и такой же рубашке с закатанными рукавами. Круглое лицо его лоснилось от пота. В такой жаре спасала короткая стрижка, почти под ноль.

— Ты щелкай, щелкай, — недовольный вниманием, сказал Симонов.

Вот уже неделю они вели аэрофотосъемку Района. Работа не слишком трудная, но утомляющая своей монотонностью. И еще донимала жара. Удивительно, едва началась вторая половина мая, а жара стояла, как в разгар лета. Хотелось нырнуть в зеленую чашу, спланировать к какому-нибудь небольшому озерку и искупаться в прозрачной теплой воде. Но это категорически запрещалось всеми летными инструкциями. На инструкции можно было, впрочем, наплевать, но Симонов не хотел рисковать жизнью и здоровьем своих подчиненных.

Район был совершенно не изучен, а с опасностями люди столкнулись еще при постройке Поселка.

— Ты щелкай, щелкай, — снова сказал Симонов.

Съемка велась автоматически, и сам Симонов об этом прекрасно знал.

Вертолет неторопливо шел над лесом, видно было, как плавно изгибаются длинные тонкие стволы деревьев, как они переплетаются между собой, образуя зеленую непроходимую чащу, в глубине которой таились чудовища и загадки. Это был мир, который им только предстояло узнать, загадочная страна, которую предстояло исследовать и покорить. Рева двигателей почти не было слышно, эта машина выгодно отличалась от всех остальных земных машин такого класса именно пониженным уровнем шума.

— Слушай, Симонов, — сказал вертолетчик. — Когда же у нас будет достаточно машин? Было бы семь-восемь машин, мы бы съемку за неделю закончили, да что съемка, мы бы весь Район уже маячками обозначили, по всей территории транспортные и посадочные площадки обозначили.

— Машины будут, — хмуро сказал Симонов, — но не скоро. Это же ручная сборка, почти ювелирная работа. Знаешь, сколько времени занимает изготовление каждой? То-то и оно! Это тебе не конвейер.

— А правда, что для исследования Большого озера заложено сразу пять подлодок? — спросил второй вертолетчик. Был он черняв, молод, весел и белозуб. Поглядывая вниз, он постоянно что-то мурлыкал себе под нос, вертел головой, пытаясь увидеть все сразу, и Симонов его понимал — такой мир открывался внизу, что дух захватывало от перспектив и предчувствия будущих приключений. А второй вертолетчик был молод, совсем еще мальчишка. О чем же ему думать, если не о приключениях? Молодые всегда думают о приключениях. Об опасностях они начинают думать позже, когда с этими опасностями столкнутся. И ничего не поделать с этим, такова молодость, хмуро подумал Симонов, она прежде всего думает о веселых приключениях, а когда эти приключения

вдруг оборачиваются своей страшной половиной, они теряют лицо, начинают нервничать, впадают в панику. Самому Симонову исполнилось тридцать пять лет, но он считал себя много прожившим, а главное — много повидавшим человеком. И еще он считал себя незаурядным психологом.

Молодого вертолетчика звали Виталий Новиков, ему было двадцать три года. В Район он попал сразу же после окончания военного училища, поэтому ничего не боялся, разве что если забарахлит двигатель, а он не сможет его починить в полевых условиях. К Симонову он относился с некоторым высокомерием, присущим молодости. Нет, он уважал Симонова как специалиста, считал его профессионалом в своей области, но вместе с тем Новикова раздражало вечное брюзжание Симонова. В отличие от Симонова, считавшего его зеленым юнцом, он своего начальника стариком не считал, поэтому Виталия удивляла и раздражала осторожность, с которой Симонов подходил к любому новому делу.

Гораздо понятнее ему был первый пилот — невысокий и широкоплечий Дмитрий Дронов, едва разменявший тридцатник, но еще не обремененный семьей, а потому державшийся так, словно он был одногодком Новикова. Дронов вел вертолет легко и красиво, такая легкость дается постоянной летной практикой, но, разумеется, к этому примешивался талант. Как говаривал инструктор Новикова по Подольской авиашколе: вертолетом управлять — это вам не на пони кататься. Новиков Дронову завидовал, но не слишком, он надеялся, что в скором времени будет управлять машиной не хуже.

— Ты что, собираешься из летунов переквалифицироваться в подводники? — покосился на него Симонов и вновь принялся внимательно наблюдать за несущимся под вертолетом зеленым массивом.

— Интересно же, — сказал второй пилот.

— Там не пять подлодок потребуется, а сорок пять, — вмешался в разговор Дронов, продолжая управлять вертолетом. — Мы почти три недели потратили на облет Большого озера, оно ведь половину всего Района занимает.

— Видно будет, — подумал вслух Симонов. По сути дела, изучение Района только начиналось, все предыдущее было детской игрой, хотя и шло все на государственном уровне, но вяло шло, безынициативно, о благоустройстве и спокойной жизни вообще говорить пока не приходилось. И это понятно, сложностей в освоении незнакомых территорий всегда бывает достаточно. Но ведь надо с чего-то начинать. Поселок — это только первая ласточка, таких поселков в Районе надо поставить тысячи, но их мало поставить, их надо благоустроить, надо обязательно гарантировать людям, которые в них будут жить, полную безопасность. Нужна подробная карта Района. Пусть даже отдельные участки местности постоянно изменяются, это еще не означает, что карта вообще не понадобится. Любая карта, пусть даже неточная, всегда лучше, чем ничего. А аэрофотосъемка, конечно, всех проблем не решит, нужна комплексная экспедиция, которая в достаточной степени изучит территорию Района. В конце концов, здесь придется жить. Это сначала будут строиться поселки, потом придется возводить города, и тут уж будет важна и жизненно необходима всякая информация — и о рельефе местности, и о грунтовых водах, и о временных руслах водопотоков, да и структура почвы Района пока известна лишь в самых общих чертах. Симонов никогда не думал, что ему вот так неожиданно придется стать первооткрывателем. Даже само предложение отправиться сюда он поначалу встретил с недоверием и долго думал, соглашаться ли ему или отказаться, ведь работа у него была интересная, и ее хватало, этой работы, некогда было отдыхать. Но чем больше он задумывался над предложением, тем заманчивей оно ему казалось. Так он оказался в Районе.

— Работу закончил, — сообщил Дронов. — Идем на Базу?

— Пора уже и отдохнуть, — с некоторым облегчением отозвался Симонов. — Четвертый час в воздухе болтаемся. Разворачивайся, Дима, идем домой.

— Ребята, — сказал Новиков. — А вон еще чей-то вертолет!

Симонов поднял голову. Неужели Райсман все-таки решил сегодня вылететь? Но в любом случае ему в этом квадра-

те Района делать было нечего. Или на Базе что-то случилось? Впрочем, если бы что-то случилось на Базе, вряд ли их стали бы искать вертолетом, проще было связаться по рации.

Он поискал взглядом чужой вертолет, но успел увидеть только стремительно надвигающееся черное блестящее пятно, а потом на вертолет обрушился тяжелый удар. Двигатель взревел и запнулся, послышался звон разбитого стекла, Симонову показалось, что рядом кто-то тоненько закричал, а потом опустилась слепящая тьма, закружила в стремительной карусели, и Симонов, прежде чем погрузиться в беспмятство, успел подумать, что глупо все получилось, невероятно глупо. Говорят, что такое возможно лишь в одном случае из тысячи или даже больше.

Вертолет столкнулся с эремитом.

Глава вторая

Погода стояла летная. И все вокруг изменилось, словно природа тоже торопилась жить. Раньше времени начались перелеты веспов, не за горами было очередное нашествие броневиков, а там грозили и странники объявиться. Странники были куда хуже веспов, за ними оставалась голая равнина, лишенная каких-либо признаков растительности.

Максимов любил летать, но сейчас, когда наступило время миграции веспов, стало не до полетов над территорией Района, каждый полет превращался в боевой вылет, и надо было смотреть в оба, веспы готовились откладывать яйца, а потому высматривали добычу, способную выкормить их личинок. Люди для этого подходили как нельзя лучше. Один укол, и ты уже парализован, а рядом в гнезде медленно вызревают будущие личинки, для которых ты корм. Мерзко было даже подумать об этом.

Вот и сейчас над Поселком медленно кружило несколько веспов. Скорость у них была медленная, поэтому пришлось изменить геометрию крыла, чтобы уравняться с ними. Элек-

троники на истребителе была хорошая, а ракеты позволяли атаковать с дальних дистанций, поэтому, поймав противника в прицел, Максимов сразу же нажал на пуск ракет с правого крыла. Белая дымная стрела ушла вперед. Весп ракету заметил и предпринял попытку уйти в высоту. Но телеметрия уже поймала его в прицел. Ракета, повторив маневры веспа, вонзилась в его золотое с черным брюхо. Блеснула вспышка, полетели какие-то лохмотья, но рассмотреть результаты своей атаки Максимов не успел, надо было переходить в вертикаль с набором высоты.

— База, я — ноль-первый, — сказал он. — Дайте оповещение. Наблюдаю над Поселком шесть веспов. Одного сбил. Горючее на исходе.

— Хорошая работа, ноль-первый, — сказали с земли. Похоже, рация барахлила — диспетчер странно картавил и заикался. — Сейчас поднимем дежурное звено, оно вас заменит.

Максимов повел машину на белую площадку аэродрома, расположенную рядом с голубым блюдцем Большого озера. По бетону аэродрома уже начали разгон три перехватчика. Взлетали они слаженно, держа необходимый интервал, ведомый набирал скорость немного впереди.

Он сделал круг в ожидании, когда звено перехвата оторвется от земли. Машины поднялись и разошлись в стороны, охватывая поселок сразу со всех сторон. Грамотно работали пилоты, такие маневры ни в одном учебнике воздушного боя не описывались, подобная манера боевых действий была пригодна только для Района. Сразу было видно, что истребители в своем деле новичками не были, два-три сезона над Районом кружили, и инструктора у них были опытные, делу учили, а не иммельманы крутить. Любоваться взлетом коллег стало некогда, горючее было почти на исходе, но сесть Максимуму не дали.

— Ноль-первый, — требовательно запросила земля. — У вас ракеты есть?

— Ракеты есть, — сообщил Максимов. — Питание на исходе.

— Крои, ноль-первый, надо оказать огневую поддержку службе безопасности на северном краю Поселка, — сказала База. — Ты ближе, перехватчики просто не успеют.

— Что там? — недовольно сказал Максимов. Задержка в его планы не входила, задержка была чревата серьезными неприятностями. Машина была хорошая, и терять ее не хотелось.

— Там баги, — сухо сказали с земли. — Думали, их всего двое, оказалось пятеро. Эсбэшники уже потеряли одного человека.

А вот это уже было совсем хреново. Машину построят, человека назад уже не вернуть. Максимов вздохнул и начал набирать высоту, стараясь одновременно выйти на северные окраины Поселка. Если уж не удастся дотянуть до бетонки на последних соплях, можно попытаться дотянуть в планировании. Машина это позволит.

Обнаружить багов сложно, но в этом случае Максиму помог бой, который шел на земле. Баги перевернули «лендровер», но из него все еще велась стрельба по хищникам. Два из них уже бились на земле, судорожно сжимая и разжимая в предсмертной агонии зубчатые суставы и вращая огромными фасеточными глазами, но остальные заняли выгодные позиции, а смелости и слепой безрассудности хищникам было не занимать, поэтому трудно было сказать, чем закончилась бы схватка, не подоспей Максимов. Его ракетный залп смел зеленые заросли, где сидели баги. Там еще что-то ухало, скворчало, тлело, но Максимов уже поспешно уходил к аэродрому. Любоваться результатами атаки было некогда. Двигатель встал, когда он уже заходил на бетонку, и стало слышно, как под крыльями свистит воздух. Конечно, впечатление было не из лучших, но катапультироваться Максимов не собирался — посадочная полоса была уже рядом, и он всерьез рассчитывал до нее дотянуть.

— Ноль-первый, — ожила рация. — Благодарим за точные попадания. Вы накрыли всех троих одним залпом.

Максимов не ответил. Очень уж не вовремя взялись его хвалить с земли, очень некстати. Только внимание отвлекали. А отвлекаться летчику сейчас было никак нельзя.

Нет, он был хорошим летчиком. Даже без питания он сумел посадить так, что до эллинга ангара оставалось не более двух десятков метров. Стянув шлемофон, Максимов некоторое время посидел в кабине. Теперь можно было расслабиться и ощутить, как высыхает потная спина. Теперь хорошо бы в баньку, лениво подумал Максимов, а потом посидеть немного на улице в беседке, послушать последние известия или просто музыку, неторопливо попить ледяного пива из узкой шуршащей банки.

Он выбрался из кабины, вяло кивнул техникам, окружившим истребитель, и неторопливо побрел в сторону пункта управления полетами сообщить «пупкам», что благополучно вернулся, и получить полетное задание на завтра. «Пупками» называли диспетчеров. О том, что он вернулся, «пупки» уже, разумеется, знали, глаза-то у них были, видели. Как он сажился на поле. Но таковы были правила, и отступать от них нельзя было ни при каких обстоятельствах. Кроме того, надо было доложить о расходовании боеприпасов. А сколько, собственно, он выпустил ракет? В воздухе он использовал одну, а по багам? По багам был удар тремя ракетами с правого борта. Или с левого? И сколько ракет пошло на цель — три или две? В горячке боя это как-то не отложилось.

В воздухе где-то на восточной окраине Поселка что-то сухо треснуло, наверное, перехватчики все-таки сбили еще одного веспа. И чего этих тварей влечет к Поселку? Люди их привлекают? Так ведь люди для них добыча непривычная, они здесь таких никогда не видели, не с чего им было привыкать.

Он неторопливо поднялся по пластиковым ступеням, толкнул дверь.

На пункте управления полетами работали кондиционеры, струя блаженно прохладного воздуха закружилась вокруг потного Максимова, приятно забираясь за шиворот летной футболки. Максимов хотел схохмить, но вовремя удержался — слишком озабоченными показались ему лица черных полковников, которые составляли расписание полетов и руково-

дили действиями перехватчиков. Везде штат летных диспетчеров комплектовался из бывших летчиков, по каким-либо причинам переставших подниматься в небо. Служба Района исключением из правила не была.

— С посадкой тебя, — хмуро сказал полный седовласый руководитель диспетчеров Гларчук. — Спасибо, что долетел. Да и эсбисты благодарность передали. Лихо ты багов накрыл. Выручил ты их.

— Спасибо в карман не положишь, — все-таки не удержался Максимов. — А вы чего такие мрачные? Случилось чего?

— Вертолет потеряли. — Гларчук поморщился. — Десять минут назад исчез с экранов и на связь не выходит.

— Десять минут не срок, — беззаботно сказал Максимов. — Может, с рацией что-то случилось. У меня тоже барахлит, надо сказать техникам, чтобы посмотрели, а то картавите в наушниках, как пациенты на приеме у логопеда. Чья машина потерялась?

— Дронова, — неохотно сказал Гларчук.

— У него такой налет, что он без машины долетит, — усмехнулся Максимов. — Что у меня на завтра?

Гларчук выразительно посмотрел на него.

— Не мешай, — сказал он. — Что-то я психую немного. С утра у меня предчувствия нехорошие были. Как бы не оправдались.

— Тогда я пошел, — покладисто сказал Максимов. — Задание можно и завтра получить. А может, и летать не придется. Все от техников зависит. Все-таки грохнулся я сегодня с небес достаточно прилично.

Он вышел наружу.

Далеко на окраине леса разноцветными пятнами светились дома. Над бетонкой взлетно-посадочной полосы гулял раскаленный ветер. Из леса доносился неумолкаемый шум, Максимов никак не мог к этому шуму привыкнуть, хотя в Районе он находился уже четвертый месяц. Над верхушками леса скользили стремительные тени — либеллины продолжали свою дневную охоту.

Левее яркими красными птахами кружили три перехватчика.

Максимов вдруг подумал, что освоение Района оказалось не таким простым делом, как это представлялось в административных и чиновных кабинетах. С природой спорить трудно, в любые планы она обязательно вносит свои коррективы, и с этим ничего не поделать. Можно сколько угодно говорить о том, что нельзя ждать милостей от природы. Но когда ты берешь их у нее, обязательно приходится преодолевать сопротивление этой самой природы. Даром природа ничего не отдает, ей плевать на человеческие желания, у нее свои собственные цели, и очень часто с целями людей они не имеют ничего общего. Нет, задача была грандиозная — дать человечеству пространство для дальнейшего развития. Территория Района была плацдармом, с которого люди начали свою новую экспансию. Только вот природа оказалась сложнее, чем думалось, и пространство без сопротивления она отдавать не собиралась.

Максимов махнул рукой, останавливая машину, идущую в сторону поселка.

Водителя он не знал, не иначе он был из последнего пополнения. Сев рядом с водителем, Максимов поздоровался.

— Это вы сегодня летали? — негромко спросил водитель, глядя на дорогу перед собой. — Ловко вы эту дрянь с небес свалили, хорошая работа.

— Ерунда, — думая о своем, сказал Максимов. — Невелика премудрость с живыми автоматами драться. Мозгов-то у них мало, где им с человеком в коварстве и хитрости состязаться!

— Не думал я, что все это окажется таким опасным, — пробормотал водитель. — Вроде и техника у нас нормальная, и людей достаточно, а все равно ощущение такое, что мы топчемся на крошечном пятачке, а впускать нас в самые глубины никто не собирается.

— Что ты хочешь? — устало сказал Максимов, слова водителя отвечали его собственным мыслям, которым так хоте-

лось возразить. — Экспансия только начинается. Мы сюда пришли надолго, в случае непредвиденных трудностей нам есть у кого попросить помощи. И нам обязательно помогут. А мы должны честно делать свою работу.

На окраине Поселка он попросил остановиться, вылез из машины и неторопливо побрел к общежитию для холостяков. Теперь он думал о словах Гларчука. Предчувствия у него, видите ли! С начала освоения Района они ни разу не потеряли воздухоплавательных аппаратов. Скорее всего Гларчук нервничал напрасно. Но вполне могло оказаться так, что плохие предчувствия родились не на пустом месте. Слишком враждебным был окружающий их мир. Слишком враждебным. В таком мире могло случиться все. И уже случалось, между прочим. За год Поселок потерял два десятка своих жителей. И что осталось с половиной из них, можно было только догадываться. Джунгли, окружившие Поселок со всех сторон, умели хранить свои тайны.

Если с Симоновым и экипажем вертолета случилось что-то, то не надо было даже гадать о своем задании на следующий день. Предчувствия... Лучше бы они Гларчука обманули.

Уже поднимаясь по ступеням здания, Максимов ощутил, как он устал. Даже есть не особо хотелось.

Глава третья

Предчувствия Гларчука не обманули.

Самое плохое, что могло произойти, произошло в действительности. Вертолет пропал.

Гларчук попросил пилота одного из перехватчиков пройти над территорией, над которой работала группа Дронова. Пилот добросовестно проутюжил воздух и, разумеется, ничего не обнаружил. Удивляться было нечему — джунгли в тех краях были на редкость густыми, Максимову казалось, что они могли скрыть даже пассажирский «Боинг», а тут был крошечный вертолетик. Но тут же он сообразил, что очень ошибается в масштабах.

К правильным оценкам он еще не привык, да и трудно было к ним привыкнуть даже опытному пилоту, налетавшему более пяти тысяч часов. В Районе он работал не первый месяц, поэтому в оценках времени и расстояний ошибался довольно часто. К Району надо было привыкнуть.

Спустя час после окончания заседания штаба поиска Максимов уже летел по направлению к Большому озеру. Летчики в команде Дронова были опытные, но вполне могло случиться так, что машина сейчас лежала глубоко под водой, и тогда шансы на ее обнаружение были ничтожными.

Сейчас в район предполагаемого падения выдвигались поисковые группы службы безопасности. Служба безопасности формировалась из бывших десантников и авантюристов. В следопыты брали лучших, прошедших всестороннюю подготовку, умевших стрелять из любого оружия, способных выжить в любых условиях, а если придется, то и постоять за себя без оружия. Эти люди выживали там, где не выживал никто. Вместе с тем эти люди всегда делали именно то, что надо было сделать, — и не больше.

Максимов еще успел увидеть, как они сноровисто и без излишней спешки грузятся в транспортный вертолет. В пятнистых комбинезонах и куртках, с пластиковыми белыми шлемами БКС на головах десантники выглядели единым организмом, в котором каждая его частица делала свое дело. Вчера они помнили своего погибшего товарища, но сейчас в их лицах Максимов не заметил усталости и растерянности, разве что некоторая ожесточенность проглядывала в глазах и желание отомстить жестокому миру за погибшего.

Высоко-высоко в небесах двигались гигантские облака, в редкие прорехи виднелось голубое пронзительное небо, изредка все расцвечивали солнечные лучи. Самолет Максимова обшаривал пространство. Электродвигатель ровно гудел, посылая машину вперед. Аккумуляторы поставили новые, поэтому энергии должно было хватить надолго. Под крыльями проплывали переплетения ветвей, джунгли сплетались в не-

проходимый зеленый клубок, в котором изредка проглядывали гигантские голубые и розовые цветы.

Через два часа Максимов убедился, что пропавший вертолет найти невозможно.

— Продолжайте поиск, — сказала земля.

Максимов попытался подняться выше, но воздушные ураганные течения немилосердно швыряли самолет из стороны в сторону. В подобной ситуации было только два выхода — или резко увеличить скорость и стать независимым от колебаний и порывов атмосферы, или, наоборот, — снизиться, чтобы попасть в область неподвижных ее слоев. И в том, и в другом случае видимость резко ухудшалась. Впрочем, могло произойти всякое. Вертолет мог оказаться в переплетениях листвы в самой чаще леса. Он мог потерять управление над Большим озером, и тогда он сейчас покоился в мутной глубине водоема, недоступный простому глазу, машину могло снести воздушными течениями на совершенно неизученные территории. Но вполне вероятным мог быть вариант, при котором вертолет оказался погребенным толщей земли, по крайней мере многочисленные грунтовые выбросы земляных вулканов допускали такую возможность.

Иногда среди переплетения ветвей Максимов видел юркие фигурки десантников. Те делали свое дело, но так же безрезультатно — сообщений об обнаружении каких-либо следов пропавшего вертолета в эфир не поступало и от них. Пожалуй, десантники рисковали больше пилотов. Они были наедине с хищным и страшным миром, который в любое время мог обрушиться из-за гибких стволов стремительным багом или неторопливым, но от того не менее опасным трупоедом. Перед ними могла внезапно разверзнуться и оскалиться хищными челюстями земля, наконец, могло просто показать свою глубину хищное подземелье с его бесчисленными и бездонными ходами, попав в которые не стоило и мечтать выбраться на поверхность живым и невредимым.

— Ноль-первый, — сказала земля. — Что у вас?

— Пусто, — отозвался Максимов. — А они точно были в этом районе?

— Последние сигналы были именно отсюда, — подтвердила земля. — Продолжайте поиск, ноль-первый.

Низко над лесом прошла пара стремительных либеллилин. Максимов даже залюбовался их слаженным полетом. Словно ведущий с ведомым шли над Районом. Либеллилины редко летают парами, это одиночные существа, общество им не нужно. На ярко-красную машину Максимова либеллилины не обратили внимания. Или обратили, но охотничьего азарта у них машина не вызвала — окраска говорила об опасности потенциальной добычи, да и размерами самолет совсем немного уступал любому из них. Зря говорят, что либеллилины всего лишь безмозглые автоматы с инстинктивной программой внутри. Выражи, подобные тем, что они сейчас совершали, на одном инстинкте не совершишь. Тут требовался твердый глаз и острый расчет. Скорость, на которой они хватали добычу, всегда впечатляла, а острое зрение, позволявшее либеллилинам замечать жертву на огромном расстоянии, внушало страх.

Отвлекаться было некогда, и Максимов вновь принялся наблюдать за землей. Сейчас он сбросил скорость, поэтому прежнее пестрое мельтешение в глазах пропало, можно было спокойно рассмотреть детали на поверхности. Однако сколько Максимов ни вглядывался, следов пропавшего вертолета он на поверхности земли не обнаруживал.

— Земля, — сказал Маскимов. — Я — ноль-первый. Работу в квадрате закончил. Вертолет не обнаружен. Жду указаний.

— Ноль-первый, — усталым голосом отозвалась земля. — Возвращайтесь на Базу. Мы нашли вертолет.

Вертолет и в самом деле нашелся. Изуродованный, с развороченным боком, уткнувшись носом и изогнутыми лопастями в ил, он лежал под водой, скрытый спокойной поверхностью Большого озера.

— Там никого нет, — вынимая загубник и тяжело дыша, сказал нырявший на глубину эсбист. — Пусто. Или они спаслись, или...

Он не договорил, да в этом и не было нужды. Каждый хорошо понимал, что могло случиться с телами погибших, окажись они на глубине. Хищников в озере хватало. Да и на суше тела могли закопать в землю могильщики; если это так и произошло, то искать экипаж было бесполезно, земля своих тайн не выдает, это уже хорошо было известно. Из двух десятков потерянных людей дюжина значились без вести пропавшими, только вот этот факт особых надежд на их спасение не внушал. Джунгли добычи не отдают. Людей окружал чужой мир, и мир этот не был жестоким, он был другим, совсем не таким, каким его надеялись увидеть люди.

Надо было полагать, что люди погибли.

Возвращаясь на Базу, Максимов думал, что будет дальше. Нет, освоение Района было нужным делом, об этом никто не спорил. Население Земли постоянно росло, поэтому было просто необходимо подумать о том, где человечество будет жить. А как известно, освоение нового мира никогда не обходится без жертв, но вы это скажите родственникам погибших, вы им объясните, что освоение новых территорий всегда опасно, вон и Ермак погиб, а капитана Кука вообще на жаркое аборигены пустили. Все-таки хорошо, что у Поселка до сих пор нет своего кладбища. А с другой стороны — плохо. Кладбище всегда означает, что люди поселились надолго. Будет кому прийти помянуть родного и близкого человека. И вместе с тем это очень грустное событие. Хотелось надеяться на лучшее. Но человеку трудно выжить в незнакомом чужом мире, полном смертельных опасностей, о которых люди даже не подозревали. Кто мог предположить, что северная окраина Поселка окажется на пути гигантского тальпа? Ведь только случайно тогда все обошлось без жертв, могло быть гораздо хуже, когда неожиданно дома начали оседать, проваливаясь в подземные пустоты, валиться набок, а то и вовсе переворачиваться. Да и вся жизнь Поселка во многом еще зависела от случайностей. Неосторожное вмешательство в жизнь Района могло привести к страшным последствиям, а от такого вмешательства Район, к сожалению, не был застрахован.

И все-таки куда делся экипаж вертолета? Поиск людей еще будет вестись несколько дней, пока эсбисты не обшарят досконально район катастрофы. Потом будет принято решение свернуть поиски ввиду их бесперспективности и для того, чтобы предотвратить возможные будущие жертвы. И люди, если они выжили, останутся наедине с чужим миром, в котором им долго не протянуть, для того, чтобы в этом мире выжить, надо хорошо знать его особенности, знать повадки фауны этого мира, четко осознавать, что в этом мире можно, а чего категорически нельзя делать. И никто уже этим людям не в силах будет помочь. Чудес не бывает, не бывает чудес!

Настроение было гнусным, и это сразу же сказалось на посадке — самолет «скозлил», едва не повредив тянущие винты. В последнюю минуту Максимову удалось справиться с управлением, но все равно машина сделала несколько скачков по бетонке, прежде чем остановилась, нацелившись острым носом в темный проем ангара.

— Похоже, Николаич, ты сегодня не в форме, — добродушно сказал техник, взобравшийся по лесенке к прозрачному колпаку над кабиной пилота. — Такую пенку дал, мы рты разинули от удивления. Или неисправность какая вылезла?

— Такие неполадки и ты хрен исправишь, — хмуро сказал Максимов. — Здесь они, здесь! — и постучал в грудь кулаком в перчатке.

Глава четвертая

Андрею Таманцеву было двадцать восемь лет, и до работы в Службе безопасности Района он три года прослужил в десанте. Десант — работа для тех, кто любит риск и не мыслит своей жизни без повышенного адреналина в крови. Задачи у десанта специфические — вытаскивать группы, попавшие в серьезные переделки, искать противника и уничтожить его, работая в глубоком тылу, и вообще наводить панику на врага, действуя на его внутренних коммуникациях. А это дело для

молодых, сильных и тренированных. Поэтому работы было немного, в основном она сводилась к тренировочному процессу. И это Таманцеву не очень нравилось. За четыре года он только однажды принимал участие в одной чеченской операции. Стрелять там, правда, не пришлось, не в кого было. Но вытащили всех и при этом никого не потеряли. Таким успехом можно было гордиться. Каждый должен заниматься своим делом. Его, Таманцева, дело — спасать при нештатных ситуациях людей, уничтожать врагов, действуя стволом, ножом, а если понадобится — то и голыми руками. У десанта — свои задачи. Таманцев немного завидовал ребятам из четвертого десантного корпуса, которым довелось понюхать пороха в Дагестане. Четвертому десантному корпусу пришлось повоевать с вахами. Но такие операции были крайне редки, и Таманцев затосковал. Но тут ему здорово повезло — объявили набор в Службу безопасности Района, и Таманцев, не задумываясь, перешел на новую работу. В СБ Района его зачислили сразу — подготовлен он был прекрасно и находился в отличной физической форме, правда, его предупредили, что работа окажется опасной, такой опасной, что десант в сравнении с ней показался бы подготовительным классом. Таманцев посмеялся про себя, но уже вскоре выяснилось, что вербовщики не врал. Работа в Районе и в самом деле оказалась невероятно сложной и серьезной, она требовала полного напряжения, а порою и совсем уж нечеловеческих усилий. Но Таманцева это устраивало. Он и в десант пошел, чтобы испытать себя и *стать человеком*, а здесь было все, чтобы человек уважал себя, — и самые неподдельные опасности, и смертельный риск, и работа до седьмого пота, а уж адреналина в крови всегда было более чем достаточно!

Схватки с хищниками, подстерегавшими поселенцев на окраинах Поселка, поисковые забросы и спасательные экспедиции в джунглях, работа в подземельях Района — это было то, что требовалось Андрею. И команда у них подобралась нормальная — каждый из ребят был готов, не задумываясь,

вступить в любую схватку, даже если она грозила смертельной опасностью. Для этого их всех и готовили.

Вот и сейчас они быстро рассредоточились от вертолета, севшего на небольшой лысый пятачок земли. Каждый выполнял поставленную задачу. Белые шлемы БКС, обеспечивающих связь с остальными членами группы и информационную поддержку, мелькали среди зеленой листвы, слышались короткие деловитые реплики и неровное дыхание людей. Поисковая команда приступила к работе.

На горизонте виднелась цепь земляных холмов с развороченными вершинами — в районе поиска рыл свой туннель тальп, и это могло оказаться очень опасным, хищник представлял немалую угрозу для людей. В любой момент земля под ногами могла зашевелиться, и тогда тебе грозила нешуточная опасность провалиться в бездну, прямо в подслеповатую морду зверя, идущего под землей со скоростью хорошей скаковой лошади. Против тальпа действенен был лишь переносной плазменник на станинах, но в пещеры его не потащишь, по изогнутым извилистым подземным ходам не пронесешь.

Таманцев остановился у толстого ствола дерева неизвестной породы. Крона находилась где-то высоко-высоко, поэтому сливалась в полупрозрачную зеленоватую кисею. На глянцево-м стволе царапин и прикусов не было, и это означало, что пока здесь вполне безопасно.

— Четверка, — слышалось в наушниках. — Выходим к побережью!

Наверное, поисковой группе кто-то ворожил — вертолет находился недалеко от берега, но заметный лишь с суши. Сверху его надежно прикрывали большие глянцевые листья водорослей, торчал только тонкий хвост с лопастями, который с воздуха легко было спутать со стволом полузатонувшего дерева.

Пока командир поисковой группы сообщал о неприятном открытии на Базу, остальные рассредоточились по берегу, занимая места, удобные для противостояния возможной

атаке хищников. Таманцев расстегнул мешок, достал из него легководолазное снаряжение. Надеть его — дело минутное, вскоре он уже неловко шлепал лапами по мелководью. Вода была прохладной и слегка мутноватой. Войдя в воду по пояс, Таманцев нырнул. По неровному дну, обросшему паутинообразной растительностью, метались тени от потревоженных листьев, вода увеличивала предметы, и высвечивающийся на глубине вертолет казался огромным. С правой стороны в обшивку вертолета была огромная пробоина, лопасти основного винта согнулись самым невероятным образом, овальный люк оставался полуоткрытым. Подплыв к вертолету, Таманцев внимательно исследовал кабину. Кабина была пуста.

Машину уже облепили маленькие существа, похожие на розово-серых поросят, окруживших матку в поисках сосков. Нелепые, безглазые, они утыкались в обшивку затонувшей машины, отскакивали и кружили в воде, некоторые уже осторожно подбирались к ногам Таманцева. Он брезгливо отогнал их взмахом ласт и осторожно протиснулся в приоткрытый люк. В кабине было тесно, но следов людей в ней Таманцев не обнаружил. Впрочем, это ни о чем не говорило. Вертолет в воде находился достаточно долго, чтобы от погибших не осталось и следа, слишком уж большой биологической активностью отличались воды Большого озера.

Впрочем, размышлять об этом Таманцеву было некогда. Он попятился, выбираясь наружу, оттолкнулся от вертолета и поднялся на поверхность. Его ждали. Вытащив изо рта загубник, Таманцев вдохнул прохладный озерный воздух и сказал:

— Там никого нет. Пусто. Или они спаслись, или...

После совещания с Базой вертолет оставили в озере. Ремонтировать его было дороже, чем построить новый. Сняли только черный ящик, хотя, на взгляд Таманцева, это тоже было лишним — пробоина в корпусе вертолета наглядно говорила, что причиной катастрофы было столкновение в воздухе. Размеры пробоины указывали и на виновника столкновения — был сезон вылета эремитов, пожалуй, они были един-

ственными существами, столкновение с которыми в воздухе было чревато такими серьезными последствиями.

Поисковые группы еще три дня гоняли по окрестностям, хотя ежу было понятно, что никого они не найдут, все концы, надо было думать, покоились в озере. На третий день им приказали грузиться в вертолет. Когда машина поднялась в воздух, Таманцев испытал двойственное чувство — с одной стороны, облегчение от того, что тяжелая поисковая работа завершилась и можно было отдохнуть от джунглей и их обитателей, а с другой стороны, как и другие эсбэшники, Таманцев испытывал стыд и неудовлетворенность — искали усердно, а никого так и не нашли. Неудачные поиски — это всегда пятно на собственной репутации, каждому кажется, что именно он чего-то недоделал, именно он что-то пропустил в поиске и именно его личные неудачные действия не позволили найти людей, потерявшихся в лесах.

Таманцев привалился головой в шлеме к жесткой пластиковой переборке вертолета, отделяющей грузовой отсек от кабины пилотов, и угрюмо смотрел, как стремительно убегает под вертолет зеленка леса. Разговаривать не хотелось. Паршиво осознавать, что на тебя надеялись, а ничего не получилось. Хотя в этих чертовых лесах любому легко было заблудиться. А главное — никогда не знаешь, за каким кривым стволом, за каким неожиданным поворотом тебя ожидает опасность. Уж если десантнику в джунглях Района приходилось туго, то что говорить о необученных и не прошедших подготовки летунах, которые лес разглядывали всегда с высоты и даже не подозревали, на что в зарослях можно наткнуться. Если они не погибли при падении, то наверняка растерялись, когда вокруг зашевелился, задышал тепло и влажно лес, закрипел, застонал корнями вывороченных деревьев, запел, зачирикал, зажужжал голосами своих неведомых обитателей.

Разумеется, они попытались бы найти укрытие. В нору или подземный туннель тальпа они бы по своей воле не полезли, но ведь их вполне туда могло занести против воли. А какое иное укрытие они могли использовать? Укрытие это

обязательно должно выделяться и привлекать к себе внимание, оно должно было показаться вертолетчикам максимально безопасным, но сколько Таманцев ни вспоминал обследованную местность, он такого укрытия припомнить не сумел.

Похоже, джунгли забрали вертолетчиков навсегда и обстоятельства их гибели тоже останутся тайной. Таманцев чувствовал неудовлетворенность происходящим. Со школы его учили, что человек должен всегда выходить победителем из столкновений с природой. Оказалось, теория не всегда подтверждается практикой. Особенно если людей окружает мир, в чем-то привычный и вместе с тем абсолютно чужой.

Глава пятая

Дронов пришел в себя не сразу. А вот боль он ощутил в тот самый момент, когда открыл глаза. В небе свивались в фантастические фигуры облака, длинные стволы деревьев снизу казались совсем уж исполинскими. Он попытался осторожно сесть, и после второй попытки ему это удалось. Его окружали зеленые шумящие джунгли, невидимые существа, укрывающиеся среди листвы, жужжали, свистели, хрипло взрывались и противно скрипели. Последнее, что Дронов помнил, это столкновение вертолета с эремитом. Удар был тяжелым, похоже, что в момент столкновения его просто выбросило из машины, и то, что он остался живым, следовало отнести к фантастическому, невероятному везению. Опираясь рукой о землю, Дронов прислушивался к телу. Оно болезненно ныло, но, похоже, все обошлось без переломов и тяжелых травм. Он встал, чувствуя тупую боль в позвоночнике, огляделся, но упавшего вертолета не увидел. Скорее всего вертолет по инерции прошел дальше места его падения. Что случилось с вертолетчиками, Дронов не знал, но трудно было рассчитывать на то, что им повезло так же, как повезло ему. Случайности дважды не повторяются, особенно если это счастливые случайности.

Рубашка полезла по швам, немногим больше повезло брюкам. Дронов, хромая, добрался до ближайшего валуна и присел на него. Собственно, пока о везении говорить было трудно. Он не просто остался живым после падения вертолета, а всего лишь *пока* оставался живым, и трудно было сказать, как долго удача будет ему улыбаться. Хорошо еще кобуру при падении не оторвало, и импульсник оставался у Дронова. Он давал возможность встретить нападение хищника, если оно окажется не слишком стремительным и внезапным. Дронов подумал немного и достал импульсник. Береженого Бог бережет! Ощущение было странным, словно он весь сейчас был закутан в вату. Вместе с тем сильно ныла левая нога, наверное, он ее ушиб при падении.

Он встал и, прихрамывая, обошел окрестности своего падения. Далеко он не забирался, было легко потеряться в мощных переплетениях джунглей. Поиск товарищей ничего не дал. Новиков и Симонов, судя по всему, остались в вертолете и погибли. Надеяться предстояло лишь на самого себя. Дронов представил себе путь до Поселка и поморщился, до Поселка было далеко, очень далеко, пройти такое расстояние по джунглям казалось Дмитрию нереальным. Можно было лишь пожалеть, что его выбросило из вертолета, по крайней мере все бы уже закончилось, а так предстояло скитаться по джунглям неопределенно долго. В помощь Дронов не особенно верил, спасатели, разумеется, будут искать вертолет, и поиски людей начнут именно от него. А от вертолета он мог оказаться далеко, скорее всего так оно и было, не зря же следов падения машины он так и не нашел, хотя тяжелый вертолет должен был при падении оставить в пушистых кронах деревьев заметный след.

Некоторое время он смотрел вверх. Небо было затянуто облаками, но все равно можно было догадаться, где находится солнце. Дронов сориентировался и вернулся на грешную землю. Торопиться не стоило, да и он сейчас оказался совсем не в том состоянии, чтобы сломя голову углубляться в джунгли. Сев на подвернувшийся камень, Дронов проверил им-

пульсник. Зарядов у него хватало, хоть об этом не стоило беспокоиться. Еще у него в сумке на поясе лежало несколько термитных гранат. И был нож. С оружием получалось не так уж плохо. Гораздо хуже обстояло дело с ногой, колено кровоточило. По счастью, неподалеку протекал мелкий теплый ручей. Дронов промыл рану, оторвал рукав рубашки и, как сумел, перевязал ногу, стараясь, чтобы повязка не сползала при ходьбе. Ножом, висевшим на поясе, он вырезал себе подобие трости, чтобы опираться в дороге. Вспомнил, как ребята потешались над этим ножом, называя из-за него Дронова ковбоем. Все-таки пригодился ножик-то, пригодился, ребята, как бы вы ни скалили насмешливо зубы. В таком путешествии, что Дронову предстояло, нож был предметом первой необходимости. Никогда Дмитрий не предполагал, что окажется на положении Робинзона Крузо, книгу о котором читал в юности. Впрочем, Робинзону было куда легче — у него оказалась под рукой масса полезных вещей с полузатонувшего судна — от кремневых ружей до ниток с иглой. Дмитрий Дронов сам бы сейчас не отказался от аптечки или топорика с пилой из инструментального ящика вертолета. И Робинзону было с кем на досуге поговорить — у него был попугай, а потом и Пятница появился. И людоеды к нему с соседних островов приплывали, но тут уж они были в равных условиях — Дронова окружала такая активная фауна, что хищник мог появиться в любую минуту и с любой стороны.

И все-таки надо было идти. Сдаваться без борьбы было не в правилах Дмитрия. Он вздохнул, потопал ногой, проверяя на прочность повязку, потом неторопливо, опираясь на палку, углубился в джунгли. Робинзон искал в лесу на острове козьи тропы, и это было понятно, по ним было легче идти, но Дронову в его ситуации приходилось поступать наоборот, ведь любая тропа могла привести его к местному хищнику, поэтому троп следовало всячески избегать. А идти напрямик было трудно — вьющиеся вокруг гибких стволов лианы хватали за ноги, липли к одежде, но через некоторое время Дмитрий все-таки приспособился, привязав к вырезанной палке

нож. При этом, правда, пришлось пожертвовать вторым рукавом, но дело того стоило — в руках у Дронова оказалось довольно удобное копьё, которым можно было врубаться в заросли, а при необходимости и отбиваться от врага.

Из земли торчали корни, которые казались живыми, которые хватали за ноги, по-змеиному гибко стелились по земле, чтобы через некоторое расстояние выбраться на поверхность ждущей жертвы петель. На корнях сидели маленькие овальные разноцветные существа, которые были вполне безопасны, только вот пахло от них неприятно. И вообще воздух в лесу был густой, лекарственный, словно где-то поблизости находилась аптека, в которой сразу из всех флаконов и пузырьков вынули притертые пробки. Изредка открывались пятачки черной земли, на которых ничего не росло, словно проплешины были кем-то заколдованы на вечный неурожай. Вверху что-то протяжно заскрипело, Дронов поднял глаза и увидел, как по стволу ближайшего дерева скользит вниз что-то длинное змееобразное, он инстинктивно выхватил импульсник, но это падал оторванный лист. Впрочем, надлом был свежий, он еще сочился жидкостью, поэтому успокаиваться не стоило — кто знает, что за существо укрылось в высоких развесистых кронах. Это могло быть безобидное травоядное, но мог, наоборот, оказаться опасный хищник. Впрочем, одинокому путнику следовало опасаться и травоядных. Обычно у них оказывалась такая масса, что, придави это безобидное существо Дронова, жить бы ему оставалось считанные секунды.

Двигаться по лесу, постоянно оглядываясь, не слишком удобно. Дмитрий с досадой подумал, что долго он так головой не повертит. Поврежденная нога болела все сильнее и требовала отдыха. Можно было попробовать скрутить домик из гибких зеленых ветвей в развилке дерева, специалисты говорили, что большинство обитателей леса именно так и ночуют, сооружая себе дома-однодневки. Однако до темноты оставалось еще много времени, и терять его Дронову не хотелось.

Над лесом характерно зажужжали электродвигатели. Подняв голову, Дронов увидел, как над кронами деревьев стре-

нительно скользит красно-белый вертолет. Дмитрий бессильно проводил его взглядом. Нечего было даже пытаться подать с земли сигнал, его никто бы не заметил. От попыток дать знать о себе огнем Дмитрий отказался сразу. Стояло сухое лето, дожди землю забыли, поэтому любое неосторожное обращение с огнем могло превратить джунгли в чудовищное пожарище, а пламя, если оно разгорится, пожрет все; не успеешь оглянуться, как начнут плавиться пластиковые коробки домов Поселка. Вслед за вертолетом над джунглями прошел перехватчик. Летел он невысоко и на малой скорости, до предела растопырив крылья, но надеяться, что тебя заметят с воздуха, было просто глупо. Перехватчик прошел над лесом еще пару раз, похоже, поисковики добросовестно утюжили района катастрофы, потом звук моторов оттянулся к Большому озеру, а через некоторое время и вовсе затих. Это привело Дронова в некоторое уныние, но впадать в панику и тоску он не собирался.

Отдохнув, он снова тронулся в путь, наметив расстояние, которое следовало пройти до следующего привала. Ориентироваться в Районе было довольно сложно, карт просто не существовало, для того, чтобы ими пользоваться, следовало установить маячки, а этого пока сделано не было. Рельеф Района зависел от погодных условий. Стоило пройти дождю или пронестись над поверхностью сильному ветру, как все менялось, без маячков было невозможно обойтись, и Дронов с горечью подумал, что авария их вертолета отбросит работу по ориентированию Района на несколько месяцев назад. Зря они не сдали результаты своих последних изысканий в штаб, теперь все, что они сделали, кому-то придется начинать заново, а это опять будет означать очередную затяжку времени.

Паутину он заметил в последний момент. Паутина провисла между двух корявых стволов, перегородив дорогу. Она была как канат — грубая, в комках и утолщениях, покрытых клейкой жидкостью, но цветом и формой практически не отличалась от высохшего на солнце побега, и если бы Дронов не заметил ее вовремя, сидеть бы ему сейчас на привязи, с

тоской и ужасом наблюдая за приближением ее создателя и владельца. Хорошо, если руки остались бы свободными, тогда можно было бы надеяться на импульсник и точность прицела. Заметив паутину, Дмитрий поспешил ее обойти.

И правильно сделал — шагнув в сторону, он почти сразу же увидел неподвижную фигурку человека. Еще не видя его лица, Дронов уже знал, что перед ним Симонов. Он торопливо присел рядом с лежащим человеком. Слава богу, Симонов был жив. Правда, это еще ни о чем не говорило, товарища могло серьезно покалечить при падении, и тогда бы положение стало совсем безвыходным. В одиночку добраться до Поселка очень проблематично, шансы в этом случае распределились бы как тридцать к семидесяти в сторону неудачи, но сделать то же самое с раненым товарищем было вообще невозможно, в этом случае шанс на удачу, несомненно, имел бы отрицательную величину.

Видимых повреждений на теле Симонова не было, но в краешке стиснутых губ запеклась кровь. Это могло быть результатом того, что Симонов просто прикусил губу при падении, но могло говорить и о том, что у него серьезные повреждения внутренних органов. В медицине Дронов ничего не смыслил, правда, обучили их на курсах всяким нехитрым премудростям из того, что относится к первоочередной помощи, но здесь знания Дронова явно негодились, а что надо делать, он просто не знал, поэтому и сидел сейчас рядом с Симоновым, беспомощно глядя в бледное лицо.

Потом он догадался — оторвал от ближайшего ствола часть листа, набрал в него в ручье теплой воды и осторожно побрызгал в лицо Симонова. Институток так в чувство приводить! Почему-то Дмитрия не отпускало ощущение, что все вокруг не более как театрализованная постановка, в которой они с Симоновым сейчас играют роль искателей приключений. Искали и нашли, мать их, эти приключения, побери. Ощущение было такое, что сейчас стволы деревьев раздвигнутся в стороны, на фоне неба покажется гигантская недовольная физиономия и хмуро скажет: «Плохо, очень плохо.

Бездарно, господа. Вы для кого играете, для себя или для людей?»

Симонов открыл глаза, увидел Дронова и успокоенно улыбнулся.

— Живой, — с облегчением констатировал Дмитрий. — Где вертолет, Симонов? Где Новиков?

Губы Симонова слабо зашевелились. Он что-то говорил, но шум джунглей перекрывал его голос. Дронов наклонился ниже.

Взгляд Симонова гас, бессмысленно ускользал, а Дронов все не мог понять, чего хочет товарищ, потом догадался, посмотрел вниз и похолодел — из бедра Симонова торчал толстый черный дротик. Он пронзил тело сквозь прочнейшую ткань. Дронов уже видел такие штуки; раз увидев, его невозможно было спутать ни с чем. Это было жало веспа. Обычно человек после удара таким жалом умирал мгновенно, в отдельных случаях оставался парализованным на всю жизнь, что, собственно, и являлось целью веспа. Симонов жил и даже сохранял способность осознавать все, что происходило вокруг.

— Сейчас, Паша, сейчас, — лихорадочно забормотал Дронов. — Я его вытащу, ты уж потерпи немного...

И с отстраненной тоской, словно речь шла не о них, подумал, что это полный песец, в таком состоянии ему Симонова не вытащить. И бросить его в джунглях Дмитрий никогда бы не смог.

Глава шестая

Поселок состоял из шести сотен коттеджей и нескольких многоэтажных зданий. Многоэтажные здания были скорее данью прошлому, ведь коттеджи строить было проще, чем проводить всю коммунальную систему каждого дома. Многоэтажки использовались как временные общежития для тех, кому коттеджей пока не хватило. Население Поселка росло быстро, дома не успевали доставлять в Район, вот и возникли небольшие проблемы с жильем.

Максимову исполнилось тридцать два года. Он был холост, поэтому временно проживал в одной из квартир многоэтажки, которую в Поселке называли аэродромовской. Имелось в виду, что подавляющее большинство жильцов его были из летчиков или технического персонала, обслуживающего аэродром и базирующиеся на нем машины.

Сегодня в общежитии было тихо. В комнатах молчали музыкальные центры, даже люди разговаривали вполголоса, и их можно было понять — не каждый день летуны теряли своих товарищей. Разбор полетов еще только ожидался, но в общежитии уже спорили о причинах аварии. Возможных причин было более чем достаточно, поэтому споры носили скорее теоретический характер. Не было лишь разговоров о пропавших летчиках, никто не решался сказать главное — если тела не нашли, то экипаж вертолета погиб. Но в человеке всегда живет вера в чудо, особенно если дело касается твоего товарища, с которым ты еще вчера пил вино, или ходил на танцы в поселковый Дворец культуры, или просто спорил, обсуждая содержание книги или происходящее в мире. В таких случаях очень не хочется думать о смерти, напротив, верится в то, что люди останутся живы и их обязательно найдут, даже если вероятность благополучного исхода ничтожна и носит скорее гипотетический характер, нежели отражает реальное положение дел.

Максимов толкнул дверь в свою квартиру, вошел в прихожую, бросил планшетку с документами на столик при входе и принялся раздеваться. Раздевшись, он вошел в ванную комнату и долго с наслаждением принимал душ, то и дело меняя температуру воды — от почти кипятка до напора, режущего тело ледяными струями. Это был старый и привычный способ обрести бодрость и немного развеяться. Паршиво, когда поиск заканчивается безрезультатно. Тебя не отпускает ощущение ошибки, вроде ты что-то пропустил, не заметил, и именно это стало причиной неудачи. Вместе с тем Максимов понимал, что шансы у вертолетчиков были самые минимальные. Даже если их в момент столкновения выбро-

сило из кабины, было трудно уцелеть, падая с высоты на острые пики побегов. Но скорее всего вертолетчики оставались в кабине и после того, как вертолет затонул. А в Большом озере водится немало существ, которые вполне могли бы оказаться могильщиками для погибших. Ребят было жалко, но Максимов понимал, что пустыми сожалениями он пропавшим помочь не может.

Из ванной он вышел веселым и готовым к новому вылету. Правда, лететь сегодня ему бы никто уже не дал. Отлетал он на сегодня.

В соседней комнате слышались голоса, и это удивило Максимова, ведь он отлично знал, что там никто не живет. По крайней мере не жил до последнего времени. Стало быть, у него появился сосед. Надо бы с ним познакомиться. Будет с кем вечерами поговорить.

Вот так и бывает. Одни из этого мира уходят, а другие приходят в него. Вечный круговорот жизни и смерти. Максимов подошел к окошечку доставки, нажал нужные кнопки и получил комплексный обед из четырех блюд. Повара Поселка готовили хорошо, а Максимов в глубине души был тайным чревоугодником, поэтому ел он неторопливо и с наслаждением. За едой его одолевали все те же мысли. Если ребята не погибли, они оказались в лауне. А лаун штука коварная, он людей выпускает редко. В лесу можно найти тропинку, можно прижиться на необитаемом острове, при желании можно выбраться из сельвы и буша. Лаун жертвы не выпускает. Редчайшие исключения только подчеркивают незыблемость жестокого правила.

Настроение у него вновь испортилось, и компот, который всегда любил, Максимов так и не допил.

Посидел немного и понял, что наедине со своими мыслями ему оставаться не хочется. Поэтому он встал, натянул брюки и форменную рубашку и пошел знакомиться с новым соседом.

У двери соседней комнаты он остановился и вежливо постучался.

— Войдите, — сказали из-за двери.

Максимов вошел.

Сосед оказался невысоким бородатым мужчиной лет тридцати пяти с внешностью вечного холостяка и тайного женского угодника. Бородка придавала новому хозяину комнаты внешность коварного соблазнителя, но вот глаза сразу выдавали неуверенность их обладателя в вопросах общения с противоположным полом. Почему они выглядели так, Максимов не смог бы ответить, но уж больно они были виноватые и печальные. Как у коровы, которую два дня не доили. Похоже, что сосед был чем-то расстроен. Это казалось немного странным, новичков после прибытия в Район одолевает любопытство, но никак не разочарование.

— Здравствуйте, — сказал Максимов. — Я ваш сосед.

— Лев, — представился сосед. — Лев Крикунов.

— Летчик? — для очистки совести поинтересовался Максимов.

Не уверенный в себе человек летчиком быть не может, такие неуверенные глаза могли быть лишь у закоренелого гуманитария, который постоянно решает для себя, тварь он дрожащая или право имеет. Максимов не ошибся.

— Журналист, — со вздохом сказал новый жилец общезжития.

Максимов едва не удивился вслух, но сдержался. В Поселке он видел всяких, а вот журналист появился впервые. Неужели наверху что-то изменилось и кем-то принято решение легализовать их деятельность в Районе? Бояславцев на такой шаг никогда бы не пошел. Представитель прессы в Районе был так же невозможен, как агент иностранной разведки или американский турист.

— Максимов, — представился он в свою очередь. — Михаил Николаевич, пилот. И ваш сосед, моя комната слева от вашей. Вы к нам надолго, Лев?

Журналист плюхнулся в кресло, сцепив пальцы рук в замок, некоторое время внимательно разглядывал собеседника, потом с едва уловимым надрывом в голосе негромко сказал:

— Откуда я знаю? Может быть, навсегда.

Горечь в голосе журналиста говорила о многом, но Максимов не привык торопиться с выводами. Подняв руки, он бодрым голосом сказал:

— Ну что вы, Лев, право. Стоит ли так огорчаться? Хотите, я вас великолепным чаем угощу? Китайский чай, «Улада быстрокрылой ласточки» называется. Слышали, наверное?

Журналист снова вздохнул.

— Не слышал, — сказал он. — Но выпью с удовольствием. А кроме чая, у вас ничего нет? Покрепче, а?

— Покрепче нет, — в тон ему отозвался Максимов. — Здесь спиртного вообще нет, разве что безалкогольное вино. Ну и если кто контрабандой через кратник пронесет. Так что привыкайте.

С кратником Лев уже был знаком, и впечатления на него он особого не произвел. Испугался сначала — это да. А кто бы не испугался, когда тебя голого ставят на площадку из металла и пластика и эта площадка медленно начинает ползти в темное жерло туннеля? Тут такие картины перед глазами вставать станут... Но обошлось. С другой стороны их встретил лес, который поразил Крикунова. Огромные гибкие стволы раскачивались под порывами ветра, а стоявшие у выхода из туннеля автомобили в сравнении с этими деревьями казались совсем маленькими. Солнца не было видно. Но оно жарко палило, Лев почти физически ощущал его лучи на своем лице. Не майская была погода, не весенняя. В здании у выхода его одели. Одежда была обычная и удобная. В Поселок они добирались на машине с тонированными стеклами, в салоне работал кондиционер.

И вот он здесь.

Журналист встал и с непонятным выражением оглядел комнату. Комната была обычная, со стандартным набором пластиковой мебели и домашнего оборудования, да и сервис был на уровне международных стандартов.

— Ну так что? — спросил он пилота. — Не раздумали еще меня чаем угощать? Заодно и расскажете немного обо всем. Только сразу предупреждаю, у меня много вопросов.

Глава седьмая

Едва проснувшись, он тут же почувствовал головную боль.

Дронов сел, и тут же дали о себе знать все болячки, полученные при вчерашнем падении. Шипя от боли, он осторожно вытянул ногу, размотал повязку и с удовлетворением отметил, что рана не загноилась. Все-таки не зря он положил вчера на рану кусочек зеленого листа с куста, который, согласно атласу лекарственных растений (этот атлас Дронов помнил довольно смутно), относился к целебным. Основная рана внушала определенный оптимизм, остальными же можно было просто-напросто пренебречь за невозможностью что-то сделать.

Симонов спал, хрипло дыша и постанывая во сне. Небритое лицо его передергивалось, Симонову было больно, и с этой болью не мог справиться даже сон.

Дронов осторожно огляделся и выбрался из пещеры, отвалив валун, которым на ночь прикрывал вход. Вчера им повезло, они наткнулись на пещеру, но в глубину ее Дронов идти побоялся, так они с Симоновым и мерзли всю ночь у входа. Сейчас он выбрался наружу и замер от изумления. Утро было фантастическим.

В воздухе висели хрустальные шары. Их было много, вероятно, даже посчитать это было невозможно. Хрустальные шары хаотично плавали в воздухе, изредка сталкивались, рождая фонтаны разноцветных слепящих искр. В пространстве между хрустальными шарами висели многочисленные короткие радуги, и сами шары переливались различными цветами. Одни были пронзительно голубыми, другие отливали серебром, третьи сверкали розовым влажным перламутром, но окраска шаров не была постоянной, она изменялась с движением гибких деревьев, которые пропускали к земле солнечные лучи или, наоборот, преграждали им путь.

Дронов даже забыл о головной боли. Завороженно он наблюдал за полным сказочных красок рассветом. Хрустальные

шары медленно спускались к земле, касаясь деревьев, шары лопались, делая зелень стволов и листы глянцево-влажной. Стояла звенящая тишина. Дронов даже забеспокоился, что он оглох. Но это только казалось ему, просто мир еще не проснулся, не очнулся после хрустальной и полной опасностей ночи, а те, кто всю ночь не спал, сейчас, наоборот, устраивались на ночлег в своих подземных убежищах, берлогах, зарослях — там, где можно было надежнее всего отсидеться до следующей ночи.

Левее открывалась небольшая ложбина, заполненная такими же шарами, только неосвещенными и потому серыми. Изредка шары лопались, выплескивая в мир миллионы водяных искр. Земля в ложбине потемнела от влаги и медленно шевелилась, словно планета пыталась глотнуть или сделать глубокий вдох.

Вставало солнце. Огромное зарево ало нависало над лесом, по земле бежали юркие опасные тени. Нельзя было понять, принадлежат ли они безопасным ветвям или застывшим в засаде живым существам. Дронов, близоруко шурясь, шарил глазами вокруг себя, потом решил, что не стоит рисковать, безопаснее отсидеться в убежище, пока день окончательно не вступит в свои права. С одной стороны, все живые существа придут в себя после ночного оцепенения, и это сулило новые опасности, но с другой стороны — самые хищные твари обязательно расползутся по темным местам, нечисть обожает тьму.

Он торопливо сорвал огромный мохнатый лист с ближайшего куста, свернул из него некое подобие кулька и поймал этим кулком несколько висящих в воздухе шаров. Кулек наполнился прозрачной холодной водой.

Дронов вернулся в пещеру, осторожно сел, чтобы не расплескать воду, и принялся пить Симонова, облизывая пересохшие губы и жадно наблюдая, как Симонов глотает.

Симонов открыл глаза.

— Хорошо, — шипло прошептал он. — Где мы?

— В лауне, — сказал Дронов. — Мы крепко влипли, Паша. Что ты помнишь? Я нашел тебя в лауне, но вокруг

не было никаких следов от падения вертолета. Ты не видел Новикова?

Он жадно допил остатки воды.

Симонов с трудом сел. Дмитрий с тревогой отметил, что нога его не слушается, видимо, жало веспа зацепило нерв. Оставалось только надеяться, что это временно и организм пересилит действие яда хищника.

— Ни черта не помню, — морща лоб, сказал Симонов. — Удар, а потом темнота. Потом ты дал мне воду. И Новикова я больше не видел. Наверное, меня выбросило, а он остался в вертолете. Надо же, как не повезло! — На небритом лице Симонова мелькнула обида. — Кажется, меня прихватило. Со мной ты не выберешься из лауна.

— Ладно, — остановил товарища Дмитрий. — Не будем торопиться со словами. Давай отдыхай. Потом будет видно, что делать дальше.

Сквозь узкие расщелины в стенах пробивался рассеянный свет, высвещая обширную и неровную внутренность пещеры. Дмитрий прошелся по пещере, надергал пучок сухого мягкого мха и сделал из него подобие подушки для раненого товарища. Симонов снова бредил.

Дронов не торопясь обошел обширную пещеру, аккуратно выжигая активную флору лучом импульсника. То, что не было сделано вчера, надо было обязательно сделать сегодня. Осмотр пещеры Дмитрий проводил тщательно, оставлять за собой ничего нельзя, не успеешь опомниться, как пропущенные ростки размножатся вновь или тебя покроет белая плесень или скользкий грибок эспарагус. Дважды он обнаруживал в складках пещеры кладки полупрозрачных яиц размером с человеческую голову, эти яйца он выжигал особо старательно, это уже была не флора, вряд ли яйца в пещере принадлежали травоядному. Специалистом Дронов, конечно, не был, но хорошо знал, какие беды иной раз случаются от неопознанных яиц, оставленных по небрежности или невнимательности.

Орудая импульсником, он добрался до глубокой расщелины, которая косо уходила под стену пещеры. Некоторое

время Дронов внимательно вглядывался в густую тьму, но ничего подозрительного не заметил. Внизу было тихо и темно, из расщелины несло сыростью и землей.

На поясе у него в специальном пенале находилось несколько термитных гранат, которые, конечно же, следовало поберечь для более серьезных ситуаций. Поколебавшись немного, Дмитрий расстегнул пенал, достал одну гранату и, повернув запал, швырнул его в расщелину. Снопы разлетающихся в стороны искр на мгновение разогнали темноту, высветив в глубине расщелины массивное и длинное сегментное тело. В глубине что-то противно заскрежетало, потом послышалось клокочущее скворчание и донесся запах горелой плоти, а из расщелины вдруг поползли извилистые тонкие белые нити щупальцев, которые, яростно извиваясь, принялись ощупывать пространство рядом с расщелиной, обрывая куски влажного мха с неровных стен, но Дронов предусмотрительно отошел в сторону. Термитная граната сделала свое дело, щупальца бессильно опали, заскользили обратно в сгущающуюся тьму, а потом замерли, потеряв живую упругость.

Нет, экономить на безопасности не следовало! Дронову стало не по себе, хозяин пещеры мог появиться в тот момент, когда он был снаружи, и, вернувшись, Дмитрий рисковал не обнаружить товарища. А еще этот обитатель пещеры мог выбраться ночью, когда они лежали в беспамятстве, и тогда бы их мучения уже закончились.

В глубине пещеры слышалось тихое журчание. Дмитрий с удовлетворением отметил, что в одном месте по стене бегут тонкие, но сильные струйки воды. Все-таки им повезло немного больше, чем Робинзону Крузо, скорее, они оказались на положении героев романа иного и не менее известного писателя, написавшего «Таинственный остров». У них было оружие, они случайно обнаружили пригодную для жилья пещеру, и еще они были вооружены знаниями, какими не обладали колонисты острова Линкольн. Если бы еще все происходило на любом земном острове, а не в лауне!

Он вернулся и лег рядом с тяжело дышащим Симоновым. Кажется, все тот же выкарабкивался. И это было удивительным, возможно, что Паше просто повезло и вesp, напавший на него, уже растратил часть своего яда ранее или его кто-то отвлек в момент нападения. Но это Дронова не особо радовало, ведь задача, вставшая перед ними, четкого и ясного решения не имела. Одно дело любоваться лауном с борта вертолета, совсем иное — оказаться внутри его, особенно если идти придется почти наугад, ориентируясь на память. Некоторое время он прикидывал маршруты. Но это удавалось плохо, следовало определиться на местности, а как раз с утра в лаун соваться не стоило, надежнее дожидаться полуденного зноя, когда от жары все обитатели лауна становились медлительными, а хищники уже насытились. Правда, на последнее обстоятельство надеяться не стоило, метаболизм у обитателей лауна был таков, что они могли жрать весь день. И все-таки после полудня выбираться наружу было спокойнее.

И еще надо было позаботиться о еде для раненого Симонова. Вспомнив об этом, Дронов понял, что сам проголодался. Линии доставки в пещере не было, о продовольствии надо было думать самому.

Он сел, некоторое время задумчиво смотрел на затихшего товарища, потом нащупал пульс на его руке. На удивление пульс. Хотя и несколько учащенно, но ровно.

Дронов поднялся и направился к выходу из пещеры.

Глава восьмая

Несколько часов спустя Дронов задумчиво сидел у костра и смотрел на бледный огонь, дрожащий под плоским камнем, на котором сушились съедобные корни. Раны Симонову он промыл и перевязал, потратив на это другой рукав своей рубашки. Старую тряпку он тоже выбрасывать не стал, а аккуратно простирал ее в холодной воде ручья и просушил под

лучами солнца. Тряпка могла еще пригодиться, кто мог сказать, сколько им еще придется скитаться по лауне.

Конечно же, их искали. На это наверняка были задействованы большие силы, но найти потерявшихся в лауне людей трудно, скорее всего поиск ничего не даст. Первые дни их будут искать интенсивно, потом группы поиска постепенно начнут уменьшаться, пока не останутся одни следопыты, которым сам Бог велел бродить в зарослях. Но и следопыты не гарантия удачи, в таком поиске все больше зависит от случая, а фортуна при этом могла стать к поисковикам как угодно, не обязательно лицом.

Съедобные корни, которые он принес, были не слишком питательной едой для раненого, тем не менее Симонов съел два мучнистых, отдающих болотом корня, заставляя себя перемалывать вязкую упругую массу в кашу. Сейчас он отдыхал, даже еда для него была трудной, едва поддающейся работой.

Дмитрий размышлял.

Варианта было два. По первому варианту следовало оставаться в пещере и ждать, когда на них наткнутся спасатели. Правда, когда они наткнутся, было неизвестным со многими вариантами ответа. Это могло произойти сегодня, через неделю, но с таким же успехом их могли вообще не найти. Шансов на то, что следопыты из СБ наткнутся на пещеру, были ничтожными.

Второй вариант предполагал, что они станут добираться до любого из Поселков самостоятельно. Вот только доберутся ли? С плохо слушающейся ногой Симонову передвигаться было трудно, в дороге он становился неизбежной обузой, а в случае нападения хищника, которых в лауне хватало, Симонов становился отвлекающим фактором, лишаящим Дронова способности к сопротивлению.

Третий вариант — оставить Симонова в пещере и уйти за спасателями — Дронов вообще не рассматривал. Он не был уверен, что дойдет благополучно, не был уверен, найдет ли впоследствии пещеру в лауне, а главное — выбрав третий ва-

риант, он утратил бы всякое уважение к себе, это было не в духе Поселка, где царил принцип пионеров прошлого «Сделай — или умри!».

Он вздохнул и принялся очищать подсохшие корни. От огня они стали сладковатыми и хорошо утоляли голод, но все-таки организм требовал чего-то более весомого.

Оставалось одно — прожить в пещере некоторое время, дожждаться, когда раны Симонова заживут, а нога станет слушаться, и только потом продолжить движение к Поселку. Но и в этом скрывался определенный риск, у Симонова могли случиться осложнения, тогда еще неизвестно, как все повернется. Но другого варианта просто не было.

Придя к такому выводу, Дмитрий успокоился. В конце концов, они еще живы, и это главное. Сергей Думачев в лауне прожил несколько лет и выжил, и Горышев тоже. Конечно, это были исключения из правила, счастливые исключения, но ведь никто пока не мешал и им с Симоновым остаться в живых и стать такими исключениями.

За день Дронов приготовился к ночлегу. Он нарезал крупные листья и выложил ими самый безопасный угол в пещере, отгородив часть логова камнями, чтобы любое приближение к нему сразу стало заметным. Работа была тяжелой, и он здорово вымотался, но полученный результат стоил затраченных усилий.

Потом он перетащил Симонова на импровизированную постель. Павел, морщась, старался помочь ему. Дмитрий заставил его поест и попить кофе — отдельные корешки, запеченные на углях, легко растирались в пыль и растворялись в кипятке, запахом и вкусом напоминая настоящий кофе, а сок из дерева-сахароноса, добавленный в него, делал напиток сладким. Вместо кружки Дмитрий использовал алюминиевый пенал от термитных гранат. Поев, Симонов сразу же уснул, воспользовавшись этим, Дмитрий поменял повязку на его бедре, с радостью отметив, что багровая отечность вокруг раны начала медленно спадать.

После этого он вновь отправился в лаун, где, орудуя ножом, нарезал тонкие гибкие прутья. Более толстые он укрепил среди камней, окончательно отгородив ими угол пещеры. Тонкие и гибкие прутья Дронов вплел в те, что установил вертикально, соорудив таким образом длинный и прочный полутораметровый забор.

За все время нахождения под открытым небом он ни разу не слышал шума моторов. Из этого следовал один не слишком радостный вывод — они с Симоновым оказались в стороне от района поисков. Но огорчайся не огорчайся, это ничего не могло изменить.

Раздевшись, Дмитрий искупался в холодной воде подземного ручья. Душ его подбодрил. Рана на колене покрылась коричневой корочкой, кре-где на теле темнели синяки, но в целом Дронов мог себя поздравить — все обошлось гораздо удачнее, чем можно было ожидать. Синяки не страшны, они сойдут.

Он вскипятил на камне воду и сварил псевдокофе. Некоторое время он пил его, обжигая губы о края нагретой посуды, потом подложил в костер сырые дрова, дождался, когда они обуглятся и начнут тлеть, и только после этого лег на шуршащую прохладную постель рядом с постанывающим во тьме Симоновым.

Камень, которым он закрывал вход в пещеру, прилегал к входу неплотно, и в пещеру заглядывали рассеянные лучи света, которые по мере того, как светило садилось, становились все тусклее, и наконец пещера погрузилась во мрак.

Дронов пытался заставить себя уснуть, но сразу это не удалось — мешал шум снаружи пещеры. В лауне начиналась ночная жизнь. Слышались странные шорохи, тяжелая поступь, торопливые попискивания, возня, придушенные хрипы и басовитое гудение, словно где-то неподалеку работал трансформатор. Только, похоже, этот трансформатор был движущимся — гудение то удалялось, то приближалось, потом стало слышно где-то в высоте, оно медленно затихло, становилось тоньше и наконец стало неслышимым. На смену ему пришел

странный скрип, словно кто-то забавлялся, открывая и закрывая двери через равные промежутки времени. Звуки были вполне безобидны, но это только казалось. В лауне сейчас наступило самое опасное время, оставшийся вне укрытия человек был обречен, уж слишком много врагов начинало на него охотиться во тьме.

Некоторое время Дронов лежал неподвижно и, глядя в нависающий над ним мрак, пытался представить себе облик существ, которые эти звуки издавали. Он никогда не ходил в поиски, а потому ни разу в жизни не ночевал в лауне. Он всегда видел колышущиеся деревья только сверху, это было необыкновенно красиво, особенно в плохую погоду, когда в верхушках деревьев катался и кувыркался ветер.

Он уже засыпал, когда неожиданно затряслась земля. С невидимого свода пещеры посыпались мелкие камни и пыль. Это не было землетрясением, толчки постепенно становились слабее, потом стихли, и все это означало, что мимо их пещеры промчалось какое-то гигантское существо. Страшно было даже представить его размеры. Такому существу импульсник не смог бы причинить существенного вреда, да и термитная граната способна была лишь отпугнуть это существо, но никак не убить.

Дронов полежал с открытыми глазами и неожиданно представил, что сейчас чувствует жена, ведь они отсутствовали уже неделю и третий день о них никто в Поселке ничего не знал. От этого ему стало совсем плохо. Он сел у огня и долго сидел, всматриваясь в неяркое голубоватое пламя и красные искорки, бегающие по черным поленьям.

Где-то высоко в небесах послышалось протяжное тоскливое уханье. Оно медленно удалялось, и вновь все вокруг заполнила звенящая тишина.

Чужим был этот мир, совсем чужим. Чужим и смертельно опасным. Сейчас Дронову не верилось, что когда-нибудь люди смогут обуздать его, сделать средой своего постоянного обитания. «Выберусь из лауна, уедем отсюда навсегда», — загадал он. Не хотелось, чтобы дети подвергались опасностям,

которым сейчас подвергался их отец. Лучше быть *там* на любом месте, которое укажут, чем оставаться здесь, рискуя погибнуть в любой момент. «Ты еще вернись!» — насмешливо шепнул внутренний голос.

— Выберемся! — вслух пробормотал Дронов.

Звук собственного голоса придал ему уверенности.

Хотелось спать.

Дронов вернулся на постель, накрылся гигантским листом, который он еще днем измочалил до мягкого состояния, и — плевать на лаун и всех его обитателей! — приказал себе заснуть. И уже засыпая, вдруг подумал, что никуда он не уедет, даже если они выберутся из джунглей. Ну что ему делать на Материке? Родственников у него там нет. И друзей у него там нет. Друзья приобретаются в молодые годы, а вся молодость Дронова прошла в Районе, поэтому и друзья у него были лишь здесь, и уехать от них было бы обыкновенным предательством. А Дронов предавать не умел. Не научился.

Глава девятая

Сурков возвращался в столицу.

Особого желания возвращаться у него не было. Но это входило в его обязанности. Деньги на счет журнала уже перевели под видом спонсорской помощи из нескольких вполне надежных адресов, все поставленные задачи так или иначе разрешились, и в Царицыне ему делать было больше нечего.

Нельзя сказать, что он чувствовал себя прекрасно. Он ощущал неловкость, даже то, что Крикунов сам дал согласие отправиться в лаун, ничего не меняло. Сурков чувствовал себя работником, продавшим пленника, и никакие рассуждения о том, что это было необходимо, что интересы дела требовали удалить Крикунова, ничего не меняли. Можно искать любые оправдания, но все равно в глубине души Сурков ощущал себя дерьмом. Но эти сантименты требовалось сейчас отбросить в сторону. Даже то, что они с Бояславцевым обма-

нули журналиста. Или, если выражаться мягче, не сказали ему всей правды. В конце концов, разница между этими понятиями была небольшая.

Регистрацию он прошел вовремя, но вылет задерживался. В последнее время такие задержки стали обычными, поэтому Сурков воспользовался отсрочкой, чтобы перекусить в ресторане аэропорта, расположенном в маленьком желтом здании, где также находился зал для VIP-персон.

Неторопливо расправляясь с горячей отбивной, он размышлял над тем, что ему предстоит сделать в ближайшем будущем. А предстояло сделать многое.

Ему предстояло ликвидировать все последствия деятельности Крикунова и принять меры к устранению всех недостатков в организации деятельности ООО, которые тот заметил.

Александр Иванович Сурков работал в резидентуре Службы безопасности ООО пятый год, и в его обязанности входил сбор внешней информации о действиях, которые могли привести к рассекречиванию проекта и угрожать безопасности Района. Работа ему не нравилась, он не выбирал ее, Суркова на эту работу назначили, но он старался выполнять ее добросовестно.

Теперь ему предстояло неторопливо и вдумчиво пройтись по всем контактам Крикунова и выяснить, не сболтнул ли журналист чего лишнего. Предстояло зашифровать все моменты, которые показали уязвимость программы. Как обычно, в новых условиях это было не так сложно, хотя и требовало определенных материальных затрат. После Района Сурков к деньгам привыкал трудно, там они не были мерилем положения в обществе, в Районе человеческие достоинства оценивались совсем иначе. Тяга людей, среди которых ему сейчас приходилось вращаться, к деньгам и различного рода благам вызвала у Суркова чувство легкого презрения и опасное ощущение внутреннего превосходства.

К работе, служившей ему прикрытием, Александр Иванович Сурков относился с долей иронии, он никак не мог понять, почему люди с такой охотой читают скандальные слухи

о потрошителях и прочих маньяках, о насильниках, о скандалах из жизни других людей вместо того, чтобы заниматься делом. Более того, Сурков никак не мог понять, откуда в огромном прекрасном мире берется такая грязная накипь, которая мешает жить остальных и вместе с тем вызывает острейшее любопытство этих остальных.

Впрочем, это не мешало ему делать свое дело.

Через час самолет уносил редактора «желтой» газеты в столицу, и Сурков, откинувшись в кресле и прикрыв глаза, продолжал озабоченно прикидывать, что ему следует сделать в ближайшем будущем.

Крикунова следовало отправить в длительную командировку куда-нибудь в Сибирь, приказ подготовить несложно, главное — не проколоться в мелочах. Квартплата за его жилье должна вноситься регулярно и своевременно — это можно поручить главному бухгалтеру, — посмотреть, с кем он поддерживал наиболее близкие отношения, и организовать для спокойствия их душ несколько писем от Крикунова, разумеется, с обратным адресом, если понадобится — пару телефонных переговоров. На тот случай, если Крикунова нельзя будет вернуть из лауна или он сам не захочет возвращаться, следовало разработать подходящую легенду, если понадобится — организовать его гибель во время командировки, все равно в дальнейшем под прежней фамилией его лучше не использовать. Хотел человек стать Бойцовым, так пусть им и станет.

Все-таки голова у него светлая. Лихо он нас вычислил, хотя и сделал неверные выводы из верных посылок. Нет, а что он, собственно, мог придумать, кроме большого сверхсекретного объекта или программы освоения какой-нибудь сибирской территории? Кстати, это мысль. Сурков вспомнил роман «Земля Санникова», написанный талантливым геологом прошлого по фамилии Обручев. В дальнейшем, если это потребуется, можно будет использовать легенду о земле Санникова, надо будет подкинуть шефу эту идею, тем более что земли этой никто не видел, но и весомых доказательств того,

что ее не существует, нет. А еще можно будет использовать гипотезу о полой Земле, тем более что последнее время в популярных журналах, которые можно было лишь с огромной натяжкой назвать научными, появились статьи на эту тему. Люди до сих пор еще верят печатному слову.

Что еще?

Пожалуй, надо бы пройти по цепочке «Левша», потрогать каждое ее звено, проверить на предмет уязвимости. Да, вполне возможно, что именно там могут ждать неприятные сюрпризы. Нет, все-таки хорошо, что он отправил Льва в командировку. Оговорка своевольного мальчишки на уроке, его испуг, его самоуверенность в том, что он может исправить свою ошибку самостоятельно, а в результате найдено еще одно слабое звено. А это в новых условиях, когда за спиной нет государства с его всемогущим аппаратом, очень немаловажно.

И Крикунов... С виду вроде слабачок, мышь боязливая, а поди ж ты, начал копать, словно тальп, и нарыл-таки, чирей ему на задницу! Сурков подумал, что ему надо пересмотреть свое отношение к людям, слишком часто такие вот, как Крикунов, явные *не супермены* путают карты. Ты ждешь достойного противника, вычисляешь его, не жалея времени и сил, и даже не подозреваешь, что рядом с тобой явный слабачок, сопя и пугаясь, проводит работу, способную если не похоронить проект, то сделать его, как это пишут, достоянием широкой общественности, будь она неладна!

Сурков выпрямился, порывлся в сумке и достал измятую «Комсомольскую правду». Кроссворд на последней странице был наполовину разгадан. Сурков углубился в него. Девятый вопрос по вертикали... Приспособление для метания стрел... Семь букв. Конечно, это был арбалет, правильно подсказал Крикунов, только вот почему-то он буквы в клеточках не проставил. Так... Десятый вопрос по вертикали... Цветок, лечебный отвар которого используется домашней медициной... Ну и формулировка вопроса! Сколько там букв? Точно, ромашка как раз подойдет.

До столицы оставалось еще тридцать минут полета, и Сурков рассчитывал, что к посадке разгадает кроссворд до конца.

Он старательно вдумывался в каждый вопрос и боялся признаться себе, что на самом деле его интересует совсем иное, гораздо больше его занимало, что сейчас происходит в Районе. Нашли ли вертолет? Остались ли живыми ребята?

С тайной завистью он подумал, что его бывший подчиненный Лев Николаевич Крикунов наверняка уже в Районе, а значит, знает все происходящее сейчас там лучше него. Сурков бы с удовольствием поменялся с ним местами.

В конце концов, лаун был его настоящим домом.

Глава десятая

В окно задувал теплый ветер, длинные стволы деревьев покачивались, издавая легкие шорохи, вокруг стояло нескончаемое стрекотание, к которому люди уже привыкли. Султанов постоянно вытирал лоб и седые виски, то ли нервничал, то ли действительно ему было душно. Кондиционер, правда, работал, но что толку его было включать при распахнутых окнах?

Султанову можно было только посочувствовать. Нелегкая это работа — быть за все в ответе. И не просто быть в ответе, а оказаться почти в прямом смысле между молотом и наковальней, когда снизу требуют всего, а сверху спрашивают, и тоже за все. Вот вертолет пропал, ребята, летевшие на нем, исчезли, а в ответе за это Султанов. И спросят с него, крепко спросят. Сергеев сам принимал участие в поисках, но ведь это лаун, трудно в нем кого-то найти, особенно если нет четких ориентиров и даже приблизительной карты района до настоящего времени не имеется.

Не обращая внимания на вошедшего Сергеева, Султанов схватил запищавшую рацию, и по облегчению, которое чуть разгладило его измученное лицо, стало видно, что именно этого вызова он ждал.

— Флейшман! — крикнул он. — Где ты прохлаждаешься, Флейшман? Два бага у Поселка-восемь, а вы не мычите не телитесь. Смотри, Флейшман, будут жертвы — я тебе ноги выдеру и скажу, что так и было.

— Мы уже выдвигаемся, — тоненько отозвался по радиации Флейшман. — Ну, что ты орешь, Осман? Двое моих уже в поселке. Отобьются до нашего прилета! Любишь ты покомандовать, любишь глотку подрать!

Султанов с видимым раздражением отключился, привычным жестом вытер влажные седые виски и угрюмо посмотрел на сидящего в кресле Сергеева. Тот с любопытством оглядывался, осматривая кабинет, заметил на стене за спиной Султанова портрет Бояславцева, поморщился, но вслух ничего не сказал. И правильно, в Районе каждый имеет право на личное мнение, особенно в том случае, если оно касается только тебя самого и твоего отношения к каким-либо вещам. Нравится человеку — пусть висит у него портрет на стене. Тем более что человек-то был хороший.

— Так и живем, — проворчал он. — Все занимаются делом, один Султанов командует. Делать ему больше нечего, да?

— Ты не волнуйся, — посоветовал Сергеев. — С двумя багами и Флейшман справится. Но ведь это ты назначил его начальником Службы безопасности. Насколько я помню, у тебя были и более достойные кандидатуры.

— Флейшмана я помню по Сибири, — отрезал Султанов. — А других вообще не знал. Ты бы стал подбирать себе заместителя из незнакомых людей? Все, проехали! — чуть повысил он голос, почувствовав, что Сергеев готов развивать тему дальше. — Как у вас дела? Закончили карту?

— Через два дня закончим, — безмятежно сказал Сергеев. — Участок ведь немаленький, сам понимаешь, что за неделю, что ты нам выделил, с картографией не управишься. И авария эта людей из колеи выбила. Жалко Симонова. И пилотов тоже жалко. Ты меня за этим вызывал? Мог бы по телефону спросить, не отрывал бы занятых людей от работы.

Султанов, набычась, глянул на него. Сердиться Султанов не умел, поэтому сейчас его лицо выглядело не сердитым, а обиженным.

— И этот туда же! — сказал он наконец. — Все заняты делом, все работают, один Султанов, как шахиншах какой, ничего не делает, а только командует!

— К начальству всегда так относились, — сказал Сергеев. — Начальство для того и существует, чтобы добросовестно подсчитывать количество бездельников и занятых людей. Обычно бездельников оно всегда насчитывает больше, потому что к занятым людям относит только себя.

— Издеваешься? — сообразил Султанов и грустно улыбнулся. — Пусть так. Но теперь ваш занятой начальник нашел бездельникам достойное занятие. Смотри! — Он повернулся, и в большой комнате, явно переделанной из спальни в кабинет, вспыхнула на стене грубая, почти карикатурная карта Района. Карта эта была выполнена начерно, без каких-либо уже известных ориентиров и обязательных географических величин. Сергеев такие плоские карты не любил. Он поморщился.

Собеседник заметил это.

— Не нравится? — спросил он. — Мне тоже не нравится. Нам здесь жить, нам Район осваивать, поэтому для нас такая карта не годится. Это ты правильно морщишься, я тоже морщился, но ведь другой карты пока просто нет, Коля! Вертолеты — это хорошо, но с вертолетов многого не увидишь. Поэтому нет хорошей карты, понимаешь, к чему я веду?

Сергеев улыбнулся:

— Тебя не понять — окончательным дураком надо быть, Осман. Если карты нет, то кто-то ее должен сделать. Хочешь предложить картографическую экспедицию по всему Району?

Султанов погрозил ему толстым пальцем.

— Под себя гребешь, — сказал он. — А ты не гребь под себя. Ты шире думай, ты думай, как Султанов. Почему картографическая? Просто экспедиция широкого профиля. Специалисты по всем профилям — картографы, конечно, геоло-

ги, биологи, ботаники, физики и химики тоже нужны будут. Многим в этой экспедиции работа найдется. Мы о Районе все должны знать, нам здесь жить, понимаешь? Ну как? Хорошо Султанов придумал? И ему спокойнее, и вам, бездельникам, такая экспедиция — весьма достойное занятие.

Короче, Николай, я предлагаю тебе основную партию в этой экспедиции — будешь там подсчитывать количество занятых людей и бездельников. Не понял? Предлагаю возглавить экспедицию. Почему именно тебе? Только потому, что хочу посмотреть, как на этот раз ты командовать будешь! А если совсем серьезно, то именно потому, что картографирование Района будет основной задачей. И карта должна быть такой, чтобы сразу были видны перспективы Района и его возможные сюрпризы.

Султанов прошелся по кабинету, бесцельно подвигал стул у своего стола и, не глядя на Сергеева, сказал:

— Отводов не принимаю. Смета нужна к концу недели. Мне ее еще наверху утвердить надо. Сам понимаешь, твоя экспедиция не совсем обычная, пусть подготовка будет дешевле, но проще от этого она не станет. Да ты и сам все понимаешь, да? Ну, что скажешь? Хоп?

Сергеев поднялся.

— Смета будет, Осман, — пообещал он. — Только учти, мне многое потребуется. Сам должен понимать, успех таких экспедиций в первую очередь зависит от обеспечения, а уж потом от людей. Если ты хочешь организовать очередную героическую эпопею, то я...

— Вай, дружище! — возмутился Султанов и встал у окна. — Я все понимаю, ты все понимаешь... С чего начнешь, Коля?

— С Поселка-восемь, — сказал Сергеев и поднялся. — Ты должен помнить, там я живу.

Круглое лицо Султанова на мгновение стало озабоченным, потом он поднялся и протянул Сергееву руку.

— Хоп, — сказал он. — Думаю, Флейшман уже там со своими орлами. Но учти, к концу недели смета должна быть у меня. Времени на раскачку у нас просто нет.

Он подумал немного.

— Да, чуть не забыл. Там, наверху, похоже, с ума сошли. Знаешь, кого они вчера прислали? Никогда не догадаешься! Они журналиста прислали! Вот только журналиста Султанову не хватало! Говорят, будет историю Района писать. Каково?

— Давно пора, — сказал Сергеев. — Давно пора привести в порядок собственную историю. У нас дети растут. Что они о Районе знают? Мы сами о прошлом почти ничего не знаем. Одни легенды.

— Это ты потому так говоришь, что возиться не тебе с ним, Султанову с ним возиться! — неодобрительно сказал исполнительный начальник проекта. — А я вот возьму и свалю его на тебя. Включу в экспедицию. Уж если он хочет быть летописцем, то пусть и в походах участвует!

— Как скажете, Осман-ака, — с показным смирением согласился Сергеев. — Желание начальника — закон для подчиненного. Правда, сразу скажу, я от вашего решения не в восторге!

— Иди, декханин, иди! — сказал, усмехаясь, Султанов.

Однако проводил Сергеева до выхода из кабинета с изысканной восточной вежливостью. Уже спускаясь по пластиковой лестнице, Сергеев слышал, как Султанов кричит кому-то по телефону:

— Мне все равно, Гурген! Все равно, понимаешь? Ты взялся обеспечить Поселки хлебом? Обеспечивай, дорогой! Это сейчас в Поселках восемь тысяч жителей, а если их будет больше? И не надо кивать наверх, ты сам клялся, что к концу этого месяца мы перейдем на самообеспечение! Клялся, да? Кто тебя за язык тянул? Я тебя тянул за язык?

Разумеется, за язык никто и никого не тянул. Гурген Шедария просто похвастался, у грузин это бывает. Похвастался или переоценил свои возможности. Но, зная Султанова, можно было смело сказать, что Шедарии предстоит очень неприятный разговор. В отношении виновных Султанов порой не выбирал выражений.

Глава одиннадцатая

Вот и еще один день прошел, а они были пока что живы.

С одной стороны, это внушало оптимизм, но с другой стороны — их до сих пор не нашли, и с каждым прошедшим днем надежда на то, что их все-таки найдут, становилась все более призрачной. Впрочем, Дронов не обольщался. Но ведь надежда — это такая зараза, она не покидает человека даже в самых безвыходных ситуациях, даже умирая, человек в глубине души надеется на то, что будет существовать после смерти, а в худшем случае — обретет наконец покой и отдохнет от пресвратностей жизни.

Но Дмитрий умирать не собирался.

Не первый же он оказался наедине с лауном, да и не одинок он, хотя состояние напарника оставляло желать лучшего. Вон Думачев несколько лет провел в полном одиночестве, и ничего, не сгинул и даже не одичал наподобие матроса Селькирка. Даже хозяйство какое-то имел, дневник каждый день писал, приручал, говорят, животных из лауна. В последнее Дронов верил с трудом. Это каким дрессировщиком надо быть, чтобы безмозглых монстров приручать! Хотя, конечно, нужда и не такое иной раз делать заставит. Но прирученных животных из лауна Дронов не видел, а мало ли какие легенды ходили о первопроходцах. Одни рассказы о Большой Бойне чего стоили! В сказки Дронов не верил и к рассказам о прошлом относился с известной осторожностью. А сейчас ему вообще не до сказок было, сейчас перед ним встал вопрос выживания, и Дронов этот вопрос намеревался решить в положительную сторону.

Рана у Симонова затягивалась. Красная отечность спала, и Павел даже пробовал время от времени пошевелить ногой. К радостному удивлению Дронова, ему это удавалось, хотя и плохо. Если Симонов пошел на поправку, то они еще побарахтаются. Случившееся с товарищем походило на чудо. И только ради одного этого стоило верить в чудеса!

Утром он вышел на лиственные поля, поймал двух коров и принес полный пенал зеленоватого сладкого молока. Молоко прекрасно подкрепило обоих. Поэтому сейчас Дронов с оптимизмом смотрел в будущее.

— Через несколько дней встанешь на ноги, — говорил он товарищу. — Вот тогда и двинемся в путь. Тут всего-то! К августу доберемся.

Симонов недоверчиво шурился. Уж он-то знал лаун не хуже Дронова.

Импульсник у него Дронов предусмотрительно забрал, как и футляр с термитками. Кто знает, чего придет в голову больному человеку, не дай бог, он в порядке самоотреченности вздумает избавить товарища от излишней обузы, каковой на данный момент является он сам. Тем более что Павел стал чувствовать себя значительно лучше и поначалу настаивал, чтобы Дронов шел дальше один, оставив его в пещере, и заткнулся только тогда, когда Дмитрий в довольно резкой форме заметил ему, что у одного шансы добраться до поселка минимальны, чуть выше они у двоих, если этот второй будет в хорошей физической форме.

Днем он наблюдал за лауном в широкую щель между камнем и входом в пещеру. Джунгли жили своей обычной дневной жизнью. Все время кто-то кого-то ел, потом сам становился жертвой, слышались треск, взрывывания, предсмертные попискивания, хруст ломающихся ветвей, хрип и жадное чавканье, в которые изредка вплетался топот погони. Заросли лауна ходили ходуном, из них доносилось страшное сопение, иногда брызгала желтая и зеленая кровь, а один раз рядом со входом в пещеру упала огромная шипастая нога, которая долго конвульсивно сгибалась и разгибалась, пока ее не подхватил какой-то стремительный летающий хищник, тенью проскользивший над землей и скрывшийся среди густого переплетения лиан, напоминающих гирлянды, сплетенные из крошечных белых цветов.

В этот мир им предстояло еще выйти. И неизвестно было, в какое время лучше пробираться по лауну — днем или ночью. Каждое из них было по-своему опасным.

Но и отсиживаться в пещере тоже оказалось небезопасным. Ближе к полуночи, когда Дронов, устав от своего дежурства, решил плюнуть на все и лечь спать, скала, в которой была пещера, вдруг заколебалась. Дронов вскочил, лихорадочно нащаривая импульсник, лежавший у него в изголовье. Камень, прикрывавший вход в пещеру, отлетел в сторону, и, заполняя весь вход, в пещеру сунулось вонючее черное рыло, заполненное огромными острыми клыками. Выше страшной морды темнели бусинки любопытных глаз. Дмитрий выстрелил трижды. Целиться не пришлось, с такого расстояния он не смог бы промахнуться при всем желании. Получив жгучий удар в морду и лишившись нескольких клыков, хищник отпрянул. Скалу сотрясло несколько ударов, послышался костяной треск. Вой, который издал раненый хищник, ударил по ушам, на несколько мгновений Дронов даже оглох, а потом послышался топот удаляющегося зверя, и наступила тишина, в которой послышался захлебывающийся прерывистый шепот Симона:

— Дима! Ты где? Что случилось, Дима?

А что случилось? Ничего особенного не случилось. К ним пожаловал ночной хищник, хотел полакомиться, да не получилось. Вполне вероятно, что люди прищлись бы ему по вкусу.

Остаток ночи Дронов не спал. Уже под утро он выбрался наружу, чтобы вернуть камень на место. Серая пелена лежала на лауне, и где-то в глубине зарослей сияли фантастические голубовато-зеленые огни. Искрясь, они образовывали потрясающий узор, который завораживал, манил к себе, призывал, и Дронову с трудом удалось прийти в себя.

В небе слышались тихие вскрики и шелест крыльев. Это охотился рукокрыл.

Искушать судьбу Дронов не стал. Поставив камень на место, он вернулся в глубину пещеры, которая сейчас казалась ему не такой уж безопасной.

Пользуясь плоским камнем и своим ножом, Дронов из клыков, потерянных хищником, сделал два прекрасных клин-

ка. Это было дополнительное, хотя и не слишком надежное оружие. Ближе к рассвету он вновь отправился за водой к подземному водопаду, прихватив для освещения головню из костра. Набирая воду, он при свете рваного пляшущего пламени факела увидел рядом с озерком, образованным падающей водой, бледные поросли грибных мицелий. К его удовольствию, мицелии принадлежали съедобному грибу. Он набрал целую рубашку завязей и притащил их к костру. Вытряхнув грибы и вновь надев рубаху, он принес воду.

О еде теперь думать не приходилось. Тревожило другое — активная флора внутри пещеры снова стала проявлять себя. Пока Дронов не понимал, нужно ли к этому факту относиться с опаской.

Все утро он запекал ароматные клубни на углях. Запах был соблазнительным, от этого запаха проснулся и Симонов. Завтрак был похож на пиршество. Жаль только соли в запеченных клубнях было маловато. На вкус грибы оказались похожими на сладкие яблоки, если есть их с хлебом.

— Где взял? — поинтересовался Симонов.

— Там, — показал рукой Дмитрий. — Не волнуйся, там еще не на один день хватит. Мы с тобой грибной плантацией обзавелись. С голоду не умрем!

Симонов потянулся за следующим клубнем, очистил его от подгоревшей верхней корки.

— Это хорошо, — сказал он. — Главное, чтобы грибная плантация нами не обзавелась.

— Все нормально, — сказал Дронов. — Я эти грибки знаю, такие мы у Поселка собирали. Они безопасны.

Он помыл руки горячей водой, полил Симонову, который все еще не вставал.

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

Симонов пошевелил раненой ногой.

— Лучше, — сказал он. — Намного лучше. Если дела пойдут так дальше, то уже через день я начну ходить.

— Лучше отлежись, — возразил Симонов. — Там снаружи такое творится, страшно нос высунуть.

— Некогда лежать, — поморщился Павел, пробуя согнуть ногу в колене. — Нам надо дойти до дождей, иначе мы отсюда не выберемся.

— Тогда нам грозит оказаться в лауне в период нашествия странников. — Дронов бросил рядом с раненым сделанный им нож. — Красивая игрушка, верно?

— И удобная к тому же, — сказал Симонов, ловко распуская наточенным костяным лезвием кусок лианы на изгороди. — С твоего разрешения, я все-таки потороплюсь.

— А я посплю, — зевая, сказал Дмитрий. — Веришь ли, так глаз и не сомкнул. Всю ночь к нам гости ломились.

— Надеюсь, ты им объяснил, что мы не принимаем?

— А как же, — сказал Дронов, вытягиваясь на прохладной мягкой постели, от которой нежно и хорошо пахло. — Они долго извинялись, а потом так торопились уйти, что в спешке зубы свои растеряли.

Пошарив рукой в изголовье, он проверил, на месте ли импульсник. Второй он перебросил Симонову:

— Держи свою игрушку. Твоя очередь заступать в караул.

Глава двенадцатая

Баги стояли в засаде с раннего утра.

Быть может, они заняли место на опушке еще ночью. А утром их просто никто не заметил. Попробуй заметить зеленого палкообразного дракона, который, смиренно сложив свои смертельно опасные лапы, застыл в полной неподвижности и ничем не отличается от зеленых стволов деревьев. Бага, который замер в засаде, невозможно разглядеть даже вблизи. Его замечают, когда зубчатые суставные лапы стремительно разгибаются, а страшные клешни хватают намеченную жертву и тянут ее к пилообразному рту, из которого уже нет спасения.

Пусть даже зрелище летящего бага завораживает, пусть он кажется изящной китайской игрушкой на фоне голубого неба, похвастать, что они видели полет бага, могли очень ред-

кие наблюдатели. И прежде всего именно потому, что баг прожорлив, во всем движущемся он в первую очередь видел пищу.

Так было и на этот раз.

Коровы пошли на утреннее пастбище, и тут уж баги развернулись. Резню они устроили грандиозную. Серо-зеленые тушки коров лежали в лужах зеленоватой крови, их было много, даже считать никто не стал. Это понятно, баги безмозглы и азартны. В отличие от других хищников они режут своих жертв не только для пропитания, но и для удовольствия. Чтобы насытиться, каждому багу хватило бы двух-трех коров. Но баги жаждали крови.

Спасибо еще, что из людей никто не пострадал.

Двое флейшмановских спасателей оказались в поселке весьма кстати. И амуниция соответствующая у них случайно была при себе. Одного бага они сбили из гранатомета при смене хищником позиции, другой улетел, потеряв конечность, и это было очень плохо, конечности у багов вырастают заново быстро, а сами хищники злопамятны, тем более что погибший баг оказался самкой, чья брюшина раздулась от зеленых яиц.

Теперь в любое время можно было ожидать прилета мстителя.

Сергеев поговорил со спасателями.

Первый был молод, высок и плечист, у него было удлиненное усталое лицо, на котором выделялись светлые щетинистые усики. Спасатель был горд одержанной победой, усики его топорщились от зажатого в зубах мундштука, и оттого спасатель, которого звали Владимиром, говорил немного невнятно и словно бы с превосходством.

Второй оказался крепеньким мускулистым парнем лет двадцати пяти на вид. Звали его Андрей, и выглядел он немного попроще своего коллеги.

— Скорость у него, — уныло сказал Андрей. — Мы за ним было в чащу кинулись. Там все зеленью заляпано, словно стадо коров порезано. А баг ушел к вершинам и затаился. Тут

его вблизи хрен увидишь, а уж на такой высоте... Жаль, упустили. Теперь вернуться может.

— Вернется — положим, — вынимая мундштук изо рта, сказал Константин. — Я уже с Флейшманом связывался, тот добро дал на засаду у Поселка. Потом еще и поисковики подтянутся. Найде-ем!

— Последнее время баги поселков избегали, — сказал Сергеев. — После большой облавы их вообще не было видно, а теперь опять появились.

— Расплодились, наверное, — лениво сказал Константин. — До зимы-то еще далеко!

— Не было печали, — сказал Сергеев. — До начала нашествий еще полгода, а тут — баги. Чувствую, ребята, будет вам в этом году работенка. Скажите Флейшману, чтобы боеприпасами запасался. Это ведь еще броневики не пошли, странников не было.

— Справимся, — все так же лениво сказал Константин. — Раз мы сюда пришли, обязательно будем хозяевами. Ладно, Андрей, давай еще разок по окрестностям пробежимся. Скоро вертолет придет, нам еще в поиске участвовать. А сюда пусть молодняк подтянут. Охранять — не искать, для этого чутья не требуется.

Похоже, они еще участвовали в поиске людей с вертолета. Вертолет нашли, а людей нет. И надо было продолжать поиск, чтобы спасти их или убедиться в том, что они мертвы.

Сергеев попрощался и неторопливо побрел по направлению к Поселку. До Поселка было рукой подать, но Сергеева не отпускало чувство настороженности — там, где устроили засаду два бага, вполне мог ждать жертву и третий.

Разноцветные домики Поселка на опушке леса выглядели красочно и живописно.

Монтировали их по цветам, потому и названия улиц были вполне соответствующими — Розовая, Зеленая, Бежевая. Официально Поселок именовался по установленной наверху нумерации — восьмым. Сами жители называли Поселок Цветочным из-за обилия огромных пряно пахнущих зарослей ало-

белых цветов, которые знакомы были лишь специалистам, остальные дали им привычное бытовое название — вьюнки.

Соседний седьмой поселок его жители называли Конфетным из-за той же разноцветности домов. Названия выглядели несколько по-детски, но, если положить руку на сердце и сказать откровенно, точно так же выглядели и сами дома, которые от типовых строений людей отличались именно непредсказуемостью окраски и форм.

Багов по дороге не встретилось, но и обычно активная фауна Района на этот раз вела себя спокойно, и на глаза людям представители ее старались не попадаться.

Поэтому Сергеев без приключений добрался до дома.

Вероника уже хозяйничала на кухне.

— Пришел, — констатировала она. — Живой, здоровый. Слушай, Коля, зачем нам это было нужно? Мы вполне могли дожить свою жизнь, не подвергаясь этим опасностям. Нет, мы, бабы, все-таки дуры. Ну зачем я согласилась на эти глупости?

— Пусть будет, как будет. Между прочим, Султанов сделал мне предложение. Как ты думаешь, что он мне предложил?

— Путешествие, — не отрываясь от скворчащей сковороды, сказала Вероника. — Что еще он мог предложить, чтобы у тебя так загорелись глаза? Конечно, ты согласился?

— Посмотрел бы я на дурака, который от него отказался бы, — сказал Сергеев. — Представляешь, после нашей экспедиции мы сможем не представлять, а знать, как выглядит наш Район!

— Есть будешь? — спросила Вероника. — Некогда было готовить. Это ведь только вы, мужики, думаете, что работаете и устаете. Между прочим, мы уже второй день работаем на твою экспедицию.

— И ты не сердишься? — обрадовался Сергеев.

Вероника с грохотом поставила на стол сковороду.

— Ешь, — сказала она. — Если ты думаешь, что мне доставляет удовольствие постоянно мыть посуду, то ты, Коленька, ошибаешься. Но если ты думаешь, что в эту экспедицию

ты отправишься один, — она ловко бросила на пластиковую подставку несколько кусочков тонко нарезанного белоснежного батона, — то ты ошибаешься вдвойне!

Сергеев взял кусок батона и надкусил его. Хлеб оказался удивительно нежным на вкус и совсем не походил на обычный хлеб.

— Странно, — сказал Сергеев. — Это ведь не хлеб, Ника! Жена засмеялась.

— С сегодняшнего дня, — сказала она, — это будут считать хлебом. Невкусно?

— Язык проглотить можно, — искренне признался Сергеев.

— Вот и глотай, — засмеялась Вероника. — Это же просто хлеб, местных деликатесов ты еще не пробовал.

— В этом мире у меня есть только один деликатес, — засмеялся Сергеев, жадно обнимая жену за тонкую и горячую талию, которую он узнал бы под любым, даже самым безобразным костюмом.

— Память у тебя, — сказала Вероника. — Надеюсь, ты сохранишь ее и дальше.

— Странно, — целуя жену в шею, сказал Сергеев. — Я сегодня был у Султанова и слышал, как он по телефону Шедарию кроет. Быстро Гурген исправился!

— Это не он исправился, — сердито отозвалась Вероника. — Это мы сами испекли в коротковолновой печи.

Она отстранилась и заглянула Сергею в глаза:

— Значит, ты согласился?

Сергеев отпустил ее.

— Все нормально, Никуша, — виновато сказал он. — Обычные вопросы по картографии, карты Района мы ведь пока не имеем.

— И Султанов предложил тебе возглавить экспедицию, — закончила Вероника. — Карту ведь надо составить? Должны же мы знать, уважаемый, в каком мире живем, — очень похоже передразнила она Султанова. — А ты, конечно, согласился. Ведь согласился?

— Пока только подготовить план такой экспедиции, — покаянно признался Сергеев.

— Сергеев, — строгим голосом сказала жена. — Ты врешь, как будто от любовницы вернулся. Не умеешь ты врать, Сергеев!

— Не умею, — довольно согласился Николай. — А тебе бы хотелось, чтобы я научился?

Вечером они лежали в постели.

За пластиковыми стенами коттеджа что-то поскрипывало, в высоте слышалось тонкое гудение, но на это вполне можно было не обращать внимания. Как и думать о том, что через три-четыре недели придется продираться через заросли, менять спущенные колеса и аккумуляторы «лендроверов», отбиваться от еще неизвестных, но оттого не менее опасных обитателей Района, и никто не смог бы внятно сказать, что может ожидать людей в этом опасном путешествии по местам, где не ступала нога человека. «Э-э, брат, — сказал себе Сергеев. — Это ты врешь. Нога человека здесь ступала, и не раз, только вот место от этих хождений не стало более понятным и безопасным. Оно так и осталось загадочным и обещающим беды любому путнику, как бы он ни был подготовлен к своему путешествию».

— Коля, ты спишь? — тихо спросила Вероника. — Я так решила — если ты пойдешь в эту экспедицию, значит, и я в нее пойду.

Вот только этого ему не хватало!

Однако возражать Сергеев не стал, слишком хорошо он знал характер своей жены, а потому и молчал. Некоторые проблемы способно разрешить только время.

Глава тринадцатая

Вот эту гору Дронов помнил.

Ее называли Лысой горой, она располагалась на севере Района, и они в былое время не раз приземлялись в окрестностях горы на вертолете. Теперь он точно знал, что они идут пра-

вильно. Только вот до Поселка оказалось дальше, чем он рассчитывал.

В своих переходах они выбрали оптимальный вариант — начинали двигаться с наступлением сумерек, когда лаун на некоторое время затихал: дневные хищники, насытившись, отправлялись на ночевку, а ночные еще не выбирались из своих логовищ. Риск, конечно, оставался, но куда же без риска в лауне? И на хищника можно наткнуться в любое время, и без убежища остаться — не всегда же на пути встретится надежная пещерка с единственным входом. Пока им сопутствовала удача.

— Не спеши, — раздраженно сказал Симонов. Он все еще приволакивал больную ногу, идти ему было трудно, но Симонов терпел.

— Я понимаю, что тебе тяжело, — не оборачиваясь, сказал Дронов. — Но ты уж соберись, Паша, тут совсем недалеко. Я эти места хорошо знаю.

— Это хорошо, — прохрипел Симонов. — Черт, нам бы верхом, мы бы живо добрались! Жаль, что здесь нет лошадей. Дронов посмотрел вверх.

Гора показалась ему неестественно высокой, с вертолета она выглядела иначе. Если смотреть с вертолета, верхушка горы едва поднималась над лауном. Если подняться на эту гору, можно было, наверное, увидеть Большое озеро. И Поселки.

— Тащиться ради этого в гору? — удивился Симонов. — Только не сейчас, Дима, только не сейчас!

Приближались сумерки. Если подняться на гору, можно увидеть горизонт и гигантский диск красного светила. Дронов знал это точно, но вслух ничего не сказал. Следовало позаботиться о ночлеге. Еда у них была, они набрали ее в дороге. Место для ночлега! Они бродили в окрестностях горы около часа и не находили ничего похожего.

Между тем небо над головой заметно потемнело, по лауну бродили сумерки, тени покачивались, сплетались и вновь расплетались, они трепетали, вздрагивали, казались живыми.

Возможно, дело обстояло именно так — всякую тень должно что-то отбрасывать.

— Кажется, мы влипли, — сказал Дронов. — Придется ночевать под открытым небом.

— Можно вернуться в заросли, — предложил Симонов. — Свалим три или четыре дерева и укроемся в буреломе. Ночь-то продержимся, верно?

А вот такой уверенности у Дронова не было. В лауне встречались не только скачущие и прыгающие монстры, извивающихся и стелющихся по земле гадов тоже хватало. И еще был Бич лауна, к счастью, в ночное время его можно не опасаться. Следовало что-то предпринять, и Дронов решился.

— Ты прав, — хмуро сказал он. — Давай возвращаться. Мы еще можем успеть. Если повезет, нам не придется рубить стволы.

Уже почти в темноте они вышли к остову автомашины.

— Я его несколько раз с вертолета видел, — объяснил Дронов, пытаясь открыть дверцу. Колес у машины не было, и корпус врос в землю. После нескольких попыток дверца со скрипом приоткрылась, и им удалось пробраться внутрь. Там были целы даже сиденья. Корпус сохранил стекла, поэтому сквозняка не было, ветер с шорохом обтекал остатки автомобиля. Судя по внешнему виду, машина была достаточно старой — «ЗИМ», а быть может, даже «Победа», в старых марках машин Дронов разбирался слабо. И он плохо представлял, какого черта этот некогда шикарный лимузин делал в лауне, кто его сюда перегнал и для каких целей. Не иначе тогдашнее начальство с шиком здесь разъезжать собиралось. В «бардачке» Дронов нашел моток тонкой, но жесткой стальной проволоки, и это его обрадовало ничуть не меньше Робинзона Крузо, нашедшего на берегу корабельный сундучок с плотницкими инструментами. Он еще не знал, куда этот моток можно употребить, но был твердо уверен: такая вещь бесполезной оказаться не может. Симонов, кряхтя и сопя, тяжело перебрался на заднее сиденье и завозился, растирая ногу.

— Ноев, зараза, — смущенно пожаловался он. — Черт, угораздило меня. Был бы ты один, сейчас бы уже вдвое больше прошел. Все-таки можно пройти, можно. Смотри, мы уже который день в пути, а ни одной серьезной передрыжки не случилось. По-моему, все эти слухи о смертельной опасности лауна сильно преувеличены. Ну жрут они друг друга, так это же объяснимо: идет борьба за выживание видов. При известной сноровке...

— Тише! — прервал его Дронов.

Где-то в стороне раздался странный шум, словно кого-то волокли по земле, потом послышался странный противный звук, который, казалось, рвал душу, и прямо перед ветровым стеклом, чудом уцелевшим на брошенной автомашине, возникло два огромных немигающих глаза. Определить размеры существа, которому глаза принадлежали, было затруднительно, они постоянно меняли свою высоту, потом придвинулись еще ближе, и существо поползло через машину. А вот длина у него была невероятная. Они сидели и слушали, как тяжелая масса чудовища скользит по крыше автомобиля. При соприкосновении тела с металлом слышался скрежет, в воздухе стоял странный резкий запах, не похожий на все известные людям. Казалось, что оно будет двигаться вечно, поэтому оба с облегчением вздохнули, когда скрежет прекратился и в сумерках стало видно длинное округлое гигантское тело, которое, изгибаясь, стремительно удалялось прочь.

— Вот так, — назидательно сказал Дронов. — А в одиночку да на открытом воздухе тут и пришел бы путнику звиздец.

— А я уж стрелять собрался, — признался Симонов. Полное лицо его смутно белело на заднем сиденье. — Слушай, я, конечно, представлял, что такие гады где-то здесь водятся. Должны быть, раз влаги много. Но чтобы он такой был! Мне и в голову не приходило!

— Окстись, Пашенька, — усмехнулся Дронов. — В кого стрелять? Это же самоубийцей надо быть, чтобы попытаться в одиночку с таким монстром расправиться. Прикинь, что бы потом произошло, ведь ему разряд с нашего импульсника не

более чем щекотка. По ним из гранатометов лупить надо, и то страшновато, не знаешь точно, возьмет ли его граната. Ты видел длину этой твари? Она же в половину улицы нашего Поселка, точно тебе говорю.

Они сидели в машине и терпеливо ждали наступления утра — там тоже имелся период молочных сумерек, когда солнце еще не взошло, а дневные обитатели лауна еще не сменили уходящих на покой ночных собратьев. Период этот был довольно коротким, но и его люди старались использовать с максимальной выгодой — пройти столько, сколько позволят обстоятельства. Запах масла и озона в салоне давно исчез, более того, снизу несло какой-то падалью, но с неудобствами надо было мириться. Симонов тяжело заворочался на заднем сиденье.

— И не уснешь, — пожаловался он. — Вот попали, а, Дима?

«Лошадь бы нам, — с тоской подумал Дронов. — Лошадку. На ней бы мы быстро доскакали. Скорее всего нас уже не ждут. Нет, поиск, конечно, еще идет, отдельные группы в районе катастрофы работают. Когда пропал Силецкий, его искали около месяца. Только все это трепыхание, конечно. Лаун своего не отдает...»

Он прикрыл глаза.

Лежать оказалось неудобно, в бок упирался какой-то острый рычаг, в таких условиях заснуть практически невозможно, и все-таки надо было попытаться, надо было обязательно заснуть, потому что сонному человеку днем в лауне делать нечего, за невнимательность лаун обязательно потребует расплаты.

«Лошадку бы нам, — в который раз сонно помечтал Дронов. — А еще лучше — автомашину, внедорожник, вот это было бы кстати».

В Поселке, наверное, сейчас было светло и безопасно. Коммунальная служба получила с Материка прочные пластиковые переходы, которые начали устанавливать между домами, поэтому нападений разной мелкой сволочи из лауна в Поселке уже почти не опасались. Удивительно, что до такой

простой мысли никто не додумался раньше. И плевать на то, что пластика раньше не знали, в конце концов, такие переходы можно было делать из чего угодно, даже из прорезиненной ткани, которая в прошлые годы шла на изготовление армейских плащ-палаток и комплектов химической защиты. Главное — сам принцип. А принцип один — обеспечить безопасность населения Поселков. Конечно, до шестидесятых на эту безопасность просто плевали, кого жалеть было, уж не заключенных, которые по приговору получали свой червонец в зубы без права переписки и вместо уральских рудников и якутских приисков отправлялись сюда, в Район.

Прошлого Района не знал никто, от всего прошлого в Поселке осталась одна-единственная достопримечательность — семидесятипятилетний дядя Саша, Александр Николаевич Староверов, легенда Района, его самый древний обитатель, пришедший с первопоселенцами. Дронову всегда хотелось посидеть в компании со стариком, послушать его жуткие и необычные рассказы о прошлом времени, похожие больше на страшную сказку для младших научных сотрудников дошкольного и школьного возраста, только вот как-то все не выходило, вечно Дронову не хватало времени на подобные посиделки. А ведь если вдуматься, этих самых свидетелей героического прошлого Района почти и не осталось, их сейчас единицы уже, и разбросаны они по всей стране — кто в деревне под Тулой, кто в новосибирском Академгородке пытается наукой заниматься. А скоро уйдут и они, и тогда уже ничего не останется, одна сказка, и все. А ведь их надо заставить писать историю Района, подумал Дронов. Странно, что никто из начальства не додумался до очевидной вещи — посадить за стол историка, архивариуса, журналиста, на худой конец, и заставить его воссоздавать историю Района по сохранившимся документам, что покоятся в архивах КГБ и уже не существующего Секретариата ЦК КПСС, по рассказам еще живых ветеранов, по приказам и инструкциям, которые ветшают и желтеют в Совете. Это ведь очевидно, что отсюда мы никуда не уйдем. Если человек куда-то приходит, он приходит навсегда. Или надолго. Человек всегда приходит и покоряет

природу, как бы чужда она человеку ни была. Как говаривал старик Мичурин, мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее — наша задача. Только если мы не получаем от нее милости, то пусть и она от нас этой милости не ждет. Покорим ее так, что она и взбрыкивать перестанет. Правда, до последнего времени покорить природу оказывалось не так уж и просто, лаун ошибок не прощал. Достаточно вспомнить гибель Поселка-четыре. И это ведь тоже уже история, подумал Дронов, ворочаясь на неудобном сиденье. В самом деле, если мы с Симоновым выберемся отсюда, я поставлю вопрос об историке, пусть начальники чешут репы, это ведь очевидно, что у любого сообщества своя собственная история, а если общество сокрыто пока завесой секретности от широкой общественности земного сообщества, то эта история приобретает особое качество — она становится интригующей. Это как история разведки, ее страницы никому раньше не были знакомы, поэтому, став достоянием общественности, интересуют всех. А собственно, если смотреть на вещи трезво, мы и занимаемся разведкой, мы расчищаем площадку для будущего человечества. Мы — разведка на службе у Будущего.

Нет, не получалось у Дронова заснуть.

Он сел, с досадой открывая глаза, и замер от неожиданной фантастической картины — в черных и оттого невидимых во тьме зарослях лауна плясали огоньки. Их было много, их невозможно было сосчитать, они плясали в воздухе, сплетаясь в сложные замысловатые и кажущиеся невозможными узоры. Они извивались в длинных бесконечных хороводах, которые гасли и вновь появлялись в самых невероятных местах, огоньки жили таинственной ночной жизнью, вот они погасли, неожиданно вспыхнули вновь, замерцали, словно передавали друг другу неведомую информацию, и так же неожиданно погасли вновь, чтобы вновь появиться высоко в небе.

Дронов заворуженно наблюдал за пляской огоньков в лауне. Огоньки вдруг погасли, и над спящими, сонно ворочающимися, хищно хрустящими челюстями зарослями, полными загадочных неповторимых звуков, медленно поплыл светящийся шар, отбрасывая на спящие джунгли бледный колеблющийся свет.

Сзади чертыхнулся и заворочался, негромко поминая ма-тушку и связанные с ней присказки, Симонов.

— Слушай, — негромко сказал он. — Это еще что за чертовщина?

— Откуда я знаю? — вопросом на вопрос отозвался Дронов. — Было и было. Ты давай спи! Нам еще долго идти!

Легко сказать — спи! Особенно если тебя вновь поманили загадкой, а объяснять ничего не стали. Это все равно что дочитать заковыристый детектив до последней главы, а последнюю главу отложить для прочтения в неопределенном будущем. Вы такого не пробовали? Вы дочитывали книгу глубоко за полночь? Можете себя поздравить, вы здравомыслящий человек без каких-либо отклонений в психике. Любая загадка существует для того, чтобы ее в конце концов разгадали.

Симонов на заднем сиденье сонно всхрапнул. Дисциплинированный человек! Приказано спать, вот он и спит. Дронов посидел еще немного, бесполезно тараща в темноту глаза, но ничего интересного больше не увидел. Лаун жил своей обычной ночной жизнью.

Дронов откинулся на кресле и приказал себе уснуть. Устав караульной службы в их ситуации соблюдать не стоило, случись что-то неприятное, лучше было бы вовсе не просыпаться.

Уже засыпая, он мысленно прикинул оставшийся им с Симоновым путь, а прикинув, в который раз похолодел от нехороших предчувствий — нормальному человеку такой путь просто не осилить.

Глава четырнадцатая

Макрорежим, как и оборотку на кратнике, Султанов всегда переносил тяжело. Все тело после кратника чесалось. Врачи, правда, утверждали, что это явление психологического характера, да какая, к черту, психология, если после краткамеры все тело зудит! В машине Султанов тайком почесывался. Он даже внимания не обращал на виды за окном.

Водитель его маршруты знал очень хорошо.

— Откуда начнем? — спросил он.

— С завода, — прикинул Султанов. — С завода, Паша, начнем. Они мне много должны.

Завод состоял из длинного цеха, похожего на самолетный ангар, и небольшого двухэтажного здания, в котором размещалась администрация.

Кабинет главного инженера Султанову был хорошо знаком, он мог бы описать его даже с закрытыми глазами.

Сам Авдонин сидел за столом и беседовал по телефону. Судя по багровому лицу Авдонина, разговор у него шел не слишком приятный.

— А фурнитура? — закричал Авдонин. — Фурнитуру тоже поставщики замотали? Саша, я тебя уважаю, но ты пойми, ты ведь не мою программу режешь, ты государственную программу международного значения по-живому чекрыжишь!

Он снова послушал, сдвинул брови и хмуро сказал:

— Ты мне сроки, сроки обозначь! Я ведь не могу людей обнадеживать. Я обнадежу, а ты, понимаешь, меня снова подведешь. Как я смотреть буду? Да не в плане, не плане дело, Саша! Дело в ответственности за свои обязательства. Я обещал, понимаешь? У меня четыре подлодки стоят, «лендроверы» эти чертовы... Кто мне обещал, что световоды вовремя поставит? Кто говорил, что с чипированием все будет нормально? Ты обещал, ты, Саша! Ну знаешь, ты подумай, я тебе позже позвоню.

Он с видимым раздражением отключил телефон и недобро уставился на Султанова:

— Стыдить пришел? К совести взывать? Давай, у Авдонина шея крепкая, он все стерпит. Ты сам слышал, в чем загвоздка. А виноват, как всегда, Авдонин. Я тебе сколько подлодок обещал? Шесть? Хорошо, если две в срок сдам. Пластиковые переходы сдам, два тридцатиквартирных дома для заселения подготовили, завтра поставим, только скажи, куда поставить. Все удобства, сам бы жил, да тебе отдаю. Умельцы не подвели, можешь хоть завтра с отгрузочной площадки три

вертолета и семь новых перехватчиков забрать. А с «лендроверами» загвоздка, Осман. Не будет «лендроверов». С фурнитурой меня подвели, электродвигатели некомплектные поставили. Такие вот дела.

Он посидел немного, устало потер уши, потом открыл стол и достал оттуда упаковку таблеток. Ловко бросил одну таблетку в рот и потянулся к холодильнику, доставая из него бутылку минералки.

— Вот так и живем. А ты давай, не стесняйся, — сказал он. — У меня шкура толстая, ее трудно прошибить.

— Вижу, — вздохнул Султанов. — Вижу твои сложности, Николай. Но я ведь не от хорошей жизни жалуюсь. Ты пойми, мне это лето никак пропускать нельзя. Мы и так уже столько времени потеряли! Ты ведь знаешь, что программа была рассчитана на пять лет. Два уже прошли, а мы все топчемся на окраинах. Ты о перспективе думай, Коля. Пока вы впереди, так это не навсегда. Перспективу утратишь, потом подниматься тяжело будет, все твои наработки другие использовать будут.

Авдонин раздраженно махнул рукой.

— Что ты меня уговариваешь? — сказал он с усталым недовольством. — Не надо меня агитировать, сам все понимаю. Но не в силах мы закольцевать весь процесс на своем заводе, мы пока еще от смежников зависим. Интеграция! — с отвращением сказал он как плюнул. — И специалистов не хватает. Тут ведь не об игрушке речь, тут надо действующую модель делать. Действующую! А у меня всего три «левши» на весь завод. Ты ведь знаешь, какую микронную работу приходится делать, все ведь чуть не с электронным микроскопом. Кому делать, Осман, кому?! Нет у меня достаточного количества специалистов. Ну подвезут мне проводку и двигатели. Двигатели, положим, я еще поставлю, это несложно, а проводку?

Он помолчал, тяжело отдуваясь, с подтекстом глянул на Султанова.

— А вот тут мы тебе помочь можем, — сказал тот. — Если обеспечишь безопасность и условия для работы, я тебе бри-

гаду специалистов выделяю. Они эти «лендроверы» быстро переоборудуют. Ты как на это смотришь?

Некоторое время инженер соображал, потом неуверенно заулыбался.

— А ведь это выход, — сказал он. — Фу-ты, как я сам не догадался? И вроде все на поверхности, а поди ж ты! Что нужно-то?

Султанов хмыкнул.

— Да ничего особенного, — сказал он. — Пустая комната нужна, дом с подключением. Так у тебя готовый есть. Канализацию и водопровод шлангами бросишь. Будут жить прямо в доме, а в комнате — работать. И мы тебе за ОТК будем. Нам же на этих машинах ездить. О продуктах не беспокойся, продукты у них свои будут. Сам понимаешь, с продовольствием у нас все нормально. Главное, чтобы было где жить и работать. Ну и некоторое оборудование у твоих специалистов позаимствуем. Дадут твои «левши» нам кое-что из своего имущества?

— Дадут, дадут! — светлея лицом, сказал главный инженер. — Пусть только попробуют не дать! Нет, Осман, все-таки приятно разговаривать с умным человеком. Сам я не догадался, а ты — р-раз и выход из ситуации придумал. А продукты не проблема, если надо, я все из дома принесу. Когда люди будут?

— Когда скажешь, — сказал Султанов. — С нами проблем не будет, ты скажи, когда условия для работы создашь?

— А прямо сегодня, — сказал главный инженер. — Если хочешь, я им собственный кабинет отдам, перебыю пока в конструкторском, у меня там второе рабочее место имеется. Значит, договорились?

— Договорились, договорились, — нетерпеливо сказал Султанов и встал. — По рукам, брат. Ну, действуй. А мне еще по городу помотаться надо, проблемы некоторые утрясти.

Он уже был у порога, когда Авдонин спросил, прикрывая некстати зазвонившую телефонную трубку ладонью:

— Осман, ребят с разбившегося вертолета не нашли?

— Нет, — помрачнев, сказал Султанов. — Пока не нашли. Не сыпь соль на раны, Коля, и без того тошно.

С завода он заскочил в единые электросети, придирчиво проверил оплату и продление договора на следующий год, хотя до этого было ой как далеко. Но Султанову лишние проблемы только усложняли жизнь, поэтому заодно он договорился о монтаже параллельной линии до Станции. Вопросы уже проговаривались, деньги были уплачены нужному человеку. Поэтому потребовалось только удостовериться, что человек этот своих слов на ветер не бросает. Человек слов на ветер не бросал, из ЕЭС Султанов уехал довольный и сразу отправился в центральный офис.

Денежные проблемы он утряс быстро, не сторонним организациям платили, своим. Медикаменты уже отправили, миниеlevator тоже уже ушел по назначению, Бояславцев отбыл в Петербург для решения вопросов, связанных с приобретением небольшого заводика, прогоревшего из-за недобросовестности внешнего управляющего. Люди занимались делом, поэтому бесцельно толкаться в коридорах Султанов не стал, не хотелось чувствовать себя лишним в этой деловой и озабоченной круговерти. Дел у него в городе не осталось, а ехать к себе было еще рано, линии требовалось время для подзарядки, и раньше пяти вечера показываться на Станции было просто глупо, пришлось бы до этого времени болтаться там, а это в планы Султанова тоже не входило.

Подумав, он отправился в летнее кафе на набережной. Оно ему понравилось еще в первое посещение, поэтому, вырываясь в город, Султанов взял за правило обедать именно там.

Они с водителем неторопливо обедали, когда к ним подошел небритый мужик лет пятидесяти в черном и грязном тренировочном костюме и резиновых сапогах. В руках у него было ведро, накрытое крышкой. Из ведра слышалось шелестение и загадочный скрип.

— Слышь, мужики, — сказал небритый абориген. — Раков не возьмете?

Он приоткрыл ведро, оно было полно иссиня-зеленых шевелящихся раков.

Султанов вскочил. Видимо, лицо его непроизвольно изменилось, потому что небритый мужик торопливо накрыл ведро крышкой.

— Дядя, у тебя что, крыша поехала? — сказал он. — Ну, раки, обыкновенные раки, их сейчас все продают!

Султанов сел, успокаиваясь.

Рыбак торопливо засеменил прочь, изредка оглядываясь на их столик.

— Раки, — криво усмехнулся Султанов. — Надо же, обыкновенные раки!

И в это время зазвонил сотовый телефон. Некоторое время Султанов молчал, слушая собеседника, потом сложил аппарат и с довольной улыбкой повернулся к водителю.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо, прямо гора с плеч свалилась. Выжили ребята после аварии вертолета. Кто именно, пока не знаю. Но точно выжили. Сейчас поисковики продолжают работу.

И впервые за последние дни на смуглом круглом лице Османа Султанова засияла улыбка.

Глава пятнадцатая

Таманцев их и нашел — две окровавленные тряпки, бывшие когда-то частью рукава рубашки, который разорвали и использовали в качестве бинтов. Надо было быть следопытом или очень везучим человеком, чтобы в полутемной пещере на девятый день поисков обнаружить две бурые тряпки, почти не отличающиеся по цвету от пожухлой листвы.

В углу стояла высохшая изгородь, за которой находился топчан. Судя по нескольким пятнам бурой подсохшей крови, на нем спал раненый. Неподалеку от постели сизо-черной кучкой лежали угли.

Находка всех обрадовала, получалось, что поиски не были напрасными, кто-то из экипажа вертолета уцелел и теперь, судя по направлению от места предполагаемой аварии до пещеры, упрямо шел к Поселку. Несомненно, даже сама попытка предпринять подобную экспедицию через лаун была достаточно безумной, но еще опаснее было бы отсиживаться в пещере, такие пещеры редко бывают необитаемыми, а обитатели чаще всего оказываются опасными для человека. Да и сам факт, что они вышли на эту пещеру во время поисков, было чистой случайностью. Тысячу раз можно было пройти мимо, даже не заметив скромного входа в нее или приняв этот вход за нору какого-нибудь хищника.

Снаружи слышался треск деревьев, яростные и возбужденные крики, а потом кто-то громко заскрипел. В звуках были угроза и одновременно боль. Не сговариваясь, Таманцев и начальник выскочили из пещеры. Среди высоких деревьев виднелся широкий пролом, сломанные стволы беспорядочно торчали в разные стороны, длинные зеленые листья были щедро уляпаны бурой жидкостью.

— Все в порядке, — раздался голос в эфире. — Это трескун на нас наварлся. Ребята ему весь бок разворотили. И все-таки он уполз. Ох и живучая тварь!

В голосе говорившего следопыта еще жил азарт схватки.

Группа была хорошо подготовлена. На тренажерах и в спортивных залах ее гонял ученик самого Кливоденко — мастер спорта международного класса по дзюдо Дзасохов, который после окончания спортивной карьеры помыкался никому не нужным по различным спортивным секциям учителем и сэнсэем, а потом неожиданно для друзей и многочисленных родственников завербовался на Крайний Север и, отфильтровавшись два года в Магадане, благополучно ушел в Район. Здесь ему было хорошо, здесь он нашел себя в качестве наставника и тренера молодых следопытов. К слову сказать, готовил он их очень неплохо, со старым эвенкийским охотником Николаем Толбеевым они составляли прекрасную пару учителей, готовивших для Службы безопасности вели-

колепных специалистов. После быстротечного боя следопыты еще сохраняли боевой порядок, в группе было четко расписано, кто кого прикрывает и страхует, эти нехитрые правила, служащие выживанию и безопасности, в группе соблюдались неукоснительно.

Они вернулись в пещеру. После слепящего света дня в пещере вновь пришлось привыкать к полутьме.

— Молодец, — сказал начальник разведгруппы. — Растешь, парень, на глазах растешь.

Похвала была приятна, но Андрей Таманцев ничего не сказал, принимая слова начальника как должное.

— Мы их перехватим, — сказал Таманцев. — Они идут к Поселку и выбирают кратчайший путь.

— Не факт, братец, не факт. — Начальник разведгруппы присел и палочкой поворошил кострище. — Так... Грибки они ели, лаункофе из корешков варили... Интересно, кто это у них такой сообразительный?

— Дронов, — сразу же сказал Таманцев. — Он в Районе уже не первый год, в отличие от других знает многое, сам поисковик в недалеком прошлом.

Начальник разведгруппы выпрямился.

— Вызывай вертолеты, — сказал он. — Пусть они посмотрят лаун перед нами с воздуха. Может, опять повезет. Я так понимаю, опознавательного костра они не разводили, побоялись. И правильно сделали — смотри, сколько в лауне последнее время сухостоя. Порохом полыхнул бы! А если они такие предусмотрительные, то меня это только радует, тогда у мужиков хорошие шансы есть, даже если мы их и не найдем.

— Не найдем? — удивился Таманцев. Тяжелый импульсник он держал на плече, словно дубину. Конечно, тяжело ведь, попробуй потаскай на руке такую дубину весь день, под вечер руки отниматься начнут. — Как это — не найдем? Направление их движения мы знаем, скорость движения тоже легко рассчитать. Найдем, как не найти!

Они разговаривали у входа в пещеру.

Огромная скала в мелких трещинках нависала над ними, чуть в стороне дышали, колыхались, извивались, сплетаясь в невероятные узлы, зеленые непроходимые джунгли, при одном взгляде на которые было понятно, что начальник разведгруппы прав, а Таманцев — нет. Поиск в непроходимых джунглях невероятно труден, найти в лауне человека — все равно что отыскать иголку в стоге сена. Но начальнику максимализм Таманцева и его уверенность в своих силах были явно по душе.

Следопыты из Службы безопасности уже обшарили окрестности скалы, но безрезультатно, и сейчас держались плотной группой. В лауне расслабляться нельзя, за небрежность и расхлябанность лаун наказывает быстро и беспощадно. Следопыты знали это на собственном опыте, потери у них случались чаще, чем у иных обитателей Поселка, не зря же для них условия жизни были несколько иными, даже некоторые проступки, за которые любой иной обитатель Поселка был бы немедленно наказан вплоть до перевода на Материк, им сходили с рук.

— Пошли, что ли? — Командир разведгруппы устало потянулся, привычно вскинул импульсник. — Время! Время!

И они пошли — группами по двое, и каждая группа левее или правее предыдущей, чтобы остальные в случае необходимости могли прикрыть их, не боясь, что кто-то окажется на директрисе огня. Под ногами хрустело, воздух был влажен и тяжел, где-то высоко над лауном палило, выжигало все живое огромное беспощадное солнце, но надо было идти. Вертолеты в таком поиске помочь не могли, ведь перед поисковой группой стояла почти невероятная задача — отыскать одного или крошечную группу людей, чье направление движения и скорость перехода по джунглям были известны лишь приблизительно, а если говорить точнее — вообще неизвестны. И самое главное — затерянные в лауне были впереди тех, кто их искал, почти на декаду, а за это время с ними в джунглях могло случиться все,

что угодно. Прodelать этот путь вслед за ними предстояло пешком, и сделать это нужно было в максимально короткое время. И вертолеты использовать было невозможно — путники могли благополучно уйти уже далеко, но вполне могли попасть в беду совсем рядом с их недавним убежищем. Вертолеты могли только немного помочь, исследуя пространство впереди. Но и в этом случае весь расчет строился на случайной удаче. В тесном переплетении великанских деревьев и лиан, которые делали лаун похожим на зеленый ад, усмотреть что-то можно было только случайно.

«Найдем, — думал на ходу Таманцев, успевая, однако, обшаривать взглядом лаун перед собой и несколько сбоку. — Обязательно найдем. Не можем не найти. Лишь бы с ними больше ничего не случилось, лишь бы ребята не попали в беду до того, как мы их найдем!»

Он себя отлично чувствовал. Он был в обойме, его окружали люди, на которых можно было положиться в любых обстоятельствах. Они ничуть не напоминали тех, с кем сводила его судьба на Материке. Не шакалы, настоящие ребята, для которых заботы ближнего были едва ли не важнее своих собственных. И адреналина здесь тоже хватало. Это было место, где чувствуешь себя мужиком. Ни за какие деньги Андрей не согласился бы покинуть Район.

— Быстрее, быстрее! — закричал начальник разведгруппы. — Темп, мужики! Слишком сильно мы от них отстали!

Отставание во времени нисколько его не смущало. Впереди шли люди, практически не знавшие лауна и имевшие минимальные навыки выживания в джунглях. А за ними следопыты — люди, прошедшие специальную подготовку с учетом опыта различных разведслужб и охотников, месяцами пропадавших в тайге, и были они специально натренированы на действия в экстремальных условиях, поэтому передвигались они в лауне быстрее тех, кого искали, и ориентировались в джунглях быстрее, чем они. А следовательно, обязательно должны были их догнать.

Глава шестнадцатая

Вы когда-нибудь пробовали делать хирургическую операцию в походно-полевых условиях и вдобавок ко всему перочинным ножом? Дмитрию Дронову это сделать пришлось. Затянув ногу Симонова у паха жгутом, сплетенным из измочаленных лиан, Дронов подождал, пока лианы подсохнут и стянут кровеносные сосуды еще теснее, и взялся за дело. Прокалив лезвие ножа на пламени, он решительно сделал надрез там, где кожа бугрилась, делая ногу Симонова бесформенной. Наверное, весп попался Симонову неправильный. Вместо того чтобы парализовать человека и унести его в гнездо, где вылупятся будущие личинки, он отложил яйца прямо в тело жертвы. Еще только проснувшись, Павел жаловался, что его лихорадит, потом впал в забытие, и, осматривая товарища, Дронов обратил внимание, как чудовищно распухло его бедро. Прощупывая мышцы, он наткнулся на круглые упругие яйца и сразу понял все. Медлить было нельзя, поэтому Дронову ничего не оставалось, как резать ногу товарища простым ножом. Разумеется, был риск занести инфекцию, но выбирать не приходилось — судя по всему, период созревания у яиц заканчивался, а лопни они, Симонову не смогли бы помочь даже в оборудованной по последнему слову техники клинике Района.

Симонов вскрикнул, дернулся и затих. Наверное, потерял сознание. Рана была слишком узкой, пальцы не лезли вглубь, и Дронов решительно увеличил разрез, стараясь не кромсать мышцы. Особых познаний в медицине у него не было, но то, что неосторожным движением можно повредить нерв или саму мышцу, он понимал хорошо. От теплой крови пальцы и нож стали липкими и скользкими, поэтому действовать приходилось с особой осторожностью.

Пальцы нащупали продолговатое упругое тело, он осторожно сжал их и потащил яйцо из раны. Это удалось с некоторым трудом. Через несколько минут перед Дроновым ле-

жало три белых продолговатых яичка, которые, оказавшись вне живого тела, зажили собственной жизнью. Они словно дышали — поверхность яиц медленно вздувалась и опадала. Некоторое время Дмитрий брезгливо разглядывал их, потом, спохватившись, вновь обратился к ране. Ниток и хирургических игл у него не было, поэтому он заранее сплел моток нити из листа лекарственного растения, который ему не раз показывал во время прогулок у поселка его знакомый охотник Коля Толбеев. Виток за витком он обматывал бедро Симонова, стараясь, чтобы витки ложились рядом друг с другом, образуя нечто вроде повязки. Закончив перевязку, он поднял товарища на руки и перенес его на приготовленную постель.

Вернувшись, он вздрогнул — одно из яиц лопнуло, и рядом с плоским камнем, на котором он делал операцию, извивалась сегментная бледная личинка с маленькой черной головкой. Испытывая брезгливость, Дронов сжег личинку и яйца импульсником на максимальном режиме. В земляной норе стоял запах горелой плоти, но на это не стоило обращать особого внимания.

Закончив работу, Дронов сел и только теперь почувствовал, как он устал. Даже руки тряслись. Оставалось надеяться, что все обойдется.

Пересилив себя, Дмитрий выбрался наружу, отошел подальше от убежища, тщательно вымыл руки и нож заранее приготовленной водой. Делать рядом с убежищем этого не следовало, мало ли кого мог приманить запах свежей крови!

Итак, их положение опять усложнилось.

В ближайшее время Симонов идти не мог, получалось, что им опять предстояло застрять в лауне на неопределенное время. Это вгоняло в уныние.

«Лошадку бы нам, — тоскливо подумал Дмитрий. — Лошадку!» Но лошадей в лауне не было. Приходилось рассчитывать лишь на свои ноги. А их у них с Симоновым сейчас было на двоих всего три. Ну три с половиной, если уж считать совсем точно.

Отверстие над головой потемнело, и Дронов торопливо схватил импульсник. В нору лезло что-то мохнатое, пучеглазое, не иначе явился хозяин. Стрелял Дронов практически в упор, поэтому целиться не пришлось. Светящийся заряд угодил чудищу куда-то между многочисленных глаз. Хозяин норы обиженно заскрипел, и в норе снова стало светло. Дронов представил себе, как сейчас хищник недовольно бродит вокруг своего дома, который без спроса заняли незваные гости, и ему стало смешно. А страха почему-то не было, хотя, судя по тому, что разряд полной мощности особого вреда хозяину норы не причинил, тварь это была живучая и потому опасная.

Через некоторое время снаружи послышался скрежет, невнятное бормотание, и на входе вновь потемнело. Дронов насторожился, но тревога была напрасной. Видимо, хозяин норы решил, что если он не может выжить незваных гостей из своего дома, то им лучше бы остаться в нем навсегда. И он неторопливо принялся заделывать вход серебристой тонкой нитью — шелковистой и липкой на ощупь. Дронов отстраненно подумал, что это, может, и к лучшему, хищник сам не будет рваться в убежище, да и для других обитателей лауна оно станет незаметным. Маскировать свои норы жители лауна умели превосходно. А это, в свою очередь, означало, что отлежаться они с Симоновым в норе могли вполне безопасно. Запас продуктов и воды на первое время у них был, а через три-четыре дня состояние Симонова должно было окончательно проясниться. Хотелось надеяться на лучшее, плохого в их одиссее было уже вполне достаточно.

Он привалился к тяжело дышащему Симонову. Гнездо, в котором они сейчас лежали, было мягким и пушистым, не иначе обитатель этой норы был сибаритом и любил домашние удобства.

«Три дня, — загадал Дронов. — Если за три дня рана не начнет срастаться, значит, все плохо. Но плохо быть не должно. Кажется, я все делал правильно. И вовремя я эту дрянь из Пашки вытащил, еще немного — и ничего уже сделать было бы невозможно».

Спать было нельзя. Днем в лауне спать не стоит.

А глаза слипались от усталости. Сейчас, когда напряжение последних часов сошло, Дронов понял, что он безумно устал. Некоторое время он боролся с сонливостью, потом прополз по норе вверх, осторожно вытянул из серебристой пробки, закрывавшей вход, длинную нить и вернулся, держа ее в руке. Привязал липкую и еще живую нить к запястью и лег, положив рядом оба импульсника — свой и Симонова. Теперь можно было закрыть глаза. Натянута нить обязательно даст знать, если в нору попытается кто-то проникнуть. Оставалось только надеяться, что проснуться он успеет вовремя.

Но Дронову, честно говоря, на это было наплевать. Через несколько минут он уже спал, и выражение блаженства на его измученном небритом лице ясно указывало, как принимает сон измученный организм. Скажи ему, что у норы собрались все хищники джунглей, Дронов бы сейчас только пробормотал: «И хрен с ними!» — а потом перевернулся на другой бок, не открывая глаз, и снова продолжил бы свое увлекательное занятие. Не зря говорят, что сон лечит организм от стрессов.

Дронов увлеченно лечился.

Он даже похрапывал во сне.

Одна рука его лежала на импульснике, другую, к которой была привязана нить, он использовал в качестве сторожевой. Спать в такой позе было крайне неудобно, но Дмитрию Дронову на это было наплевать. Он устал так, что заснул бы и стоя.

Глава семнадцатая

Торопиться днем надо было еще и потому, что к вечеру приходилось останавливаться раньше, чем обычно. Ночевать в лауне под открытым небом очень опасно, и требовалось валить деревья и сооружать временный форпост. Подобная работа отнимала много времени, но от этого деться некуда: хочешь жить — напрягайся.

Разведгруппа состояла из двух цепочек, и каждая из них сама определяла время и очередность своего дежурства. Тут и указаний давать не стоило — каждый следопыт знал, что и когда ему предстоит сделать. Отточенность действий превращала разведгруппу в совершенный механизм. Говорят, когда-то какой-то государственный деятель сказал, что общество должно быть подобно механизму часов — каждый винтик, каждое колесико должно находиться на своем месте и решать задачи, которые перед ними поставлены. Таманцев был с этим полностью согласен. Каждый должен делать свою работу как можно более качественно, каждый должен быть на своем месте: ученый — заниматься исследованиями, хозяйственник — решать вопросы организации быта и снабжения, летчики — бить пакости лауна в воздухе и вести воздушную разведку, а следопыты должны исследовать лаун и при необходимости спасать людей. Как это они делали сейчас. И глупо заставлять человека выполнять то, к чему он абсолютно не приспособлен.

Расстояние, которое за день прошли следопыты, впечатляло. И это, заметьте, с разведкой местности, с привязкой автономных маячков, с боевыми контактами, которых сегодня Андрей насчитал одиннадцать. Он вдруг подумал, что маячки, которые они устанавливают в лауне, конечно же, помогут ориентированию в Районе, но было бы совсем неплохо, если бы у каждого жителя Поселков был такой маячок. Тогда бы поиск затерявшегося в лауне человека сводился бы к простой пеленгации маячка. Запеленговали, послали вертолет, выбросили группу спасателей, забрали человека и вернулись на Базу. Просто и экономично. И освободилась бы масса времени для исследовательской работы. Конечно, в следопытах интересно, и даже очень, но ведь нельзя же всю жизнь пробегать по джунглям. По джунглям можно бегать, пока здоровья хватает. Конечно, физическую форму можно прекрасно поддерживать до пятидесяти лет. Но что потом? И интересно было бы попробовать себя в другой деятельности. Андрей Таманцев даже начал посещать университет, где ученые Рай-

она на общественных началах вели занятия. Удивительно интересно было слушать академика Александрова о молекулярно-атомных процессах, профессора Бухломина, Дальберга с его рассуждениями о философской сущности лауна и перспективах развития человечества, интересно, хотя и очень трудно, было вникать в проблемы генетического моделирования и хромосомных расчетов при изменении метаболизма организма. А заниматься этим, наверное, было еще увлекательнее. Но это было еще впереди, Андрей Таманцев не хотел терять ни минуты из отпущенного ему судьбой времени.

Свободные от дежурства следопыты собрались у костра под небольшим навесом. Караульные заняли свои места на сторожевых башнях. Таманцев вдруг подумал, что в организации охраны ничего не изменилось с первобытно-общинного строя. И не могло ничего измениться. Регламент охраны вырабатывался кровью, за небрежности, допущенные в охране, всегда платили жизнями невиновные из тех, кого караулы охраняли. А потом уже расплачивались караульщики, если к тому времени сами оставались живы.

От костра послышался смех.

Пахло жареным мясом, свежим горячим хлебом и душистой заваркой. Андрей проглотил слюну и почувствовал, что голоден.

— Таманцев! — позвали от костра.

Ночь упала на лаун стремительно. Только что было еще светло, но вот уже ближайшие деревья превратились в тени, едва выступающие из темноты, наступила недолгая тишина, огонек костра стал ярче, выхватывая из темноты усталые лица следопытов, стих ветер, гуляющий в высоте, и стало слышно, как где-то неподалеку страшно и надрывно начал свой крик ночной обитатель небес.

Как водится, заснуть сразу никто не смог. Некоторое время следопыты лежали под скрипучим и кажущимся ненадежным навесом и обсуждали перипетии прошедшего дня. В основном разговор касался боевых контактов с обитателями лауна, это было уже традицией — искать в своих действиях

возможные ошибки и анализировать их, чтобы больше никогда не допустить в дальнейшем.

Ночной лаун медленно просыпался.

Среди деревьев слышался треск, лязганье, опасные шорохи, и сам лаун казался огромным лохматым хищником, терпеливо наблюдающим за пришельцами тысячами светящихся глаз.

Таманцев допил душистый сладкий напиток, заваренный из листьев какого-то сахароноса, которого он не знал. Все-таки здорово, что он оказался здесь. Окончив школу, он подался на Север. Не для того, чтобы заработать, хотя и этот вопрос для бывшего детдомовца не был последним. Приехав в таежный поселок, он увидел грязь и разруху, все, что можно было продать из государственного имущества, ставшего в одночасье ничейным, служащие и рабочие леспромхоза уже продали. Те, кто поумнее, вложили деньги в дело, более глупые — пропили их, и все ждали, что будет дальше. В середине девяностых годов прошлого века люди еще не задумывались о будущем, всем казалось, что все так и будет продолжаться, вместо украденных мотопил привезут новые, новыми заменят угробленные и проданные частникам трактора, поэтому все удивлялись, что как раз этого-то и не произошло. Государству было наплевать на своих граждан, граждане гордо плевали на государство. В таких условиях недавний детдомовец был никому не нужен. Трудно было не растеряться. Таманцев немного помыкался, но тут его нашел военкомат, и там бесцеремонно объявили, что пора отдать священный долг своей Родине. Родина бывшему детдомовцу оказалась ничего не должна, но от него требовала многого. На призывной комиссии Таманцева с его ростом и комплекцией, а также неплохой спортивной подготовкой сразу же определили в десант. Служба в армии Таманцеву особенно трудной не показалась, она почти ничем не отличалась от жизни в детдоме, и Андрей уже подумывал подписать контракт, но тут его нашел некто по фамилии Суржиков и предложил работу в Службе безопасности неизвестного района страны. Деньги платили

фантастические, и это поначалу насторожило Таманцева, который по своему пусть и маленькому жизненному опыту накрепко усвоил, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Но этот Суржиков умел уговаривать, и Андрей решился. Решился и никогда не пожалел о принятом решении. Здесь ему было хорошо. Здесь он был дома. Деньги в Районе ничего не значили, в них просто не нуждались. Где-то на Материке рос счет Таманцева, но приди время покидать Район, он бы не задумываясь отдал все эти накопления, чтобы остаться. Вокруг были друзья, и принципом, определяющим жизнь следопытов, был принцип прежнего Севера: «Сделай — или умри!» Правда, здесь всегда добавляли, что умереть сможет каждый идиот, ты сделай дело и останься в живых, риск должен быть оправданным. Как, например, сейчас, когда они искали пропавших в лауне вертолетчиков. И никто не считал, что рискуют они напрасно, оставаясь в лауне, никто не говорил, что жизнь одного человека ничего не значит в сравнении с риском потерять значительно больше. Каждый житель Поселка имел право на максимальную помощь, каждый житель Поселка имел право на жизнь, и это для Таманцева было главным.

Рядом шептались.

Андрей не прислушивался, тем не менее он никак не мог не услышать разговора.

— Нет, Вовка, ты неправ. Утопия не умирает, она не может умереть, она прорастает. Поначалу прорастает идеей, а потом людьми. Если есть ты, если есть твои друзья, которым интереснее жить, а не таскаться по бабам и закусочным, не отравлять себя водкой, а именно жить — полнокровной красивой жизнью, делать открытия, от которых холодеют щеки, путешествовать, рискуя жизнью, но вместе с тем открывая невероятные миры, то это не значит, что вы такие исключительные, есть и другие похожие на вас, только пока еще вы не знаете друг друга.

— Вот и надо, чтобы было место, где единомышленники могли бы встретиться. А то ведь эти люди живут порознь, они даже не знают, что где-то есть такие же, как и они.

— Сразу все не получится. А вообще ты прав. Я вот недавно Рыбакова читал, питерского фантаста. Знаешь, у китайцев есть одно слово вроде нашего «товарищ», только, представляешь, переводится гораздо красивее — одиночайтель. Понимаешь, одиночайтель — это больше, чем знакомый, больше, чем просто товарищ, ну, может, немного меньше, чем друг.

— Да я читал, еч* Миркин, читал. — Один из невидимых собеседников негромко рассмеялся. — Знаешь, я вот все думаю, почему СССР проиграл? Ну нельзя же все одним предательством и человеческой тупостью объяснить.

— Да дело не в тупости, — с некоторой досадой отозвался второй. — Скорее всего именно потому, что никто хорошо не представлял, за что они взялись и с чем именно придется столкнуться. Вот и схватились за все сразу, и у них ничего не получилось. Ведь это ежу понятно, веками в человеке воспитывалось чувство собственности и беспокойства о личном благополучии. Надо было добиться того, чтобы общество взяло на себя все эти заботы. Но попытки оказались слишком немелыми, бюрократия мечту задавила. А ведь главной задачей было совсем другое, следовало с ходу схватиться за воспитание нового отношения к труду, а не выстраивать административные пирамиды и иерархию чиновничества. Надо было сделать так, чтобы труд на благо общества воспринимался обыденным и безусловным явлением. Воспитать новое отношение к труду попытались административными методами и при этом опору сделали на страх. Попытка оказалась неудачной. Этого стоило ожидать. Негодные средства всегда приводят к неудаче. Отсюда репрессии, отсюда усиление бюрократизма, отсюда все основные негативы того общества, которое строили после семнадцатого.

— А я думаю, что попытки будут продолжаться, — вздохнул собеседник. — Ведь этот так заманчиво — жить по совести и мечте! Что плохого, если ты будешь отдавать обществу все свои силы? Именно обществу, а не работать на какого-то

* одиночайтель.

хозяина, который знаменит своей хваткостью. Ты работаешь на общество, общество заботится о тебе. Не надо беспокоиться о завтрашнем дне, он будет таким же счастливым, каким оно было — твоё вчера. Не надо волноваться за детей, они сами найдут себе нишу в обществе, займутся тем, чем они хотели бы заниматься.

— Ты говоришь о свободах, — отозвался после некоторого молчания собеседник. — А они оказались растоптанными. Все испортили именно репрессии. Из лагерных ворот не шагнешь в будущее, из лагерей возвращаются только в прошлое. Давай спать. Завтра Никодимыч нас погонит впереди. Сегодня впереди шли ребята Сомова, значит, завтра — мы. Знаешь, что я подумал? Плохо, что у нас почти нет книг. Когда читаешь с экрана, быстро устают глаза. Когда ещё у нас будет хорошая типография!

Собеседники завозились, укладываясь поудобнее.

Таманцев прикрыл глаза. Можно было бы поспорить с Миркиным и его приятелем, но, конечно, не сейчас. Сейчас надо было спать. И все-таки приятно, когда рядом разговаривают о серьезных и нужных вещах. Интересно было бы заняться двадцатым веком и именно историей СССР. Миркин, пожалуй, прав в одном. Попытки построить гуманное и справедливое общество для всех обязательно будут продолжаться. Если однажды придумали самолет, то он непременно полетит. Сначала подпрыгнет, потом на миг приподнимется и ткнется носом в землю, но с каждым разом зависания будут все дольше, полеты длиннее, и наконец самолет полетит, ибо прогресс остановить нельзя, тем более общественный прогресс. Люди не зря мечтают о справедливости, когда-нибудь они ее добьются и вместе научатся жить в однажды построенном новом мире. Уже засыпая, Таманцев вдруг подумал, что велосипед изобретать не придется, ведь если смотреть на вещи прямо, справедливый и добрый мир уже существует здесь, в Районе, под боком у ничего не подозревающего человечества. А на Материке пытались запустить самолет Мо-

жайского с паровым двигателем. Неудивительно, что он летал плохо.

Общество состоялось, если у него есть будущее. А в будущем Района у Андрея Таманцева сомнений не было. Хорошие люди собрались в Районе, такие люди без будущего остаться не могли.

Он уже засыпал, когда рядом с ним присел начальник разведгруппы. Плотное широкое лицо его было жестким и озабоченным. Отблески костра освещали его.

— Таманцев, спишь? — негромко спросил начальник.

— Сплю, Никодимыч, — еще тише отозвался Андрей.

— Прислушайся.

Таманцев прислушался. Прежней звенящей тишины не было. Над лауном стоял гул, звук этот был хорошо знаком Таманцеву. Следопыт сел, еще раз вслушался и тревожно посмотрел на начальника.

— Слушай, Никодимыч, так ведь еще не сезон!

— Весна жаркая была, — стараясь не разбудить остальных, сказал Никодимыч. — Плохо дело, Андрей.

Глава восемнадцатая

В жизни каждого человека случаются полосы невезения.

Все вроде нормально, а потом бац! — и все становится плохо. И что хуже всего, неприятности накладываются одна на другую, и наступает момент, когда руки опускаются и не хочется ничего делать, хочется плюнуть на все и поплыть по течению. Тут главное — себя пересилить, убедить в том, что любые неприятности рано или поздно кончаются, да и нельзя в общем-то назвать случившееся с тобой истинной неприятностью, ведь каждому живущему хорошо известно — действительная неприятность в жизни случается только раз и, по счастью, эта первая настоящая неприятность является одновременно последней. После нее ничего.

То, что сейчас происходило, было полосой невезения. Авария вертолета была только ее преддверием. Потом добавилось все остальное. Единственным светлым пятном было то, что они живы. Живы, несмотря ни на что. Симонову стало легче, рана затягивалась с поразительной быстротой, и трудно было назвать причины этого — особенности организма раненого или лекарственные повязки, которые Дронов менял постоянно. Павел уже ковылял по тесной норе, на бедре его выделялся длинный багровый шрам — где прошелся нож Дронова. Ясное дело, нож не скальпель.

Дронов уже рисковал порой оставить его в норе одного, пропадая на поверхности. На все вопросы товарища он лишь загадочно шурился.

Через некоторое время он додумался использовать для повязки нити, которыми хищник оплел вход в нору. Нитей потребовалось не так уж и много, а у Симонова на ноге появилась аккуратная серебристая повязка, скрывающая шрам. Сам Симонов утверждал, что повязка снимает боль и рана от нее заживает быстрее. Дронов не особенно в это верил, но, сняв повязку в очередной раз, убедился, что шрам стал бледнее, рана и в самом деле зарубцовывалась.

Все заканчивалось хорошо, только безвозвратно терялось время. Дорогое время. Проблемы воды не возникало, совсем недалеко от норы, которую они заняли без разрешения хозяина, в сложном переплетении узловатых корней незнакомого Дмитрию дерева бил родник, высота фонтанчика достигала пояса. Вода в нем была чистой и холодной, и это было как нельзя кстати — стояла жара, в норе было довольно пыльно, и надо было по утрам приводить себя в порядок, чтобы окончательно не зарости грязью. Прошло уже много времени с тех пор, как они брились в последний раз, щетина на их лицах уже превратилась в подобие бородок. У Симонова она была рыжеватой и окладистой, у Дронова черные волосы росли кустиком на подбородке, зато он мог похвастаться усами.

Помощи по-прежнему ждать не приходилось. Или поиски, в чем Дронов крепко сомневался, прекратили, или

поисковики потеряли их следы. Это навело его на мысль. Уходя из норы по своим делам, он всегда отмечал путь сломанными ветвями или нарисованными на земле стрелами. Последнее средство было самым ненадежным, первый же дождь не оставил бы от знаков следа. Но все-таки это было лучше, чем ничего. Перспектива дождя пугала Дронова, любой дождь мог лишить их и без того ненадежного убежища. Прежнюю пещеру Павел вспоминал уже с нежной тоской, она более походила на дом, чем нора, в которой они сейчас обитали.

Он не сомневался, что искать их уже перестали. Они блуждали по лауну почти месяц, никто в Поселках даже предположить не мог, что люди смогут продержаться в джунглях столько времени. Конечно, их уже наверняка числили среди погибших, а это, в свою очередь, означало, что надеяться они теперь могли лишь на себя.

Робинзону Крузо было немного легче. Пусть даже корабль к его острову мог пристать только чудом, он жил в нормальных условиях. Если посчитать, сколько в то время в Европе было кораблей, а затем просчитать возможность того, что один из этих кораблей сможет найти остров, на котором Робинзон обосновался, а тем более захочет к нему причалить, то само спасение Крузо можно было смело считать обыкновенным чудом. Так вот, если прикинуть территорию Района, а также маршруты научно-исследовательских групп на ней, вероятность, что одна из таких групп на них наткнется, была примерно в миллион раз меньше.

Думать об этом было тяжело, делиться своими мыслями с Симоновым Дронов не хотел. Впрочем, Симонов был отнюдь не глупым человеком, Дмитрий был уверен, что подобные расчеты тот уже давно провел, только делиться с ним не желал по тем же самым причинам.

Пока Симонов лежал, они довольно много разговаривали. Дмитрий немало узнал о товарище по несчастью. Отшельничество располагает к откровениям, он сам порой в разговоре вспоминал свое прошлое.

Симонов до Района работал скромным научным сотрудником Всесоюзного института географии и картографии АН СССР. В середине девяностых, когда политические лидеры начали энергично делить всесоюзный пирог, само понятие картографии как науки стало довольно расплывчатым и двусмысленным, хотя с точки зрения географа жить стало намного интереснее, новые независимые государства плодились, как грибы в лесу. А жить картографу стало значительно труднее, в их услугах на этом этапе никто не нуждался, само понятие границ хотя и существовало, было весьма и весьма расплывчатым. Денег не было, зарплату сотрудники института не видели уже полгода, и Симонов поехал на Север, чтобы попытать счастья в старательской артели, моющей золото на студеной реке Колыме. Там он волею судьбы поссорился с ингушами, которые контролировали подпольную добычу золота, проделал тысячекилометровый марш по тайге, спасаясь от преследований мстительных кавказцев, принял бой, в ходе которого из карабина подстрелил троих ингушей, был арестован и осужден. Хотя суд и признал, что имела место самооборона, но посчитал, что пределы самообороны Симонов нарушил, и он получил пять лет лагерей, благо везти его далеко не пришлось, чего-чего, а лагерей на Колыме было еще вполне достаточно. В лагере Симонов вел себя независимо, дважды был крепко бит, но постепенно завоевал уважение заключенных, особенно когда осужденные узнали, за что он сидит. Кавказцев здесь не любили, а человек, сумевший дать им отпор, автоматически становился авторитетным. Здесь его и заметил майор Кувшинников, который после освобождения предложил Симонову работу по специальности в Районе, да еще за очень хорошую зарплату. Дома Симонова никто не ждал, жена подала на развод уже на второй год его отсидки, да и возможную месть ингушей не следовало сбрасывать со счетов, к тому же работа была по специальности, и Симонов согласился. Согласился и никогда не жалел об этом. В Районе он почувствовал себя своим. У него была стоящая работа, о которой он мечтал в детстве, читая Ливингстона и Фосетта,

его окружали друзья, которых в прежней жизни ему не хватало, и даже личная жизнь у него постепенно наладилась, последний год он состоял в гражданском браке с женщиной, которую искренне полюбил. Теперь Симонов беспокоился о жене, понятное дело, женат он был относительно недолго, чувства еще не успели остыть до безмятежного спокойствия, с которым обычно живут семейные люди, достаточно долго находящиеся в браке.

Когда Симонов начал ходить, беседы их стали чаще касаться текущих проблем, тем более что у невольных путешественников по лауну таких проблем было более чем достаточно.

А Дронов пропадал в лауне. Уходил с закатом и возвращался к рассвету, бросал у гнезда охапки съедобных листьев и корешков. Иногда приносил пластины белого мяса, которое только выглядело странно, а на вкус оказалось вполне удовлетворительным.

Поначалу Симонов не приставал к нему с расспросами, у него и в убежище дел хватало — он нашел у стены выходящий из земли пласт глины, наковырял ее во множестве и употребил на изготовление кособоких кувшинов, которые эталоном гончарного искусства не были, но, будучи обожженными, воду держали хорошо, да и на костре не разваливались.

— Где ты шастаешь по ночам? — наконец не выдержал он, заваривая в своем изделии пахучие листья. — Ты смотри, случится с тобой что, я один не выберусь. Зачем тогда, спрашивается, ты столько сил приложил, чтобы меня с того света вытянуть?

— Паша, помолчи. — Дронов растянулся на мягкой подстилке гнезда, ощущая, как ноет от полученных в скитаниях ушибов все тело. — Занимайся домашним хозяйством. Такая у тебя пока планида.

— Нет, ты серьезно скажи, — настаивал товарищ. — Какого черта ты мне ничего не говоришь? Я ведь волнуюсь!

— Да так, — беззаботно махнул рукой Дронов. — Ничего серьезного. Мысль одна была, да, видно, не судьба ей сбыться. Жалко мне тебя, дурака, не дойдешь ты пешком.

— А ты, выходит, транспорт ищешь? — Симонов протянул ему красную кружку с горячим чаем.

— Хотел. — Дронов с наслаждением сделал небольшой глоток. — Только ничего у меня не получается, слишком резвы мои кандидаты в лошади, Паша, одно беспокойство от них и никаких перспектив.

— Как ты думаешь, нас еще ищут? — Симонов привычно сел на корточки у земляной стены.

— А сам ты как думаешь? — невесело хмыкнул Дронов.

— Я так думаю, Дима, что нас с тобой давно уже списали. И правильно, между прочим, сделали. Я сам на месте начальников давно бы поиск прекратил. Зачем людей напрасному риску подвергать? Выберемся сами — значит повезло. Не выберемся — что ж, помянут нас. Ты что-нибудь слышал о тех, кто из лауна выбрался? Не байки это, которые сочиняются для поднятия духа?

Дронов вытер лицо ладонью.

— Не байки, — сказал он. — Ты про Сергея Сергеевича Думачева слышал?

Глава девятнадцатая

Сергей Сергеевич Думачев был рядовым гражданином Страны Советов.

Он был не первым и не последним, кто попал в жернова карательных органов и получил десять лет без права переписки. По профессии он был биолог и занимался мушками-дрозофилами, пока советские генетики не получили издевательского прозвища мухолобов и не были официально признаны английскими и французскими шпионами. Но он был первым, кто ушел из Поселка. Было это в тридцать девятом году, собственно, Поселка еще не было, а наскоро огороженная

колючей проволокой зона перестала существовать, поскольку охранять ее стало некому. Заключенных в Район пригнали для того, чтобы проверить возможность существования в новом мире, поэтому пока и выбрали среднюю климатическую зону, но позже подобные воспитательно-трудовые учреждения для врагов советской власти планировали создать в местах скопления редкоземельных элементов, которые промышленным путем собрать было просто невозможно. После Большой Бойни на Район не то чтобы махнули рукой, но оставили фактически на произвол судьбы, что само по себе явилось очередным безжалостным экспериментом на выживание. Потом началась война, и уже никому не было дела до людей в лаунс*.

Думачев ушел за пределы зоны и пропал. Думали, что он погиб.

Через семь лет, уже когда районом стал заниматься Бояславцев, случайно найденная пещера, приспособленная кем-то под жилье, привлекла к себе внимание старателей, искавших что-то для нужд Поселка. В пещере и был обнаружен дневник Думачева, который он вел на протяжении всего времени своего отшельничества.

Дневник этот был уникальным, день за днем он описывал *врастание* человека в лаун, ужасы одиночества и тоску человека, мечтающего вырваться в привычный мир. Он не предназначался для печати, это была хроника человека, затерянного во враждебных джунглях. Особенно тяжелое впечатление производили страницы, на которых Думачев боролся с подступающим безумием. Страницы эти испещрены женскими головками, картинками привычного, но — увы! — такого

* Не совсем так. В архивах КГБ сохранились планы, предусматривавшие в случае поражения СССР в войне с гитлеровской Германией уход трудоспособного и боеспособного населения в лаун. Разработан был даже проект города для организации альтернативной столицы. Но поскольку до поражения дело не дошло, планы эти остались лишь на бумаге. От ЦК в свое время этот проект курировал Берия, а по линии Совета Министров — Шахурин. Судьба обоих печальна.

недоступного мира. Некоторые страницы содержали одно и то же слово, повторяющееся несколько десятков раз. Чаще всего Думачев вспоминал какую-то Ирину, трудно теперь сказать, была ли она его родственницей, любовницей или женой.

Сам Думачев объявился в пещере несколько дней спустя. К удивлению старателей, был он бодр и в полном рассудке, пришельцам поначалу не очень обрадовался и, только узнав, что условия жизни в лагере кардинально изменились, познакомил пришельцев со своим подсобным хозяйством. Именно по его описаниям позднее были созданы справочники о лекарственных свойствах растений лауна, съедобных качествах этих растений и получена бесценная информация о поведении обитателей лауна, причем наблюдения эти делались специалистом и с очень близкого расстояния, недоступного в то время другим исследователям.

— А правда, что он некоторых обитателей лауна приручил? — поинтересовался Симонов.

— Правда, — сказал Дронов. — И не просто приручил, но и других научил этому. А потом, когда это стало возможно, вернулся на Материк. Очень он по нему скучал. Понятное дело, столько лет был оторванным от людей, ему небось казалось, что на Материке его встретят с распростертыми объятиями. Наверное, о славе мечтал. А того не понимал, что все эти исследования остаются по-прежнему секретными и любые материалы по лауну к публикации запрещены. Нет, вроде бы ему рот тогда персональной пенсией заткнули, ордена какие-то повесили, но это, прямо скажем, малая компенсация за восьмилетнее отшельничество.

— Вот и мы, — хмуро сказал Симонов. — Проблуждаем в лауне остаток жизни, хозяйством обзаведемся, войну обитателям лауна объявим. А под конец жизни найдут нас, и будем мы, шамкая беззубыми ртами, делиться со всеми желающими опытом выживания в сверхэкстремальных условиях.

Дронов задумчиво смотрел на свисающие вниз серебряные нити.

— Тогда уж убежище побезопаснее подобрать придется, — вслух подумал он. — Сам понимаешь, в этой норе мы себя в безопасности чувствовать никогда не будем. Не дай бог оказаться на маршруте движения тальпа, ничто ведь не спасет!

Симонов внимательно уставился на него.

— А ты что, и в самом деле собрался остаток дней провести в лауне? — спросил он. — Я же шучу, мне обязательно выбраться надо, меня в Поселке ждут. Думаешь, она поверила в мою гибель? Ни хрена она не поверила. И правильно сделала. Потому что я обязательно вернусь! Потому что я не могу не вернуться!

— Значит, вернемся, — сказал Дронов хладнокровно. — Давай, Паша, без надрыва. То, что ты выкарабкался, вообще похоже на сказку. И благодари Бога, хирург я никудышный, даже кота кастрировать никогда бы не сумел. Но тебе повезло.

Землю неожиданно качнуло, сверху посыпались комья, и через некоторое время стали слышны глухие, быстро удаляющиеся удары, словно огромного Гулливера волокли по земле за ноги, а он в отчаянии был кулаками по земле. Некоторое время оба с тревогой прислушивались к происходящему наверху. Симонов зябко поежился.

— Давай спать, — сказал он. — Надеюсь, что в эту ночь ты никуда не собираешься?

— Я тоже на это надеюсь, — согласился Дронов. Принюхался, сплюнул. — Вроде и моемся, — сказал он брезгливо, — а один черт сплошная антисанитария выходит. Мыла бы нам. — Подумал и, зевая, добавил: — И побриться бы не мешало!

А в недрах лауна шла своя тайная жизнь, отдававшаяся в убежище дрожью, опасными шорохами, которые, казалось, слышались совсем рядом, и надо было иметь очень крепкие нервы, чтобы вот так спокойно зевать и рассуждать о недостатках походной жизни.

Глава двадцатая

Приказ на возвращение застал группу во время очередного поиска.

Потные, разгоряченные следопыты сгрудились вокруг начальника, выслушали его и недовольно зашумели.

— Они там с ума посходили! — кратко выразил общее мнение невысокий крепыш Миркин. — Следопыты своих не бросают!

— Вертолет придет через тридцать минут, — сообщил Никодимыч. От полученного приказа он тоже был не в восторге, но неукоснительные и суровые законы Района заставляли его подчиниться. — Поставьте сигнальный маяк, отметьте, где мы закончили поисковые мероприятия, и выходите к поляне.

— Никодимыч! — Миркин беззвучно выругался. — Да что же это такое? Вон на Материке люди оказались в полосе селя. Месяц их найти не могут, а все равно поиск не прекращают, хотя ежу ясно, что никто не выжил. Так там тысячи тонн льда и грязи сошло, у нас по сравнению с ними не маршрут — зеркало! Нам еще два-три дня, и мы их обязательно найдем, они не могли далеко уйти, мы их почти нагнали!

Миркин ошибался, но не знал этого. Заброшенную нору, где отлеживались потерпевшие крушение, они прошли еще вчера, прошли совсем рядом, не заметив знаков, оставленных Дроновым, поэтому люди, которых следопыты искали, сейчас находились не впереди, а позади них.

— Считают, что степень риска неоправданно высокая, — хмуро сказал Никодимыч. — И хватит болтать. Кто убит — убит, кто скачет — тот скачет. Так, кажется, говорят горцы? В темпе, мужики, в темпе! Мне самому все это не нравится, но ведь мы не знаем, чем эти указания вызваны. Может, еще что случилось? Таманцев, маяк готов?

Маяк был готов.

Андрей установил его у корней дерева, маяк использовал в работе батарей кислотную среду почвы и мог подавать сигнала-

лы почти вечно — до своего полного саморазрушения. Кроме того, что он обозначил конец маршрута, маяк имел свой кодовый номер, который в привязке к квадрату карты мог быть использован в будущем для ориентирования самолетов и других разведывательных групп, которые когда-нибудь пойдут этим маршрутом.

— Не нравится мне все это, — сказал Таманцев негромко. — Ребята правильно возмущаются, поиск не должен прекращаться, пока есть хоть какой-то шанс на спасение. Так всегда было, и не Совету ломать неписанные правила.

— Я понимаю. — Никодимыч не смотрел на него. — Только ты сам пойми, обстановка постоянно ухудшается, количество босвых контактов растет, двое уже больны малярией, а за них мы тоже в ответе.

— Вот и пусть вертолет эвакуирует больных, — сказал Таманцев. — И привезет следопытов для укрепления цепочек. Поиск надо обязательно продолжить, иначе у людей будет комплекс — как же так, могли, но не сделали?

— Думаешь, я не понимаю? — Начальник разведгруппы махнул рукой. — Только ведь правила игры установлены не нами, и не нам их менять. Законы лауна суровы, Андрюша. Все, для рассуждений нет времени. Ставьте маяк, и уходим. Митинговать будем в поселке.

Из-за деревьев уже слышалось характерное жужжание электромотора, потом низко над вершинами прошла белая с красной полосой по фюзеляжу машина, зависла над поляной. В застекленной кабине был виден пилот, он руками делал нетерпеливые знаки, и Никодимыч отдал приказ грузиться.

Погрузка уже заканчивалась, когда из джунглей, грузно приминая стволы, пополз черный гибкий серпент, он полз прямо на вертолет, и непонятно было, то ли его привлекало тепло нагретого двигателя, то ли он все-таки слышал это негромкое монотонное жужжание, напоминающее жалобу мухи, бьющейся в паутине. Стало ясно, что взлететь они не успеют. Но и пытаться атаковать серпента имевшимся у них оружием

даже не стоило, кожа у серпента прочная, ее из ручных импульсников не пробьешь.

«Потеряем людей!» — тоскливо подумал Никодимыч и уже хотел отдать приказ рассыпаться по поляне для защиты вертолета, но сделать этого, к счастью, не успел. Откуда-то с небес к земле безжалостной стремительной птицей рванулся красный перехватчик, от его треугольных крыльев к земле понеслись несколько огненных струй. Прицел был точным — ракеты легли точно в тело серпента, смертельно раненный обитатель лауна забился на земле, свивая в беспорядочные кольца черно-белое тело, но наблюдать эту ужасную и вместе с тем удивительно красивую пляску смерти не было времени. Мысленно поблагодарив перехватчика за своевременную помощь, Никодимыч приказал следопытам продолжить погрузку в вертолет. Интересно, воздушная разведка, проведенная еще утром, ничего не сообщала о близости серпента. Небрежность воздушного наблюдателя могла дорого обойтись разведгруппе.

Таманцев грузился в вертолет в числе последних. Убедившись, что все люди на борту, он махнул рукой пилоту. Вертолет тяжело оторвался от земли и начал медленно набирать высоту, потоки воздуха от винтов заставляли раскачиваться кроны и стволы деревьев. Уже с воздуха он увидел мертвое тело серпента. Даже с высоты его размеры впечатляли. Можно было лишь удивляться меткости пилота перехватчика, положившего ракеты в цель.

И все-таки тягостно было покидать лаун, не обнаружив попавших в беду людей. Приказы не обсуждаются, но их можно осуждать.

Вертолет поднялся выше, он шел в синеве, залитой лучами солнца, вокруг была небесная пустота, а внизу расстились необъятные просторы лауна — сплошное зеленое море, в которое изредка врезались красные и бело-желтые пятна.

Где-то у горизонта у приемопередатчика высилась колоссальная вышка, невероятное творение инженеров и техников, позволяющая осуществить переброску грузов и людей из

одного пространства в другое. Неподалеку от него находилась бетонная полоса аэродрома. Было уже видно, как на посадку заходит пара красных машин, возможно, те самые, что прикрывали вертолет с воздуха. И если ухитриться посмотреть вверх, можно было увидеть тающие в синеве исполинские крылья гигантской птицы, которая дежурно парила над лауном, Бич высоты, хищник, от которого не было спасения.

Даже на вертолете.

Часть третья

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Глава первая

Лев Критунов сидел в архиве, листая толстые красные папки с пожелтевшими от времени листами. Боже, кем и как писались первые приказы! Только что «ятей» не хватало и твердых знаков.

А приказы были очень любопытными — о назначении военным комиссаром Района некоего Фельдмана Михаила Поликарповича, о запрещении вывода рабочих-строителей в лаун без надежного охранения, об увеличении норм питания ВОХРу и заключенным в связи с изменением метаболизма организмов, о наказании начальника транспортного цеха Мрачковского С.В. за невыполнение указаний руководства, о строительстве грейдера от приемо-передаточного пункта до поселения с возложением полной ответственности на инженера Кускова Петра Николаевича, секретные директивы о предупреждении вредительства на строительстве Белоярской ТЭЦ Района... Читать эти документы можно было с неослабевающим интересом хоть до утра.

Неожиданное открывалось Критунову, трудно было даже подозревать, что все это десятилетиями происходило прямо под носом у всего остального населения страны.

Первый шок он уже пережил в беседе с соседом по этажу. Максимов на многое тогда открыл ему глаза и прежде всего объяснил суть происходящего в Районе, рассказал, что собой

представляет Район. Поначалу разум отказывался верить в то, что Крикунов от соседа услышал.

Лев с сомнением смотрел на соседа по этажу.

— Иди ты, — сказал он. — Ты хочешь сказать, что мы сейчас... — Он недоверчиво помотал головой. — Не может быть, мне сказали, что все происходит в другом измерении. А ты...

— Тебе просто не сказали всего, — улыбнулся Максимов. — В конце концов, в том, что ты знаешь, есть зерно истины. Разве это не другое измерение, если меняются размеры? Их изменение обуславливают и изменения психологического плана, а также биологические изменения. Я вряд ли смогу тебе все объяснить, я же не специалист, но ты сможешь попытаться биологов, они расскажут тебе подробнее.

Лев смотрел на него и не верил. Но пилот был серьезен.

— Значит, мы сейчас вот такушенькие? — Лев показал пальцами их нынешнюю величину.

Лицо у него было растерянное и такое забавное, что Максимов расхохотался.

— Меньше, — сказал он сквозь смех. — Меньше, Лев Николаевич!

История, которая неожиданно стала известной Крикунову, потрясла журналиста. Не было иного измерения, не было! А вот освоение новых территорий шло полным ходом, причем территория эта была совсем рядом, она являлась частью земной поверхности, а если говорить точнее, занимала часть заволжской поймы.

Началось все еще при Сталине, в тридцать шестом году. Советский биолог Иванов с группой исследователей работал над скрещиванием двух видов — человека и человекообразных приматов, пытаясь таким образом получить полноценное потомство. Прежде всего ему хотелось экспериментально подтвердить теорию Дарвина. У власти на его эксперименты были иные виды, какие именно — нам не слишком интересно, это не имеет ровно никакого значения для нашего повествования. Главное, в его группе работал молодой и крайне одаренный биолог-генетик Валюсинский. Тогда еще генети-

ку не заклеили как лженауку, а на эксперименты с мухами-дрозофилами смотрели со снисходительным пренебрежением — мол, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы денег на свои исследования не просило. И вот Валюсинский, работая почти на общественных началах, наткнулся на многообещающее направление. Сделанное им открытие давало возможность многократно уменьшить размеры любого живого организма до воистину микроскопических размеров. На эту возможность обратил внимание вождь. Его привлекли вероятные политические последствия этого открытия. Ведь какая задача стояла перед пролетариатом в условиях построения социализма в отдельно взятой стране? Правильно, пролетариату предстояло похоронить капиталистическое окружение. Обычным путем это было сделать сложно. Но раз можно сделать человека маленьким, его с таким же успехом можно сделать большим. Представьте себе могущество советского бойца, если ростом он в десять — двадцать метров и голыми руками может поднять танк и зашвырнуть его в море. Представили? Представьте моряка, переходящего Атлантику вброд. Страшно не стало? Кстати, отголоски этих настроений в тогдашнем советском руководстве можно найти в романе Лазаря Лагина «Патент АВ», только в нем все черные замыслы приписывались проклятым империалистам. Примерно в то же самое время или несколько раньше Валюсинский выпустил книгу под названием «Большая Земля», в которой попытался предугадать возможные политические и экономические последствия своего открытия. Однако с увеличением роста ничего не получалось. Наука, конечно, умела много гитик, а вот это у нее не получалось. Сталин покладисто согласился — не получается, так не получается, что поделать, мы, конечно, не можем пока взять милости от природы, но и насиловать ее не станем. Можно заселить маленькими советскими людьми все континенты мира, а когда их станет достаточно много, то что будет с империализмом, когда все малыши в один прекрас-

ный день станут нормального размера*? Курировать данное направление в науке поручили Николаю Ежову, и тот едва не наломал, по своему обыкновению, дров, во всем видя вредительство и шпионаж. Одной из причин снятия и расстрела Ежова стало именно то, что он едва не лишил проект самого Валюсинского, однако тот сумел перед арестом пробиться на прием к Сталину, и тот принял решение. «Ишь ты, — сказал он с издевкой. — Кто бы сопротивлялся миниатюризации, только бы не Ежов! Пора Коленьке на прокрустово ложе, не хочет сокращаться, значит, будет вытягиваться»**. Чуть позже патронаж над проектом был поручен Берию, который рекомендовал себя великолепным организатором. Людского материала хватало — лагеря к тому времени были переполнены. Но первым человеком, который выжил на экспериментальной территории в естественных условиях и вне лагеря, стал Сергей Сергеевич Думачев. Судьба его сложилась трагически, он ушел в лаун и потерялся, нашли его случайно спустя восемь лет. Его опыт показал, что выживание в микромире вполне возможно, и это было воспринято всеми с удовлетворением — у экспериментаторов появилась цель. Вместе с убийцей Троцкого Меркадером невольный Робинзон Крузо был секретным Указом удостоен звания Героя Социалистического Труда, отправлен на персональную пенсию. Проживал постоянно на даче, до конца своих дней ненавидел траву и беспощадно ее выпалывал на своем участке. С людьми почти не общался, любил ловить тарантулов и стравливать их в банке. Сблизился лишь с одним человеком, который оказался писателем Владимиром Брагиным. Рассказ о своем пребывании в Районе Думачев облек в форму фантазии, Брагин до конца дней не подозревал, что он беллетризовал подлинные мемуары одного из столпов секретной для всех микронавтики. Разумеется, в сорок восьмом году он не посмел сделать

* Есть данные, что в настоящее время в связи с переизбытком населения аналогичные задачи решает Китайская Народная Республика. Читатель, тебе еще не страшно?

** Как известно, Ежов был маленького роста, он едва достигал ста пятидесяти пяти сантиметров от каблуков до макушки.

героем книги человека, осужденного за антисоветскую деятельность. Появившаяся повесть Владимира Брагина «В стране дремучих трав» в доступной легкой форме рассказывала о приключениях Думачева в Районе. Правда, Брагин удлинил пребывание героя в травяных джунглях до сорока лет, историю начал с дореволюционного времени, а самого Сергея Сергеевича во избежание упреков сделал провинциальным доктором и назвал Думчевым*. Первые годы существования Района его население формировалось из осужденных, получивших так называемые десять лет без права переписки. Это был не расстрел, как до сих пор полагали многие исследователи, но ничуть не лучший вариант — плохо оснащенные и слабо экипированные люди осваивали территорию, населенную чудовищами, перед обликом и возможностями которых блекло человеческое воображение. Перед этим ужасом ничто сибирские лесоповалы, о которых с содроганием вспоминают вернувшиеся репрессированные. С лесоповалов можно было вернуться, из Района не возвращался никто. Неизвестно точно, сколько их кануло бесследно в травяных джунглях, рассказу о них можно было посвятить целое повествование, не уступающее по своему трагическому и нравственному накалу исследованиям А. Солженицына или рассказам В. Шаламова. Проект был секретным, о существовании Района знали несколько человек в стране. Со смертью Сталина и после расстрела Берии допуск к проекту остался лишь у неприметного чиновника по фамилии Бояславцев. Бояславцев сумел доложить о нем Хрущеву. Никита Сергеевич отмахнулся — держава выходила к звездам, Королев ус-

* Интересно, что примерно в то же самое время писателя-фантаста А.Р. Палея, попытавшегося рассекретить эксперимент, подвергли жесточайшей критике за повесть «Остров Таусена» и едва не посадили. До конца своей жизни Абрам Рувимович сохранял глубокое молчание, видимо, здорово напугали его компетентные органы. Правда, в романе «В простор планетный», опубликованном в конце шестидесятых годов, чувствуется *знание*. Роман же Брагина, также вышедший как фантастическое произведение, получил благосклонную критику и едва не удостоился Сталинской премии (смотри воспоминания К. Симонова).

пешно испытал серию «Р», и появилась возможность усть империалистов в нормальных масштабах. Однако Хрущев проявил некоторую дальновидность, оставив чиновнику определенные полномочия. Проект продолжил свое существование, но теперь уже во весь рост встала проблема пополнения населения людьми извне. Станислав Аркадьевич Бояславцев сделал ставку на воспитанников детских домов. Надо сказать прямо: ставка эта себя оправдала. Государству не было дела до вчерашних подкидышей и сирот, поэтому они охотно соглашались принять участие в освоении нового мира. Где находится этот мир, добровольцам не объясняли. Сначала достаточно было нескольких намеков на космическое пространство. Потом, когда в научно-популярных журналах стали всерьез обсуждать темы параллельных пространств, местонахождение Района стало объяснить еще проще, а обычные природные явления, которые в условиях минимализации людей приобретали загадочность и таинственность, лишь подтверждали официальную версию, которая, впрочем, доводилась до кандидатов в условиях особой конфиденциальности и сопровождалась отбиранием обычных для советского времени подписок. Хрущева сняли в шестьдесят четвертом. Бояславцев больше не пытался связаться с руководителями государства. Проект стал его личной тайной. Скорее всего он сам решил стать основателем новой империи, которая занимала около трехсот гектаров луговой земли в заволжской пойме. Официально участок относился к ведению Министерства обороны, но тайные пружины были закручены так, что, едва очередной министр пытался выяснить, на кой черт армии этот кусок земли, огороженный колючей проволокой, ему называли телефон, по которому надо было позвонить, после чего министр успокаивался и больше вопроса о земле не поднимал. В условиях распада государства, когда различного рода группировки активно искали так называемое золото партии, Бояславцев, которому исполнилось шестьдесят четыре года, почти открыто перевел на счета в зарубежных банках астрономическую сумму, а пойма была передана в аренду странной частной

фирме под названием «МСП». Пойма была далеко от Москвы, полезных ископаемых в ней не было, поэтому территориальных притязаний к фирме никто не предъявлял, а местным чиновникам объясняли, что здесь проектируется создание уникального Национального заповедника, чем любопытствующие были вполне удовлетворены. Бояславцев ушел на пенсию, возглавил ООО «МСП», и только несколько человек, приближенных к президенту фирмы и которым он всецело доверял, знали истинную расшифровку аббревиатуры. Название фирмы расшифровывалось как «Мальчик-с-пальчик», надо сказать, что именно так в свое время назывался секретный проект. Довольно быстро ООО «МСП» обросло дочерними предприятиями — заводом электронных игрушек, заводом металлопластмассовых игрушек, аграрно-продовольственным комплексом «Дарья», фармацевтической фабрикой «Агломерат» и некоторыми иными, методично развивающимися и обеспечивающими необходимые потребности явного и тайного населения страны. Разумеется, что во главе этих предприятий стояли своевременно легализованные выходцы из Района. Немало их находилось на различных государственных постах. Эти люди решали сразу несколько задач — обеспечение безопасности Района, его снабжение всем необходимым, поиск нужных Району специалистов и кандидатов в жители Района. И еще Бояславцев сделал главное — при нем Район перестал быть зоной в привычном понимании этого слова. Он стал передним краем, миром, который, несмотря на все встающие трудности, требуется заселить и сделать пригодным для человеческого обитания. Микроимперия успешно развивалась. Если при Сталине в Районе проживали три-четыре тысячи вынужденных поселенцев, которым пришлось играть роль первопроходцев, то при Бояславцеве население Района достигло пятидесяти тысяч человек, которые проживали в четырех Поселках. Для того чтобы заселить участок арендуемой поймы достаточно густо, потребовалось бы три современных населения планеты. Целиком, невзирая на вероисповедование, цвет кожи и национальную принадлежность.

Требовалось поселить здесь всех — умных и дураков, богатых и бедных, добрых и злых, лириков и физиков, всех, предвзительно устроив их количество. Остальной мир был к их услугам. Только этот мир еще ничего не подозревал. Вообще-то в этом были сплошные плюсы. Уйти человечеству в лаун, а в Большом мире оставить только необходимое количество населения, ведущие внешние и внутренние исследования, которые касаются Земли и Космоса. Трех-четырёх миллионов хватит за глаза. А остальные разместятся в нескольких Районах, разбросанных по планете. При этом человечество может увеличиваться как угодно, по численности оно может сравниться с численностью, скажем, муравьев и термитов, и все равно останется огромное незаселенное пространство для будущих поколений. Решается продовольственный вопрос. Решаются энергетические вопросы. Развитие каждой цивилизации ограничено энергетическими барьерами, но только в том случае, если цивилизация идет по спирали внешнего развития, то есть увеличиваясь в численности и занимая все большее пространство. Но если спираль несколько видоизменить? Если, не ограничивая численности, направить его развитие внутрь? Тогда многократно снижаются энергетические потребности, необходимые для развития цивилизации, а следовательно, автоматически решаются вопросы экологии планеты. Это для Большого мира требуются межконтинентальные лайнеры, поглощающие огромное количество горючего, микрореселениям достаточно будет маленьких моделей, использующих в качестве питания электроэнергию. А для того чтобы перебраться с континента на континент, потребуется помощь Больших братьев, населяющих прежний мир, оставленный человечеством. Численность их будет поддерживаться на одном уровне. А что касается ущербности... Братцы мои, вы просто не были в микромире, не жили в его поселениях, в противном случае вы навсегда бы испытали свою ущербность от существования в привычном мире. Какие новые краски! Какие возможности! Открывается совершенно неожиданный невероятный мир. И этот мир абсолютно не исследован, он

требует своих Магелланов и Колумбов, он требует своих Ермаков, своих Лазаревых, своих Берингов, черт побери! Те, кто прожил в Районе продолжительное время, возвращаются назад только в силу необходимости, не зря же легализованные в Большом мире микрики предпочитают проводить отпуска дома, занимаясь любимыми делами. И наоборот — отпускники, которые постоянно проживают в Районе, рвутся в Большой мир, чтобы сравнить его с привычными пейзажами Района. Но никто после окончания отпуска не сожалеет о возвращении.

И самое главное — в новом мире невозможны прежние человеческие отношения. Смешно приватизировать песчинки, смешно приватизировать пучок травы, ничем не отличающийся от всех остальных, в изобилии растущих на лугу. В Районе люди начинают жизнь с чистого листа, и это главное — ведь основным правилом жизни в Районе является правило, однажды выведенное мудрыми и грустными людьми, уставшими от бытия в суматошном и бестолковом Большом мире. Да, понедельник действительно начинается в субботу! Это так и вместе с тем не так. Понедельник начинается с любого дня твоего прибытия в Район. Это не закон, это внутреннее требование каждого жителя Района, иначе он жить просто не захочет. Иначе ему просто будет скучно жить.

Поэтому в Районе жизнь захватывает человека. Уходящим сюда было чем заняться, здесь оказалось невозможным существование трущоб и различного рода «Зойкиных квартир», заполненных склоками и скандалами. Такого рода срань господня всегда начинается с человеческого безразличия сначала к другим, а потом к самому себе. Все начинается с безделья. Когда человек живет в интересном мире, занимается интересной работой, ему трудно опуститься. Даже слабые опускаются тогда, когда они остаются наедине с собственными проблемами. Здесь остаться одному было просто невозможно. И дело заключалось совсем не в малочисленности населения, дело было в том, что люди были первопроходцами, они изменили свою сущность, неправильно назвав себя

микриками. А дело ведь не в размерах тела, дело всегда в величине человеческой души.

Чем больше Крикунов осваивался с незнакомым ему миром, тем больше он ему нравился. И еще он поражался тому, что происходило в Районе раньше. История этого мира выглядела столь фантастичной, что трудно в нее было поверить. Здесь романтика перемежалась чудовищными злодеяниями, чистые порывы человеческих душ — с бессердечными расчетами сидевших наверху, как обычно это бывает, новый мир рождался из грязи и крови.

Надо сказать, Бояславцев сделал многое, чтобы Район начал развиваться нормально. Можно было сказать, политика исчезла из жизни Района именно при нем. Вот говорят, один человек истории не меняет, кивая на Толстого, утверждают, что движущей силой истории является народ. Только в это плохо верится. Вот представьте себе, что вместо Сталина к власти пришел Троцкий, еще более жесткий и фанатичный, чем лучший друг детей, физкультурников и инженеров человеческих душ. Как вы думаете, многое бы изменилось в жизни Страны Советов? А я утверждаю, что история стала бы совсем иной, абсолютно непохожей на то, что мы получили. Не стал бы Троцкий сдавать страну Гитлеру, не для того он становился в этой стране вождем, но нахлебались бы мы дерьма еще больше, чем при Иосифе Виссарионовиче, который был совсем не сахар. Или взять Наполеона. Сколько он людей на полях сражений положил, уму непостижимо. И скажете, что он не повлиял на ход истории? Еще как повлиял! Но вот что странно, влияние их на историю своих народов несомненно, только вот их нет, а народы развиваются дальше. И пути у этих народов непонятные, никто не может сказать, что их ждет впереди, для какой такой высокой цели они существуют.

Поэтому, как говорится, котлеты отдельно, и мухи тоже отдельно. Каждый исторический деятель меняет направление истории. Могла история быть совсем иная, если бы он не пришел. Но тут уж ничего не попишешь, пришел он, при-

шел, поэтому будем развиваться дальше и постараемся учесть уроки прошлого.

Есть лидеры, которые приходят своим подданным во благо, есть такие, что от них сплошной видимый вред. Бояславцев в проекте появился как нельзя кстати. Он придал проекту необходимую человечность, прежде полностью отсутствовавшую. Поэтому создавать историю Района и не упомянуть о Бояславцеве было просто невозможно.

Крикунов просто боялся, что в создаваемый им текст провется восхищение этим человеком. Поэтому он сразу и решил, что котлеты следует подавать отдельно от мух. Только пока у него это очень плохо получалось.

Глава вторая

Всегда странно, когда в разгар лета начинают говорить о снегах и морозах. Странное ощущение возникает. Вот и сейчас, когда Султанов заговорил о зиме, в кабинете, набитом людьми, стало как будто прохладнее.

— Зима, — повторил Султанов. — Это вам кажется, что до зимы далеко. А я, уважаемые, уже сейчас про нее думаю. И что получается? Получается, что вы опять на Султанова щеки надувать будете. Это сейчас вы смеетесь. На дворе май, а я пластиковые переходы ставлю, две бригады сварщиков держу. А зимой вы Султанову спасибо скажете. Зима, скажу вам, это не хаханьки, у нас в Андижане сугробов никогда не видели. А уж чтобы дома выше крыш заметало! Значит, нужна инфраструктура переходов. Или вы опять хотите всю зиму за прокладкой туннелей в снегу провести?

— Никто над тобой, Осман, не смеется. Все понимают, что эту работу придется выполнять, — возразили из зала. — А вот где обещанные станки? Ты их с марта обещаешь.

— Надо нажимать на снабженцев, — сказал хмурый кислолицый Нечипуренко. — Вон они какие рожи отъели! На иного снабженца посмотришь, это ведь не снабженец, это

ведь чемпион мира по сумо, его задница назад перетягивает, ему по земле ходить трудно!

— Со снабженцами я и сам разберусь! — отрезал Султанов. — Ты мне лучше скажи, как у тебя с водоснабжением? Фильтры очистки поставили?

— На днях закончим, — уже с некоторым смущением сказал Нечипуренко. Как заместитель Султанова он отвечал за быт Поселков, а это был совсем не сахар, как могло показаться. В ведении Нечипуренко было водоснабжение, канализация и энергокомплекс, пока еще не дававший тока, а кроме него, несколько теплостанций. Теплостанции следовало готовить к зиме. Да мало ли забот было у хозяйственника на плохо освоенной территории? Тут в городах, которые существуют не один десяток лет, у коммунальщиков зачастую бардак творится. Тем Нечипуренко и оправдывался, когда его к стенке прижимали. Надо сказать, что по сравнению с Материком у него коммунальное хозяйство было в относительном порядке, но ведь тут и сравнивать не стоило. На Материке в последнее время беспорядок наблюдался во всем, на его особенности ориентироваться не стоило, своих сложностей хватало.

— Я же говорил! — багровея лицом, сказал Нечипуренко. — Надо было все подготовить для жизнедеятельности, а только после этого людей в Район приглашать! Вон на площадке «лендроверы» стоят. И сколько они еще будут ржаветь? Пока мы на них проводку установим, пока подвесную часть усилим! Надо было заранее все предусмотреть, а мы, как обычно, проблемам под хвост заглядываем. Почему нам поставили машины не на ходу? Почему мы должны устранять чужие недоделки?

В зале одобрительно зашумели. Видно было, что с Нечипуренко были согласны многие. Очень все это было по-русски — сначала заселить территорию, а потом мужественно и героически бороться с возникающими трудностями!

— Но это ведь глупо, — примирительно сказал Сергеев. — Здесь мы оказались потому, что так было надо. Но ведь никто не договаривался, что эксперимент будет длиться всю челове-

ческую жизнь. Не так? Мы сейчас вроде как на переднем крае, мужики. Тем, кто придет вслед за нами, будет уже легче.

— Ты у нас известный соглашатель, — махнул рукой Нечипуренко. — Не о том речь, Коля. У нас все делается по принципу: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»!

Султанов, откинувшись в кресле, черными блестящими глазами наблюдал за присутствующими.

— Помитинговали? — спросил он. — Достаточно я вас послушал. Ты, Нечипуренко, молодец, нападение — самая лучшая защита. Но меня ты этим не обманешь, я тебя насквозь вижу. У тебя людей достаточно, а на заводах? Там сейчас сплошные сложности. Для нас переоборудование «ленд-роверов» — обычная работа, а на Материке все под микроскопом делать приходится, пинцетами орудовать. «Левша» каждый день не рождается, к этому призвание необходимо. А где найдешь специалистов для решения всех проблем? Поэтому я и принял решение — частично монтаж будет осуществляться на заводе, бригаду сборщиков я туда уже отправил, а недоделки будем устранять здесь. И хватит об этом. Ты о своих недостатках говори, а ты о них помалкиваешь. Но мы с тобой разберемся, это я тебе обещаю. А пока давайте и о деле поговорим. Принято решение о проведении комплексной экспедиции.

В зале послышались восклицания.

— Кем принято? — послышался выкрик из задних рядов.

Султанов встал.

— Мной, — сказал он. — Мной это решение принято. А что, есть несогласные?

— Поселки благоустраивать надо, потом уже в экспедиции отправляться, — назидательно сказал из первого ряда сухопарый и лобастый Желонкин. — Люди в нечеловеческих условиях живут, а мы будем по Району раскатывать, любопытство свое удовлетворять. Правильно? — обратился он за поддержкой к залу.

Единодушным поднявшийся в зале шум назвать было нельзя, видно было, что у Желонкина в зале немало сторон-

ников, но идея заняться исследованием территории многим тоже казалось заманчивой.

— Неправильно! — сказал Султанов, жестом останавливая крики с мест. — Я же уже сказал, помитинговали — и достаточно. Экспедиция необходима, мы ничего не знаем о землях Района, что мы сейчас имеем — это так, взгляд с высоты, притом весьма поверхностный. Летом начнутся вторжения, один раз мы уже оказались к ним не подготовленными. Чем все закончилось, Михаил Анатольевич? Я вам напомню, сколько человек тогда погибло. Напомнить, уважаемый? А мы до сих пор ничего не знаем о территории, мы не знаем механизма рождения агрессивных популяций, плохо разбираемся в самом механизме вторжений, маршрутах, по которым оно пройдет. Экспедиция должна ответить на все эти вопросы. И потом — мы ведь должны что-то знать о мире, в котором живем? Вот и давайте получать эти знания. Коротче, — он оглянулся на Сергеева. — Возглавит экспедицию Николай Васильевич Сергеев. Человек всем знакомый, авторитета у него тоже никому не отнять. К тому же он картограф, а изучение Района и составление его карты станет одной из первоочередных задач экспедиции. Я понимаю, подробных карт Района просто быть не может, но определенные привязки к местности просто необходимы. Наверху этот проект тоже нашел понимание, поэтому необходимые средства на экспедицию будут выделены. Задача подбора специалистов возложена на Николая Васильевича, но заранее всех предупреждаю — я буду переводить в экспедицию любого специалиста, которого он затребует, первым и основным условием для перевода будет желание самого специалиста участвовать в экспедиции. Вопросы есть?

— По традиции древности, — сумрачно сказал Нечипуренко, — в этом месте речь руководителя должна быть прервана бурными аплодисментами, переходящими в овацию. Можешь не стараться, Осман, аплодисментов не будет. Ты просто поставил всех перед свершившимся фактом. Как я понял, прений не будет?

— Прений не будет, — подтвердил Султанов. — Жаловаться я никому не запрещаю, прошу только учесть, что решение об экспедиции принято комитетом по освоению Района, а именно он-то и будет эти жалобы разбирать.

На том все и закончилось. Нет, некоторое время еще обсуждались организационные и хозяйственные мероприятия, но обсуждение этих вопросов шло вяло, в зале не смолкал шум — обсуждались вопросы, связанные с грядущей экспедицией.

Почувствовав это, Султанов закончил совещание.

Зал опустел.

Султанов сидел за столом, перебирая какие-то бумаги. Смуглое лицо его лоснилось.

— Вот не знал, что ты можешь быть жестким, — сказал Сергеев. — Никому не дал рта открыть.

— Им только дай заговорить, — усмехнулся хозяин кабинета. — Их потом, Коля, не остановишь. Будешь жестким. Ты на календарь посмотри — май стоит. А что у нас в конце мая будет?

Сергеев сообразил.

— Вот-вот, — подтвердил Султанов. — Кому в этот период захочется людей отпускать? Я ведь даже вынужден отпуска запретить. Каждый человек на счету будет.

— Так, может, лучше отложить эту экспедицию? — спросил Сергеев. — Люди правы, в такое время действительно не до путешествий.

— Ты не людей спрашивай, — грустно усмехнулся Султанов. — Ты природу спрашивай! Июнь будет солнечным, а в июле синоптики ожидают дожди. Представляешь, что будет твориться в джунглях? Вот и я не представляю!

Он снова уткнулся в бумаги и, не поднимая на Сергеева глаз, пробормотал:

— И тебе поторопиться придется. Ох как придется, Коленька! Это ведь очень важно, чтобы экспедиция вышла не позднее двадцатого числа. В противном случае вы просто не успеете вернуться до дождей. Или выполните свои задачи только наполовину.

Сергеев видел, что Султанов хочет что-то сказать, но промолчал. Захочет — скажет сам.

— Поиск я прекратил и следопытов вернул в Поселки, — не поднимая глаз, сказал тот. — Вылет кровососов начался раньше, чем ожидали. А недооценивать природу никак нельзя, это может дорого обойтись всем.

Сергеев молчал.

— Может, они и живы, — снова сказал Султанов. — Только предположения еще ничего не значат. А продолжать поиск — значит увеличить риск гибели людей. А следопыты тебе в поиске ох как пригодятся. Я правильно говорю?

Сергеев молчал.

Султанов говорил правильно, он принял жесткое, но верное решение, но Сергеев с ним согласиться не мог, решение Султанова нарушало принципы, на которых строилась жизнь в Районе, еще ни разу поиск не прекращался при наличии признаков, указывающих на то, что потерявшиеся в лауне люди живы.

— Чего молчишь? — недовольно сказал Султанов. — Не согласен со мной? Знаю. Я сам с собой не согласен. Другие на мое решение жестко отреагировали. А я иначе не мог. Экспедиция необходима, и ты должен это осознать сам. Поэтому распылять силы я сейчас не могу. И отправлять в лаун неподготовленных людей без надежной охраны я тоже не могу. Это же все равно что росчерком пера приговорить их к смерти!

Лицо Сергеева было непроницаемо суровым. Он только кивал, и это раздражало Османа Султанова. Всегда раздражает, если тебя осуждают за решение, с которым ты сам не согласен, хотя и вынужден его принять.

— У меня просьба, Николай, — сказал Султанов. — Спланируй маршрут так, чтобы в первую очередь пройти по тем местам, где могут оказаться наши вертолетчики. Чем черт не шутит, вдруг повезет!

Глава третья

Из лауна вернулись следопыты, и сразу общежитие, ранее тихое и безлюдное, ожило, многоголосо заговорило, зашумело. Крикунову было не до них, он получил в Совете дневники Думачева и сейчас внимательно читал их, как читают захватывающий приключенческий роман. Нет, в самом деле дневники эти по накалу своему не уступали дневникам Перси Фосетта, искавшего затерянные племена и храмы в сельве Южной Америки. И там, и там опасности были нешуточные, но Перси Фосетт был все-таки не одинок, он был среди людей, а в случае с Думачевым человек остался наедине с враждебными ему травяными джунглями, и это придавало запискам особую остроту.

Бумага была необычно плотной, слегка покоробленной, кое-где чернила расплылись, и приходилось догадываться, о чем именно здесь шла речь. Бумагу Думачев с риском для жизни добывал в гнездах веспов, а для записей пользовался чернилами из чернильных орешков. Крикунову вдруг пришла в голову мысль, что немногие журналисты или писатели остались бы верны своей профессии, если бы работа требовала от них таких подготовительных усилий. В самом деле, многие ли стали рисковать своей жизнью из-за сомнительной возможности донести их до ограниченного тиражом книги количества людей?

13 августа сорокового года

Наконец-то получил возможность писать.

Из лагеря я ушел пятнадцатого мая, значит, сейчас, судя по зарубкам на палке, которые я делал каждый вечер, тринадцатое августа. Это чувствуется, все вокруг постепенно желтеет, исчезли комары.

Помню первый день побега. Одна мысль: где спрятаться, где поспать в безопасности? Погони из лагеря не очень боялся, но и открыто остаться ночевать в лау-

не было страшно. Уже в сумерках я нашел какую-то яму, внутренняя сторона ее была плотно овита веревками. Только через некоторое время я понял, что наткнулся на нору земляного паука. На мое счастье, хозяина не было дома. Я залез в нору и внимательно исследовал ее. Судя по обвалившейся кое-где земле, паук навсегда покинул жилище. Или стал жертвой другого хищника.

Несколько успокоенный, я устроился в норе и уснул. Спал я беспокойно и чутко, несколько раз меня будил странный подземный гул, а проснулся я от удара колокола. Потом в стороне раздался еще один удар, и еще... Удары следовали один за другим, они раздавались в нескольких местах, порой одновременно, словно снаружи собралось несколько десятков церковных пономарей и каждый из них звонил в свое удовольствие, ни капельки не подстраиваясь под остальных.

Я осторожно выбрался из своего убежища. Глянув вверх, я застыл от ужаса и восторга — прямо надо мной висел огромный стеклянный шар, который переливался всеми цветами радуги. У меня на глазах шар начал вытягиваться, принимая форму груши, еще немного — и шар обрушится мне на голову, с ужасом понял я. Нырнув в нору, я сжался, и в это время меня обдало холодным душем — капля росы, разбившись на мелкие частицы, окатила меня с ног до головы.

Из норы я вылез мокрый и грязный, но тут же замер от восторга — лаун пел. Капли росы падали и разбивались о землю, и по травяным джунглям плыл серебряный звон.

Так я оказался в Стране дремучих трав.

Хорошее название, подумал Лев, беря в руки следующую страницу.

Итак, я гол, бос, безоружен и свободен. И лишен возможности вернуться в Большой мир. Впрочем, это

обстоятельство пока не слишком меня пугает. Такой возможности лишены все, кто сюда отправлен, включая конвоиров и охранников. Если мы оказались в этой ситуации по пусть и несправедливому приговору суда, то они здесь оказались по прихоти начальства, росчерком пера подмахнувшего приказ. Мы все обречены на жизнь и смерть в этом мире. Только я отныне свободен, а они продолжают оставаться за колючей проволокой. И неизвестно, кому из нас повезло больше. Скоро я это узнаю. Позади у меня два с половиной месяца одиноких блужданий по лауну. Это сейчас у меня есть оружие, у меня есть пещера, в которой я могу ночевать в относительной безопасности. Тогда я был беглец, который устал жить в неволе и совершенно не представлял, что его ждет впереди.

14 августа сорокового года

Вчера я чуть не погиб. Я до сих пор путаю масштабы, и это может сыграть неприятную шутку. Выбравшись вечером из пещеры, я отправился по своим делам. Вначале я услышал шум. Словно где-то неподалеку загудел паровоз. Предусмотрительно забравшись на дерево — это оказался толстый и кажущийся надежным ствол мать-и-мачехи, — я принялся осматриваться и увидел невероятную и жуткую картину: огромная черная змея, встав на хвост, раскачивалась из стороны в сторону и шипела на невидимого мне противника. Впрочем, нет, змея шипела на огромный колючий шар, лежащий рядом с ней, такую серо-коричневую гору, утыканную иглами.

Еж!

Со страхом и ужасом я наблюдал за схваткой гигантов. Мое счастье, что эта яростная битва происходила в отдалении, я был ее зрителем, а не участником, но, случись схватка ближе, я неизбежно бы стал ее жертвой, чего сражающиеся гиганты даже не заметили бы.

На мгновение шар раскрылся, и еж впился зубами в хвост змеи. Змея попыталась нанести ответный удар и постоянно натыкалась на иглы. Это ее бесило, выводило из себя, змея бесновалась, но еж крепко держал ее хвост, прижимая его к земле.

На мгновение показалось, что змее удастся освободиться, она поползла прочь, но колючий шар покатился с невероятной быстротой следом за ней, и все повторилось. Еж прижал черное тело к земле, и зубы его впились в шею змеи. Та бессильно молотила хвостом по земле, сплеталась в кольца, но ее противник был безжалостен и неумолим.

Змея затихла. Длинное тело ее черной горой темнело среди смятых деревьев, как я привык называть траву. Еж некоторое время невозмутимо приводил себя в порядок, потом, закончив туалет, схватил змею за хвост и потащил ее в заросли, над которыми пышным гигантским облаком нависала листва дерева.

О продолжении моей прогулки не могло быть и речи. Испуганный и смятенный, я вернулся в пещеру. Только теперь я осознал, что был на волосок от гибели. Двинься гиганты в своей схватке в мою сторону — и я не успел бы убежать.

Как беспощаден мир, в который нас отправили безжалостные люди. Впрочем, тот мир ничуть не лучше. Там меня, не задумываясь, лишили любимой работы и провозгласили английским шпионом, каковым я никогда не был.

И все это прикрывается лозунгами о всеобщем братстве и справедливости! Все-таки мудр Господь — когда он хочет наказать человека, он лишает его рассудка.

Наверху идет схватка двух гигантов, а все мы невинные жертвы, наблюдавшие за схваткой со стороны и попавшие под ее безжалостный каток. Любой, кто помогал одной из сторон, безумен вдвойне — он пе-

рестает быть невинной жертвой, и настигающая его расплата за это вполне справедлива.

17 августа сорокового года

Возможно, я последний свидетель того, что произошло в лагере весной этого года. Для себя я назвал произошедшее Большой Бойней, таковой она останется в моей памяти навсегда. Нам объяснили, что отправляют осваивать новый мир, открытый советскими учеными. Разумеется, много слов говорилось о необходимости добросовестной работы, всем обещали неслыханные зачеты, которые, по мысли начальства, должны были подогреть энтузиазм заключенных.

Изменение среды обитания привело к изменению метаболизма организмов. У подавляющего большинства резко усилился обмен веществ, и это привело к тому, что организм стал требовать постоянных калорий. Большинству требовалось есть, есть и есть. А питание нам выделялось в прежнем объеме, явно недостаточном для того, чтобы люди выжили. Не знаю, какие специалисты рассчитывали суточный рацион для жителей лауна, но они превратили людей в людоедов. Продуктами питания распоряжалась администрация лагеря, надеяться на то, что она примет решение самостоятельно, было просто глупо. Люди, привыкшие выполнять приказы, не способны что-то решать. Подобное положение привело к голоду и вспышке каннибализма среди заключенных. Разумеется, охрана не сидела сложа руки, она сурово наказывала каннибалов, применяя весь спектр доступного им насилия. За несколько дней, начиная с Первомая, погибло более двух тысяч человек. Охрана выносила трупы за пределы лагеря и бросала в лауне, где они становились добычей хищников. Остальные умирали от голода. Тогда и произошло восстание. Охрана была хорошо вооружена, но ее было мало для того, чтобы сдерживать натиск умирающих от голода

людей. В день восстания погибли еще полторы тысячи человек, что произошло дальше, я уже не видел, потому что бежал.

Мне кажется, что погибли все и в живых остался я один. Ночами мне снились люди, остервенело разрывающие трупы. Пусть Бог, если он есть, накажет всех причастных к этому бесчинству и издевательствам над людьми. Пусть он упокоит души невинных жертв!

Читать дальше было невозможно.

Отложив желтые листы, Крикунов попытался представить себе тех, кто отправлял людей в лаун, не задумываясь о последствиях. Наверное, они были обычными людьми, которые имели матерей и отцов, с нежностью относились к своим женам, боготворили собственных детей. Однажды, еще в бытность на Материке, Крикунову довелось читать книгу о репрессиях тридцатых годов. В книге имелось много фотографий следователей, судей и работников лагерей, в которых сидели жертвы. Его тогда поразили эти фотографии. Не монстры были на них, обыкновенные люди, в чьем облике проглядывали совсем человеческие слабости и пристрастия. И трудно, совсем невозможно было понять, почему так неистовствовал, круша ребра жертвам, Рюмин, почему так иезуитски залезал к ним в душу Агранов и вообще почему все было именно так, а не иначе?

И вообще, почему дело во имя благих целей всегда заканчивается кровью и горем, почему революция всегда пожирает своих детей? Долго думать об этом было просто глупо, слишком умным Лев себя никогда не считал, так, обычный человек, не гений. Об этом такие светлые умы задумывались, но никто ведь не дал однозначного и единственно верного ответа. Обычные суждения и рассуждения. Те, кто мог дать ответ на этот вопрос, давно уже лежали в могилах и потому безмолвствовали, остальные говорили, но все это было простым словоблудием. И все потому, что не опиралось на факты.

Глава четвертая

Один из первооткрывателей лауна Александр Староверов жил в небольшом коттедже почти в центре Поселка. Старик давно отошел от дел, но натура у него была деятельная, поэтому он постоянно что-то делал в Совете — то подготавливал запросы на необходимое оборудование, то анализировал записки поисковиков, да мало ли текущей и несложной работы могло найтись для отставника в Совете Района?

Ветеран освоения Района был дома.

— Я по делу, Александр Николаевич, — сказал Крикунов.

— Да хоть без дела заходи, — приветливо сказал Староверов. — А то ко мне редко заходят, наверное, я всем в Совете надоедаю. Старость, Лева, ты уж позволишь мне тебя на «ты» называть? А старость — это почти всегда одиночество. Друзья умирают, дети, у кого они есть, разлетаются в разные стороны, им не до тебя, у них собственные проблемы.

Крикунов вошел, уселся в кресло у стола. Ему до старости было далеко, одиночество ему не грозило, разве что заплутает в джунглях лауна. Но он старика понимал, поэтому и спросил:

— Александр Николаевич, а вам не хотелось вернуться?

Староверов усмехнулся.

— Куда? — спросил он.

— Как куда? — не понял ответа Крикунов. — Туда, конечно. Все-таки что-то у вас там осталось, не могло не остаться!

— Ничего не осталось, — после долгой паузы сказал Староверов. — Если у меня что-то и было, то здесь. Я ведь загремел в девятнадцать. В сороковом году. Ага, во второе заселение попал. Отца у меня не было, а мать умерла года через три после моего ареста. И что у меня там могло остаться? Дом? Так нет его, дома. Родственники? Я их не помню, и они меня тоже. О чем мне с ними разговаривать? Что мы могли вспомнить? Невесты у меня не было. Друзья... Так они здесь появились, в Районе. Вот и получилось, что все у меня здесь, а

там ничего не осталось. Знаешь, я уже не вспоминаю, у меня даже прежних воспоминаний не осталось.

— И никто не возвращался?

— Почему? — Старик улыбнулся. — Серега Думачев. Въехал, говорят, в Кремль на белом коне. Героя получил, пенсию персональную. А потом он мне письмо прислал. — Староверов почему-то кивнул в угол комнаты. — Писал, что сожалеет о возвращении, что никому мы там не нужны. Прожита жизнь, Лева, прожита. И не о чем жалеть. А главное — незачем.

— Всю жизнь... — пробормотал Крикунов, поймал взгляд старика и залился густым румянцем. — Извините!

— Да нет, ничего. — Староверов поднялся, ушел на кухню и принес два стакана горячего чая. — Всю жизнь, говоришь? Так ведь это и хорошо. Я себя здесь свободным почувствовал. Тогда ведь мы даже не гадали, куда попали. Был такой у нас из Воронежа, он писателя Язвицкого читал, так он нам все толковывал о других измерениях. А нам тогда какая разница была? Живы — и это главное. Живы и свободны.

Крикунов осторожно попробовал чай, сделал маленький глоток.

— Как же свободны? — задиристо и недоверчиво сказал он. — Вас же сюда прямо из лагеря... И что, не было никакой охраны?

Староверов печально улыбнулся.

— Была, — сказал он. — Поначалу. Такая охрана была! Только этот мир, Лева, очень специфический, он ведь для лагерей не приспособлен. Не выживала здесь охрана. Назад-то никто не возвращался, не положено их было возвращать. Те, кто поглупее, тот быстро погиб, умные — к нам примкнули.

— И что, других никто не присылал?

— Присылали. — Староверов спокойно прихлебывал чай. — Даже один начальник лично прибыл. С обстановкой знакомиться. Легковую машину с собой притащил, думал по лауну разъезжать со всеми удобствами. А как до него весп добрался, так

сразу всякие проверки и прекратились. Начальника-то они назад вытащили. Наверное, те, кто его вскрывал, очень удивились начинке. Ну и кончилось все постепенно. Поручили одному из наших, Сургучеву, кажется, реляции об освоении наверх посылать. А дальше мы тут сами управлялись. Ты еще не привык. Это мир страшный. Страшный, но не злой. Там люди были куда злее. А злые люди в страшном мире не уживаются, они там живут, где их боятся.

Он помолчал.

— Знаешь, я вот что последнее время думаю. — На лице старика мелькнула улыбка. — Самое интересное заключается в том, что, если бы нас сюда не загнали силой, мы бы добровольно сюда полезли. Кто науку двигать, кому приключения пришлось бы по душе, а иные и просто — чтобы только не там. Здесь себя человеком чувствуешь.

— Почему?

— Откуда я знаю? — задумчиво сказал Староверов. — Ситуация так складывается. Здесь ведь все на взаимном доверии построено, товарищество — не пустая фраза. Лаун *отсеивал*. Альтернатива была небогатая — либо живешь в коллективе, либо отправляешься на тот свет. О возвращении на Материк тогда и мечтать не стоило, у каждого за спиной не крылья, а солидные сроки, а при необходимости и довесок могли бросить. И потом, кратник в отношении нас в одну сторону работал. Даже когда мы здесь без охраны остались. Это здесь мы были без охраны, а там-то нас продолжали охранять, и крепко.

Это хорошо, что ты за историю взялся. Жаль, если все в прошлое канет. Какие люди были, Лева, какие люди! Тут поэт Корнилов свои новые стихи писал, тут профессор Тихомиров теорию полевого биогенезиса разрабатывал. — Бесцветные глаза старика ожили, засверкали. — Да мы здесь, если хочешь знать, по некоторым направлениям мировую науку на десятилетия обскакали. А кто об этом знает? Никто, никто ведь ничего не знает, на нас гриф секретности так и стоит, только раньше нас прятали, а теперь мы сами таимся.

Крикунов дотошно расспрашивал ветерана. На память он не надеялся и использовал диктофон, собранный умельцами на заводе игрушек. Конструкторы фирмы «Сони» сдохли бы от зависти, увидев эту малогабаритную машинку.

Поначалу ветеран был в ударе — он сыпал именами, датами, вспоминал совершенно невероятные истории, отложившиеся в памяти, но постепенно стал сдавать. Все-таки возраст у него был почтенный, и жизнь прошла не в санаторных условиях.

Заметив, что Староверов начал уставать, Крикунов деликатно засобирался.

— Ты бы посидел немного, — сказал старик. — А то я чаще один. Из моих-то уже никого не осталось. Вы этого не знаете, вы просто живете, а мы, когда сюда попали, узнали, почему фунт лиха. В организмах ускоренные процессы начались, первое время жрали круглые сутки. А когда процессы ускоряются, жизнь, как это ни печально, укорачивается. Ты говоришь, охрана. Первое время вохровцы автоматов из рук не выпускали, драки пытались предотвратить. Многие не выдерживали, нас ведь держали на обычной кормежке, а здесь жить требовалось иначе. Пока все поняли, многие умерли просто от голода.

— А вы? — жадно спросил Крикунов.

— А я оказался один из немногих, у кого процессы остались на прежнем уровне. Я, Серега Думачев — он ведь при ином раскладе в лауне восемь лет никогда бы не протянул, — Леша Горбачев, он в *той* жизни в Пензе начальником автомастерских был. Вот нас и изучали, чтобы вам спокойнее жилось. Вы по сравнению с нами живете в райских условиях, Левушка, хотел бы я снова этак пожить. Уж больно мир оказался интересным, даже теперь, когда понимаешь, куда нас загнали, все равно испытываешь удивление. Хочется все понять, все пощупать. Нет, Лева, здесь было хоть труднее, да интереснее. Здесь я себя человеком чувствовал.

Он посидел, задумчиво покачивая головой и растерянно улыбаясь каким-то своим мыслям, потом негромко пробормотал:

— Какой мир, какой мир... — И снова посмотрел на гостя. — Чай пить будешь? — спросил он.

— Спасибо, — отказался Крикунов. — Я пойду, пожалуй. Работы много, вы ведь знаете, что готовится экспедиция по лауну. Пора Район изучать, полвека живем, а ни черта не знаем о мире, в котором живем. Обидно!

— Сейчас хорошо, — сказал Староверов. — Вон на вас какая индустрия работает. Машины какие, перехватчики небо чистят, оружие такое, что нам тогда и не снилось. Вчера подлодки привезли, теперь за Большое озеро возьмутся. А мы... — он махнул рукой, — с ржавым ТТ, в лучшем случае с ППШ и на голом энтузиазме. Завидую! Сбросить бы годков пятьдесят, я бы вам, соплякам, носы бы поутирал.

Он снова заулыбался, вспомнив давнюю историю.

— В сороковом, — сказал он, — к нам тут танк Т-35 забросили. Серьезная машинка, хоть и модель одна к одному с машиной, что для нужд Красной Армии делали, только масштабы, соответственно, уменьшены. Ну, покаталась она тут по лауну пару дней, попала из орудия. Зачисткой джунглей вокруг зоны занималась. А потом ее коршун приметил, спикировал, в когти хват и дальше полетел. Только добыча огрызаться начала. Пальнули в него, видать, танкисты, коршун рассерчал и на середине озера утопил. А так чистая война была.

Посидел, качая головой, и грустно добавил:

— Техники нам, конечно, не хватало. Возможностей особенных не было. Это сейчас напридумывали пластиков разных, электромоторы маленькие и мощные делать стали, батарейки атомные изобрели. А тогда всего этого не было. Белоярскую ТЭЦ почти три года строили, и никто не додумался, что можно было сделать действующую модель где-то на фабрике игрушек, а потом приехал бы один обычный человек и поставил бы эту станцию в нужном месте безо всяких подъемных кранов, строительных лесов, просто — рукой. Но об этом никто и никогда не думал. А зачем думать, если в зоне несколько тысяч зэка: захотят жить при свете и тепле, горы ведь своротят!

— А я сейчас дневники Думачева читаю, — признался Крикунов. — Там и про Белоярскую ТЭЦ немного есть, но больше о его жизни в лауне. Читаешь как приключенческий роман!

— Серега это мог, — согласился Староверов. — Был у него некоторый талант. Он одно время в зоне романистом* был, когда мы еще на рудниках в обычной зоне были. Пересказывал вора́м разные занимательные книги, к культуре их, козлов, приучал. Я его записки тоже читал. Хорошо писал, только скулил много, аж слезу вышибает.

— Так ведь не придумывал ничего, — не согласился Крикунов. — Все-таки почти восемь лет один в лауне провел. С ума ведь можно было сойти от тоски.

— А никто его в лаун не гнал, — равнодушно сказал Староверов. — Нечего было из лагеря убежать, это он сам себя наказал.

— Так ведь и в лагере сидеть несладко, — горячо сказал Крикунов. — Паршиво ведь под конвоем. Свободы хотелось, я его понимаю.

— А я — нет. — Староверов недовольно махнул рукой. — Он испугался. Ты же читал, что в лагере тогда творилось. Вот Думачев и сбежал от греха подальше. Но мы с этим справились, справились. А он в своих джунглях сидел, философствовал, как та китайская обезьяна на горе.

Он посидел немного, покачиваясь. Лицо старика было задумчивым.

— Знаешь, — сказал он. — Я порой думаю, что все наши беды — и того времени, и сегодняшние — в том, что мы привыкли быть маленькими людьми. А маленьких людей просто не бывает.

— Ой ли? — задиристо сказал Лев.

— Да я не про размеры, — отмахнулся Староверов. — И у лилипута может быть огромная, невероятная душа. Мы при-

* Романист в лагере — человек, пересказывающий увлекательные книги, в основном детективно-криминального плана. Чем выше мастерство рассказчика, тем выше он в лагерной иерархии.

выкли, что за нас кто-то все решает, а потом нас просто заставляют голосовать. И голосуем мы, как им надо. Потому что один боится, другой и в самом деле считает, что так будет правильно, но большинство из безразличия, так как полагают, что плетью обуха не перешибешь. Мы привыкли, что нам подсовывают готовые решения. Я поначалу не задумывался, а потом вспомнил, как в тридцатых нас на собрания собирали. Докладчик еще только доклад делает, прения не начинались, а у председателя под руками готовый проект резолюции. И все мы в один голос гневно осуждали, требовали справедливости, пока эта справедливость и к нам не подобралась. И по своему лилипутскому разумению каждый считал, что в отношении других все правильно, в отношении тебя самого ошибочка вышла. Но ее исправят, ее обязательно исправят! Ага. Как же! Вот и получилось, что хотели как лучше... — Старик безнадежно махнул рукой.

— Хорошо бы, если бы у каждого был свой собственный голос, — согласился Лев. — Но ведь любую песню поют слаженно, не так?

Некоторое время старик пристально смотрел на него. Крикунов и не подозревал, что бесцветные старческие глаза могут быть так выразительны.

— Это точно, — сказал старик. — Особенно если Акела промахнулся. Тогда его в полном согласии всей стаей в клочья рвут.

Глава пятая

Вечером Крикунов снова сидел над дневником травяного отшельника, терпеливо разбирая его торопливые каракули и представляя, как Думачев пишет при свете многочисленных светлячков, которыми он украсил пещеру. Он явственно вообразил себе бородатого усталого мужчину, который напряженно вглядывается в разложенные листки слезящимися гла-

зами и пишет, пишет, еще не зная, для чего он это делает и воспользуется ли кто-нибудь этими записями.

23 августа сорокового года

Помню, как стоял у берега озера.

Водная поверхность была необозримой — она сливалась с горизонтом. У самого берега простирались заросли какого-то растения. Листья были огромные, глянцевые и походили на листья тропического фикуса, только были в несколько раз больше меня. Торжественно качались громадные столбы розового цвета. Я не сразу узнал земноводную гречиху.

Голодный, усталый, я издали смотрел на розовые цветы, вспоминая, как вкусны и питательны пыльца и нектар гречихи, я глядел — и не знал, что мне делать. Пройдя по берегу, я увидел цветущий куст гречихи на берегу. Здесь она защищалась иначе — листья и ствол выделяли клейкую жидкость, в которой вязли жучки и муравьи. Чтобы не влипнуть рядом с ними, я принял меры предосторожности и влез на куст другого растения, растущий рядом с гречихой. Потянув цветок гречихи к себе, я ел пыльцу и пил нектар. Не знаю, что это было — обед или ужин? По телу разливалась сытость, голова кружилась, я отдыхал и снова принимался есть, пока не понял, что больше в меня не влезет. Тогда я спустился вниз, из последних сил нарубил клейких побегов гречихи и, окружив себя кольцом из них, лег спать, надеюсь, что ничего плохого со мной не случится.

Я не отходил от цветка три дня. Все это время я только и делал, что ел. Ел и спал, чувствуя, как ко мне возвращаются силы.

Господи, а они в лагере морили нас голодом! Одно-го этого цветка было достаточно, чтобы накормить десятка полтора заключенных! Я не сомневался, что все это творят жирные самодовольные коты из компетентных органов, партия об этом произволе ничего

не знает, и ничего не знает товарищ Сталин, в противном случае все это давно бы уже прекратилось. Освоение лауна ничуть не легче освоения Крайнего Севера, это надо было обязательно учесть всем нашим руководителям. Но они это поймут, только если сами побывают здесь, проживут в шкуре рядового поселенца. А пока мы находимся даже не в положении ссыльных, мы по-прежнему являемся заключенными со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

Уже август. Мне надо готовиться к зиме. Надо сделать запасы, ведь когда снег заметет лаун, я ничего не смогу найти, и меня ждет ужасная смерть. Но нет, я постараюсь ее избежать, я приложу все силы, чтобы этого не случилось. Пещера вместительна, и в ней достаточно места, чтобы устроить хранилище для продуктов питания. В конце концов, дажемышь-полевка обеспечивает себя на зиму необходимыми продуктами, суслики в степи делают нужные им запасы, а я ведь человек и потому способен на большее.

Но если бы кто-нибудь знал, как мне одиноко. Иногда, когда молчание становится совсем нестерпимым, я разговариваю сам с собой, горланю песни. Декламирую стихи. И это я, который в той, прежней жизни, случившейся до несправедливого осуждения, мечтал о тишине и требовал ее от домашних. Что теперь с моими родителями? Где Ирина? Чем она занимается? Когда я думаю об этом, меня охватывают бессильная ярость и отчаяние, порою хочется разбить себе голову или броситься в воду озера и плыть, плыть, пока окончательно не иссякнут силы. Господи, как трудно все это вынести, как тяжело именно своими воспоминаниями человеческое одиночество. И вместе с тем ничего невозможно поделать.

Чтобы отогнать приходящие в голову опасные мысли, я пытаюсь заняться наукой. Ужасно не хватает элементарных знаний. Как жаль, что я не энтомолог. Еще

больше мне жаль, что я плохо разбираюсь в ботанике.
Знание растений мне бы сейчас очень пригодилось.

Лев представил себе душевное состояние человека, писавшего эти строки, и ему стало не по себе. Даже читать расхотелось.

Где-то неподалеку послышалось пение и звуки гитары. Крикунов отложил бумаги, выпрямился и вслушался в звуки за стеной. Играл неведомый музыкант непрофессионально, но голос у него был сильным и красивым.

We too back the world stall newer pass
Through the shattered door, a dumb shade-harried crowd
Being all infinite, function depth and mass
Without figure, a mathematical shroud
Hurled at the air-blessed without sin!
O Cod of our flesh? return us to Your wrath,
Let us be evil could we enter in
Your grace, and falter on the stony path!*

И Крикунов вдруг подумал, что ему здорово повезло, ведь могло и так случиться, что настоящая жизнь пронеслась мимо, а он так и остался бы в том мире — медленно старея и оставаясь никому не нужным, как это и происходит обычно. Как говаривал Экклезиаст, «человек одинок, и другого — нет».

В стену постучали.

Крикунов погасил лампу и вышел в коридор. Толкнул дверь соседа. У Максимова была вечеринка, если можно назвать этим словом вечер разношерстной компании, которая не пила ничего, кроме сока, и занималась разговорами. Но какие это были разговоры!

* Мы тоже не вернемся в мир разбитый —
Толпа теней, бесформенный поток,
Расплывчатая взвесь и монолиты,
Неисчислимый вечности итог —
Слепая пыль, которой все простилося!
Но лучше бы — о нашей плоти Бог! —
Твой гнев навеки, лишь бы эта милость —
Живая боль среди земных дорог!

Ален Тейт. «Последние дни Алисы».

— А я тебе говорю, — горячился высокий плотный парень у окна своему собеседнику, — их надо выжечь. И никаких нашествий. Решим вопрос раз и навсегда. Надо обезопасить поселения, люди должны жить нормально.

— Выжечь недолго, — меланхолично пощипывал бородку собеседник. — Только вот китайцы в конце века решили избавиться от воробьев. А китайцы — народ упрямый, если они что-то задумают, обязательно своего добьются. И добились ведь, всех воробьев истребили. А через год начали их ввозить из-за границы. Биологическое равновесие — вещь очень тонкая, Андрюша, можем наломать дров сгоряча, и тогда ничего уже не исправить.

— Умнеют они, точно тебе говорю. Раньше любого сбить в воздухе можно было запросто. А теперь они научились хитрить. Порой такие виражи закладывают, куда там асам! — слышалось от стола. — И подкрадываться они начали на малых высотах. Помяни мое слово, еще немного времени пройдет — и наши перехватчики без дела останутся. Придется опять переходить на старые модели вроде «Яков» или «Ишаков». На больших скоростях их уже не перехватишь!

Говоривший эти слова Максимов обернулся на звук открываемой двери и оборвал речь.

— А вот и Лева пришел! — сказал он радостно. — Знакомьтесь, ребята! Это наш Тит Ливий, будет писать историю Района от основания до расцвета!

Процедура пожимания рук и знакомства известна всем, каждый не раз бывал в компаниях и знает, что в таких случаях имена представившихся тебе людей редко запоминаются с первого раза, тут уж никакая память не может помочь. Крикунова удивило, что каждый из присутствующих, называя имя и фамилию, обязательно добавлял профессию.

— Это еще со старого времени осталось, — объяснил ему позже Максимов. — Тогда тут контингент из осужденных и охранников состоял, вот и положено было добавлять, называясь, статью и срок, по которой осужден. А потом стали называть профессию.

А тогда он только пожимал руки, встречая приветливые улыбки. Хороший человек пришел в гости к хорошим людям.

— Таманцев! — позвали от окна, и высокий плотный парень заторопился обратно.

А вот эту фамилию Лев уже слышал, когда еще только отправлялся в Район. Кажется, здесь парень был следопытом, а это значило, что он заслуживал более пристального внимания. Крикунов уже знал, что следопыты здесь особая каста — они выполняли обязанности разведчиков. При необходимости занимались поисково-спасательными работами, а в случае появления опасных хищников осуществляли защиту жителей поселков.

— И все равно я ему это в глаза скажу! — слышалось от окна. — Снять нас с поиска, когда было ясно, что люди уцелели после падения вертолета! Да за такое наплевательское отношение к человеческим жизням набить морду — самое безобидное! И плевать мне, какими мотивами он при этом руководствовался. В конце концов, не красная же сыпь в Поселки пришла! Да даже это его не оправдывает!

— Андрей, Андрей, не горячись! — гудел невысокий чернобородый мужчина неопределенного возраста. Уж очень он был тренирован, такому с одинаковым успехом можно было дать и двадцать пять, и тридцать пять лет. — На конференции и выступишь. А здесь чего зря пылить, здесь с тобой и так все согласны!

— Сок будешь пить? — спросил Максимов и, не дожидаясь ответа, налил в высокий стакан оранжево-желтый сок, сунул в него соломинку и пододвинул Крикунову. Сок был холодным и в меру сладким с кислящей горчинкой.

Крикунов сделал глоток, с любопытством оглядываясь по сторонам. В комнате были и девушки. Одну из них — длинноногую и круглолицую блондинку — Лев сразу узнал и даже имя ее вспомнил — Зоя. Она ему кофе приносила в царицынском офисе ООО «МСП». Видимо, и девушка узнала его, лицо ее зарумянилось, она растерянно посмотрела на Льва, потом

прыснула, прикрывая рот ладошкой, и неожиданно показала журналисту язык.

От этого Льву стало совсем хорошо, он уселся на свободный стул, отхлебнул сок из стакана и заговорил с Максимовым, но их едва завязавшуюся беседу перебил подсевший ко Льву мужчина.

— С концепцией вы, конечно, уже определились? — спросил он и тут же представился: — Игорь Герасимов, микробиолог.

— Простите? — не понял Крикунов.

— Надо смотреть в корень, — сказал Герасимов. — Не следует акцентировать внимание на том, интересно жить и работать в Районе или неинтересно. Это для дилетантов и любителей приключений. Главное, определиться — перспективно это направление для человечества или мы опять упираемся в тупик, из которого следует искать выход.

— А вы как считаете? — вежливо спросил Крикунов.

— Ерунда все это, — с апломбом сказал Герасимов. — Интересно, не спорю. Сам здесь работаю. Но не будет с этого толку. Ничего это не даст для общечеловеческого развития. В космос, в космос надо забираться. Затеяли освоение, а получилась настоящая битва. Это у нас в крови — всякое дело в битву превращать. Сначала боевые самолеты потребовались, все моделисты страны, даже того не подозревая, на нас батрачили, потом нам бронетранспортеры для охраны Поселков потребовались. Что дальше? Потребуются танки? Или нам понадобится несколько тысяч миниатюрных бомб? И все для того, чтобы освоить одну-единственную пойму, которых в России тысячи, если не десятки тысяч. Не спорю, идея была заманчивая. Но перспективы у нее нет.

— Это почему же? — возразил Крикунов вежливо. — Я, конечно, пока еще плохо ориентируюсь в происходящем, но по крайней мере предыдущие сезоны доказали, что жить в микромире вполне возможно. Да, все оказалось сложнее, чем думалось, враждебно нас встретила природа, мы от нее тако-

го не ожидали. Но ведь никто и не говорил, что новое дело дастся без сложностей, верно?

Герасимов с превосходством и сожалением смотрел на него.

— Да я не о том, — сказал он. — Я совсем про другое. Даже если освоение Района закончится полной победой, мы все равно будете жить в резервации. И Большому миру нас придется охранять. Кто-то должен будет следить, чтобы на наши пажити небесные не прорвалось стадо бестолковых коров или овец, которые окажутся для нас почище любого стихийного бедствия. Или, не дай бог, на территорию Района, как в прошлом году, забежит бродячая собака, лиса или, скажем, лось забредет. Несколько лет назад сюда пьяная компания заехала, по пьянке по Поселку прокатились. Это же почище любого землетрясения было! Я знаю, что говорю, я сам видел, до сих пор ночами холодный пот прошибает. Вот так оно все и будет, уважаемый. И всю жизнь здесь придется воевать с осами и стрекозами. Может, кому-то нравится драться с ними на встречных курсах, ракеты в брюхо садить, но ведь дело-то совсем не в этом. Нам нужны мирные поселения, которые будут абсолютно безопасны для людей. А мы ведем настоящие боевые действия, и они у нас не обходятся без человеческих потерь. И каждый год мы со страхом ожидаем массового вылета эремитов или кровососов, готовимся к борьбе со странствующей саранчой, следим, чтобы тарантулы в зоне Западных гор не слишком размножились. Даже ежей пришлось отсюда эвакуировать, сводить их количество к минимуму. А теперь вот гадюки размножаться стали, ведь от естественного врага их избавили. И так будет всегда. Чужой мир, нам к нему в новых размерах просто не приспособиться.

— Не оттуда смотришь, — вмешался в разговор Максимов. — Не оттуда подсчеты ведешь, Игорек. И не путай свежего человека, не надо! Я, конечно, простой пилот, но об этом тоже не раз думал. О перспективах, значит. Я не спорю, сложности есть, так ведь никто другого не ждал. А ты с дру-

гой точки зрения на все это взгляни. У нас в четырех поселках проживает почти пятьдесят тысяч человек, и при всем этом пойма пока еще практически не заселена. Чтобы накормить эти пятьдесят тысяч человек, потребовалось почти в сто пятьдесят раз меньше продовольствия, чем ушло бы на эти цели в Большом мире. Да и последнее время мы уже начали обеспечивать себя продовольствием сами. Нам открывается совершенно фантастический мир. Меняется уклад человеческой жизни, Игорек, меняется философия, художественные взгляды, рождается новая литература. Это все здесь, в Районе. Наверху это видят лишь изредка, когда Ляхов выставляет свои картины или издают книги Беберова или, скажем, Линника. И лишь некоторые понимают, что это не фантастика, что это все существует на самом деле.

— Я же не отрицаю всего, — с ленцой возразил Герасимов. — Дело в ином, дело в перспективах. Мне и самому здесь интересно и хорошо, а микробиологам, скажем, или энтомологам так вообще рай! Я говорю, что этот мир нас никогда не примет. Мы привыкли жить в ином масштабе, можем привыкнуть и здесь. Но местная флора и фауна нас никогда не примут. Мы в них не вписываемся, природа нас создала для другого мира.

— А мне здесь нравится, — признался Крикунов, ища взглядом Зою. — Мне здесь хорошо. В первый раз я ощутил востребованность. И люди здесь неплохие.

У окна включили магнитофон.

Этой мелодии Лев Крикунов никогда раньше не слышал, но сразу догадался, что рождена она в этом мире — мелодия завораживала, заставляла вспоминать луг, и жужжание пчел, и разноцветность луга, и синие небеса над ним, в мелодии было журчание ручьев и слабое клокотание невидимых родников, торжество вечернего хора лягушек, звон комаров над вечерней травой, в мелодии была жизнь лауна, она была чиста и прозрачна, как роса на просыпающемся с рассветом цветке.

— Мальчики, мальчики, — рванулась от окна Зоя. — Хватит спорить, давайте потанцуем?

Надо ли объяснять, что дважды говорить эти слова Крикунову не пришлось. А если вы еще не забыли дней своей молодости, то вам не придется объяснять и то, что невозможно держать в объятиях девушку, которая тебе сильно нравится, и одновременно размышлять о серьезных философских вещах. Более молодой читатель, который еще ни разу не танцевал с девушкой, должен мне поверить на слово. Так вот, когда ты танцуешь с девушкой, ты думаешь только о ней. Думать о чем-то другом просто невозможно. Да и если говорить честно, не хочется.

Глава шестая

14 сентября сорокового года

Глаза некоторых пауков светятся и в темноте похожи на красные огоньки. По высоте, на которой они движутся над землей, можно определить вид паука, но сами воспоминания об этих гнусных тварях не располагают к подобным размышлениям. До зимы еще далеко, но запасы продовольствия у меня велики, теперь главное запастись побольше топлива для будущих костров. Но с этим я как-нибудь справлюсь.

По утрам стало заметно холоднее, но я придумал кое-что и теперь одет довольно тепло. И я неплохо вооружен — у меня есть копье из жала веспа, я изготовил лук и стрелы, наконечники которого изготовлены из заточенных пластинок ракушек, которые можно в изобилии найти на берегу Большого озера, но главное — мое оружие, которым в лауне не владеет никто. Это оружие — огонь. Но в лауне им пользоваться нужно крайне осторожно, в противном случае можно спалить весь этот мир и в пламени погибнуть самому.

Удивительный мир! Если бы не мое плачевное состояние и не одиночество, я был бы очень рад тому, что нахожусь в нем. Сколько открытий я сделал, сколько

удивительного встретилось мне во время скитаний в лауне. Будет очень обидно, что в один прекрасный день лаун погребет меня, а ветер разнесет по пойме листки моего дневника. И тогда никто ничего не узнает, еще одна человеческая жизнь — теперь уже моя! — будет прожита зря. Мысль эта угнетает меня, иногда она просто вгоняет меня в депрессию, нагоняет хандру. Но может быть, дело совсем в ином, может, причина моей хандры именно в одиночестве.

Вчера я чуть не погиб, едва не попал в лапы стрекозы. Разность масштабов, к которой я никак не могу окончательно привыкнуть, сыграла со мной злую шутку. Я наблюдал, как из личинки стрекозы появляется стрекоза, как она удивленно поводит по сторонам изумрудными полушариями огромных глаз, как расправляет для просушивания сморщенные и беспомощные еще крылья. Это удивительное зрелище, и я совершенно забыл, что это для нормальных людей стрекоза — изящное и красивое насекомое, в моем нынешнем положении это страшный хищник, столкновение с которым грозит смертью. Так и случилось в этот раз. Крылья очень быстро высохли, стрекоза рванулась со ствола камыша в стремительный полет, и я почувствовал, как цепкие лапы охватывают меня и отрывают от земли. Руки мои оказались зажатыми, и я не мог сопротивляться, но все-таки ухитрился несколько раз ударить стрекозу в туловище своим дротиком.

Безжалостные лапы разжались, и я полетел в бездну. Без сомнения, я бы разбился, если бы не попал в воду. Я погрузился почти до дна, и холод воды привел меня в чувство. Беспорядочно молотя перед собой руками, я вынырнул. Берег был далеко. Но мне повезло, я сумел взобраться на плывущий по воде сухой лист, который прибило к берегу. Если бы ветер дул в другую сторону, я никогда бы не увидел своей родной пещеры и своих запасов. А это грозило мне смертью от голода.

Впрочем, не сомневаюсь, что гораздо быстрее я нашел бы свою смерть в бескрайних просторах озера.

Но, повторяю, везение в этот день было на моей стороне.

Крикунов подошел к окну.

За окном звенел день, лаун отсюда казался совсем безопасным, даже не верилось, что там идет беспощадная охота миллионов хищников за миллионами жертв, льется кровь, и каждую секунду гибнет столько существ, сколько их не гибло за всю историю человеческих войн. Чуть левее Поселка белело здание будущего административно-командного комплекса ГЭС, плотину в полностью собранном состоянии с уже установленными турбинами должны были привезти только через неделю, и Льву предстояло увидеть грандиознейшее зрелище — гиганта, который, наклонившись к земле, устанавливает плотину поперек течения реки. Мир благоустраивался. Империя лауна обустривалась всерьез и надолго. На аэродроме в огромном ангаре готовились к боевым вылетам вертолеты и истребители, в огромном гараже терпеливо отлаживались инженерами и техниками вездеходы и всепогодники, проверялись турели бронетранспортеров сопровождения. На крытом стадионе шла интенсивная тренировка следопытов, а еще дальше, где сияли стеклами здания Академгородка, шла столь же интенсивная мыслительная работа, разрабатывались планы освоения джунглей, люди не хотели ждать милости от природы, они твердо намеревались эти милости взять у нее в обязательном порядке.

И все-таки вчерашний собеседник был в чем-то прав. Как его фамилия? Кажется, Герасимов. Ну да, Игорь Герасимов. Герасимов был прав. Лаун нельзя завоевывать, в противном случае природа однажды ответит, и ответит так, что мало не покажется. В лаун надо вращать. К нему надо приспособляться. Никто не говорит, что надо ради этого отказываться от благ цивилизации, но и нельзя совершенствовать прогресс, уничтожая девственные джунгли, окружающие нас. Многое

меняется, люди зависят от лауна, а существование его самого, в свою очередь, зависит от людей. И надо быть бережными, прогресс тоже должен быть милосердным. И ошибки Большого мира должны разумных обитателей лауна этому милосердию научить.

И еще Крикунов считал, что в самом главном Герасимов был не прав. Освоение лауна не могло быть бесперспективным. И люди никогда не уйдут из той точки пространства, куда однажды пришли. Достаточно прикинуть, как изменилась жизнь Поселков за последние двадцать лет, слов нет, от прошлой жизни она отличалась, как небо отличается от земли. Герасимов не увидел главного — в этом мире зарождались новые общественные отношения, они существенно отличались от волчьих законов Большого мира, и хотелось надеяться, что однажды они станут прообразом новых отношений во всей мировой цивилизации. Но до этого предстояло еще идти и идти.

Он неторопливо вернулся к столу и вновь углубился в желтые бумаги. В этот солнечный день совсем не хотелось читать о странствиях других, хотелось странствовать по свету самому. Хотелось совершить двенадцать подвигов, хотелось быть одним из открывателей, а не книжным червем, собирающим по крохам события и даты чужой истории.

15 сентября сорокового года

Весь день не покидал своего жилья. Вдруг стало страшно, что случится непоправимое и меня, такого умного, такого талантливого, вдруг не станет. Такое чувство я уже однажды испытал — в ночь перед судом. Обвинения были достаточно абсурдны, чтобы меня приговорили к расстрелу, любое иное наказание тогда казалось спасением. Это была ночь отчаяния. Нечто подобное я испытал и сегодня. Я долго не мог уснуть, все время я видел изумрудные прекрасные глаза, наблюдающие за мной, чувствовал на себе цепкие лапы хищни-

ка, и потом — свои многочисленные отражения в фасеточных глазах стрекозы.

Бесцельно я слонялся по пещере, разглядывая неуклюжую мебель, которую я изготовил. Еще совсем недавно она казалась мне верхом совершенства, теперь же вызывала уныние и тоску.

В углах пещеры изумрудно-голубым холодным пламенем светились гнилушки, собранные мною в лауне.

Мир, который меня окружал, был беспощаден, как схватившая меня вчера стрекоза. Мы никогда не привыкнем к нему, он будет выталкивать из себя человека, как чужеродное тело, противное его существованию.

Я говорю это с полным убеждением, хотя я сам благополучно живу в этом мире уже несколько месяцев, обзавелся довольно комфортабельным жильем, благоустроил его, насколько это было в моих силах. Для постели я использовал коконы гусеницы бабочки поденки, они с успехом заменяют мне спальные мешки, мои кладовые ломятся от припасов, две огромные емкости содержат мед и нектар, голод мне не грозит, и я вполне способен пережить грядущую зиму.

И все-таки я чувствую себя чужаком.

28 сентября сорокового года

До чего может дойти человеческий ум, испорченный вынужденным бездельем! Несколько дней лили дожди, я изготовил медовуху — потребовалось совсем немного, чтобы мед забродил. Я пью сладковатый и пьянящий напиток, но на душе, как это ни странно, не становится легче. Наоборот, когда я выпиваю, мне вспоминается прошлое. Оно будоражит меня все чаще и чаще.

Самое важное для человека — это общение с другими людьми. Как я мечтаю о собеседнике, пусть он будет человеком с плохим характером, только бы он гово-

рил, спорил со мной, только было бы рядом существо, с которым можно было делиться мыслями.

Запретил себе думать об Ирине. Но это все равно что запретить себе не дышать. Это невозможно.

Господи, если бы кто-нибудь знал, как мне плохо!

Иногда мне кажется, что было бы правильнее вернуться в лагерь, из которого я бежал. Пусть смерть, только среди людей. Но я ушел слишком далеко и теперь не найду лагеря. Странная вещь, я всегда хотел вырваться за колючую проволоку и ощутить себя свободным, теперь мечтаю о бараке с его ночными лихорадочными разговорами.

Человек — раб общества, без общения с себе подобными он превращается в говорящее животное, которого не понимает окружающая его природа.

«Достало мужика, — подумал Лев, отрываясь от дневника. — Несладко ему было одному. Впрочем, чего удивляться, Робинзон Крузо был всего лишь литературным героем, а настоящий матрос, потерпевший кораблекрушение, которого звали Селькирк, превратился на своем острове за несколько лет в дикого зверя. Это еще надо удивляться, что за восемь лет Думачев не прекращал вести дневник, не потерял способности членораздельно выражать свои мысли. Но тут скорее все зависит от образованности человека и его воли. А Думачев не один год прожил в лагере, он уже в чем-то был подготовлен к своему пребыванию в одиночестве».

4 ноября сорокового года

Если я не ошибаюсь в датах, через три дня на Красной площади будет парад. Вожди, как всегда, — на трибунах, а мимо пойдет военная техника, полетят, чуть не касаясь шпилей Кремля, самолеты, огромной нескончаемой рекой пойдут москвичи. Даже странно думать об этом здесь, в лауне. Первые морозы уже были, начались редкие снегопады, слышно, как в вышине зло воет

ветер и как от его грубых прикосновений хрустит и трещит сухой лаун. В моем убежище тихо и спокойно, одно меня огорчает — полное отсутствие книг. С каким удовольствием я бы сейчас почитал что-то мирное, домашнее, идиллическое. У нас подобная литература в редкость, у нас литература подчинена вечному горению, вечному стремлению к подвигам. А мне кажется сейчас, что лучшие страницы «Войны и мира» Толстого как раз те, где нет войны, где все спокойно, где люди любят друг друга, заводят семью, танцуют на балах, просто живут. По-моему, каждый человек в глубине своей души стремится именно к этому, но, придя к такой жизни, обязательно начинает мечтать о подвигах, о славе, а потому с жадностью следит за героями Джека Лондона или Буссенара, хотя понимает прекрасно — сам он такой жизни просто не выдержал бы.

Что-то правильное было в этих выцветших от времени фразах, но соглашаться с этим почему-то не хотелось. Жить размеренно и семейно довольно скучно. Каждый день ходить на службу, добросовестно делая свое дело, мириться и ругаться с женой, воспитывать словами и ремнем своих детей... А с другой стороны, лучше, что ли, сидеть в окопе со связкой гранат и ждать, когда танк прогрохочет над твоей головой? Н-да.

Вновь углубиться в чтение записок Думачева журналист не успел.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Лев и, обернувшись, почувствовал, что краснеет.

На пороге стояла Зоя. Видно было, что она смущена не меньше его самого.

— Что вы киснете над бумагами? — сказала девушка. — Пойдемте гулять, Лева. Сегодня прекрасный день и совсем нежарко.

День и в самом деле был великолепным. Ветер утих, и над лауном стоял гул — кузнечики вели свою нескончаемую пес-

ню, изредка тишину разрывало уханье — в камышах далекого озера надрывалась выпь.

— Ребятам, наверное, достанется, — глядя в сторону, сказала Зоя.

— Кому? — удивился Лев. — За что?

— А вы ничего не знаете? — Зоя трогательно всплеснула руками. — Ребята ушли в лаун. Андрюша Таманцев, Володя Миркин и Глебов Сашка. Они еще записку оставили на дверях Дома Советов — «Следопыты своих не бросают». Это они Султанова таким образом упрекнули. А теперь их всех накажут. Из Района их, наверное, не погонят, а вот из следопытов уберут.

Некоторое время они шли молча.

«Значит, они все-таки решили найти ребят в лауне, — подумал Крикунов. — Они не знают, кто именно остался в живых и жив ли он до настоящего времени, но им на это наплевать, они просто пошли искать. А записка — это и в самом деле упрек. Никто им не объяснял причин такого решения, да они и не стали бы его слушать, для них главное, что в джунглях где-то бредут люди и этим людям надо обязательно, во что бы то ни стало помочь. Вот что для них главное. В Большом мире равнодушие к человеческой судьбе давно стало нормой, но здесь этого нет, здесь такое поведение — отклонение».

— А вы долго здесь пробудете, Лева? — спросила девушка.

«Неужели я ей нравлюсь?» — смятенно подумал Лев.

Но надо было отвечать на вопрос.

— Не знаю, — сказал Лев. — Это зависит не от меня, Зочка.

А сам подумал, что никуда он отсюда не уедет, даже если его будут гнать, он все сделает для того, чтобы остаться в этом удивительном, невероятном мире, о существовании которого он даже не подозревал, хотя видел его часто — каждый раз, когда оказывался в сельской местности или в городском парке — в любом месте, где буйно и неистребимо росла трава.

Ну невозможно покинуть мир, в котором ты впервые почувствовал себя нужным человеком, в котором понял, что ты действительно необходим и живешь не только потому, что однажды тебя родила мать.

Глава седьмая

5 октября сорокового года

Выбравшись наружу, я увидел, что земля перед входом в пещеру покрыта круглыми полупрозрачными шарами размером с человеческую голову. Такие же шары облепили пожелтевшие деревья, они медленно исчезали, превращаясь в ледяную воду, бегущую по стволам.

Итак, пришло время первых заморозков.

Мне предстоит зима одиночества и затворничества в пещере. Бумагой я запасаю, чернил у меня достаточно, продовольствия, пожалуй, хватит на всю зиму, а что касается воды, то вряд ли я буду в ней нуждаться в разгар холодов.

Хорошо бы обратиться в куколку, проспать зиму и прийти в себя от тепла, согревающего мир. Но человек не бабочка, человек не насекомое. Это не в моих силах. Тоскливая зима ожидает меня, скоро с небес посыплет снег, он заметет землю, забьет сугробами вход в мое убежище, и я буду лишен даже возможности увидеть солнечный свет. Мысль эта угнетала меня, не медля более, я принялся искать ходы, по которым бы мог выйти наружу, и устраивать в них крышки, которые при нужде смог бы легко снять.

В одном из ответвлений я увидел сороконожку. Она была бледно-сизая, от нее исходил резкий неприятный запах, и она была крайне опасна для меня. Пришлось пожертвовать частью дров, которые я поджег в расщелине. Когда дрова выгорели, я с осторожностью двинулся вперед. Опасения мои были напрасны, сороко-

ножка погибла в дыму и пламени. Пройдя вдоль ее упругого тела, состоящего из множества мускулистых упругих колец, я похолодел от страха — это был страшный соперник, не будь у меня огня, я никогда бы не сумел совладать с ним. Всю зиму мне придется поддерживать огонь в очаге, который я выложил из небольших белых камней, собранных в округе.

И все-таки я одинок.

Вечером, перед тем, как сделать запись в дневнике, я сидел у огня, смотрел на его неяркое рваное пламя, пожирающее потрескивающие поленья, и вспоминал родной город.

Помню, как мы с Ириной стояли на плотине через Исеть и смотрели, как бьют из-под брусьев из лиственницы серебряные струи.

Господи, как мы были счастливы тогда, мы думали...

Запись неожиданно обрывалась, потом на нескольких листах было только одно имя «Ирина» и неуклюжие рисунки, долженствующие изобразить женскую головку. Художником Думачев не был, и все-таки через эти неуклюжие рисунки Лев почувствовал боль человеческой души, лишенной связей с близкими и против воли предоставленной лишь самой себе.

Следующая запись последовала почти через месяц.

7 ноября сорокового года

Итак, сегодня очередная годовщина Октябрьской революции. На Красной площади военный парад и праздничная демонстрация. Вожди государства стоят на трибунах, взмахами рук и шляп приветствуя проходящих мимо людей.

Хотел бы я знать, о чем они думают, вспоминают ли тех, кто ими отправлен в лагеря, или в политической простоте думают, что органы отправляют туда действительных врагов власти?

В этот день в Свердловске проходили митинги у Шарташа, у Камней, где на маевках выступал Свердлов, а вечерами мы собирались в компании, танцевали под патефон. Были такие песенки: «Рио-Рита», «В краю магнолий»... Боже, как это было давно, да и было ли на самом деле? Иногда прошлое кажется странным фантастическим сном, пришедшим к тебе на рассвете. Приходит в голову мысль, что ничего этого не было, что ты рожден неизвестной миру фантастической бабочкой и вся твоя жизнь прошла здесь, в качающемся, шипящем, ворчащем, хрипло дышащем и постанывающем под порывами ветра лауне.

Всю первую половину дня падал снег, к обеду все успокоилось. Выбравшись наружу, я сразу замерз, но все-таки долго стоял, вглядываясь в слепящуюся белую равнину в тщетной надежде найти на ней следы человеческого присутствия.

Вернувшись, я прошел на свои плантации. Мицелий разросся, на нем образовались маленькие бугорки, которым вскоре предстоит превратиться во вкусные питательные грибы. Тепла здесь достаточно, теперь я боюсь, как бы запах пищи не привлек сюда еще неведомых мне существ, которые не впадают в спячку в зимнее время. Насколько я помню, таких существ просто не должно быть, но что мы знаем о возможностях природы и кто внимательно и близко изучал Страну дремучих трав, как я для себя называю лаун?

Кстати, я долго не мог вспомнить, кто и когда впервые назвал луг лауном и почему это название быстро прижилось среди вынужденных переселенцев? Кажется, первым это слово употребил доктор Шпигельворт, большой знаток английского языка, долгое время занимавшийся переводами иностранных авторов на русский язык. В силу этого он вел обширную переписку с этими авторами. Переписка его и погубила. А «лаун» по-английски — «лужайка». Все просто, но вот поди ж

ты, прижилось это название, и думаю, что теперь его будут использовать, покуда люди будут жить в травяной стране. Думать, что они отсюда уйдут, просто глупо. Человек никогда не покидает нового пространства, которое он взялся осваивать. И наши вожди этого не позволяют, ведь освоение лауна имеет несомненное военное-прикладное значение, как и само открытие миниатюризации.

Вслед за заключенными придут обычные граждане, они начнут обживать лаун. Будут неизбежные жертвы, будут обязательные и доселе неизвестные эпидемии, рожденные в этом мире, но люди никуда не уйдут, они будут осваивать этот мир, не считаясь с жертвами и последствиями.

А ты был не прав, доктор Мальтус! Перенаселение нашему миру не грозит, зря ты пугал нас войнами и самоистреблением человечества. Мне думается, что в недалеком будущем наиболее активными в самовоспроизводстве будут азиатские народы, на втором месте будут жители Латинской Америки, потом обитатели Африки, а вот у белых рас деторождение резко снизится и едва будет превышать пределы, необходимые для того, чтобы популяции белого человека не исчезли с лица Земли. А из этого, в свою очередь, вытекает, что в будущем человечество резко пожелтеет, ничего странного в этом нет, но все-таки почему-то об этом неприятно думать.

Странно, что я размышляю над этим. Крошка-лилипут, затворник старого пня, задумывается о судьбах человечества!

Смешно, но это действительно так.

Стоп, стоп, стоп! Крикунов полез в уже прочитанные листы дневника. Точно, он не ошибся, под этой датой было две записи, одна невинная, с общими рассуждениями о жизни и литературе, а вторая — вот эта, которую безобидной никак не

назовешь. Создавалось впечатление, что дневник переписывался или Думачев заменял острые и потенциально опасные странички на более нейтральные, а при замене их недосмотрел. Ох не прост был Сергей Сергеевич Думачев, ох не прост! Боязлив и неосторожен, рассудителен и безрассуден, легко переходил от полного отчаяния к такой же восторженности и наоборот. И расчетлив он был, очень расчетлив. И то сказать, обойдись с Крикуновым так же, как с отшельником лауна, он бы, может, стал таким же.

12 ноября сорокового года

Мне кажется, что будет война. Возможно, она уже бушует наверху, ведь последние события показали неустойчивость мира. Война с финнами и японцами, антагонизмы, которые проявляются во взаимоотношениях Японии и США, Адольф Гитлер, стремящийся к господству в Европе. Не думаю, что наши вожди будут на это спокойно взирать.

В условиях новой войны миниатюризация может стать ужасным оружием, которое не задумываясь пустят в ход, чтобы добиться военного превосходства.

А над лауном снова идет снег. Я пишу эти строки и вспоминаю прошлое. Еще четыре года назад, всего четыре года назад, я был нормальным человеком, и в Оперном театре мы с Ириной слушали Лидию Русланову. Господи, как много бы я сейчас отдал за то, чтобы хоть на некоторое время вернуться назад, нормально одеться, послушать концерт или сходить в кино, выпить в буфете фужер шампанского, съесть песочное пирожное. Или посидеть в ресторане «Большой Урал» за сервированным столом, около которого мельтешат услужливые официанты. Господи! Да за отбивную я бы сейчас, не задумываясь, отдал три-четыре года своей жизни!

«Отбивную, да, — внезапно подумал Лев. — От отбивной я тоже не отказался бы». Странное дело, он еще ни разу не

задумывался о еде, но сейчас, читая дневник Думачева, он вдруг представил себе подрумяненную отбивную, и чтобы с одной стороны обязательно был жареный картофель, а с другой свекла и свежие огурцы. Впрочем, можно и соленьишки.

Представившаяся ему картина была так соблазнительна, что журналист облизнулся.

Он перелистал тетрадь со своими заметками, за время, проведенное здесь, записей было сделано немало. Постепенно вырисовывалась страшная и удивительная картина освоения нового мира.

В начале сорок первого, когда вопросы ускоренного метаболизма были успешно решены, жизнь в лагере постепенно вошла в обычное русло и практически ничем не отличалась от жизни на Материке, как здесь стали называть Большую землю. Собственно, название это родилось в холодных лагерях Якутии, но оно оказалось удивительно удачным и естественным образом здесь прижилось. Эксперимент шел к своему завершению, он был признан удачным, но особого практического значения в глазах власть имущих не имел. В преддверии войны стране требовался строевой лес, нефть, уголь, золото, требовалось возвести в глубине территории новые заводы, а чем могла помочь государству микроколония, расположенная на обширном, но все-таки лугу и не более? Единственное достоинство было довольно сомнительным — колония потребляла очень мало, на содержание заключенных требовались ничтожные суммы, меньше, чем на пчелиную семью, обитающую в улье.

А потом грянула война, и всем стало не до лауна.

Летом сорок первого, когда немцы рвали границы и колонны танков углублялись на территорию страны, в лауне вспыхнула странная эпидемия. Вначале у больных начинало чесаться тело и на нем появлялись красные волдыри. Волдыри вспухали и лопались, заливая тело жгучей жидкостью. Иногда все заканчивалось смертью больного. Работавшие в лагере врачи и исследователи лишь недоуменно пожимали плечами — возбудителя болезни никак не удавалось обнару-

жить. А потом оказалось, что совсем рядом с лагерем находилась колония реснянок, это их ядовитые выделения, разносимые ветром, оказывали такое воздействие на людей. С заболеванием справились через полгода, к тому времени немцы были уже под Москвой, а колонии поручили изготавливать радиовзрыватели Термена, прекрасно зарекомендовавшие себя в Харькове, Минске и Киеве. Микроколония делала свой вклад в будущую победу, хотя еще никто не знал о начавшейся войне.

Исследования лауна практически прекратились — на это не оставалось времени. Территория поймы была огорожена колючей проволокой, и по периметру ее поставили сторожевые вышки. Бойцы из охраны были убеждены, что охраняют подземный завод. Никому и в голову не приходило, что в густой траве скрывается такой же небольшой колючий периметр, который отгораживал миниатюрную зону от остального мира.

Спокойная жизнь, если таковой можно назвать существование за колючей проволокой, продолжалась до лета сорок второго года, когда на микроколонию обрушилось новое бедствие — в лауне началась миграция муравьев, которых сразу же метко называли Бичом лауна. Черные колонны обтекали лагерь, двигаясь на восток, а в самом лагере перешли на круглосуточные дежурства, специальные группы постоянно поддерживали огонь в кострах, зажженных по периметру. Отгородившись от лауна огненным кольцом, лагерь благополучно пережил страшное нашествие, даже случайных жертв было удивительно мало.

К тому времени заключенные и охрана уже не держались особняком, они образовали странный общественный конгломерат, который возглавил заключенный Сургучев Дмитрий Степанович. Охранники к тому времени сообразили, что стали заложниками режима секретности и в Большой мир никогда не вернутся. Положение, в котором они оказались, само толкало их к неестественному в обычных условиях союзу.

А потом в порядке все того же продолжающегося эксперимента в лауне была создана женская колония. Приезд женщин узники лауна встретили с энтузиазмом и нескрываемой радостью. Поскольку уголовников в этом мире практически не было, жизнь в небольшой колонии быстро нормализовалась, вскоре она уже ничем не отличалась от жизни на Материке, какой она бывает в глухих таежных поселках, еще не приобщенных ко всем прелестям современной цивилизации. Вновь прибывшие заключенные и рассказали старожилам о войне, бушующей в Большом мире.

Все изменения, случившиеся в Районе, не коснулись одного-единственного человека — Сергея Сергеевича Думачева, бежавшего из лагеря и оказавшегося в полной изоляции от цивилизации.

Думачев бродил по лауну, мучился от своего одиночества и пытался занять себя, изучая жизнь травяных джунглей.

2 июня сорок первого года

Надеюсь, что я еще не ошибаюсь в датах, но если и ошибаюсь, то это совсем несущественно. Пришло новое лето. Я в лауне уже больше года, если считать все с пребывания в лагере.

Пробую отвлечься и найти себе занятие. Кажется, я постепенно становлюсь натуралистом. Наблюдения за насекомыми я записываю в отдельный журнал. Все осложняется тем, что названий многих насекомых я не знаю, поэтому выдумываю их сам. Слава богу, в институте у нас преподавали латынь, а я оказался довольно прилежным учеником, поэтому язык знаю хорошо. Использование латыни — прекрасное упражнение для отшельника, оно тренирует ум и не дает раскиснуть окончательно, хотя за последнее время я уже не раз был в полном отчаянии от своего бедственного положения.

А между тем возможности этого малого мира воистину фантастические. Мне кажется, если бы наши умы

обратили внимание на существ, живущих в лауне, это бы далеко продвинуло мир по пути технического прогресса. Я даже придумал название для новой науки — энтомеханника, наука, которая для создания новых механизмов использует наблюдения за существами из микромира.

Лучшие самолеты достигают скорости в четыреста — пятьсот километров в час*, если считать длину самолета в пятнадцать — двадцать метров, то в минуту самолет покрывает свою длину шестьсот или тысячу раз. А простой шмель делает это около десяти тысяч раз! Разница в скорости огромна, но люди почему-то засматриваются на птиц и не обращают внимание на шмеля. И напрасно!

Изучение муравьев обязательно приведет к созданию механизмов, которые смогут переносить грузы, в сотни раз превышающие вес и массу самого механизма, даже простое наблюдение за обычными водомерками, скользящими по поверхности водоемов, может привести к созданию машин, использующих в передвижении по воде этот хитроумный принцип.

Страна, в которую я попал помимо своей воли, полна замечательнейших открытий, они буквальным образом валяются на земле, достаточно протянуть руку и поднять их.

— Оптимист, — подумал вслух Крикунов и оторвался от дневника.

Он посмотрел в окно.

Судя по склонившему головку цветку полевой гвоздички, время приближалось к полудню. Пора было идти на обед. Этот повседневный уже устоявшийся порядок жизни раздражал Крикунова. А где-то в лауне следопыты, самовольно ушед-

* Не следует забывать, что Думачев пользуется данными того времени. Впрочем, преимущества шмеля и сейчас очевидны, даже в сравнении со сверхзвуковыми перехватчиками.

шие в джунгли, искали людей с разбившегося вертолета. Опасная, но достойная человека работа.

Лев почувствовал, что волнуется и переживает за этих людей, хотя практически не был знаком с ними.

Глава восьмая

Максимов смотрел следопытам вслед.

Без спешки и суеты они подхватили снаряжение, деловито выпрыгнули из вертолета и растворились в зарослях, откуда доносились треск, шипение, писк, нескончаемая возня и бесконечное пение каких-то тварей.

«Это заговор, — подумал Максимов. — И мы за этот заговор еще ответим».

Несмотря на неприятности, которое обещало будущее, на душе у него было хорошо, прекрасное настроение не покидало его весь обратный путь, и даже когда он сел и к нему подбежал потный и разгневанный Гларчук, потрясая кулаками и возмущенно брызжащий слюной, хорошее настроение Максиму не изменило. Все правильно. Они сделали все как надо. В лауне своих не бросают. Единственное, что омрачало его настроение, так это невозможность самому остаться с ребятами и принять участие в поиске. Так же спокойно и даже равнодушно он выслушал брюзжание Османа Султанова и его угрозы отстранить Максимова от полетов, отдать его в хозяйственники к Нечипуренко, который сдерет с него семь шкур и пустит их на барабаны для победных реляций. Все правильно. За поступки обязательно приходится отвечать. И все-таки они все сделали правильно. Видимо, и Султанов почувствовал эту их внутреннюю правоту, потому что неожиданно махнул рукой и рекомендовал пилоту отправиться... Направление было не для слабонервных, но Максимов даже не засмеялся.

Вместо этого он прошел в общежитие, бросил шлем, который еще почему-то сжимал в руке, на тумбочку у входа и

повалился одетым на постель, чувствуя, как напряжение медленно отпускает его.

Он представил, как сейчас следопыты идут по лауну с импульсниками наготове и с термитными гранатами, и ему стало легче. Всей душой он пожелал им удачи, а удача им была сейчас очень необходима, главное — вернуться с победой, ведь, как известно, победителей не судят, а если и судят, то не слишком строго — на то они и победители. И ради этого можно было поболтаться с полгода в хозяйственном отделе, пока не забудется обман начальства и фактический угон вертолета, пока все не успокоится и его опять допустят к небу. В конце концов, и в хозяйственном отделе люди занимаются достойной работой, заботятся об удобствах и безопасности обитателей Поселка, а впереди еще ожидалось два нашихствия, дожди, суровая зима, до начала которой надо было обязательно соединить дома между собой пластиковыми переходами, да мало ли нужной людям работы там было. Максимов был готов на все, лишь бы ребят с упавшего вертолета спасли.

Он встал и пошел в столовую за соком.

Дверь соседской комнаты была приоткрыта.

«Работает, — подумал Максимов. — Копаются в бумагах, червь книжный!» Но тут же он осудил себя. Парень занимался полезной и нужной работой, история существует, пока в мире живет хоть один человек, а население лауна постепенно разрасталось, и придет время, когда люди захотят узнать свою собственную историю, это обязательно однажды случится. И очень плохо, если эту историю придется додумывать, приукрашивать и разрисовывать. История должна быть историей, каким бы жестоким ни было прошлое, как бы неприглядно оно ни выглядело, его нельзя подмалевывать, иначе потомки вместо достоверной истории получат грубый лубок, как это уже не раз бывало.

Он осторожно толкнул дверь.

Парень действительно занимался. Только совсем не тем, что думал Максимов. Лев стоял у окна, нежно обнимая де-

вушку, и обстоятельно целовался с ней. Судя по припухшим губам обоих, они целовались довольно долго. Девушку Максимов тоже узнал — Зочка из отдела комплектации Совета Района. У парня губа оказалась не дура! А с виду и не скажешь!

От неловкости Максимов закашлялся.

— Извините, — сказал он. — Я-то думал, он с документами работает.

И от этих глупых слов ощутил еще большую неловкость.

Нет, право, все это было замечательно. Лев Крикунов Максиму понравился с первой встречи, и ему хотелось, чтобы парень задержался в лауне, а теперь, кажется, журналист встал в Поселке на мертвые якоря. И это Максимова не могло не радовать.

Попив холодного сока, он отправился к Нечипуренко.

Хозяйственное управление Поселка находилось в отдельном здании рядом с площадкой, заполненной коробками, контейнерами с неразборчивыми черными штампами и различными механизмами. Дальний угол площадки занимали дугообразные опоры для монтажа пластиковых переходов. Их уже начали использовать в дело, но количество опор не убывало, что говорило о предстоящем размахе строительно-монтажных работ. Нечипуренко все делал с размахом, такая уж у него была душа, мелких объемов не принимала.

Само управление находилось в пластиковом домике. Домик был кукольным, из самых первых, что устанавливали в Поселке, когда еще не были разработаны типовые проекты. Перепланировку площадей осуществляли уже здесь, а стены дома так и остались украшены пряничками и слобными крендельками, выдавленными еще на заводе. Поэтому дом этот в Поселке так и называли — «Пряничком», а хозяйственников, которые в нем работали, отчего-то прозвали пирожками, быть может, за их абсолютно нестроевой вид, каким они отличались от остальных обитателей и прежде всего — от следопытов.

Начальник хозяйственного управления был у себя, и вид у него, как обычно, был недовольным и кислым, словно Нечипуренко полдня ел столовыми ложками клюкву без сахара. В Поселке утверждали, что тот, кто сподобится увидеть улыбку на лице Нечипуренко, может считать, прикоснулся к благодати.

В кабинете начальника хозяйственного управления окна были зеркальными и работал кондиционер.

— Александр Яковлевич, — сказал Максимов. — Я к вам.

— У меня самолетов нет, — отрезал Нечипуренко. — Ты не по адресу обратился, дружок. Тебе надо на аэродром.

— Отстранил меня Султанов от полетов, — смиренно покаялся Максимов. — Я группу в лаун вывез, чтобы продолжить поиск пропавших ребят.

Нечипуренко внимательно оглядел его.

— Слышал, слышал я о ваших подвигах, — буркнул он. — Ты-то зачем здесь?

— Поступаю в ваше распоряжение, — сказал Максимов. — На неопределенное время. — Подумал и добавил: — Пока гнев начальства не стихнет.

— И куда мне тебя определять? — хмыкнул хозяйственный. — В золотари, что ли?

— Можно и в золотари, — вздохнул пилот. — Но лучше что-нибудь по профилю.

— А по профилю у меня ничего нет, — без улыбки заметил Нечипуренко.

— Я же к вам со всей душой, — покривил душой Максимов, — с засученными рукавами, Александр Яковлевич. Зачем же человека трудового энтузиазма лишать?

— Энтузиасты, — кисло скривился Нечипуренко. — Все хотят лаун исследовать. И при этом хотят жить в удобстве. А Нечипуренко не Господь Бог, у него вечный дефицит рабочей силы.

— Вот и я говорю! — в тон ему подхватил Максимов. — Свежий человек пришел, его бы ознакомить с условиями труда,

а вы, Александр Яковлевич, сразу же норовите его с головой макнуть в это самое... Что там золотари убирают?

— Тут до тебя Султанов звонил, — брюзгливо сказал Нечипуренко. — Сказал, что придет ко мне один романтик на работу наниматься. Приказал гнать тебя из кабинета поганой метлой.

— Куда же? — удивился Максимов.

— А я откуда знаю? — удивился и Нечипуренко. — На аэродром, наверное. Вы кто, товарищ, по специальности будете? Летчик? Вот и летайте на здоровье. А говно за вас другие разгребать будут, кому Бог крыльев не дал.

Из кабинета Нечипуренко Максимов выходил с чувством штрафника, которого перед самым боем помиловали и отправили в прежнюю часть. Обошлось! В восторженности своей он даже не обернулся. И зря. А то бы обязательно увидел редкое зрелище — улыбающегося начальника хозяйственного управления Александра Яковлевича Нечипуренко — и после этого мог смело любому сказать, что он благодать ложкой хлебал.

Глава девятая

По верхушкам деревьев гулял ветер, а здесь, в зарослях, было удивительно тихо, влажно и жарко. Тропу пересекло рыжее многолапое чудо, похожее на сдвоенные красно-черные вагончики, фары которых смотрели в противоположные стороны. При виде следопытов вагончики словно почували опасность. Они тут же расцепились и побежали в разные стороны, а в воздухе повис душный и острый запах камфары.

— Маяк слева от нас, — сказал Таманцев. — Поселок расположен строго на юге, но здесь вот тянется впадина, которую им придется обходить.

— Это в том случае, если они про нее знают, — возразил Миркин.

— Знают, — уверенно подтвердил Таманцев. — Они здесь не один день летали, а с воздуха ее очень хорошо видно.

— Тогда пошли?

Втроем в лауне опаснее, чем в цепочке. В разведгруппе каждый свято выполняет свою задачу, а главное — боится товарища, идти в усеченной цепочке было гораздо сложнее, приходилось смотреть за себя и за того парня, приходилось вертеть головой едва ли не на триста шестьдесят градусов, и уже через час Таманцев почувствовал, как он устал. Устало не тело, устал мозг, которому приходилось в этой ситуации считать за четверых.

Таманцев бежал впереди, Миркин несколько левее, а правее бежал Саня Глебов, который первым увидел бага, стоящего в засаде. Для этого надо было обладать хорошим зрением и наблюдательностью, в засаде баг ничем не отличается от растений, которые его окружают. Он и выглядит соответственно — удлинненное тело, словно сложенное из зеленых палочек, вздутые и чуть расставленные могучие передние лапы с зазубринами на клешнях. Клешни у бага очень мощные, они способны перекусить жертву напополам. Баг терпелив, он может очень долго стоять в засаде, изредка поводя фасеточными глазами и едва шевеля антеннами усиков, но если жертва оказывается в непосредственной близости, баг преображается. Стремительным прыжком он настигает жертву, и тогда ей уже нет спасения. Вот и сейчас баг прыгнул, но Глебов успел подать сигнал тревоги несколько раньше. Все трое слаженно покатались по земле, занимая позицию для обороны, и разряды трех импульсников одновременно скрестились на грудном панцире страшного насекомого. Один разряд не причинил бы ему особого вреда, он мог разве что напугать хищника. Другое дело, что баг попал под разряды сразу трех машинок, его отшвырнуло в сторону, и баг упал в заросли, ломая кусты. Он еще был жив, и мощные лапы его беспорядочно молотили воздух, но постепенно движения замедлялись, растопыренные клешни перестали стричь воздух, а вокруг умирающего хищника уже засуетились неутомимые

могильщики, своим поведением напоминающие трусливых гиен. При каждом движении бага они отскакивали, но каждый раз все теснее смыкали свое кольцо, терпеливо ожидая окончания агонии. На следопытов могильщики не обращали внимания, для них люди оставались слишком живыми существами, а в лауне всегда хватает падали и не надо напрасно рисковать.

— Вовремя ты его увидел, Сашок, — виновато сказал Таманцев. — А я просмотрел.

— Он хорошо стоял, — сказал Глебов, вытирая потное лицо. — Там бегунка все оплела, за зарослями его почти не видно было. Я бы его не заметил, но он пошевелился.

— Внимательнее надо быть, — сказал Миркин. — Куда такой темп взяли? Я весь в мыле, в глазах темно. Лучше по-медленнее и повнимательнее, тогда все будет нормально. Куда мы торопимся? Все равно влепят по первое число. Если ребята живы, мы их достанем, если им не повезло, то мы им уже ничем не поможем.

— Но убедиться надо, — сказал Таманцев. — Чтобы быть уверенными. Лично мне хочется думать, что они живы.

— Убедиться надо, — согласился Миркин.

Он сидел на поваленном стволе какого-то невероятного растения, у которого почти не было листьев, а фиолетовое соцветие напоминало связку прожекторов над стадионом. Спину его горбил рюкзак, на голове белел шлем, а руки были по локоть открыты, хотя путешествовать в подобном виде по лауну категорически не рекомендовалось. Среди переплетений ветвей и лиан таилось много кровососущих — от микроскопических клещей до летающих тварей, которые могли неожиданно и жадно впиться в голое тело.

— Видел бы нас Никодимыч, — подал голос Глебов. — Вписал бы он нам по первое число.

Упрек касался в первую очередь Таманцева, но Андрей не стал спорить. А чего спорить, виноват, значит, виноват. Надо быть внимательнее. В лауне надо видеть затылком, а они и глазами просмотрели. Никодимыч был бы недоволен.

Баг в зарослях перестал биться, и могильщики неторопливо взялись за привычную им работу. Слышно было, как в высоте, над цветами лауна, гудят пчелы и мухи. Словно вертолеты над головами ходили, только звук казался более густым. И еще слышались шорохи и качалась трава от усилий могильщиков.

— Облажаться нельзя, — сказал Таманцев. — Ни в коем случае. Иначе мы будем выглядеть нашкодившими щенками, которых нельзя было выпускать в лаун.

— Не агитируй, — попросил Миркин. — Мы не на митинге, Андрюша.

Он встал, попрыгал, проверяя, хорошо ли подогнано снаряжение, не разболтались ли в пути крепления, и словно между делом посмотрел в заросли, где лежал баг.

— Я говорю, главное не спешить, — снова сказал он. — Я пойду первым?

Тем самым он словно брал лидерство на себя. Это было немного обидно, но справедливо, и Таманцев промолчал.

Темп Миркин избрал щадящий, и все-таки уже через час они вышли к ложбине, которую не смогли бы миновать ни они, ни те, кого они искали.

— Внимательнее, мужики, — сказал Таманцев. — Надо смотреть в оба, если они здесь проходили, должны остаться следы. Они же не по воздуху летают.

Следы в лауне найти сложно, даже примятая растительность поднимается на глазах, через час любой пролом в джунглях начинает зарастать, а через день найти что-то практически невозможно, уж каким бы ты внимательным ни был, поэтому предупреждение Таманцева выглядело риторически — лидер должен оставаться лидером, даже если он идет в конце или середине цепочки, и своими словами Таманцев в мягкой форме напоминал это товарищам.

— А здорово было бы повестить на стене клешню бага, — сказал Глебов. — Впечатляющее зрелище. Девчонки бы визжали от восторга! Нет, я когда-нибудь так и сделаю, пусть

висит на стене, как напоминание о нашей сегодняшней вылазке.

— Повезло, — сквозь зубы сказал Таманцев. — Бага из импульсника свалить, это надо сильно постараться. Ты только Никодимычу не говори, он в это никогда не поверит.

— В то, что мы бага свалили? — невинно осведомился Александр. — Или в то, что я его клешню на стене собрался повесить?

— В то, что мы от бага ускреблись без потерь, — с едва заметным раздражением сказал Таманцев. — При таких условиях, да я его еще проглядел, вполне могли кого-нибудь недосчитаться.

Миркин внезапно остановился и поднял руку. Следопыты тут же настороженно подобрались, внимательно посматривая по сторонам. Сигнал тревоги был очевиден, но ничего подозрительного в окружающих джунглях не наблюдалось. Подобравшийся ближе к товарищу Таманцев вопросительно глянул ему в лицо.

— Кажется, нам повезло, — сказал Миркин. — Если это не следы костра, то я не в лауне!

Погасший костер и в самом деле разжигался жителем лауна. Так разводит костры тот, кто знает опасность пожара, поэтому в земле была вырыта специальная ямка для костра, аккуратно выложенная плоскими камнями так, что для пламени оставалось лишь небольшое отверстие в центре. С наветренной стороны к костру был вырыт в земле дымоход, который обеспечивал доступ воздуха к неторопливому и вместе с тем жадному пламени.

Сейчас костер погас, но, разминая в пальцах сизо-голубой пепел, Таманцев ощутил, что он теплый. Это было невероятно, по всем подсчетам, люди должны были пройти по этой ложбине не менее недели назад, но теплый пепел свидетельствовал о том, что все расчеты были неверны и люди прошли здесь лишь на несколько часов раньше следопытов. Ничего невероятного в этом не было. Если кто-то из вертолетчиков при падении получил ранения, то разыскиваемые впол-

не могли отлеживаться в каком-нибудь естественном убежище, каких в лауне хватало, и ждать, пока раны затянутся.

Миркин подошел, встал у него за спиной.

— Андрюха, — сказал он, — чувствуешь, ветер стихает? И давление падает. Быть дождю.

— Они прошли здесь совсем недавно, — сказал Таманцев. — Мы их можем догнать.

— Мы их догоним, — сказал Миркин. — Но сейчас нужно готовиться к дождю. Знаешь, чем гонка может кончиться?

— Слушай, — сказал Таманцев, — Вовка, они прошли здесь совсем недавно. Судя по всему, их двое. Мы их сегодня догоним. Понимаешь?

— Андрей, — Миркин покачал головой, — нас трое, понимаешь? Не ты один, а трое. Вот в чем дело. И если ты на себя взял роль лидера, ты должен думать не за одного, а за троих. В этом отличие лидера от остальных, он беспокоится не только за себя.

Таманцев покраснел и отвернулся, чтобы товарищ не видел его смущения.

— Ты прав, — сказал он, — ты прав, Вовка, а я идиот. Будем готовиться к дождю. Зови Глебова, нам надо успеть кое-что сделать до дождя.

Конечно же, Миркин был прав. Попасть в лауне под дождь значит наверняка остаться калекой. Когда с неба валятся полутораведерные капли, способные сбить человека с ног, любое путешествие по лауну может оказаться последним.

Для строительства убежища требовалось время.

Глава десятая

15 апреля сорок первого года

Весна.

Вот я прожил свою первую зиму в одиночестве. Я не раз жалел, что я не медведь и не могу прожить зиму в спячке без мыслей. Без тоски, без снов. Ах как они

меня тревожили — сны. Каждую ночь ко мне приходили друзья, каждую ночь ко мне приходила Ирина, я разговаривал с ними, открывая глаза, я видел бесплотные фигуры, удаляющиеся в глубину пещеры. Я бежал за ними, но тщетно — могильный мрак, прорезаемый светом гнилушек, окружал меня. И никого рядом не было.

Со скуки я начал исследовать бесчисленные закоулки своего убежища.

Тайны, которые обнаруживались в ходе моих исследований, бросали меня в пот и в холод, рядом со мной мирно спал ужас, о котором я даже не подозревал, рядом со мной спала смерть, которая сейчас представляла передо мной в виде сиренево-белых колец оцепеневшей многоножки, в виде огромного мохнатого паука, скрестившего мохнатые лапы перед головогрудью, в виде неизвестных мне червей — белых, безглазых, слипшихся в один огромный комок, в котором они переносили зиму.

Пламя, пламя и еще раз пламя! Оно выручало меня в этой отчаянной ситуации. Я старался изо всех сил, я хотел быть уверенным, что однажды с теплом вся эта нечисть не ползет наружу, я не хотел быть бессильным перед этим скопищем мерзости.

Еще осенью я сделал себе комнату с выходом на улицу, окна в ней я застеклил чешуйками слюды, собранной у безымянного ручья. Получившиеся стекла были непригодны, чтобы наблюдать за тем, что происходит на улице, но прекрасно пропускали свет, преломляя его так, что в ясные дни по комнате гуляла многоцветная радуга. За ней можно было наблюдать часами, она отвлекала от грустных мыслей, она успокаивала, но вместе с тем и будила ненужные воспоминания, от которых на душе становилось совсем пусто и мерзко.

Долгие дни зимы.

Как я ожидал тепла. Но вот оно пришло, а радости на душе нет. Зазеленели травяные джунгли, но пока еще лишены того живого изобилия, которое так донимало меня прошлым летом. Пока еще лаун относительно безопасен, и я путешествую по его тропинкам, решаясь даже странствовать, несколько дней не возвращаясь в свое убежище, в свой дом. Однажды мне показалось, что я увидел людей. Стыдно сказать, но я спрятался, я их испугался.

Тоскуя по людям, я ненавижу охранников. Не хочу вернуться за колючую проволоку. Лучше одиночество, чем возврат в ад. Странно, еще совсем недавно я думал совсем иначе. Возможно, я постепенно привыкаю к своему положению.

Несколько дней подряд я по утрам слышал далекие, но громкие крики. Они долго беспокоили меня, пока я не понял, что это возвращаются с юга стаи перелетных птиц. Птицы возвращались на родину. Увижу ли я когда-нибудь свой дом?

— Здесь не весь дневник, — сказал Крикунов. — Думачев мне показался педантом, а здесь записей нет по неделе и больше. Мне кажется, он вел дневник каждый день. И что странно — за некоторые дни имеются по две записи, хотя и на разных листках.

— Возможно, — сказал Максимов. — Но это все, что сохранилось. Так говорят. Возможно, что-то ушло на Материк, хотя я лично в этом сомневаюсь. Для того чтобы дневник прочитать там, нужно быть левшой. Не думаю, что чины из НКВД тратили на чтение дневника свое время, просиживая у стола с огромной лупой.

— Он больше пишет о своих переживаниях, — заметил Лев. — Это, конечно, интересно, но лучше бы он писал о проекте. О том, чему был свидетелем в самом начале, когда только появился в лагере.

— Лева, Лева, — замахал руками Максимов. — О чем ты говоришь! Ты себя на его место поставь. О чем бы ты писал? Ну, честно скажи!

— Ну, — неуверенно сказал Лев, — наверное, о том же.

— А о лагере и о том, что там происходило, тебе больше документы скажут. — Максимов потянулся через стол и взял в руки засаленный журнал с потрепанной обложкой и немилосердно истерзанными страницами. — Тут уж наугад читай, всё — исторический документ. Вот послушай, и все сразу станет ясно.

«Двадцать второго февраля сорок первого года. Дневальных Михалева Н.И. и Бакунина В.С., уснувших на дежурстве, что повлекло за собой обморожение одиннадцати коммунаров и могло иметь более печальные последствия, за допущенную халатность водворить в БУР сроком на шесть дней с уменьшенным рационом питания. Начальник Района Сургучев. Комиссар района Феоктистов». И какой вывод можно сделать из этого текста?

— Какой? — прищурился журналист.

— А тут не один вывод можно сделать, — охотно сказал Максимов. — Во-первых, руководителем Района к этому времени был уже заключенный Сургучев, следовательно, прежнего лагеря уже не стало, не зря же они себя называют в приказе коммуной. Во-вторых, лагерные порядки к тому времени у них еще определенно сохранились, раз существует барак усиленного режима и такая мера наказания, как срезание рациона питания наказанному. Еще можно сделать вывод, что зима была очень суровая, а снега было мало, иначе бы они прожили зиму хоть и с неудобствами, но в тепле. Ты в сугробе под снегом никогда не ночевал? А у меня на охоте случалось. Так вот, там теплее, чем в любой палатке. Бывало, наденешь взятую с собой химзащиту, противогаз на морду — и в сугроб. Трубку только выбросишь на поверхность. Это у нас называлось «снегирем притвориться». Тепло, друг мой, и мухи не кусают! И потом, можно сделать еще один вывод — на Большой земле большие начальники не забыли о людях,

отправленных в лаун, на всякий случай они отправили им комиссара.

Он засмеялся.

— Однако дневники мне кажутся не менее важными, — улыбнулся и Лев. — Поведение Думачева вызывает двойкие чувства. Сорок первый, канун войны, а отшельник сидит в траве и даже не подозревает об этом. Немцы сюда не доходили, верно?

— Нельзя сказать, что он здесь отсиживался, — серьезно сказал Максимов. — Здесь у него был свой фронт и свои бои, пусть и очень местного значения. Но я тебя, Лева, заговорил, а мне кажется, что девушка, которая дважды заглядывала в комнату, ждет именно тебя. Я не ошибся?

Он поднялся.

— Заходи, когда будет время. У Староверова ты уже был?

— Конечно, — с восторженностью сказал Крикунов. — Занятный старик, живая легенда.

— Тут все, кто выжил, были легендой, — без улыбки сказал Максимов. — Такая судьба. Лева, такая судьба.

30 апреля сорок первого года

Лето обещает быть жарким. Никогда еще бабочки не вылетали так рано.

Вчера видел на тропе двух муравьев. Размером они были с собаку и передвигались очень стремительно. Это меня весьма встревожило. Муравьи редко передвигаются поодиночке. Либо где-то у меня под боком муравейник, а такое соседство не слишком радует, либо я встретил разведчиков и грядет переселение, что само по себе очень опасно. В прошлом году в августе я видел, как движутся муравьи. Они не оставляют после себя ничего живого.

Кстати, устроены они очень рационально. Природа позаботилась об эффективной функциональности их тел. Каждый муравей способен переносить грузы в десятки раз больше своего веса. Один муравей — ничто, но вся

сила заключается в муравейнике, он неодолим, его опасаются даже крупные звери, лисы и те стараются обойти муравейник стороной. Собственно, не то же и с человеком? Смог бы человек покорить природу, если бы не научился сливаться в грозное сообщество, именуемое коллективом? Сомневаюсь, человек силен как раз общностью, будучи индивидуалистом, он бы не выдержал конкуренции с другими видами животного мира и давно бы исчез с лица Земли.

А ведь это камешек и в мой огород. Я одинок, но поди ж ты, пока еще я успешно противостояю всему обществу лауна. Не доказывает ли это ошибочность только что высказанной теории?

— Ему было скучно одному, — сказала Зоя, осторожно откладывая листок. — Ужасно скучно. Представь, Левушка, он там был совершенно один. Каждый день просыпаться и ложиться в полном одиночестве, без надежд, в напрасном ожидании... Я бы так не смогла. А он прожил восемь лет. Ужас какой-то!

— В коммуне было не лучше, там как раз разразилась эпидемия красной чумки, — сказал Лев. — Мне Староверов рассказывал. Страшное дело. Она ведь не сразу убивала людей, она превращала их в скелеты. И тут никакое питание не помогало, хотя у них были большие запасы. В живых оставалось немного, а продукты поставлялись на всех, считая умерших, и даже с заделом на будущее, ведь сюда еще не одну партию собирались отправить.

— Жутковато все это читать, — вздохнула Зоя. — Я еще подумала, а зачем людям *такая* история? Ну, было и было, теперь-то такого нет. И зачем вспоминать? Мне кажется, все это надо забыть, как дурной сон. И приказы эти страшные сжечь, и дела осужденных, которые в спецчасти хранились. Зачем прошлое ворошить, особенно если оно было таким страшным?

Крикунов обнял ее за плечи.

— Ах ты мой философ, — сказал он. — Может, ты и права, только вот все это уже история, а история всегда должна быть уроком новому поколению. И ее невозможно переписать, какая уж есть.

— И все равно страшно. — Зоя вырвалась и принялась смущенно поправлять прическу. — Знаешь, бросай ты все это, пойдем погуляем.

6 мая сорок первого года

Мне снилось, что я иду по тайге и мох пружинит под ногами, а папоротники среди деревьев стоят в человеческий рост. Где-то цокают белки, тревожно и надрывно кричит, предупреждая о появлении человека, сойка, и пламенеют среди листвы гроздь красной, но еще не тронутой морозом рябины. Время самое прекрасное, гнуса уже практически нет, грибы почти под каждым деревом — я уже набрал и рыжиков, и боровиков, и подосиновиков, их столько, что рука немеет от тяжести корзины.

А воздух чист и свеж, он струится среди мохнатых ветвей молчаливого леса, но тишины нет — где-то дробно стучит дятел, продолжают тревожиться белки и беснуются где-то вдаль, давясь собственным стрекотом, сороки.

Я проснулся и почувствовал себя как в склепе — темнота вокруг, сине-зелеными огоньками горят по стенам гнилушки, воздух влажен и пахнет тленом, а сам я всего лишь лилипут, обитающий в старом пне.

Именно в этот день до меня дошло, что жизнь прожита. И прожита она так неудачно, что не приведи Господь кому-нибудь еще пройти этим моим путем. Ведь не для того я рождался на свет, чтобы в сорок с лишним лет проснуться в затхлом подземелье крошечным мальчиком-с-пальчик, без семьи, без родных, без прав, осужденным по трем статьям уголовного закона, потерявшим веру в себя и все остальное человечество!

Из желудя и лесного ореха я сделал себе толстенького неуклюжего человечка и специально для него сплел из ветвей кресло. У него свое кресло, а у меня — свое. Они соединены друг с другом, но я делаю вид, что совершенно этого не замечаю. По вечерам мы с ним сидим у неяркого костра, покачиваемся в креслах и болтаем о разных пустяках. Я пью свою медовуху, он недовольно морщится и не одобряет моего поведения. И черт с ним, он мне не отец и не брат, мы с ним едва знакомы.

Я придумал ему печальную историю появления в этом мире. Будто он губернский врач, который изобрел эликсир, уменьшающий человека до такого вот размера, принял его и попал в страну, из которой ему, как и мне, нет возврата. Он старше меня, он больше прожил здесь, а потому все время пытается меня учить и ворчит, когда я его не слушаюсь. Он очень ворчлив, этот мой сожитель, он укоряет меня за излишний расход воды, по его мнению, воду надо экономить, он упрекает меня в неосторожности, когда я задерживаюсь в лауне, а еще он укоряет меня, что я совершенно забыл родных и не пишу им.

Его укоры действуют на меня. Я пишу письма родным и привязываю их к лапкам пойманных в хитроумную ловушку мух, которых затем выпускаю. Разумеется, мы оба понимаем, что отсюда до Свердловска мухи не долетят, но стараемся скрывать это знание друг от друга.

Вчера мы с ним отметили мой день рождения. Разумеется, я крепко выпил, а он всю ночь сидел надо мной, нудно читая мне бесконечную нотацию, в коих он великий мастер.

Я едва терплю его болтовню, но что бы я без него делал в этом пустом и тоскливом мире, особенно в начале мая, когда почти три дня подряд шли проливные дожди и мы безвылазно сидели дома?

Глава одиннадцатая

Сделать убежище от дождя совсем непросто.

Вначале надо выбрать подходящую ложбинку, а затем перекрыть ее, настелив срубленные стволы поперек ямы. Затем надо поставить стропила будущего шалаша, перевязать их канатами лиан, а только затем покрывать широкими листьями лопуха, тщательно укладывая их внешней стороной вверх. Лист не пропускает воды и является надежной защитой от любого ливня. Главное, чтобы под импровизированным вигвамом оставалось достаточно места. Вода должна успеть впитаться в землю, прежде чем она затопит убежище. Когда строение закончено, надо набросать в него шелковистых кистей ковыля, хоть они и растут высоко. Мягкий ковыль создаст вам комфортабельные условия, такого мягкого логова не бывало, наверное, даже у французских королей, которые, говорят, были крайне изнеженными людьми и понимали толк в удобствах.

И еще хорошо то, что перед дождем лаун затихает. И хищники, и их жертвы стараются спрятаться от дождя, поэтому жизнь в джунглях замирает, и они перед дождем и во время него, а какую-то часть времени и после того, как дождь пройдет, становятся безопасными.

Следопыты торопились, и их торопливость была вознаграждена — они успели положить последние листья до дождя. Вокруг заметно потемнело, воздух стал влажным и густым, его можно было пить, он был настоян на ароматах сотен трав и цветов, он был даже слегка удушлив, потому что в ожидании дождя распустился даже душистый горошек, любящий ночную прохладу.

А потом где-то наверху раздался такой страшный треск, что следопыты едва не оглохли. Где-то в стороне ударила одна тяжелая капля, потом еще сразу несколько, а потом началась настоящая бомбардировка — водяные ядра с гудением врезались в землю и скатывались по листве, с хрустальным звоном разбиваясь на мелкие части.

— Как там наши мужики, успели найти себе убежище? — тревожился Миркин. — Хоть бы им какой шампиньон под-вернулся. Глянь, что делается! Да такими капельками запросто контузить может! И ведь первый дождь за все время поисков...

— Не каркай, — сказал Андрей, хотя только что думал о том же самом.

Дождь все усиливался. Он превратился в бесконечный поток, непрерывно падающий из серой каши далеких облаков. Мимо хижины, в которой скрывались следопыты, неслись ревущие потоки грязной воды, она быстро прибывала. Прислушавшись, можно было услышать, как земля впитывает воду под хижинной.

— Однако, — покачал головой Миркин. — Если это будет продолжаться, долго мы здесь не усидим.

Глебов заворочался в своем углу, переложил на колени оружие.

— И ведь синоптики вчера ничего не сказали, — с досадой заметил он.

— А что бы изменилось? — повернулся к нему Таманцев. — Все равно пришлось бы идти.

Минут через пятнадцать дождь стал реже и мельче, он уже просто моросил. Тяжелые капли с басовитым бульканьем падали в лужи, взрываясь фонтанами мелких брызг.

Тяжело будет дальше идти. Образовавшиеся вследствие дождя озера придется обходить, а это неминуемо скажется на теме. Утешало одно — те, кого они должны были догнать, оказались точно в таких же условиях. И даже немного хуже, ведь среди них был раненый, и Таманцев сомневался, что за прошедшее время ему стало легче.

Он осторожно выглянул наружу. Серые гигантские облака стремительно бежали по небу куда-то на восток, в синие прорехи в облаках робко заглядывало солнце, и это обнадеживало — дождь не мог быть обложным, а потому должен был вскоре прекратиться. Хотелось надеяться, что летнее солнце быстро подсушит землю и в лауне станет чище. Но в

этом крылась и иная опасность — хищники выйдут из своих нор и укрытий. Им там сейчас неуютно, им будет гораздо легче и спокойней на поверхности. Пока моросил дождь, пока земля еще оставалось сырой, лаун словно впал в оцепенение, он мирно дремал, выжидая развития событий, он был частью природы. А потому умел приспосабливаться к ее капризам.

Миркин негромко разговаривал с Глебовым. Таманцева в этот разговор не приглашали, а вмешиваться он считал неуместным. Он натянул шлем БКС на голову, отключил связь и обиженно нахохлился, глядя перед собой. Оказалось, что Миркин к роли лидера подготовлен лучше него. Нет, о джунглях и их обитателях Таманцев, несомненно, знал больше. И подготовлен он был лучше Миркина, и физически во всем превосходил его. Но Миркин научился думать о других, а он, Таманцев, не научился. А это оказалось едва ли не самым главным. Никодимыч был прав, он еще не готов на роль лидера. Даже цепочки. И ведь что удивительно — у одних это получается без труда, а ему постоянно приходилось напоминать, что в лауне главное это не ты сам, главное — те, кто тебя окружает. Без этого хорошим следопытом не стать. И пусть, с неожиданной обидой подумал Таманцев, мало ли хороших профессий на белом свете? Говорят, намечается комплексная экспедиция по лауну, можно принять в ней участие кем угодно, даже учеником планировщика или картографа, таскать за ним рейку и теодолит, если потребуется.

После этого дождя лаун расцветет. Вообще дождь пошел очень некстати для спасательной экспедиции, но весьма вовремя для джунглей и его обитателей. Полезут к солнцу грибы, набухнут зерна, и трава станет более сочной. Природа думает о продолжении жизни, ей наплевать, что три человека ищут своих братьев, потерявшихся в лауне. Жизнь индивидуума для природы ничего не значит, для нее главное сохранить род, вид, наконец, саму жизнь.

— А ты как считаешь, Андрей?

Вопрос этот оторвал Таманцева от грустных размышлений, но ответить на него он не мог. Для того чтобы что-то

сказать, надо знать суть разговора, а он его вообще не слышал. В чем честно и признался.

— Да мы о моделях общества говорим, — сказал Миркин. — Я считаю, что у нынешнего пути, по которому движется человечество, будущего вообще нет. Потребитель всегда обречен, ему нужен кто-то, кто выдумал бы порох. А сам он его выдумать уже не сможет — потребление засасывает. И не оторвется он от земли, чтобы достичь звезд. Слишком много у звезд неудобств, а неудобства потребителю не по душе. И вообще как раз сейчас Материк получил общество воинствующих мещан, а это неизбежно будет вести к его деградации.

— Не упрощай, — посоветовал Таманцев, охотно вклиниваясь в спор. Лучше уж о чем-то говорить с товарищами, чем сидеть в сторонке насупленным и обиженным на весь мир бирюком. — О том, что общество разлагается, говорят едва ли не с рабовладельческого строя. А оно плевать хотело на все прогнозы, оно развивается. И каждое старое поколение хаёт своих потомков, обвиняет их в распущенности и деградации.

— Я же не вообще об обществе, — сказал Миркин. — Это было бы слишком абстрактно. Я конкретно говорю об обществе, главным принципом которого является потребление. Помнишь, еще Стругацкие писали о воинствующем мещанине. Между прочим, в точку смотрели. Только вот когда этот воинствующий мещанин начал одерживать победу за победой, они почему-то замолчали. Словно застыдились своей прозорливости.

— А может, просто старше стали, — хладнокровно сказал Андрей. — Устали или задумались — а на кой черт им все это надо, все равно никто не слушает? И потом, рыцари — они ведь тоже стареют и, к сожалению, умирают. Вот и Аркадий Натанович...

— А все-таки здорово они тогда написали, — сказал из угла Глебов. — Я до сих пор помню. «Дурака лелеют, дурака заботливо возвращают, дурака удобряют... Дурак становится нормой, еще немного — и дурак станет идеалом, и доктора

философии заведут вокруг него восторженные хороводы. А газеты водят хороводы уже сейчас». Разве не это происходит на Материке? Все кружатся вокруг дурака — ах ты наш умный, ах ты наш красивый, все хорошо, все отлично, ты не самое слабое звено, ты последний герой, ты победитель Поля Чудес в Стране Дураков. Для тебя распахнуты окна мира со всей его клубничкой. Главное, дурак, чтобы тебе было весело и ты ни о чем не думал. Все проблемы за тебя однажды решат дяди, а ты развлекайся, дурак, бегай на дискотеки, жри экстази и грибы, лижи марки, слушай дебильные песни, читай дебильные книги, смотри скандальные передачи про таких же дебилов, главное — не задумывайся и не морщи лоб, это тебе не идет, это тебя старит. И опять отовсюду течет гной, молодые поколения спаивают, приучают к наркотикам, а дураки пляшут, решают кроссворды и смотрят по телевизору рекламу и сальные передачи. И плевать им, что где-то кто-то сходит с ума, что рождаются дети-уроды, что идет постоянная война умных, циничных и расчетливых людей с последними трезвомыслящими романтиками за то, чтобы дурак оставался дураком, чтобы он потреблял и больше ни о чем не думал.

Таманцев с удивлением посмотрел на товарища. Такого он от Глебова не ожидал.

— Не знаю, как там с будущим у общества потребления, — сказал он, — но дело ведь в том, что дурак не хочет становиться умным. Он хочет плясать, пить, жрать и ни о чем не думать. Да большая часть их и не захочет жить в нашем Районе, им здесь будет не в кайф, им не захочется рисковать своей шкуркой во имя призрачного будущего человечества. А если они и соберутся однажды, то только для того, чтобы собственные нервы пощекотать, адреналину в кровь добавить. Бага, скажем, завалить или тарантула, в подземельях кодлой с автоматическими пушками на тальпа поохотиться. И их не перевоспитаешь. Тут Гумилев, быть может, и прав, когда говорит о пассионарности народов. Общие подъемы случаются редко.

— Да не в этом дело. Все потому, что художники молчат, — убежденно сказал Миркин. — Тревогу надо бить, а не жрать «голубое сало». Людей спасать надо!

— Кого спасать? — криво усмехнулся Андрей. — Они ведь довольны своей жизнью. И потом, сколько раз можно спасать? Почему они никогда не слушают настоящих людей, а слушают негодяев, демагогов, продуманных сволочей, которые на этих дураках паразитируют, их соками питаются и живут? Кто им должен объяснить, что такое хорошо и что такое плохо, если они не желают этого понять сами? И потом — все дело в спасителях. Они обычно приходят с хорошими словами, но ведь потом начинают всех загонять в счастье железной и крепкой рукой, не считаясь с жертвами во имя светлого будущего. Вот придешь ты, начнешь говорить, а тебя не станут слушать, тебя даже попытаются распять на кресте за то, что твои слова им непонятны. Ты останешься в живых лишь чудом, постепенно озвереешь, омертвеет твоя душа, и тогда ты, отчаявшись, начнешь их загонять в свои представления о будущем кулаками и пулями и встанешь в один ряд с ними, а все твои усилия окажутся бесполезными, ведь дурака учить — только портить, и силу против него применять бесполезно — ведь он всего лишь маленький и несчастный дурак, который мечтает о счастье, хотя его представления о нем никогда не совпадут с твоими. И что ты станешь делать в конце концов?

— Так ты считаешь, что выхода нет? — недобро прищурился, спросил Миркин.

— Если ты надеешься на их воспитание, то напрасно траишь время здесь, — сказал Таманцев. — Иди — кричи, перевоспитывай. Посмотрим, чем все кончится. Ты понимаешь, большинство из них даже никогда не станут работать, если у них будет такая возможность. Будут жиреть, будут болеть разными стыдными и нестыдными болезнями, но работать не станут, потому что им самим важнее их бездумный образ жизни. Он им просто нравится. И таких людей большинство. А людей, для которых понедельник начинается в субботу, куда

меньше. Они просто теряются среди всех остальных, их замечают реже. Так что, еч Миркин, настоящее будущее вызревает здесь. Неторопливо, трудно, пройдя через кровь и лишения, никак иначе будущему не прорасти.

Он выглянул из хижины. Листва после дождя глянцево блестела, быстро прогретый воздух был густым, он наполнял легкие, заставляя тело испытать мускулистую радость от сгоревшего в мышцах кислорода. От маленьких озер, образовавшихся после дождя, курились заметные дымки испарений. Небеса стали пронзительно голубыми, словно прошедший дождь смыл с них всю пыль.

— Хватит философствовать, — сказал Таманцев, ловко прыгивая наружу. — Я не знаю, ждут ли нас там, но здесь нам непременно пора в дорогу.

И еще раз подумал с тревогой — только бы ребята пережили этот ливень, только бы не попали под него.

Под ногами жадно, словно пиявка в прибрежных зарослях, чавкнула влажная земля.

Глава двенадцатая

— Ого! — Таманцев хромал, он ударился несколько часов назад при падении с осыпи, когда они едва избежали ловушки муравьиного льва, но он все-таки постарался догнать товарища, и они вместе вошли в открывшийся вход, ведущий в темную глубину пещеры. Глебов остался снаружи. В пещере было сумрачно, но вскоре глаза стали различать предметы. Пещера была невообразимо огромной, своды ее терялись в сгущающейся тьме где-то очень высоко, где что-то шуршало и поскрипывало. Сверху сыпалась труха. Это было неудивительным, ведь пещера была всего лишь внутренностью старого трухлявого пня, пусть и невообразимого для путешественников размера. — Вот это да! Невероятно!

Морщинистые, бугристые, слоистые стены пещеры были испещрены многочисленными искрящимися голубовато-зе-

леными огоньками, которые некоторое время вызывали настороженность Таманцева, пока он не догадался, что это светится гниющая и оттого флюоресцирующая древесина.

Призрачно и фантастично этот мертвенно-бледный свет заливал пещеру.

Миркин сделал несколько шагов в ее глубину и остановился.

— Ну и ну, — сказал он, и эхо многократно повторило его голос, пока не погасло в неровных складках разрушающейся древесины. — А пещера-то обитаема, или по крайней мере когда-то в ней жили!

Таманцев подошел к нему и увидел очаг. Видно было, что огонь в нем горел не один день, камни, которыми очаг был обложен, покрывал слой саж и пепла, пепел был в центре костра, и поперек него лежало несколько полусгоревших поленьев. И все-таки огонь здесь горел давно, очень давно, на всех окружающих очаг предметах лежал толстый и уже спрессовавшийся слой пыли, который при неосторожном движении Миркина окутал его фигуру дымным облаком, едва заметным в полутьме пещеры. Тем не менее следопыт закашлялся.

Метрах в десяти от очага искусно сделанная лестница. И хотя она по причине ветхости казалась ненадежной, Таманцев вступил на ее ступени. Как ни удивительно это было, лестница выдержала. Они осторожно поднялись наверх. Прямо перед ними встала дверь, изготовленная из цельного куска коры, за ней, конечно же, располагалось какое-то помещение, но войти в него Таманцев не решался. Мало ли какие сюрпризы могут ожидать человека за закрытой дверью!

— Отойди, — не оборачиваясь, приказал он Миркину.

Встал поудобнее, осторожно потянул дверь на себя.

Дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель хлынул свет. Свет был довольно ярким, он осветил небольшую любовно сделанную кем-то комнату, стены которой были облицованы странным бугристым черно-белым материалом,

напоминающим кожу. Во всю внешнюю стену было окно, вместо стекла в самодельную раму были вставлены мутно-белые пластинки, через которые было очень трудно что-то рассмотреть, но вместе с тем достаточно прозрачные, чтобы осветить комнату.

Рядом со стеной высилось какое-то странное сооружение из грубых кирпичей. Таманцев не сразу понял, что это самодельный камин. Он догадался лишь по старому слою пепла, лежавшего в нише. Рядом с камином стояли два черных от времени кресла, одно из них было пусто, в другом лежала грубо раскрашенная толстая кукла в человеческий рост. Туловище ее треснуло, и из него торчал высохший росток, придававший кукле забавный вид.

— Ну и логово мы с тобой нашли, — сказал Миркин. — Знаешь, по-моему, именно здесь когда-то Думачев жил. Помню, он писал про огромную пещеру, в которой нашел убежище. Пойду позову Саньку.

Он вышел за дверь и громко закричал:

— Глебов! Иди сюда!

И замер, услышав усталый брюзгливый голос:

— Ну что вы разорались? Тут люди отдыхают!

Вот так, стремишься к подвигам, а потом вдруг встречаешь людей, которых рвался спасать, волнуешься за них, думаешь, как они пережили разгул стихий, а они спокойно отсыпаются после пробежки по лауну! И не высказывают никакого удивления от встречи, да и сам ты не слишком удивляешься, разве что радостно и спокойно становится на душе — не зря рисковали.

Перед ними стоял Дронов, Таманцев не однажды видел его в Поселке, несколько раз летал с ним в маршруты, поэтому он узнал его сразу, несмотря на бороду.

— Кто второй? — спросил Миркин из-за спины товарища. — Кто второй?

— Симонов, — сказал Дронов неохотно. — Только вы потише, ребята, он очень устал. Мы под ливень попали, ему сильно досталось, а я недосмотрел.

Дронов и Миркин спустились к ожидавшему их внизу Глебову, а Таманцев прошелся по комнате, с любопытством трогая стоящую в ней мебель. Все было сделано грубо и топорно, но на совесть. Даже спустя полвека кресла была прочными и вполне могли выдержать человека. На грубой поверхности плетеного стола лежал слой пыли, под ним угадывались какие-то предметы. Андрей смахнул пыль, под ней обнаружили какие-то бумаги. Таманцев взял один из листов.

17 марта сорок шестого года

Вот уже шестой год я, Думачев Сергей Сергеевич, нахожусь в Стране дремучих трав. Шесть лет одиночества и тоскливых размышлений о будущем. Шесть лет падения в пустоту. Теперь, когда я понимаю, что здесь я останусь навсегда, что никогда уже не пройду по улицам своего родного города, что никогда не увижу друзей, да что там друзей, я никогда не увижу людей, отчаяние покинуло меня, и на смену ему пришло отстраненное равнодушие, словно это не моя собственная судьба, а судьба постороннего мне человека. Да более того, существую ли я, или просто сейчас читаю странный фантастический роман и просто отождествляю себя с его героем. Иногда мне кажется, что вот я проснусь и ничего этого не было — мне надо будет спешить на работу, я буду торопливо чистить зубы и умываться, буду, опаздывая, бежать за уходящим трамваем, а все останется где-то на страницах еще не дочитанной книги...

Держа в руке листок, Таманцев вышел на лестницу.

— Ребята, — позвал он. — Идите сюда, я здесь кое-что нашел.

19 марта сорок шестого года

А собственно, что я есть?

Чем я отличаюсь от насекомых, обитающих в лауне? Способностью рассуждать об окружающем меня

мире? Но кому нужна эта способность, если мне некому рассказать, что я думаю и что я узнал о нем?

Я — насекомое. Я сплю на подушках и простынях из паутины, я одеваюсь в одежду, которую я сплел из той же паутины, за спиной у меня шуршат крылья веспа, которые придают мне еще большую схожесть с насекомым и отпугивают моих врагов. И вооружен я жалом веспа, луком, в котором использована конечность кузнечика, и питание у меня мало чем отличается от питания постоянных обитателей лауна.

Я — новое насекомое, созданное гением человека. Иногда мне снятся гигантские города-муравейники, в которых обитают люди-насекомые. Десяток человечеств запросто уместится в одной только нашей пойме, которая обеспечит их не только пространством, но и необходимым питанием. И эти люди-муравьи будут всецело зависеть от хозяев Большого мира. Они будут властвовать, они будут решать, кого им взять из мира муравейников, а кого навсегда оставить прозябать там.

Лауны станут резервацией, в которой будет жить человечество, к услугам избранных будет весь остальной мир. Лауны станут тюрьмой, строительной площадкой, выгоном, на котором будет пастись человечество, чтобы дать Земле горсточку избранных и штат тех, кто их будет обслуживать наверху.

Горькая антиутопия? Но разве не сказано, что благими намерениями вымощена дорога в ад?

— Это он, конечно, загнул, — сказал Дронов. — Это он от одиночества, не иначе. Теперь я понимаю, почему эту часть своих записей он оставил здесь. Побоялся, что его неправильно поймут.

— Так его жизнь к этому подталкивала, — возразил Миркин. — Он же сюда не добровольцем отправился, не по зову сердца и велению души. А мысль небеспочвенная, все именно так могло и произойти. Да поначалу все так и происходи-

ло. Все-таки первоначально здесь лагерь открыли, а не санаторий. Для определенной категории людей мысль, конечно, соблазнительная — загнал свой народ в лаун, они там пашут, не возмущаются, время от времени часть рабов берут наверх, чтобы обслуживали интересы правящей верхушки. И возразить не могли — если что, так тебя сапогом, как таракана, по траве размажут.

— Ладно. — Таманцев бросил свой листок на стол. — Вы тут собирайтесь, а я пойду маяк поставлю. Максимов обещал, что они сразу вылетят, как мы отзовемся. Была у них с Гларчуком такая договоренность.

— А я пойду Симонова будить, — сказал Дронов. — Жаль, не дали вы нам в Поселок въехать победителями на зеленых конях.

— На каких еще конях? — удивился Миркин.

Глебов неторопливо собирал в пачку листы дневника.

— А что же вы думаете, — в свою очередь спросил Дронов, — мы в лауне зря время проводили? Мы скакунами обзавелись. Будем улетать — я вам их покажу. Все равно отпускать придется.

Симонов искренне обрадовался встрече.

— Нет, это вы молодцы, — растроганно обнимал он следопытов, — это здорово, что вы нас все-таки нашли. Мы бы, конечно, до Поселка обязательно добрались. Да чего теперь, вертолетом, конечно, быстрее, чем по земле. Хотя и у нас свое средство передвижения имеется. Только своенравная, сволочь, так и норовит свернуть, а то и обратно помчаться!

— Вертолет будет через час, — сообщил появившийся Таманцев. — Они нас запеленговали. Так какого коня вы обещали нам показать?

Дронов поманил его за собой. Рядом с убежищем, где долгие годы прожил отшельник лауна, со стороны, противоположной входу, джунгли подступали совсем близко. Именно оттуда с неожиданным леденящим душу шипением вдруг вынырнула страшная зеленая морда, а вслед за ней мелькнула пятнистая когтистая лапа.

— Ложись! — Таманцев торопливо отскочил назад, жалея, что не взял с собой оружие. Первое правило следопыта — в джунглях с оружием не расстаются. А он это правило нарушил, как последний новичок. Оставалось надеяться, что товарищи успеют вовремя прийти на помощь.

— Успокойся, Андрей, — с легкой насмешкой в голосе сказал Дронов. — Не пугай нашего скакуна!

Скакуна? Заговаривается Дронов, не иначе, не прошли ему даром скитания по зарослям лауна.

— погоди, — снова сказал Дронов. — Сейчас я его отпущу!

Он бесстрашно скользнул в джунгли. Речь его стала невнятной и слаборазличимой на фоне криков, доносящихся из чащи.

Раздался треск зарослей, заколыхались высокие стволы, слышно было, как гулко топает ящерица, обретая неожиданную свободу.

— Жаль, — огорченно сказал Дронов. — Сколько мы сил и терпения на эту сволочь потратили, мух ей стреляли, от врагов естественных оберегали, дрессировали, чтобы бежала, куда нам надо, а не куда ей хочется...

Он явно расстроено посмотрел вслед убежавшему монстру.

Из-за бугристого, уже просохшего округлого бока пня выбежали Миркин и Глебов.

— Что случилось? — тяжело дыша, спросил Глебов. — Что это было?

— Да ничего особенного. — Таманцев повесил импульсник на плечо. — Это Дмитрий Николаевич своего Конька-Горбунка на волю выпустил.

Глава тринадцатая

Крикунов раскладывал листки привезенного следопытами дневника Думачева. Менял, менял отшельник записи в своем дневнике! Более того, отшельник не все взял с собой, часть дневника он предусмотрительно оставил в пещере. В том числе и те, что он заменил, готовясь к возвращению в

общество. Совсем выбрасывать эту часть листов ему было жалко, но взять с собой весь дневник он остерегся. Не знал, какие нравы в обществе, куда он возвращался. А за некоторые вольнодумные мысли вполне его могли опять отправить куда Макар телят не гонял. За подобную философию и неверие в будущую гуманность светлого будущего, от строительства которого он уклонился, дезертировав в джунгли. Теперь найденные в его пещере листы заполняли лакуны дневника, делая всю историю его отшельничества более полной и цельной. Больше всего записей касалось власть имущих, которых Думачев не жаловал и о которых писал с нескрываемым раздражением. А кто бы написал что-нибудь хорошее о той власти, которая едва не поставила мемуариста к стенке, прикрываясь при том словесной шелухой о высоких идеалах? Понять Думачева было легко, вместе с тем отдельные записи представляли несомненный интерес для создания его психологического портрета, а некоторые содержали удивительно точные и интересные наблюдения натуралиста, который получил возможность наблюдать изучаемый мир изнутри.

28 июня сорок четвертого года

Во время путешествия издалека увидел высокие заросли с длинными соцветиями лилового цвета. Это цвел дербенник иволистный, который в народе называют еще плакун-травой. Согласно легендам плакун-трава открывает «приступы к залятому кладу». Кроме того, она заставляет плакать нечистую силу. Колдуны и знахари собирали эту траву на утренней заре в Иванов день. При этом полагалось, чтобы у человека, собирающего траву, при себе не было никаких железных вещей. Иванов день прошел, да и не силен я в колдовстве и знахарстве. Для меня трава эта означает лишь одно — произрастает она в болотистых местах, куда ходить опасно.

Удивительно опыление цветка плакун-травы. Пчелы с удовольствием посещают заросли дербенника, поэтому вблизи всегда шумно, как на аэродроме, когда

прогревают моторы. Пчела, прилетая за нектаром, измазывается сразу в трех местах, чему способствует строение цветка и всего соцветия. Пыльца эта потом попадает на разные рыльца, но прорастает лишь на пестиках, одинаковых по длине с тычинками.

Растение съедобно, и все можно использовать в пищу, даже ствол. Из сока его можно сделать прекрасную прочную краску зеленого цвета. Я ею окрашивал свои одежды, чтобы стать незаметнее в лауне, и это всегда давало прекрасный результат.

Дербенник может выделять из себя лишнюю влагу, которая скапливается у специальных водных щелок и выделяется крупными каплями даже в самый жаркий день. Вот за эту способность его и прозвали плакун-травой. Я подумал, что эта способность дербенника может меня здорово выручить, если я вдруг останусь без запасов воды.

Читать записи Думачева было очень интересно, но еще интереснее оказалось знакомиться с его рассуждениями о будущем, о прошлом, о людях, от которых он оказался оторван.

26 февраля сорок пятого года

Сколько снега в этом году! Мое убежище полностью занесено снегом, я оказался отрезан белыми ледяными шарами от всего мира. Интересно, вблизи снег напоминает паюсную икру, спрессованную в монолитный кусок. Еще уместнее было бы сравнить эти непрочные быстро тающие шарики с мертвыми жемчужинами.

Запасов еды у меня хватит до весны, а воды у меня — сколько хочешь.

В углу большого зала прорастает грибница — разлагающаяся древесина дает достаточно тепла, а снег, засыпавший мой замок, не дает ветрам и морозу выступить его залы. Белые круглые комочки величиной с го-

лову ребенка висят на флюоресцирующих мицелиях, и это фантастическое зрелище завораживает меня, я способен часами наблюдать за зарождающейся жизнью.

Последнее время много думаю о религии. В Бога я никогда не верил, мне было все равно, но сейчас от скуки в голову лезут глупые мысли, а ведь кто-то однажды сказал, что сомнения — это та же вера. Дело совсем не в том.

Вселенная расширяется, и надо это как-то себе объяснить.

Представим себе мыльный пузырь. Если галактики нашего бытия находятся в пленке, образующей этот пузырь, то неудивительно, что они разбегаются. И становятся на место все парадоксы нашего физического бытия, которые пока не могут понять физики. Они просто берут не ту модель.

Вселенная расширяется. В центре ее — физический вакуум, который увеличивается в размерах и заставляет пузырь расширяться, а галактики — разбегаться. А кончится все взрывом, который положит конец нашему существованию.

Вы спросите, при чем же тут Бог?

Но ведь кто-то должен пускать эти мыльные пузыри.

Возможно, это седобородый старик, который, впад в детство, нашел себе занятие — пускать мыльные пузыри.

Но мне почему-то кажется, что радужными бликами на поверхности мыльного пузыря любитесь маленький мальчуган, которому абсолютно наплевать на то, что происходит в слоистой пленке, образующей его игрушку.

Закончив играть, он бросает трубочку с мыльницей и бежит гулять по необозримым просторам своей Вселенной.

Радужные пузыри медленно кружат по двору, их подхватывает ветер и уносит в небеса, где они обязательно

лопнут, прекратив наше существование, лишенное всяческого смысла с точки зрения любого, кто живет в мире Создателя Пузырей.

Короткое время существования нашей Вселенной в этом мире не дает надежды на счастливый конец. То, что с нашей точки зрения является миллиарднолетней историей, всего лишь краткий миг существования красивого, но бесполезного мыльного пузыря.

А теперь представим себе мальчика, который пускает мыльные пузыри в нашем мире. Не является ли он таким же Создателем новых вселенных? Самое страшное для обитателей слоя, образующего мыльный пузырь, это то, что их Создатель наделен чувством любви, чувством жалости, он добр и совершенен, как всякий ребенок.

Жаль только, что все это абсолютно не касается нас, обитателей краткого мига между первым выдохом и силами, которые разорвут прекрасный мыльный пузырь навсегда.

11 апреля сорок пятого года

Я был арестован в июне тридцать девятого года.

Что произошло за это время наверху? По-прежнему царит мир или над ним пронесся огненный всеуничтожающий вихрь войны? Честно говоря, мне не верится, что две противоположные по своему значению европейские силы не схлестнулись в смертельной схватке. Германия Гитлера и Советский Союз Сталина слишком антагонистичны друг другу, чтобы мирно ужиться на одном континенте. Но если война все-таки случилась, то кто победил в ней? Ответ на этот вопрос получить было бы крайне несложно, находишься я в лагере. Тогда из фактов поставки продовольствия легко можно было сделать вывод — если оно поставляется, то либо войны не было, либо в ней победил Сталин. А если поставки продовольствия прекращены, то ничего хоро-

шего нас в Большом мире не ждет. Увы, но дело обстоит именно таким образом — расчлененная страна, самодовольные победители, угрюмое население, находящееся в фактическом рабстве.

Ответа на мои вопросы нет, и в ближайшее время я их, наверное, не получу.

— Ты смотри, о чем он думал! — Староверов бережно положил листок назад. — А нам задумываться не приходилось, тогда на всю страну один лозунг был — «Все для Родины, все для Победы!». Стало быть, и для нас он был обязателен. Площадку аэродрома видел? Она не всегда ведь взлетной полосой была, поначалу ее сделали для грузов. Там дальше длинный барак был, его уже в пятьдесят седьмом снесли. И вот с Большой земли приходили грузы, а мы их здесь сортировали и из поставленных частей собирали радиовзрыватели Термена, а позже — электронную начинку для ракет. Иногда устраняли микротечи в топливных баках. Простому человеку они ведь не видны, а микрику вполне доступны. Тогда мы уже перестали именоваться зоной, мы стали колонией. Смешно, правда? Я колонию как себе представлял? Вроде это как острова в океане, а на них туземное население и белые плантаторы. Нас ведь именно так все тогда понимать учили. А тут сами стали колонией...

— А вот посмотрите, — сказал Крикунов, протягивая старику новый листок.

16 августа сорок пятого года

Вчера бродил по песчаному берегу озера. Хотя слово «бродить» здесь совершенно не подходит, я ковылял по каменным осыпям, лавируя между огромных валунов. Среди камней можно было найти все, что угодно, — золотой самородок величиной с мой кулак, драгоценные и полудрагоценные камни. Одно время я их собирал, потом отказался от этого безумного занятия. В моем мире им нет цены, а в Большом мире

это всего лишь крошечные крупички, стоимость которых ничтожно мала.

Тем не менее иногда я любовался своей коллекцией. Особенно хороши были кристаллы розового кварца. Энергия их наполняет меня и устанавливает покой и мир в моей душе.

Идет пятый год моего одинокого пребывания в лауне. Иногда меня угнетает бессмысленность моего существования. Выход из этого положения прост и однозначен, но это будет означать, что я сдался и обстоятельства оказались выше меня.

Я все потерял.

Сначала я потерял свободу, а с ней — всех своих друзей и родных, но что самое печальное — Ирину. Потом я потерял мир, в котором счастливо жил. Теперь постепенно я теряю себя. Все чаще меня охватывают приступы безумной ярости, хочется все крушить и ломать, хочется разрушать. Я сдерживаю эти разрушительные инстинкты, но надолго ли мне хватит воли? Стоит ли сопротивляться разрушительным желаниям? Ведь впереди нет ничего. Там только черная пустота.

Вокруг пещеры снуют пауки. От скуки я присматриваюсь к их повадкам.

Рядом со мной находится логово погребного паука. Это бастион, сооруженный настоящим инженерным мастером. Но для сооружения своей крепости паук не оторвал ни единой травинки от земли — он сцепил, спутал их кроны и переплел их паутиной. Паутиной он стянул сучья и, притаившись в своей крепости, ждет жертву или врага, о появлении которых он узнает по биению паутины. Мудра природа, хитроумен многовековой инстинкт, выработавшийся у паука!

Вчера в сумерках наблюдал странную, но весьма поучительную картину.

Сначала показалось, что я вижу перед собой большой круглый с покатыми боками стол. Только ножек у

него было восемь. Стол медленно двигался. На нем шевелились, двигались маленькие столики. Галлюцинация! — решил я. А чего еще ожидать от сознания человека, пробывшего пять лет в одиночестве? За это время можно десяток раз сойти с ума.

Большой стол остановился. Маленькие столики покинули его и побежали по земле. Словно пелена спала с моих глаз. Мне все стало ясно — паук вывел на ночную прогулку своих паучат. Спустившись с него на землю, паучата держались за паука, пользуясь для этого паутинками. Я неосторожно пошевелился, захрустел сухой листвой. Паучата бросились к пауку, вскарабкались на него, и паук исчез в лауне. Гигантские стволы медленно поколыхались и замерли в неподвижности.

Даже пауки заботятся о своем потомстве. И я задумался над жестокостью человека. Животное убивает другое животное, потому что нуждается в пище. И только человек делает это из удовольствия.

Хищник, от которого нет спасения даже соплеменнику.

Эта безнадежная и тоскливая мысль удручает меня.

Следователь, который вел мое дело, кажется мне теперь похожим на паука. Он так же терпеливо и неутомимо плел свою паутину, чтобы я в нее попался. Интересно, кого он оплетает своей паутиной теперь? И жив ли сам, не попался ли и он в паутину более большого и потому более всевластного паука? Пауки пожирают друг друга, поймавший в свою паутину муху легко может сам оказаться жертвой. Это закон природы и человеческого общества, в котором все слова о равенстве, братстве и справедливости являются лишь бессмысленным набором пустых звуков, которые служат приманкой для глухых мух.

— Это он с одиночества, не иначе, — сказал Староверов. — Но хитер Серега! Ох хитер! Я тоже обратил внимание на про-

пуски, но думал, что он просто ничего не писал. Вел дневник от случая к случаю. А оказывается, он все посчитал, крамольные мысли своим соседям паукам оставил.

— Но ведь в чем-то он прав, — задумчиво отозвался Крикунов. — Человек и в самом деле существо крайне жестокое. От него нет спасения даже собратьям. О том времени я вообще ничего не могу сказать. Не был, не знаю.

— Я в том времени жил, но тоже промолчу, — пожал плечами старик. — А насчет человечества... Что ты хочешь, Лева? Человечество еще не вышло из детсадовского возраста. Это кажется, что мы умные и рассудительные, на самом деле — мы юные беззаботные дураки, которых природа будет воспитывать и воспитывать. Я одно время знаешь над чем задумывался? Вот почему человек биологически не совершенствуется? Почему эволюция остановилась? Какими мы были пять тысяч лет назад, такими и остаемся. Знаешь эту историю с Уоллесом? Соратник Дарвина самостоятельно пришел к теории эволюции, а потом от нее отказался, потому что не смог объяснить, откуда с точки зрения эволюции у человека человеческий мозг. И почему этот мозг абсолютно не изменился с древнейших времен. У некоторых питекантропов он даже потяжелее был, чем у многих современных политиков из Большого мира. В науке эту историю не любят вспоминать. А зря. Ведь в самом деле пора задать себе вопрос, как эволюция повлияла на развитие человека? Что в нем изменилось?

— А что-нибудь изменилось? — с жадным любопытством спросил Лев.

— Протезы усовершенствовались, — мрачно сказал старик. — Слуховые аппараты появились хорошие, приборы инфракрасного зрения изобрели, чтобы видеть в темноте. Механические ноги и руки придумали. Одни протезы. Социум меняется, технические и научные знания растут, а вот биологическая сущность человека не изменилась ни на йоту. — Пожевал синие губы и добавил: — До последнего времени.

— До последнего времени?

— Так точно, — сказал Староверов, и на его лице появилось подобие улыбки. — Появились микрики, и был совершен первый в мире искусственный эволюционный скачок.

— И что это значит?

— А это значит, друг мой, что вслед за эволюционными изменениями человека вновь грянут социальные потрясения.

Глава четырнадцатая

— Доказали? — не глядя на вошедших, сказал Султанов. По круглому и полному лицу его гуляли красные пятна. — Значит, вы спасители, а Султанов — равнодушный к человеческой беде бюрократ, так? А вы, значит, спасители в белых одеждах, да?

Таманцев был готов к любому разному, поэтому обидные слова не воспринимал — надо было терпеть. Терпеть во что бы то ни стало. Стоявший рядом Глебов обидчиво дернулся, но Андрей успел схватить его за руку.

— И что мне с вами делать? — поинтересовался Султанов. — Выносить ваше поведение на Совет? Не дождетесь, молодые люди. Мне в нынешней ситуации раскол в Совете не нужен. И оставить вас без наказания я не могу, иначе каждый будет считать, что волен поступать так, как ему вздумается. Так?

Он встал, подошел к следопытам, некоторое время задумчиво оглядывал их. Таманцев не сомневался, что решение уже принято, он только не знал, что с ними решили делать, и надеялся, что наказание не будет излишне суровым. Ну отправят на полгода в монтажники или строители. Можно и потерпеть.

— Так вот, дорогие мои, — сказал Султанов. — Мы тут посоветовались, и я решил. Отправитесь на Материк. Ребята вы неглупые, пора приобретать специальности, которые требуются Району. Спорить не о чем, я своих решений не меняю. В институты вас примут без вступительных экзаменов,

все уже решено, стипендию предприятие вам будет платить, а то вы, наверное, уже забыли, что такое деньги и на кой черт они существуют. Хоп?

Он посмотрел на вытянувшиеся лица парней и едва сдержал улыбку. Ему было жалко наказывать их, но отправка на Материк, по сути дела, наказанием и не была — надо было воспитывать специалистов для Района, и воспитывать их надо было из людей преданных, верных, а эта тройка как раз и доказала верность и преданность делу едва ли не кровью.

Таманцев закрыл глаза. «Четыре года, — с тихим отчаянием подумал он. — В лучшем случае три, и то если тебе разрешать сдавать предметы экстерном».

— Что, Миркин? — неожиданно улыбнулся Султанов. — Страшно?

— Обидно, — сказал Володя Миркин.

— Все. — Султанов вернулся за стол. — И благодарите Бояславцева, он за вас заступился. Иные вообще хотели отправить вас во внешнюю разведку к Суркову. Он отстоял, да. Давайте, ребята, идите, у меня сегодня еще много дел. Сегодня и отправляйтесь, чего зря по Поселку болтаться?

В коридоре Глебов обиженно сказал:

— А я не согласен. И вообще — победителей не судят. Мы их нашли? Нашли. И бывший дом Думачева нашли, и вообще...

— Саша, не пыли, — сказал Таманцев. За последнюю неделю он вдруг почувствовал себя окончательно взрослым. Нет, даже не взрослым, это было совсем не то чувство, зрелым он себя почувствовал, что ли. Понимать все стал и к происходящему относиться иначе. Пусть будет так, как решили в Совете. Надо учиться — значит, будем учиться. Если Району требуются специалисты, мы такими специалистами станем. Таманцев уже не мыслил себя без этого удивительного мира, в который попал волею случая, без его людей, без его безграничной свободы, как это ни странно думать о небольшом кусочке земли, совсем крошечном по общеземным меркам. Но кто сказал, что свобода зависит от пространства? Это еще

одно дополнение к свободе, не более. Можно никогда не покидать своего села, своего города, да, черт побери, своей квартиры, наконец, как это случается с инвалидами и больными людьми, и при этом оставаться абсолютно свободным человеком, а можно порхать с континента на континент, менять города и страны и при этом быть рабом. Но если уж и быть рабом, то увлекательного, захватывающего все твое существо дела — на меньшее Андрей Таманцев был просто не согласен.

— Может, это и правильно, — сказал Миркин. — Давно хотел посмотреть, как живут на Материке. Действительно ли там так плохо, как мне расписывали? Еще неизвестно, вернусь ли я сюда. Мне кажется, что нормальному человеку и там работы хватит. Надо готовить людей к будущей встрече.

— Культуртрегер из лауна, — хмыкнул Глебов. — Володя, не делай хорошей мины при плохой игре. Чижу понятно, что нас отсюда выставили. По причине грубого нарушения правил общежития в лауне и служебной дисциплины. Мы усомнились в правильности решения, принятого Советом. А это, братцы мои, чревато, этого не прощают. Если каждый будет сомневаться в правильности решения, принятого старшими, более того — поступать наперекор этим решениям, начнется бардак. А они этого не допустят.

— Ну, положим, мы знали, на что идем, — проворчал Таманцев. — Какого черта! Будем учиться.

Собираться особенно не приходилось, из лауна брать нечего, да и невозможно, кратник пропускал в обе стороны лишь живые организмы. Потому и приходилось делать уменьшенные копии всего или организовывать свое производство. Но Таманцев все-таки зашел в свою комнату и некоторое время сидел на тахте. Впереди была новая жизнь, и какой она будет, Андрей даже не представлял. Наверное, в Большом мире многое изменилось. Это ему предстояло узнать в самое ближайшее время. «Четыре года, — с тоской подумал Таманцев и тут же поправил себя: — Три». В конце концов, все зависит от человека, и если ты хочешь вернуться домой раньше кем-то установленного срока, надо просто делать работу быстрее

и лучше. И все равно — возвращение его не особенно радовало. Не может нормального человека это радовать. Но в конце концов, не все же там сирые и убогие. В любом мире обязательно найдутся хорошие и умные люди, особенно если внимательно оглядеться и поискать их вокруг себя. Володя Миркин на это уж точно надеялся, поэтому и думал о том, что будет делать в новом для него мире, даже возвращаться не собирался. А что, характер у него жесткий, этот сумеет сказать свое так, чтобы это услышали другие.

Он поднялся и вышел в коридор.

— Лева, Лева, — услышал он звонкий и обидчивый голос. — Оно в духовку не лезет! Что делать? Не понимаю, ну зачем перепелка такие большие яйца несет!

Из столовой выпорхнула девушка в нарядном халатике. Таманцев сразу узнал Зою Федорцеву, она ему всегда нравилась, и ему иногда думалось, что и девушка к нему неравнодушна.

Из комнаты появился будущий историк Района — солидный, бородатый, внушительный. При первой встрече он показался Таманцеву каким-то растерянным и суетливым, но лаун есть лаун — человек на глазах обретал достоинство. А быть может, оно всегда у историка было, а сейчас Таманцев был просто несправедлив к нему по вполне естественной причине. Зоя узнала Таманцева, смущенно порозовела и инстинктивно бросилась под защиту Крикунова. Тот обнял девушку за плечи и с вызовом глянул на следопыта. Таманцев ответил ему всепрощающей улыбкой и пожал плечами. «Ну вот», — печально подумал он.

Грусть не покидала его до самого кратника. Они ехали в открытой машине, и вдруг Таманцев услышал, как лаун поет. Он никогда этого не слышал, при посадках вслушиваешься в совсем иное — в то, что таит угрозу. Сейчас он угадывал в звуках трущихся стволот странную завораживающую мелодию, в которой победная дробь пшеницы и ржи сливалась с нежными вздохами ромашек и одуванчиков, певучая трель полевых гвоздик и часиков оживлялась с ритмическими шо-

рохами клевера, а стоны борющихся с ветром васильков — с вздохами мать-и-мачехи. Лаун попрощался с ними.

В здании у кратника все трое неторопливо разделись и встали на площадку, берясь за поручни. Площадка медленно поползла в темноту туннеля, с каждым метром приближая их к новому миру, который страшил неизвестностью. Будущее было темным, как жерло туннеля.

И уже через полчаса, стоя у ворот колючего периметра, отгораживающего лаун от остального мира, Таманцев долго вглядывался в зеленое бушующее море трав, пытаясь отгадать, где Поселок. Но разве можно что-нибудь найти в густой и сплетенной траве? А трава достигала следопытам до пояса. Южнее, где поблескивал небольшой ветряк, обозначило себя серебристо-голубоватой полоской Большое озеро, которое сейчас совершенно не казалось большим, все вдруг съежилось в размерах, и невозможно уже было представить, что еще вчера они бродили по лауну, схватываясь в смертельных поединках с существами, которых сейчас любой из них мог одолеть легким щелчком, взмахом руки.

Позади оставался его мир, он не мог существовать без Таманцева, а Таманцев не смог бы жить без него. Он еще не представлял, кем станет, в каком обличье вернется сюда, чем будет заниматься дальше, но все это было несущественным. Главным было то, что он вернется и сделает все, чтобы возвращение оказалось как можно более скорым.

— Ну что, ечи микирики? — сказал за спиной Володя Миркин. — Будем учиться?

Нетерпеливо засигналил микроавтобус у дороги.

Водитель торопился в город и приглашал всех занять свои места.

Время подгоняло, время торопило, время устанавливало сроки, и все это было в порядке вещей — ход часов всегда приближает Будущее, но он же, к сожалению, делает прожитое тобой время окончательно недостижимым, оставляя тебе только печальные и нежные воспоминания о том, что когда-то случилось.

Глава пятнадцатая

Компьютерный зал впечатлял.

Помещение для мониторов было отдельным, кинескопы были от маленьких автомобильных телевизоров, которые на Материке считались едва ли не игрушками, но здесь они производили весьма и весьма солидное впечатление — ряды голубовато сияющих экранов, занимающие всю стену. Процесоры и все остальное электронное хозяйство, которое невозможно было уменьшить до приемлемых размеров, были смонтированы в отдельном помещении, где находились специальные лифты для подачи CD-носителей. Отсюда же по земле был проложен кабель, который подключался к станции кратника, имеющей телефонную и спутниковую связь. Это позволяло вычислительному комплексу работать в интернете.

— А вот периферию мы пока минимизировать тоже не смогли, — признался Султанов. — Но будем работать с «МСП», там хорошие специалисты, они помогут. Нравится, Лев Николаевич?

— Впечатляет, — признался журналист, примериваясь к клавиатуре. Выходило удобно.

— Переезжайте, — радушно сказал Султанов. — Кабинет вам здесь выделен и помещение для хранения документации. Помощь нужна?

— Дед поможет, — сказал Лев, — все равно постоянно жалуется, что без дела сидит. Не понимаю, чего он здесь делает? Отправили бы его на Материк, пусть отдыхает в свое удовольствие, заслужил ведь!

— Говорит, что ему там делать нечего, — пожал плечами Султанов. — Думаете, мы с ним не разговаривали? Нравится ему здесь. Это, говорит, мой дом.

— А по-моему, он просто боится Материка.

— И это вполне вероятно, — согласился председатель Совета. — Все-таки вся его жизнь прошла здесь, у Александра

Николаевича все воспоминания — и приятные, и неприятные — с ним связаны. И на кладбище он здесь может сходить, там ведь в братской могиле такие люди лежат!.. Ну работай. — Султанов поднялся.

Лев остался один, впрочем, это продолжалось недолго, аппаратная постепенно начала заполняться людьми, некоторых журналист уже знал. Прошел физик Зельдич, на входе в аппаратную о чем-то спорили два геолога — братья Белые, по-хозяйски присел за один из столиков микробиолог Хашьян. Люди занимались делом. А у Крикунова не было никакого желания изучать сегодня пыльные бумаги, от которых на сто шагов несло казенщиной и канцелярщиной. Ну не хотелось ему этим сегодня заниматься. Прекрасно все, конечно, и компьютерный зал великолепен, и рабочее место устроено очень удобно и рационально, только работать не хотелось. Бывают у каждого такие дни, когда все валится из рук, голова отказывается думать по причине того, что забита она совершенно иным, и вообще хочется плюнуть на все и отправиться на природу, предаться философским размышлениям на совершенно отвлеченные темы.

Лев посидел немного, подумал и отправился на природу.

После вчерашнего дождя земля еще не просохла, и в узлах толстых стволов растений, окружавших Поселок, блестели капли росы. Иногда в них отражалось солнце, и тогда капли вспыхивали чистейшими бриллиантами, сверкая и слепя глаза. Над лауном стоял звонкий гул, словно в джунглях вразнобой звонили сотни далеких колоколов. Небо было чистым, а над верхушками растений медленно плыл вытянутый геодезический шар, сделанный из подручных средств, вспомнив о которых Лев едва не захохотал от восторга. Подумав, любой скажет, из чего микрики могли сделать вытянутый длинный и молочно-белый воздушный шар, к которому крепились корзина с необходимым оборудованием. Это было смешно, но дело обстояло именно таким образом — для изготовления шара использовались... Ну, вы догадались. Просто и экономично.

Без особых и никому не нужных затрат. В конце концов, все великие открытия чаще всего делались с использованием подручных и невероятно простых средств. О воздушных потоках верхних слоев атмосферы ученые знали хорошо, но поведение атмосферы рядом с поверхностью земли оставалось неизученным, и эти запуски должны были восполнить пробел в метеорологии и геофизике.

Крикунов проводил глазами шар и вновь обратился к своим мыслям. Заряд неожиданной игривости не позволял сосредоточиться, хотя последние изыскания привели его к неожиданному открытию. Об этом он думал последние дни. Надо было ехать в Канаду. Он не знал, как к этому отнесется руководство ООО «МСП», и волокиты с оформлением документов предстояло немало, да и сложности определенные могли при этом возникнуть, но точно знал, что ехать придется. Пусть даже не ему. Хотя, если говорить по справедливости, больше всего на это прав имеет первооткрыватель.

День был солнечный. Видно было, как высоко в небо то и дело взмывали большие и малые прыгуны, то ли спасаясь бегством от своих естественных врагов, то ли радуясь прекрасному дню и своему существованию на Земле.

Здесь, в лауне, Крикунов наконец-то не то чтобы осознал, нет, он принял всей своей душой слова кандидата в президенты США Эдлая Стивенсона, сказанные им однажды: «Мы странствуем вместе, мы обитатели маленького космического корабля и зависим от его столь уязвимых запасов воздуха и почвы; мы ответственны за нашу и его безопасность, ответственны за мир; от полного уничтожения нас спасает наш труд, наше бережное отношение и, я бы сказал, любовь к этому хрупкому суденышку». Крикунов это когда-то записал. А только сейчас понял и принял. Нет, лучше не скажешь! Одному надо увидеть нашу планету из космоса, чтобы понять, какая она крошечная и незащищенная, другому надо обязательно побывать в лауне, чтобы однажды понять то же самое, третьего спасает только трез-

вый взгляд на происходящее на планете. Но такие люди всегда большая редкость.

Искусственная эволюция уже дала свои всходы. Теперь надо было ждать, когда эти всходы прорастут и дадут плоды на радость всему человечеству. Быть может, мысли Льва Крикунова были несколько выпренни, но они были искренними, он не притворялся — что за радость притворяться перед самим собой?

Мир раскрывался ему во всем своем страшном и ослепительном великолепии, ведь только глядя снизу можно увидеть, как безмерно велик и безгранично ничтожен человек. Только здесь он сумел осознать, как надо жить, чтобы не мельчить и не жалеть о прожитой жизни. Есть два жизненных пути. Один из них заключается в том, чтобы жить, не думая, жить, жить, лишь констатируя, хорошо или плохо прожит очередной день. Так живет большинство, и не ему было осуждать людей за это. Но был и второй путь — жить в вечных попытках сделать что-то, чтобы хоть немного, хоть на малую йоту изменить мир и попытаться приблизить его к совершенству. Так жили единицы, и не ему, Крикунову, было воздавать им за это. Каждый живет, как подсказываем ему его душа. Крикунову хотелось пойти вторым путем, и он очень боялся, что не выдержит, что однажды все-таки сдастся, ведь подвижником быть всегда нелегко, куда легче плыть по течению.

Он сел под огромным широким листом. Здесь было прохладно и влажно; сильно пахло травой, запах стоял такой, словно он лежал в копне свежего сена.

— Лева! Лева! — откуда-то издалека позвали его.

Лев повернулся на бок, подпел рукой щеку и, склонив голову, стал смотреть, как от здания общежития, спотыкаясь и забавно взмахивая руками, бежит Зоя — еще одна, может быть, самая важная причина того, что ему захотелось вдруг зачеркнуть свое прошлое и отправиться дорогой, которая под силу лишь тем, кто, однажды ступив на нее, никогда не оглядывается назад.

Глава шестнадцатая

Обошлись без взаимных объятий и похлопываний по спине.

— Это хорошо, что ты приехал, — сказал Бояславцев, крепко пожимая руку Суркова. — О работе можешь не докладывать, я уже докладную читал. Но и успокаиваться не советую. Работу ты проделал большую, не спорю, но ведь неприятности всегда начинаются неожиданно. Вроде бы все прочно, крепко, но как бы чего не просмотреть. Я там тебе ребят направлял. Как с ними? Все в порядке?

— В порядке, — сказал Сурков. — Хорошие ребята, умные, думающие. Один в МГУ пойдет на факультет психологии, двое в физтех, согласно их собственным пожеланиям. С ректорами я уже все вопросы решил, трудностей не возникнет.

— Это хорошо, — сказал Бояславцев. — Лауну будут нужны всякие специалисты.

— Только тот, что в МГУ поступать будет, скорее не специалист, а идеалист, — вздохнул Сурков. — Сомневаюсь, что мы его обратно дождемся. Рвется, понимаешь, мир переделывать, нового человека воспитывать собирается из верхних. Надо, говорит, телевидение в корне перестраивать. Чудак! Надо, конечно, да кто же даст! Это ведь кормушка, от которой в какой-то степени треть столицы кормится.

— Молодой еще, — нетерпеливо сказал Бояславцев. — Повзрослеет — сам все поймет. А что идеалист, так это даже хорошо. Среди нас слишком много матерых и прожженных материалистов, чуточку идеалистов Району не помешало бы.

Он подмигнул Суркову:

— А мы тут тоже сложа руки не сидим. Давай-ка прокатимся в наше подземелье, я тебе одну штуку показать хочу, пока не разобрали для перевозки.

Они на лифте спустились в подвал. Мало кто из жителей города подозревал, что здание, которое занимало ООО, простирается на девять этажей вглубь.

Подвал, был огромен, и как во всяком полупустом помещении, даже приглушенные голоса здесь звучали гулко.

— Сейчас включают свет, — сказал Бояславцев.

И вспыхнул свет.

— Подумаешь Господь Бог, — проворчал Сурков, щурясь с не привычки. — И возжелал он света... Что ты мне хотел показать?

В центре подвала стоял огромный конус с множеством отходящих в стороны рукавов. Конус был черный, и на его боках играли блики света.

— Что это? — Сурков удивленно повернулся к Бояславцеву.

— Тебе как начальнику Службы безопасности это знать просто необходимо, — сказал Бояславцев, приглашая Суркова следовать за собой. — Это город, Саша. Подземный город на шестьдесят тысяч жителей. Полностью автономен. Предусмотрены кладовые с неприкосновенным запасом, рассчитанным на двадцать пять лет, поля для сельскохозяйственных культур под кварцевым освещением. Ангары для самолетов и другой техники, выходы для монтажа подземной гидроэлектростанции — ее монтируют в другом месте, и она будет предназначена для установки на подземном водяном слое. Четыре завода, одиннадцать ремонтных мастерских, мини-элеватор, хранилища, библиотека, оборудование для исследовательских работ... Ну, остальным город обеспечат его возможные жители.

— Зачем все это? — ошеломленно поинтересовался Сурков. — Ты хочешь загнать людей под землю? С просторов лауна уйти под землю? Никто не согласится, Стас. Никто.

Бояславцев угрюмо посмотрел на товарища.

— Не спеши, — сказал он. — Я о безопасности много думаю, особенно после того, как пьяные идиоты раздавили половину Поселка. Помнишь, что случилось шесть лет назад? Не о том речь, дорогой Александр Иванович, никто не собирается жителей Района загонять под землю. А вот смотреть в будущее мы с тобой просто обязаны. Рано или поздно о проекте станет известно всему миру. Ты можешь предска-

зять, что случится дальше? Я — нет. А если Большой мир увидит угрозу в микриках и захочет их уничтожить? Ты уверен, что все примут наше существование с благодушием? Ты не знаешь, а я один раз присутствовал при разговоре Никиты с Маленковым, это в середине пятидесятых было. Никита и говорит, мол, проще было бы пойму танками перепахать, а потом кукурузой засеять, сюрпризов не будет. И ты поверь, если в голову кому-нибудь подобная мысль придет, то ведь перепашут, не задумываясь над последствиями. И пшеницей засеют. И плевать им на уничтоженный мир. Муравьев не жалко. Поэтому надо думать о будущем. Вот я и думаю. Ты-то в ЦК не работал, среди больших шишек не вращался, не знаешь, как они порой запросто вопросы решают.

— И все-таки, — пробормотал Сурков. — Это у тебя очередное завихрение, Стас, ты уж поверь, такую уникальную возможность даже последний тугодум упускать не станет.

— Жизнь покажет, — устало сказал Бояславцев. — Поэтому, считай, перед тобой уникальное убежище, при необходимости будет куда уйти. Мы ведь только начинаем, опоздали сильно, поэтому надо быть готовыми к любым неожиданностям.

— И где ты этот город собираешься разместить? — не удержался Сурков.

В соображениях Бояславцева было немало дельного, в этом мире нельзя быть уверенным в завтрашнем дне, но все-таки что-то мешало ему согласиться с товарищем. Может, униЗИтельно было продумывать пути бегства, а ведь, как ни крути, уход под землю иначе чем бегством и назвать невозможно.

— Где, где. — Бояславцев медленно пошел вдоль конуса, похлопывая по нему ладонью. Теперь, когда они были совсем рядом с сооружением, сразу стало видно, какое оно огромное. Титаническая работа, ведь наверняка там, внутри, все было распланировано — и жилые кварталы, и дороги для электротранспорта, и лифты при необходимости поставлены. Интересно, где эту штуку сооружали? Не на Царицынском заводе, конечно, — если бы ее делали там, Сурков об этом

обязательно бы знал. Бояславцев повернулся к нему. Очки весело блеснули. — Там же в пойме и вкопаем. На глубине тридцати метров. Устроим транспортные и пассажирские входы, обеспечим маскировку. Никто и не догадается, что там находится, под землей. И не смотри на меня так, Саша, не смотри. Я не вечен, я о будущем все больше задумываться начинаю. А оно мне пока в черных красках рисуется. Ну не вижу я перспективы.

Он еще раз хлопнул по матово-черному конусу ладонью.

— Такие дела, — спокойно сказал он. — Пошли.

В лифте Сурков ошеломленно молчал.

— Чего молчишь? — спросил Бояславцев. — Удивил я тебя? Или напугал? А ты как думал? Думаешь, дорога к светлому будущему обойдется без ухабов? Черта с два, дорогой ты мой человек! И потом — это для нас все ясно, а для остального мира мы опять потенциальная угроза. Прежде всего — мы отклонение от стандарта. А необычного люди боятся больше всего. Ты даже не знал, до чего писаки додумаются, верно? А им дай волю, они такого понапишут! Только представь заготовки: «Заволжский инкубатор для мини-киллеров» или, там, скажем, «Человеческие муравейники угрожают земной цивилизации». — Он невесело хмыкнул. — И ведь будут, будут такие статеечки, стоит кому-то о Районе пронюхать или если мы сами объявимся на свет божий. И охота за микриками начнется. Не обязательно этим иностранные разведки займутся, найдутся идиоты, которые на микриках свой бизнес сделать захотят. И плевать им, что микрики маленькие, но все-таки обычные люди, ведь деньги не пахнут. И найдутся такие, что захотят микриков держать вместо домашнего животного, если не сами, то детишкам в подарок преподнести захотят. Ты не морщись, не морщись, сам знаешь, что я дело говорю. А мы к такому будущему не готовы.

— Глупо воевать со всем миром, — сказал Сурков. — Да и не выдержим мы такой войны.

Лифт остановился. Бояславцев пропустил Суркова вперед.

— А кто говорит о войне? — удивился он. — О другом речь идет, совсем о другом. Речь идет о нашей неподготовленности к контакту с остальным миром. А мы для них нечто вроде инопланетян. Мы для них такое же неожиданное и неприятное открытие, как база марсиан на Северном полюсе. Что с того, что они уверяют в своей миролюбии? А почему таились? Почему раньше о себе не заявили? Значит, есть тайны от человечества? А какие? Чего от них ждать? Ты об этом не думал?

— В таком контексте — нет, — признался Сурков.

Они вошли в кабинет, Бояславцев прошел за стол. Плюхнулся в кресло. Надо сказать, здесь он смотрелся уместнее, чем в подвале рядом с фантастическим подземным городом. Словно поняв мысли товарища, хозяин кабинета поднял голову и усмехнулся:

— Неотъемлемый атрибут кабинета, да?

Сурков промолчал.

— А мне приходится думать, — сказал Бояславцев. — Современному миру мы чужды, и тут уж ничего не попишешь. Сегодня в России все рвут друг у друга, принципы нашего общежития этому обществу не подходят. Стало быть, мы им в какой-то мере опасны. Понимаешь, дружище, сами идеи крови не проливают, кровь проливают люди, которые не знают, как эти идеи утвердить. Мы знаем, что делаем. Наши идеи тем и хороши, что они утверждают прекрасные нравственные идеалы. Идеи равенства, идеи справедливого устройства мира витают в обществе не один век. И общество они всегда будоражили и будут будоражить еще очень долго. Пока не утвердят себя в мире. Пока никто не знает, как подступить к строительству справедливого общества. Кроме нас. Но примут ли это остальные? Вот вопрос, Саша, и это серьезный вопрос. Поэтому и приходится задумываться над тем, что случится дальше.

Он подошел, наклонился, заглядывая в глаза Суркову.

— Старую я, — с неожиданно прорвавшейся тоской сказал он. — Не хочется, чтобы труд всей жизни накрылся из-за

того, что я что-то упустил, что-то недодумал. Особенно после того, как накрылся Союз.

— Так это был естественный процесс, — сказал Сурков спокойно. — Загнивать все начало еще в начале семидесятых, когда надо было решительно и быстро перестраивать всю систему управления обществом и модернизировать промышленность. А наши аксакалы боялись внедрения новых систем управления. Компьютеризация общества ставила крест на цензуре, и система переставала быть замкнутой и изолированной, а этого они боялись больше всего. Им изоляция была нужна, чтобы люди однажды не увидели всей их убогости. Да чего я тебе лекции читаю, ты ведь рядышком с ними сидел, сам все видел. Если бы эти пердуны не боялись дать людям свободу, сейчас многое было бы совершенно иным.

— Может быть, может быть, — рассеянно сказал Бояславцев. — Коньяк пить будешь?

— А надо? — Сурков усмехнулся.

— Надо, — сказал Бояславцев, решительно открывая ящик. На столе появилась бутылка коньяку, две стопки и коробка конфет. Открыв бутылку, Бояславцев наполнил стопки. — Есть повод.

— Это какой же? — поинтересовался Сурков, беря бутылку в руки и рассматривая этикетку. Коньяк оказался грузинским.

— Семьдесят пять мне сегодня, — сказал Бояславцев. — Вот так.

— Слушай, Станислав, — смущенно сказал Сурков. — А ведь действительно... Как же мы это?

— Давай, — отмахнулся Бояславцев, поднимая свою стопку.

Они выпили и некоторое время молчали, пережидая приятный ожог пищевода.

— Ну вот, — сказал Бояславцев. — Вроде отметили!

— В лаун не собираешься? — поинтересовался Сурков.

— Тянет? — Бояславцев, склонив голову, посмотрел на товарища. — Будет у тебя такая возможность. Там собираются обсудить результаты комплексной экспедиции. Ну и под-

вести итог экономического развития Района за истекший год. Как же без меня?

Он еще раз клюнул Суркова внимательным и сердитым взглядом.

— Заодно и с твоим Крикуновым встретимся. Очень он встречи добивается, не иначе в Большой мир захотел. Я же говорил, испорченный он, воспитанием человека надо заниматься в юности, а Лев Николаевич, по-моему, уже перерзрел. Кстати, новость слышал? Помнишь, вертолет в лауне разбился? Так выжили мужики, их следопыты все-таки обнаружили. Сильны мужики оказались, больше половины расстояния прошли по джунглям. Они там ящерицу приручили, на ней и добирались в поселок. А что, надежное средство! Редкий хищник на нее нападет, ежей там почти не осталось, лисы ушли, они человека хорошо чувствуют. Вот тебе, Саша, еще один пример. Самое интересное, что теперь встает вопрос о направлении развития Района. Раньше мы приспособливали лаун для своих целей, а теперь появилась возможность врать в него. Но это уже, как говорится, другая история. О ней-то и пойдет речь на совещании.

— Занятно, — сказал Сурков.

— И не просто занятно. — Бояславцев поднял палец. — Это проблемный вопрос — от экспансии перейти к реальному освоению. Войны редко кончаются победой, в них страдают все, и выигрыш, как показала последняя мировая война, не всегда ведет к процветанию. Будем думать!

Глава семнадцатая

В Районе кабинет для Бояславцева оборудовали на верхнем этаже шестизэтажного здания Совета, который поставили совсем недавно. Авдонин расстарался. Бояславцев кабинетом был доволен и хвастался им, как мальчишка.

Сурков его понимал — удивительное зрелище открывалось сверху. Видно было, как по травяным джунглям прока-

тываются волны, в зеленом кипении травы желто высвечивались куриная слепота и львиный зев, краснел пушистыми шарами клевер, покачивали бело-желтыми головками ромашки, и над всем этим великолепием непостижимой гигантской синей чашей было опрокинуто небо с огромным жарким солнцем в глубине.

— Хорошо здесь, — сказал Сурков. — Дома себя чувствуешь. Знаешь, надоело притворяться, ходить в чужой шкуре, заниматься всем этим дерьмом. Отпусти меня, Стас. Найдешь другого, похитрее и поумнее меня. А мне надо сюда. Тут такие дела начинаются!

Он говорил это, великолепно понимая, что никто его никуда не отпустит, по крайней мере в ближайшее десятилетие, что дело, которым он был занят последние годы, слишком важно и ответственно, чтобы его можно было бросить на половине дороги. Но все-таки в глубине души подспудно тлела надежда.

— Отпусти его, — сварливо сказал Бояславцев. — Ишь крепостной, Юрьева дня ему захотелось! А работать за тебя Пушкин будет? Вот и твой протеже встречи добивается. Тоже, наверное, смыться хочет. Только ты в лаун стремишься, а он из лауна.

Он подошел к окну и некоторое время смотрел на волнующиеся зеленые джунгли, жадно вдыхая ароматы, доносящиеся из лауна.

— Плюнуть бы на все, — сказал он, не оборачиваясь. — Думаешь, мне все бросить не хочется? Хорошо здесь... — И, повернувшись, уже совсем иным тоном добавил: — Хватит лирики. Надо работать. — Он сморщился и, вернувшись за стол, включил селектор. — Пригласите Крикунова.

Повернулся к Суркову и вздохнул.

— Жаль, — сказал он. — Ребятам он понравился. И въедливый такой, дотошный. — Он мечтательно вздохнул. — Ладно, проехали. А я его хотел в экспедицию Сергеева засунуть. Представляешь, комплексная экспедиция по исследованию

лауна? Мы об этом и мечтать не могли. Везет молодым. А сколько у них еще впереди, дух захватывает!

В кабинет вошел журналист.

Некоторое время Бояславцев с едва скрываемой неприязнью смотрел на него, задумчиво барабанил пальцами по столу, потом бросил косой взгляд на Суркова.

— Что ж, Лев Николаевич, — сказал он. — Вы свое обещание выполнили, пришло время мне выполнить свое. Как я понял, вы решили возвратиться? Не смею вас задерживать. На кратнике предупреждены, вас отправят в любое время. Жаль, что настоящего микрика из вас так и не вышло. Очень жаль. В Царицыне обратитесь в нашу контору. Деньги вам перечислят, куда вы скажете. Счастливо вернуться в Большой мир, Лев Николаевич. Ну, о том, что надо молчать, я вас предупреждать не буду. Не маленький, сами все прекрасно понимаете. У вас ко мне есть вопросы?

Теперь уже Крикунов непонимающе и обиженно посмотрел ему в глаза.

— Какой черт возвращаться! — нетерпеливо сказал он. — Я дома, Станислав Аркадьевич, дома! Только тут одна история интересная вырисовывается. Оказывается, еще в пятидесят седьмом в Канаде на территории советско-канадского сельскохозяйственного предприятия «Роска» была основана еще одна колония. Такая же, как наша. Вы, наверное, об этом не знали, все шло через Минобороны, там тогда работал такой человек — Таганцев. Он в шестьдесят первом умер, а все, минуя свое начальство и МИД, решал с Никитой Сергеевичем. Был в МИДе такой человек — Муравьев. Потом Хрущева сняли, Муравьев в Москве под машину попал, и связь с колонией была утеряна. О существовании колонии знали всего два сотрудника предприятия, осуществлявшие снабжение. Один из них застрелился в девяносто втором, сразу после распада Советского Союза, другой утонул примерно в то же время при невыясненных обстоятельствах. Я проверял, «Роска» существует до настоящего времени, а это значит, что колония микриков продолжает там развиваться. Пусть даже пер-

сональный состав посольства поменялся, пусть даже об этой колонии никто из старших не знал, они ведь развивались быстро и самостоятельно. Для нас их опыт имеет особый интерес.

Он с торжеством посмотрел на ошеломленного Бояславцева.

— Теперь вы понимаете, что мне надо срочно в Канаду?

Бояславцев посмотрел на Суркова и громко захохотал. Сурков снял очки и долго протирал их, потом посмотрел на Бояславцева и развел руки в стороны.

Крикунов ничего не понимал.

Решение, принятое им, было однозначным, другого просто не могло быть. Он оставался. Он не мог не остаться в мире, который удивил и принял его.

Можно было вернуться, и не просто вернуться, а вернуться богатым человеком. Честного слова, данного этим людям, было бы вполне достаточно. Да и самому Крикунову никогда бы не захотелось прослыть лжецом или сумасшедшим. Можно было вернуться на Материк. Отремонтировать квартиру, устроиться на работу. Можно даже не устраиваться. Денег хватит, чтобы каждый день сидеть в кабаке с какой-нибудь очередной девочкой и ежегодно летать на курорт, хоть в Ниццу, хоть в Альпы. Крикунов вдруг ощутил, что эта мысль, которая раньше не раз приходила ему в голову, не вызывает в его душе ни малейшего отклика. Деньги ничего не значили, и бабы ничего не значили рядом с возможностью прожить невероятную, нечеловеческую и насквозь фантастическую жизнь. Да и не нужны эти бабы были ему, у него в жизни появилось нечто более ценное, и эту ценность Лев до дрожи в руках боялся теперь потерять.

Он посмотрел на товарищей. Теперь уже смеялся и Сурков. Весело смеялся, как человек, боявшийся узнать что-то неприятное, а вместо этого услышавший нечто совсем противоположное. Он не обидно смеялся. Не обидно и заразительно.

Крикунов улыбнулся и сел у распахнутого окна, глядя на волнующийся лаун. Где-то среди высоких стеблей белели ог-

ромные соцветия, мощными лианами оплетали стволы травяных выюнки с огромными голубоватыми цветками. Травяные джунгли жили своей жизнью, только вот теперь и он был частью этой жизни, и ему не хотелось покидать этот мир, который удивлял и радовал Льва невозможностью своего существования. Он был дома. Он был готов сидеть в архивах, если это будет необходимо, работать на монтаже очередной гидроэлектростанции, продираться сквозь непроходимую чащу в очередной попытке познать окружающий мир — словом, делать все, что потребуется людям, среди которых он нашел свое место. «Микрики, — вспомнил Крикунов и усмехнулся. — Какие, к черту, микрики!» Люди окружали его, настоящие люди. Первооткрыватели. Герои. А настоящие микрики остались в том, прежнем мире, где деревья достигали небес, где трава была обычной травой, а не джунглями, где существовали подлость и несправедливость, где люди изменяли себе и своим идеалам, мучились, ломались, гнулись применительно к изгибам судьбы. Бедные несчастные люди, которые так и не узнали, что такое настоящая жизнь! Нет, только не назад. Только не на Материк! В том мире ему было нечего делать. Здесь же ему предстояло найти свое место. Лев Крикунов был готов к поиску.

Вкусивший свободы никогда не наденет рабский хомут. Его место было здесь, на территории, которая пока еще оставалась Районом, всего лишь маленьким зеленым клочком пространства, почти незаметного на огромной планете, плывущей в космической мгле. Предстояло много работать, очень многое надо было сделать, чтобы этот маленький клочок пространства, где было трудно и страшно, было опасно, но где существовали нормальные человеческие отношения и дружба была дружбой, взаимовыручка не имела под собой корыстных корней, где равенство всех было не простой декларацией, обозначенной в законе, где важными были только истинно человеческие качества, разросся однажды до размеров всей Земли.

Ей-богу, ради этого стоило жить и работать!

Глава-пролог, совсем маленькая, но именно с нее, возмож- но, начинается будущее

«Лендроверы» вытянулись длинной колонной.

За ними шли несколько грузовичков с продуктами и оборудованием.

Султанов не соврал — он действительно обеспечил экспедицию всем необходимым, даже включил в нее хирурга с Большой земли и отдал автобус, оборудованный под операционную. Теперь этот автобус словно большой красный жук тянулся за грузовиками, тяжело подпрыгивая на ухабах и кочках.

Карта была сделана на основе аэрофотосъемки опытных летчиков, но все равно она требовала уточнений. Экспедиция уходила исследовать мир. Покачиваясь, словно каравеллы на волнах, «лендроверы» уходили в лаун. Над колонной машин прошел, шелестя двигателями, вертолет, где-то в высоте мелькнули стремительные тени самолетов.

Лаун был спокоен. На верхушках гигантских деревьев танцевал ветер, он пригибал тяжелые кроны соцветий к земле, поднимал зеленые волны, и от этого лаун казался медленно просыпающимся хищником, который, открыв глаза, лениво потягивается, и по зеленой шкуре его бежала нервная дрожь в предвкушении грядущей охоты.

Где-то впереди у Клыкастых гор зеркальной рябью слепило глаза Большое озеро. Там уже начались погружения в прохладные темные глубины, полные жизни и невероятных природных загадок, которые еще только предстояло раскрыть людям.

Лаун потягивался, лаун дразнил, еще не зная, что обречен отныне служить людям. Еще бежали по тайным тропам хищные муравьи, подстерегали свои жертвы на солнечных прозрачных полянах богомолы, грациозно носились в воздухе стремительные либеллины, на широких листьях растений

паслись стада травяных тлей, дающих сладкое зеленоватое молоко. Страна дремучих трав нежилась под солнцем, еще не подозревая о присутствии человека, не сознавая, что человек пришел в нее навсегда и эра бездумного существования закончилась.

Начинался новый виток человеческой истории. Как ни крути, история у человечества одна, но есть очень много способов ее прочтения.

— Большой мир люди пока профукали, — сказал Бояславцев. — Уж очень много придется потратить времени на то, чтобы привести его в порядок. Я уже не увижу. А как хотелось бы пожить и увидеть красивый мир, в котором живут красивые и добрые люди. Но скоро эра бездумного потребления закончится и там. Когда подойдут к концу запасы угля и нефти, когда придется беречь все уменьшающиеся леса, исчезающий животный мир, тогда им придется посмотреть вниз. Другого выхода у них просто не будет. Вот тогда микрики и выйдут из тени.

— А где гарантии, что это не повторится и у нас? — не сдержался Сурков. — Только в иных масштабах. А мы просто подарим им новый девственный мир, который они смогут загаживать дальше!

— Гарантия единственная — масштабы, — с сомнением сказал Бояславцев. — Если ты четко осознаешь, что над тобой есть мир несоизмеримо более огромный, если ты понимаешь, что все твои необозримые владения — всего лишь маленький пятачок перед гигантским зданием, что все, что твоё поколение создало за жизнь, может быть уничтожено одним-единственным хулиганом из Верхнего мира, в этих условиях трудно стать собственником. А это, в свою очередь, рождает иное отношение к труду и самому обществу. Это воспитание, Саша. Нас воспитывает своими условиями жизнь, она заставляет нас держаться друг друга, думать друг о друге, заботиться не только о себе, но обо всех людях, которые нас окружают. Здесь нет места для хапуг и мещан, они тут просто не выживут. И я думаю, что, когда мы найдем способ обез-

опасить себя, положение не изменится, все эти принципы христианской или коммунистической морали будут всасываться с молоком матери, они будут естественны для любого микрика. А значит — для всех. Другого пути просто нет.

— Но прогресс, прогресс! Ведь нельзя же отрицать, что самым эффективным стимулом развития является конкуренция, а конкуренция, в свою очередь, построена именно на стремлении достичь большего, чем это сделали другие? — Сурков махнул рукой. — И все повторится. Это сейчас лаунтропят романтики. А что произойдет, когда начнет заселяться простой обычный человек, которому плевать на открытия, его больше прельщает безделье, а он потребует, чтобы мы ему это безделье обеспечили. Он начнет требовать хлеба и зрелищ. И начнет он нам пенять за отсутствие увеселительных центров и распивочных, требовать открытия публичных домов, загаживать квартиры, в которых живет, и скандалить! И нам потребуется полиция, чтобы справиться с требовательным хамом. А потом начнутся войны за лучшие лауны. У меня щеки холодеют, когда я думаю, как это будет выглядеть, какие средства и способы для этого будут применяться.

— Ты ошибаешься в оценке, Саша, — мягко сказал Бояславцев, глядя вслед скрывшейся в зеленых джунглях колонне. — То, что происходит здесь, не революция, это значительно больше. Это новый эволюционный виток, и никто еще не знает, что он даст человечеству, кроме нового необозримого пространства. Ты знаешь, ученые долго удивлялись, почему проходят тысячи лет, а человек не меняется. Где влияние эволюции? — спрашивали они. Теперь вопросов не будет. Пусть искусственно, но мы совершили первый шаг по этому бесконечному и сложному пути.

А что еще впереди! Что нам сулит генная инженерия! Да только она в совокупности с лаунами и жизнью в микромире способна изменить земную вселенную. Человечество начинает делиться на два широких и абсолютно непохожих рукава. И мы можем только гадать, к чему приведут эти изменения.

А вопросы... Вопросы будут всегда, как и опасения, что будущее будет не таким розовым, как оно рисовалось. Я только поражаюсь недалёковидности вождей, они думали, что люди — всего лишь пешки, они гнали пешки вперед, совсем не прикидывая последствий. Но пешка, которая проходит через все поле, сама становится ферзем и начинает диктовать правила. Теперь многое зависит от нас самих, и мы воспользуемся этой возможностью, ты уж поверь, иначе для чего нас так упорно гнали через эти поля? Ну что, пошли?

И они неторопливо пустились в путь к светлеющему среди зеленой травы Поселку — два человека, которые уже не принадлежали Прошлому, но от которых зависело, каким будет Будущее.

Как от каждого живущего на Земле человека, если он полон любви и яростного желания сделать окружающий мир лучше и добрей.

Царицын, сентябрь 2002 — февраль 2003 года.

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ СЧАСТЛИВЫХ И ГРУСТНЫХ ВРЕМЕН

Записки старого фэна

— Странное создание, — пробормотал Гавриил, вглядываясь в душу, что ожидала своей участи в Чистилище.

— А что ты хотел от души, сформированной книгами? — свел черные крылья горбом Вельзевул.

— Трудно понять, куда его направить, — сказал Архангел.

— Конечно же, в Ад, — не задумываясь, буркнул Вельзевул. — Ведь, читая книги, он всегда воображал себя Богом. Это ли не грех гордыни? А этот особенно заслужил... Ведь почти всю жизнь он читал исключительно фантастику!

Часть первая

КОСМОС ДЕТСТВА

Вечерний поезд никуда

За мутным невытым окном тамбура пассажирского вагона мелькали знакомые рощи. Остался позади переезд, мелькнул пруд, в котором я с друзьями купался сорок лет назад, потом промелькнуло поле, где в пору моего детства была бахча и где меткий старичок поймал на прицел мои худенькие ягодицы, обтянутые синими семейными трусами, и метко нашпиговал их зарядом соли.

Замелькали дома, и проплыл вокзал станции.

Станция за двадцать лет не изменилась, не изменился грейдер, идущий по ту сторону железнодорожного полотна, по которому можно было добраться до когда-то бывшего нашим дома, стоящего напротив керосиновой лавки.

Я увидел маленький домик книжного магазина, где я часами рылся в старых книгах, что оставались не распроданными годами.

И вот проплыл с правой стороны элеватор. Здесь я работал с шестого класса каждое лето, когда приезжал к бабке с дедом.

Промелькнул переезд и дорога, ведущая на хутор Макаровский, куда я ездил на велосипеде к своему другу Сане Галкину. Боже мой, как давно это все было! Как это было давно!

Я вернулся в купе, где все уже спали, плеснул себе водки из полупустой бутылки и лег на жесткую железнодоро-

рожную подушку, упираясь взглядом в синий дерматин верхней полки.

Печаль пятидесятилетнего мужика, который увидел мир своего детства, ожила во мне и потянула цепочку, звенья которой состояли из воспоминаний.

А поезд уносил меня все дальше от моего прошлого. Поезд стучал на стыках, словно убеждал меня в том, что прошлое не стоит вспоминать. Ведь это вечная грусть и тоска — вспоминать время, когда ты был счастлив и беззаботен, когда на летней киноплощадке крутили «Три мушкетера» с Жаном Марэ и «Подвиги Геракла» с каким-то югославским культуристом в главной роли.

Далекий гудок тепловоза подводил черту, разделяющую мое прошлое с моим настоящим. Он увозил меня в будущее, над которым густым покрывалом висел туман, а где-то позади оставались детские драки и влюбленности, наивные мечты, неумелые поцелуи и первые робкие прикосновения к любимой девочке, лицо которой я уже не могу вспомнить и, наверное, потому реконструирую его из черт тех, кого еще помню.

Я лежал и смотрел в синий дерматин верхней полки, но видел степь, усеянную россыпями красных и желтых тюльпанов. И еще я видел стройную девочку, собирающую эти тюльпаны, прозрачный родник, из которого мы пили ледяную воду, вспоминал сделанное нами в детстве футбольное поле и красное закатное солнце, повисшее над горизонтом.

Путь, который нами пройден, — печален и светел, ведь он стал всего лишь воспоминанием, легкой тенью, фантастически живущей в нашей памяти, фантомом, в существование которого веришь уже с трудом.

Есть только ты сегодняшний — толстый и неуклюжий мужик, растерявший свою детскую легкость непробиваемого вратаря футбольной команды, многое утративший и разочаровавшийся, плывущий в ночном поезде в ночной туман, из которого уже не будет возврата. Есть только ты — до сих пор не потерявший веру в сказку, а потому — пишущий эти сказки для других.

Есть только ты.

И поезд. Ночной поезд, который уносит тебя в никуда.

И стихи, написанные тобой в шестнадцать лет, которые не забудутся тобой до последнего и потому самого печально-го дня.

Мы — мальчишки. Мы веселы.
Наша жизнь нам ясна.
В небе солнце повесили,
Раскалив докрасна.
А мы мячик гоняем.
Мы — играем в футбол.
И мечтаем, мечтаем
Вбить решающий гол.
И еще мы мечтаем
В жизнь шагнуть широко...
До закатного пламени
Далеко, далеко.
Мы как книжные юнги.
Вечный путь только начат.
Пожелайте нам, юным,
Прямоты и удачи.

Казалось, это было еще вчера. Еще вчера. Еще вчера. И только вслушиваясь в ровный перестук колес своего вагона, качаясь в идущем на запад поезде, с тоской понимаешь, что до нашего рассвета теперь куда дальше, чем до туманной черты горизонта, за которую садится солнце.

Может быть, именно из этого тоскливого ощущения невозвратимой потери и родилось желание обернуться назад, посмотреть на пройденный путь и вспомнить. Вспомнить всех, кого ты любил или ненавидел, вспомнить время, которое казалось бесконечным и которое называлось жизнью. Многих уже нет, и скоро не будет меня. Останется маленький холмик, к которому изредка будут приносить цветы, пока не закончится время чужой памяти.

Грустить нечего. Все это неизбежно. Давайте обернемся. Быть может, там, позади, осталось то важное, что ты искал всю жизнь, а найдя — не заметил.

«Дом восходящего солнца»

Хочется начать так.

Невесомый и бессильный, я повис в центре Вселенной, слушая, как бормочут где-то за ее пределами два начала, давшие мне жизнь, те самые «янь» и «инь» китайской философии, которые в самом недалеком будущем мне предстояло назвать своими родителями.

Не помню. Ничего из этого я не помню. Первые воспоминания относятся к более позднему периоду — тропинка, по которой мы с отцом приходили в военный городок, высокие и стройные сосны, кусты терпкой черемухи. С одного такого дерева упала мама и сломала себе руку.

Море называлось Балтийским.

Я был маленьким, а отец и деревья были большими. Особенно деревья. Казалось, что они растут с небес. На берегу было много камней, и совсем редко попадался желтый песок, в котором можно было найти кусочек солнца с навсегда застывшим в нем насекомым далеких доисторических времен. Само рыжеглазое солнце смеется среди зеленых колючих ветвей.

Тропинку, протоптанную людьми, пересекала тропа муравьев. Люди не обращали внимания на муравьев. Муравьям не было никакого дела до людей. Они жили в разных измерениях. Но если взять длинный стебель травы и, облизав его, сунуть в муравейник, можно полакомиться жгучим и кислым муравьиным соком. Первое лакомство, доступное мне в детстве.

Дом восходящего солнца.

Не знаю почему, но, уже став много старше и услышав мелодию, я всегда вспоминал извилистую тропинку через лес, идущую рядом с морем, и корявые ладони сосен, которые упрямо удерживали небо на весу.

Дом восходящего солнца.

Море выбегало на берег, хватало меня за ноги и убегало, оставляя в суетливых извилистых струйках и маленьких лужицах обрывки водорослей и камешки, обсосанные до сладости леденца. Некоторые из них были похожи на хитрый глаз лисы.

Город, в котором мы тогда жили, назывался Хаапсалу.

Море было Балтийским.

Глупо все-таки, что человек вырастает из детства. Теряется радостное и наивное удивление перед миром, которое умные и экспансивные французы называли *impression*, что означает «впечатление». Вырастая, мы становимся практичными и рассудительными, чаще всего навсегда утрачивая способность смотреть на мир с удивлением. Впечатление пропадает. Мы протягиваем руку и говорим — Господи, даждь нам днесь!

Чем старше я становлюсь, тем чаще в моей голове вспыхивают сверхновые забытого когда-то прошлого. Говорят, что перед глазами умирающего проходит вся его жизнь. Если это так, то наступит однажды миг, когда я вспомню все.

У вас никогда не бывает, что, блуждая по улицам незнакомого города, вы неожиданно сталкиваетесь с запахом вашего детства? Вот так, идешь по совершенно незнакомой улице, вдруг — неожиданный поворот, случайный ветерок, подъезд, пропахший кошками и стиранным бельем, и — о боже! — именно так, именно так пахло когда-то далеко и давно, может быть, сто или две-сти лет назад. Воспоминания, живущие где-то глубоко в памяти, вдруг оживают, и в этих воспоминаниях таится тайная дрожь первого поцелуя, который ты уже забыл, лихорадочный трепет первого греха, который ты не забудешь до смерти, горечь давно ушедшей в небытие обиды, боль от удара и утрат, восторг однажды случившейся удачи, восхитительное чувство пойманно-

го в полете мяча, сладость украденного, и синий дым на полях, и ярость тела, мчащегося на лыжах по снежной степи, и многое из того, что хотелось бы, но невозможно выразить словом.

Тропинка, ведущая к морю.

По серой воде бежали свинцовые барашки волн. Свинец в движении? Упрекните меня, но это запомнилось именно так.

Кричали чайки. Крик их похож был на скрип петель открываемой двери.

Может быть, это кто-то рядом со мной открывал двери в свое детство?

Море называлось Балтийским.

Прошли годы, и я стоял на причале, глядя на море. А море смотрело на меня черными глазами затягивающих водоворотов. По воде плыли какие-то щепки и размокшая пачка ленинградского «Беломора» фабрики имени Урицкого. Наверное, она собиралась отправиться в кругосветное плавание.

Остро пахло винной пробкой, и солоновато-горький привкус стоял во рту. Вкус слез, которые всегда сопровождают встречи и прощания. Встречи с прошлым всегда обещают прощания с тем, что навсегда утрачено в нем.

Осколки воспоминаний. Разбитое зеркало души.

Перестало хотеться заглядывать в будущее. Сначала очень хотелось, а потом вдруг перестало хотеться. Наверное, потому что ушла вера в светлость и справедливость будущего. Теперь мне все чаще хочется вспоминать. Хочется восстановить прошлое, чтобы ожили в тебе его картины, как оживает в откупориваемой бутылке шампанское, выдержанное в подвалах несколько десятилетий. Но стоит только взяться за это безнадежное занятие, как цельная картина мира, в котором ты когда-то жил, рассыпается на осколки, вглядываясь в которые ты не узнаешь никого.

Я шел по берегу и увидел, как пацанята лепят из мокрого песка крепость. Крепость была славная — с круглыми зубча-

тыми башнями, с подъемным мостом и замком в ее середине. Невольно я им позавидовал. Мне тоже захотелось перемазаться в песке и лепить этот чудесный замок, населенный благородными рыцарями и прекрасными принцессами, замок, в котором по ступеням тяжелых сводчатых башен, освещенных чадящими факелами, бродят печальные привидения и где в темницах закованы в кандалы кости когда-то живших врагов обитателей крепости.

Да, песчаные замки строят лишь в детстве. Позже этим некогда заниматься — надо переделывать мир.

Город назывался Хаапсалу.

Когда-то его построили эсты.

Я так и не узнал, где надо поставить ударение в названии города, чтобы оно прозвучало правильно. Тогда, в прошлом, я просто не успел, сейчас мне стало все равно.

Отец был военным. Это сейчас правители эстов стали называть наших военных оккупантами из своих сиюминутных политических соображений. Тогда оккупантами считались германские войска, занявшие страну и уничтожившие случайно поселившихся в ней евреев.

Господи! Как они надоели, эти глашатаи, твердо знающие, что нужно всем остальным, эти проклятые вожди, которые хорошо знают, куда они нас ведут! У меня нет никаких претензий к американцам и чеченам, к буддистам и мусульманам, к деловитым японцам, к плодовитым китайцам, к бесшабашным неграм — пусть они все живут, как хотят. Я им тоже ничего не сделал, и у них нет претензий ко мне. Все претензии появляются у вождей и глашатаев, которые спешат наделить этими претензиями возглавляемые нации. А людям, как и мне, хочется простоты. Им хочется жить, чтобы потом, когда эта жизнь подойдет к своему печальному, но естественному завершению, вспоминать не о времени, когда ты был героем и бросался с гранатой на танк, а времена, когда ты любил сам и был любим, когда тебя окружал зеленый луг, на котором паслись гордые кони и по которому гуляли

прекрасные девушки. А героизм противен всему порядку жизни, он появляется тогда, когда жизнь начинает течь в ненужном ей направлении.

Дети знают это лучше нас.

Правда, наши отношения с детьми не всегда верны. Частенько забывается, что дети — это просто маленькие люди. Они любят и ненавидят, смеются и грустят, обижаются и обожествляют так же, как это присуще взрослым. Зачастую мы пытаемся свести общение с детьми к административной родительской функции, не учитывая, что из детей, воспитанных по таким рецептам, никогда не получится хороших родителей.

Но ведь цепь случайностей не должна прерываться. Мы должны думать о будущем. Смысл общественного прогресса — в совершенствовании человеческой души. У нас же почему-то больше упирают на научно-технический прогресс. Потому мы и живем все теми же питекантропами, только научившимися пользоваться компьютерами и запускающими ракеты в космос. И мне кажется, что мы допускаем еще одну ошибку. Почему-то считается, что прогресс заключается в степени сытости. Конечно, двести сортов колбасы неплохо, очень неплохо. И все-таки это только колбаса. Лужа, в которой отражаются звезды. Для того чтобы увидеть настоящие звезды, а не их отражения, необходимо поднять рыло от воды и посмотреть вверх.

Как семя в почву, мы должны уложить в души наших детей тот нравственный заряд, который позволит им сохранить самые высокие человеческие качества и осознать, что предназначение человека там — среди звезд.

Бабий Яр делил людей просто. Те, кто выбрал улыбку Джоконды, ложились в ров с негашеной известью. В затылок им стреляли любители колбасы.

Чтобы не повторилась трагедия прошлого, надо чтобы в мире было меньше любителей колбасы. А главное — чтобы они не пролезли на роль глашатаев и мессий и не стали учить человечество, как ему жить дальше. Постулаты добра заложены

ны с давних времен. Меняется лишь их изложение. А суть постулатов искажена любителями колбасы.

Но город Хаапсалу казался тихим и хорошим. Вообще Прибалтика мне нравилась всегда неспешным течением жизни. В этом есть свой тайный смысл. Куда торопиться? Ведь впереди нас всех ждет черная пустота.

Жаль, что сейчас в Прибалтике правят любители колбасы.

Мама моя была молодая и красивая. С того времени я помню ее в светящемся платье из ткани, которая называлась «крепдешин». Еще у меня была сестра. Но ее того времени я совершенно не помню. С ней мне еще предстояло познакомиться. Удивляться было нечему — сам я только недавно ступил в этот мир, она же в нем уже утвердилась.

Мы с отцом уходили в лес, а мама с сестрой смотрели нам вслед.

В лесу белела и одуряюще пахла черемуха.

И еще там тек ручей, через который мы переходили по толстому бревну. Ручей впадал в море. Так иногда бывает, что тоненькая струйка родника минует реку и впадает непосредственно в океан. Это редкое предназначение, доступное не каждому ручью.

У нашего лесного ручья была именно такая удивительная судьба.

Пересекая ручей, тропинка вилась среди кустов и деревьев и приводила в военный городок.

Что нам остается от прошлого, кроме памяти?

Шрамы от падений и операций?

Книги с пожелтевшими страницами на прогнувшихся стеллажах?

Медленно стареющие друзья?

Пожелтевшие письма?

Роешься иной раз в вещах и вдруг находишь фантик уже не выпускающихся конфет, пятикопеечный билет в кино или

надпись на подаренной другом книге, и душу твою охватывает неожиданно щемящая печаль.

Говорят, детские впечатления самые яркие в жизни. Из них складывается отношение к окружающему тебя миру. А все серые будни, что следуют за рождением, лишь портят первое впечатление, превращая нас в недовольных всем ворчунов.

Impression...

Праздники проходят.

Когда мне было шесть лет, мои папа и мама были молодыми и красивыми. Я смотрю на их фотографию, и меня не покидает мысль, что время беззастенчиво и нагло нас обворовывает. Оно действует как заправский разбойник, отбирая у нас родных, лишая жизни нас самих, и не оставляет шансов нашим детям.

Равняются гранитные холмы
Катком столетий.
И сметен мир. И смертны будем мы.
И наши дети...

Вот и я уже прожил полвека, умер отец, еще больше постарела мать, да и моя голова стала похожа на вершину африканской горы Килиманджаро. Моя смешливая сестра, из-за которой когда-то дрались мальчишки, стала директором учебного комбината целого городского района, превратилась в педагогического генерала, воображающего, что он знает жизнь лучше всех остальных.

Интересно, что родилось раньше — желание учиться или стремление поучать?

Раньше мне казалось, что жизнь — игра. И не более того.

Когда еще была жива прабабушка Дуня, мы часто играли с ней. Я складывал из табуретов и стульев самолет, и мы улетали далеко-далеко. И горячее у нас никогда не кончалось. Мы летели над Северным полюсом, над Индией, над океана-

ми, за иллюминаторами серебрились горные вершины, и в кабину заглядывала пустота звездного неба. Бабе Дуне нравилась эта игра — в старости люди любят возвращаться в детство. Наверное, они начинают понимать, что потеряли.

С пятнадцати до пятидесяти я воспринимал жизнь серьезно. Теперь мне кажется, что я ошибался. Жизнь действительно игра, все те же самые казаки-разбойники, и в этой игре я в свое время доигрался до подполковника.

Отец был этим обстоятельством горд. В свое время он дослужился до капитана. Вместе с тем он хорошо видел время, поэтому последние годы жизни не раз повторял, что хотел бы увидеть меня ушедшим на пенсию. В старости он был красивой красотой, которая редко дается мужчинам. Обычно, старея, мы начинаем походить на облезлых и растолстевших от бананов обезьян.

Но тогда он служил в армии. На нем была синяя форма и фуражечка, из-под которой выглядывал задорный казачий чубчик. Мне нравилась форма и еще больше его тяжелый вороненый пистолет, от которого пахло армией.

От того времени осталась моя фотография, где я важно сижу в отцовской фуражке и с тяжелым пистолетом в руках. Наверное, это и предопределило мою судьбу — всю сознательную жизнь форменная фуражка серого цвета с таким же кителем, на котором время от времени менялись погоны, провисела в моем служебном шкафу.

Голубая ленточка воспоминаний. Ручей, текущий во вчерашний день.

Помню вкус сосновых шишек. Помню, как мы собирали грибы.

Больше из того времени я ничего не помню. Мама рассказывала, что до этого мы жили в Новгородской области. Там я и родился. Они были бедной офицерской семьей. Дома ничего особенно из мебели не имелось, и кровать была солдатская — отец притащил ее из казармы. Вот на этой солдат-

ской кровати я и был зачат в любви и согласии. Сестре тогда было три с половиной года. Все правильно, нянька появилась на свет чуть пораньше наследника. Правда, наследника этого семья чуть не лишилась. Говорят, что я рос слишком шустрым. Однажды, когда мама наряжала елку, я путался у нее под ногами. На полу на электроплитке варился суп. То ли суп был картофельным, то ли я слишком шустрым, но в эту самую кастрюльку я и уселся своей пухлой попкой. Лечили меня в военном госпитале долго, с уколами, но все закончилось хорошо — следов ожогов на ней даже не наблюдается. Но это я знаю с рассказов родителей. Ничего не помню, даже боли.

Память начинается с города Хаапсалу и с ручья, окруженного цветущей черемухой, с корявых сосен, подпирающих небеса, с кусочков янтаря, в которых жило солнце.

Уже позже отца перевели служить в Венгрию. Там я пробыл до семи лет. Наверное, мы были счастливой офицерской семьей, которой выпало служить за границей. В стране тогда было бедно, за границей — хорошо. Каждое утро к домам приезжал мороженщик, начинал звонить и кричать нараспев. У него был велосипед с холодильной камерой впереди. Мороженое накладывалось разноцветными шариками в вафельный стаканчик. Каждый холодный шарик имел свой вкус. Мороженое стоило немного — один форинт. Удовольствие, которое мы от него получали, стоило значительно больше. Еще в офицерском магазине продавалось шоколадное блюдо с фигурками животных, тоже выполненных из шоколада. Кажется, все блюдо стоило восемь форинтов. В этом же магазине продавались вафельные стаканчики, наполненные шоколадно-молочной массой. Помнится, мы их очень любили. Каждый стаканчик стоил один форинт.

Мы — это дети военных. В Венгрии я дружил с Витькой Фоменко. Отец его был начальником особого отдела, который еще назывался когда-то СМЕРШ. Еще я помню нашего

заводилу Борьку Попова. Остальных я уже не помню. Мы росли как цветы на свалке — предоставленные самим себе. Родители пытались отдать меня в садик. Ходил я в него один день — потом случился конфликт, я пробил противнику голову и был исключен из садика с порочащей меня формулировкой. Сестре Наташке было легче — в Венгрии она уже пошла в школу.

Жили мы в квартире на четвертом этаже панельного дома, построенного для офицерских семей рядом с военным городком. По соседству с нами жили Фоменко. У Фоменко была дочь Людмила, которая дружила с сестрой.

На въезде в городок стояла венгерская корчма, в которой продавалась пузатая бутылка рома с крестами на этикетке. Почему-то она притягивала наши взгляды и вызывала особое любопытство. В ней было что-то пиратское. Казалось, что вот-вот выйдет одноногий пират с попугаем на плече.

Ниже наших домов протекала река Тиса. Вода в ней была медленная и плавная. Берега реки поросли камышом. В выходные дни офицеры устраивали рыбалки, выплывая на середину реки на плотиках, для устройства которых использовались сигары подвесных баков для горючего самолетов МиГ-15 и МиГ-17, которые стояли на аэродроме и тренировались в отражении агрессора на специальном полигоне. Рыба в реке водилась разная, но чаще всего клевала радужная рыбка капрал, одновременно похожая на окуня и ерша. Таких рыб я больше нигде не видел.

Рядом с военным городком по другую от офицерских домов сторону дороги был заброшенный сад. А в саду блиндаж, где и находилась наша тайная штаб-квартира. Туда мы стаскивали разное добро, найденное на территории части или полученное от солдат. Осенью мы лазили на деревья и рвали грецкие орехи. С них мы сдирали зеленую горькую шкуру, поэтому наши руки и лица всегда в это время были в желтых йодистых пятнах от сока, содержавшегося в кожуре.

Мне исполнилось пять лет, когда я украл из коробки папирос «Москва», которые курил отец, несколько папирос. Заб-

равшись в заросли кукурузы рядом с домами, мы принялись раскуривать их, как раскуривал когда-то трубку мира знаменитый индеец Чингачгук. Именно в этот момент нас поймала моя сестричка. Ее решимость все рассказать родителям не исчезла даже после наших угроз. К моему удивлению, все обошлось без обычной порки. Отец позвал меня в ванную комнату, дал мне папиросу и начал учить курить всерьез, то есть — затягиваясь. Я затянулся. Из глаз моих полились слезы, я закашлялся, замахал руками и не курил до окончания десятого класса, когда ради форса купил пачку болгарских сигарет «Феникс».

С тех пор я курил все, что дымится. И я рад был бы бросить курение, я бросал, наверное, не меньше, чем это делал Марк Твен, но все неудачно. Легко бросить курить, но начать оказывалось еще легче.

Вообще-то без телесных наказаний в нашей семье не обходилось. То же самое происходило в семье Фоменко. Наверное, мы были хотя и маленькими, но шустрыми, и с нами постоянно случались такие истории, за которые надо было наказывать. Однажды мы забрались на полигон во время боевых стрельб. Потом, катаясь на плотах, нашли автомат ППШ и до того времени, как его отобрали, ухитрились выпотрошить из диска десятка два патронов. С патронами мы поступили просто — набрали у госпиталя бинтов, взяли в части полбанки краски и отравились на стрельбище. Если обернуть патрон в бинт, обмакнуть его в краску, а затем поджечь, то через некоторое время патрон очень звучно стрелял. На выстрелы прибежал какой-то сержант, и в это время с десятков приготовленных нами патронов начали палить во все стороны. Сержант залег, но успел засечь нас всех. Личности мы были известные, поэтому особого расследования не понадобилось, а возмездие не заставило себя долго ждать. В этот раз нас с Витькой пороли вместе — лицом друг к другу, чтобы каждый наказуемый видел глаза товарища. Разумеется, мы

каялись и обещали — до следующего раза, который, как обычно, был не за горами.

Удивительно, но нам тогда было пять лет.

Отец служил командиром автороты БАО — батальона аэродромного обслуживания. Часто я бывал у него. Солдаты меня любили. Можно сказать, что они меня вынянчили, вытаскали в зубах. Неподалеку от автороты была столовая, где работала официанткой моя мама. Кормили офицеров еще по сталинским нормам, а это значит — до отвала. Помню отбивные и какао в стаканах с подстаканниками. Иногда после этого мы бежали к колючей проволоке, отделяющей аэродром от всего остального, и смотрели, как взлетают истребители — маленькие пузатые серебристые рыбки. И еще мы смотрели, как летчики тренируются на катапульте, установленной неподалеку от штаба. С грохотом взрывались пороховые заряды, и пилотское кресло взлетало по направляющим вверх. Наверное, перегрузки были значительными, но желание попробовать этот полет в нас не умирало.

Однажды мы всей ордой забрели на полигон, когда шла его штурмовка. Было страшно, потом нас ловили, и по полигону метались юркие «виллисы». Наверное, было очень забавно смотреть, как мечутся среди мишеней-пирамидок маленькие испуганные люди. Забавно и страшно. От таких выходов детей у родителей седые волосы появляются раньше положенного срока.

Тогда мы этого не понимали. Порой не понимаем и сейчас.

Иногда в выходные дни мы выбирались в город Сольнок. Там мы всей семьей отдыхали. В косы сестры Наташки были вплетены огромные газовые банты. Я в своем одеянии и штанишках на помочах напоминал иностранца. Да мы и были иностранцами в заграничной стране.

В Сольноке были бассейны, куда мы ходили купаться.

Один был с горячей сероводородной водой, от которой пахло тухлым мясом. В нем обычно степенно сидели пожилые венгры. Некоторые и в голом виде читали газеты.

Однажды один венгр в этом бассейне плеснул мне в лицо водой. Я захлебнулся и долго кашлял и отплевывался. Венгр стоял рядом и обидно смеялся. Странно, прошло уже много лет, а я все помню свою недоуменную обиду. Этому существу нравилось обижать маленького человечка, каким был я. По своему характеру он вполне мог служить в концлагере, этот нехороший человек. А может, и служил. Все это было в пятьдесят седьмом году, мне было четыре года, а со времени последней войны прошло всего тринадцать лет. Человеку, который меня обидел, радуясь этому, как развлечению, было лет сорок. Самое время отдохнуть от войны и забыть о том, что ты был эсэсовцем. Он не забыл. Но это уже зависит от состояния души.

Второй бассейн казался неглубоким, и вода в нем запомнилась мне теплой. Еще его называли малечником, потому что в нем в основном купалась ребятня. Еще был огромный бассейн с изумрудной ледяной водой. В этом бассейне купались редкие мужики.

Вот в малечнике я и утонул. Стоял, держась за железные поручни, и глазел на окружающих. Потом поскользнулся и пошел на глубину. В глазах закружились разноцветные пятна, а в ушах зазвенело. Я бы обязательно утонул, ведь было мне тогда всего пять лет, но мое отсутствие заметила сестра и вытащила меня, дав таким образом прожить еще сорок с лишним лет, да и это время, как мне думается, не предел. Что-то ждет меня впереди, знать бы только — что?

Отец уходил в отпуск, и мы отправлялись на его родину. Дед Василий и баба Нюра жили на степной станции Панфилово, путь в которую лежал через пограничный город Чоп и столицу нашей Родины Москву. Ах, Москва! Помню ГУМ. «Все, кто потерялся, встречайтесь у фонтанов!» Изобилие игрушек. Автоматы, в которых можно было купить сигареты, спички, конфеты или просто подушиться одеколоном «Полет». Рестораны, в которых красиво и вкусно кормили. Зоопарк, который зачаровывал изобилием животных и где мож-

но было прокатиться в тележке, запряженной пони. И знаменитое московское эскимо, которое стоило около трех рублей.

Московский поезд, в котором подавался чай в тонких стаканах, установленных в тяжелые мельхиоровые подстаканники. К чаю полагались маленькая пачка печенья и тот самый дорожный чай в специфических пакетиках, о котором я почему-то вспоминаю с особой грустью. Чай был густого янтарного цвета и удивительно вкусен — с тех пор я такого чая не пробовал, хотя появилось столько сортов, только вот нет среди них того...

Дед жил по улице Демьяна Бедного в доме номер тринадцать. В соседнем доме жил его брат Илья Степанович Сенякин. У него были сын Владимир и дочь Раиса. Дочь у него была подарком судьбы. Когда дед Илья вернулся с войны, жена Верка бросилась ему в ноги, а дочери было уже два или три года. При всем желании дед Илья не мог принять участие в ее рождении, но принял участие в воспитании. Кто из проезжавших солдатиков принял участие в судьбе Раисы, трудно было сказать, да и бабка Верка ни в молодости, ни в старости об этом особо не распространялась. Скорее всего этот солдатик был неудачливым, поэтому и судьба Раисы оказалась соответствующей. До одиннадцатого класса она была обычной приветливой девчонкой, бегала на танцы и ничем не выделялась из сверстниц. Но после школы на одном глазу у нее появилось бельмо, которого она очень стеснялась. Раиса стала нелюдистой, редко выходила из дому, а потом и вовсе стала затворницей, занимаясь только выпасом коз в полном одиночестве. Можно представить, что она передумала в то время, когда лохматые разноцветные козы и глупые овцы грызли траву на пустырях. Замуж она, несмотря на все попытки родителей, так и не вышла. Жизнь ее протекала в неизвестности и глухой пустоте дома, где Раиса вязала на продажу пуховые платки, те самые платки, которыми славился север области и которые были ничуть не хуже оренбургских. Не знаю, сколько женщин ходит в оренбургских платках, но в воронежских и волгоградских платках буквальным образом ходит

половина живущих в России. Тоскливая жизнь Раисы оборвалась после смерти деда Ильи и бабки Веры. Продав дом, она уехала к брату Владимиру, где через некоторое время скончалась от сердечного приступа.

Каждый выбирает по себе
Ношу и посильную дорогу.
К звездам путь,
Или тропинку к Богу
Каждый выбирает по себе.

Ее брат Владимир с родителями жил не слишком долго. Однажды он влюбился, но его родители были категорически против его брака с любимой женщиной. Тогда Владимир уехал в Еланский район, где женился и народил пацана и двух девчонок. С родителями он долгое время не общался и только в конце их жизни немного отошел сердцем.

Заграничного сына Николая с семьей дед с бабушкой встречали трепетно и уважительно. Из-за границы отец всегда всем родственникам привозил подарки, каких невозможно было сыскать в сельпо. К тому же он был в то время строен, кучеряв, а форма придавала ему еще большее обаяние, и при этом все усугублялось наличием красавицы жены.

При всем при этом семья наша, надо сказать, была патриархальной и хранила казачьи обычаи. Так, садясь за стол, никто не смел взять в руки ложку, пока это не сделает дед. Дед Вася степенно, как и подобает главе почтенного семейства, садился за стол, брал в руки и внимательно оглядывал расписную деревянную ложку и принимался хлебать борщ. Вслед за ним приступали к трапезе все остальные. Торопыга мог получить этой ложкой по лбу. Со мной так однажды и произошло. Но лоб у меня был крепкий, а ложке, видимо, уже пришло время — черенок треснул, и деду пришлось есть ложкой из нержавейки.

Помню, иногда из Михайловки приезжала моя тетка Антонина Васильевна, которая была почему-то записана на бабкину девичью фамилию и таким образом была Ивиной. Она была невысокой и грудастой, так называемой казачьей кра-

соты, какой ее в то время изображали романисты, пишущие о казаках.

В то время я жаждал славы, поэтому нередко, подрисовав себе чернильным карандашом усы, выступал с сольными номерами, распевая перед родственниками популярные тогда песни типа «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» или «Прощай, Антонина Петровна, неспетая песня моя!». Последняя песня, исполняемая мною, в нашем доме пользовалась бешеным успехом. Подозреваю, что любой другой исполнитель, даже Бернес и Утесов, такого успеха в нашей семье не имели бы.

Дед как раз затеивался строить новый дом, и в его доме часто ночевали снабженцы из разных колхозов. Благодаря знакомствам такого рода дед зарабатывал стройматериалы, необходимые для строительства дома.

Мы отдыхали в Панфилове, общаясь с родственниками и знакомыми, изредка отец брал меня на рыбалку, но чаще мы отправлялись пешком на Американский пруд. Рядом с Панфиловом находился поселок Красная Заря, который еще почему-то называли «Америка». Прямо в него упиралась улица Партизанская, которой заканчивалась деревня. Воистину все смешалось в доме Облонских. По аналогии и пруд, расположенный там же, назывался Американским. Вообще-то это была цепочка из трех прудов, разделенных плотинами. На берегу первого находилась звероферма, на которой выращивали песцов и чернобурок. Во втором пруду купались. На третий пруд водили на водопой скот. Пруд, в котором все купались, еще в то время зарос камышом. Если заплыть в глубину камышей, можно было заметить, как темнеет вода. Казалось, что в глубинах пруда живет доисторическое чудовище. На плотине росли могучие ветлы, к ветвям одной из них была привязана веревка, которая могла унести раскачавшегося хорошенько смельчака на десятиметровую высоту, откуда тот вонзался в воду, разбрызгивая фонтаны брызг. На мелководье этого пруда бродили с бреднем. В бредень попадались красные как медь караси и черные от ила огромные раки, достигающие тридцати, а то и сорока сантиметров от хвоста до кончиков

клешней. Раки возились в постепенно закипающей воде, краснели от тревоги и страха, впитывая в нежное свое мясо аромат укропа.

Варили их сразу много. Не помню, пили ли взрослые под раков «жигулевское» пиво, но нам, малышне, восторгов хватало и без этого.

В эти посещения станции Панфилово я обзаводился друзьями.

Нередко над Панфиловом проливались дожди, превращая поверхность грунтовых грейдеров в сплошное глиняное месиво. Машины по нему пройти не могли, проходили только тракторы ДТ-54 и «Беларусь», причем последние выбивали в жидкой глине глубокие колеи. Колеи эти заполнялись водой, которая от воздействия южного солнца становилась совсем горячей. Мы с новыми моими друзьями выбирали колею попросторнее и залегали в воду, принимая, таким образом, грязевые ванны. Рядом в соседней луже не менее степенно лежали свиньи. У нас с ними был нейтралитет, благо луж для общего пользования вокруг хватало. Иногда в эти же лужи с нами залезали и соседские девчонки. Залезали они голышом, но наши половые различия в то время были несущественны и особых волнений не вызывали.

Вечерами взрослые устраивали на скамеечке перед домом посиделки. Посиделки эти обычно сопровождались игрой в карты и лузганьем подсолнечных семечек. Умные разговоры, которые они меж собой неторопливо вели, нам быстро наскучивали, и мы убегали в дом, где заводили патефон. Пластинки в основном были с русскими народными песнями, исполняемые хором имени Пятницкого, но имелась и эстрада — например, «Ландыши» и уже упомянутый «Мишка-Мишка». Изредка попадались пластинки с Руслановой, задорно исполнявшей «Валенки», а также с песнями, которые сипловато исполнял Утесов. Пластинки были невероятно хрупки, и если они трескались, их просто сваривали с помощью вплавленных патефонных иголок, после чего пластинки можно было слушать дальше — они заикались лишь на этих самых иголках

В комнате у деда висела большая черная тарелка репродуктора, по которому передавали концерты и новости. Иногда шла трансляция радиоспектаклей, все их слушали с необыкновенным интересом. Уже позже, когда отец демобилизовался и мы все приехали в Панфилово, чтобы там жить, отец купил радиолу ВЭФ. На ней можно было слушать пластинки в тридцать три с половиной оборота, а установленная у дома антенна позволяла ловить разные станции. Несомненно, что этот приемник в глазах деревенских жителей являлся буржуйской штучкой, соответственным образом относились и к отцу.

Но это было уже потом, когда Никита Сергеевич Хрущев посчитал армию слишком большой и начал ее сокращать. Отец демобилизовался, а поскольку он являлся офицером, а значит, человеком свободным от собственного угла — это тогда был единственный вид свободы, доступный кадровым военным, — встал вопрос, куда ехать жить. Точнее говоря, такого вопроса у отца не стояло. Дед уже давно замыслил построить новый дом, в котором хватило бы места всем. И мы поехали к новому месту жительства — на станцию Панфилово бывшей Сталинградской, а ныне нейтрально Волгоградской области. Тогда еще считали, что можно безнаказанно менять название города, тем самым изменяя его будущую историю. Царицын переименовали в Сталинград, Сталинград, после того как разделились с культом личности, назвали Волгоградом, а Сталинградскую битву, которой восхищался весь мир, одно время стыдливо называли битвой на Волге. Вообще фарисейство было всегда присуще нашим правителям. Когда пленные немцы более или менее восстановили город, то в нем они построили и здание планетария для обучения подрастающего поколения прогулкам среди звезд. Оборудование в нем поставили трофейное, вывезенное из Германии по праву победителя. Кажется, из города Магдебурга. На планетарии повесили стыдливую табличку, возвещающую, что он является даром благодарного немецкого народа русскому народу-освободителю. Ну, освободитель, это понятно, после окончания вой-

ны мы немцев много от чего освободили, в том числе и от оборудования планетария. Потом, правда, эту табличку так же стыдливо сняли. Увидел я ее впервые в детстве, а вот о том, что ее сняли, узнал уже ближе к своему пятидесятилетию, когда гулял по городу со смешливым питерским писателем Андреем Измайловым и захотел показать ему этот образец высшего административного творчества.

Все дело в точке отчета.

Венгрия конца пятидесятых была страной Лимонией, той самой Чемоданией. Из Венгрии офицеры привозили родственникам красивые иностранные шмотки. А уж во вторую очередь они там защищали мировую систему социализма. Слова из песни не выкинешь.

Ах, какие в Венгрии были игрушки!

Помню, отец подарил мне железную дорогу с мостом, semaфорами и вагончиками, которые крепились к почти настоящему паровозу. Жаль, что игрушки у меня долго не держались — мне всегда хотелось заглянуть в их душу. Помню еще свою первую книгу. Это была книга хорошего детского писателя Аркадия Гайдара. Называлась она «Чук и Гек». Тогда я еще не знал, что с самой гражданской войны Аркадий Гайдар жил с кровоточащей душой. Нелегко было быть командиром полка и принимать решения, влекущие за собой смерть людей. А писатель был чудесный. Его «Школа» была долгое время одной из моих самых любимых книг. И еще я сразу полюбил восточные сказки «Тысячи и одной ночи». Арабские стихи я пропускал, как и любовные сцены. Мне нравились ифриты и джинны.

Но вернемся к Гайдару. Вот интересно, время от времени раздаются голоса, требующие включить в школьную программу «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Чего уж мелочиться! Давайте воспитывать наших детей на новой литературе: «Я — вор» Сухова или «Собор без крестов» Шитова. Тогда мы точно получим лагерное поколение, собственно,

таким поколением мы все и являемся, литература свободы наложила на нас всех свой неизгладимый отпечаток. А по мне, лучше бывшие душегубы, которые осознали все, пусть и с запозданием осознали свое душегубство и написали книги, на которых можно воспитывать высокие качества наших детей, чем литераторы, что, руководствуясь благими побуждениями, растят из наших детей душегубов.

Можно смело сказать, что понятие о писателе как о «инженере человеческих душ», запущенное Сталиным с легкой руки Юрия Карловича Олеши, исчерпало себя давно. Теперь многих писателей можно смело назвать золотарями, ведь они так бережно роются в дерьме, чтобы найти самое омерзительное. И выдают это за конечный продукт человеческой души. Но мы-то знаем, что это конечный продукт нашего тела!

Страна Лимония кончилась, когда Никита Сергеевич Хрущев, избавившись от своего друга Берии, а потом и от маршала Жукова, который помог ему этого Берия раздавить, решил, что армия слишком велика и для защиты Родины хватит ядерных бомб и ракет. Все остальное он считал вчерашним днем, как посчитали перед войной устаревшими и не соответствующими реалиям жизни тачанки.

Наступали годы волюнтаризма.

Нет, времена тогда были удивительными. Историю меняли запросто. Приходил в класс учитель и говорил: «Дети, откройте учебник на такой-то странице... Открыли? Возьмите ручку и вычеркните как следует четвертую строчку сверху. Зачеркнули? Теперь еще зачеркните двенадцатую и двадцать восьмую строчку. Когда придете домой, то аккуратно вырежьте портрет человека на восемнадцатой странице. Завтра я проверю, и кто этого не сделает, тот будет серьезно наказан».

И все. С этого дня история уже выглядела совсем иным образом. Помню, как это было с Ворошиловым, Маленковым, Кагановичем и Молотовым. Сестра помнит, как все это было с Берией. Прошло совсем немного времени, и Гагарина

в космос стал отправлять наш дорогой Леонид Ильич, а бессовестный Никита Сергеевич, скомпрометировавший себя разделением партии по промышленному и сельскохозяйственному признаку и насаждением нероссийской культуры — кукурузы, остался в памяти хулиганом, который стучал ботинком по трибуне ООН.

Через двадцать лет, не успев дорогой Леонид Ильич огорчить советскую милицию отменой праздничного концерта в ее день, а это оказалось неизбежным вследствие его кончины, как история снова сделала зигзаг. Все, кто беззаветно заглядывал дорогому и неповторимому в анальное отверстие, стали наперебой кричать, что дух у эпохи застоя был крайне неприятным. А чего вы еще хотели, заняв свое место за спиной у Генерального Секретаря? Кто вешал ему ордена и медали на грудь? Почему вы теперь удивляетесь, что старый и больной человек элементарно надорвался? Он же не штангист Василий Алексеев, чтобы ставить рекорд за рекордом!

Но за эти вопросы могли еще, очень даже могли... Нет, лагерей на Колыме уже почти не осталось, а вот психиатрических больниц закрытого типа было построено немало. Чего удивительного, коли у всей страны был единый диагноз — вялотекущая шизофрения! И началась она именно с зачеркивания портретов в учебниках и замены страниц в энциклопедических словарях! Быть может, она началась еще раньше — с того самого момента, когда мы начали рушить памятники царям и царским генералам, вся вина которых заключалась в том, что они жили в эпоху царствования конкретного сатрапа. С каждым разрушенным памятником отмирала частица народной души. В конце концов мы превратились в Иванов, не помнящих собственного родства. У народа с разорванной душой и дети рождаются калеками.

Тогда по малолетству я этого не осознавал.

Панфилово окружала степь.

В степи жили тарантулы и суслики. Суслики были забавны, а тарантулы — зловещи. И тех и других мы выливали из

норок. Для того чтобы вылить одного тарантула, хватало ведра воды, для того чтобы вылить суслика, воды требовалось куда больше. Мокрые суслики выглядели жалко. Да и посвистывали они жалобно. Тарантулы смотрелись более достойно. Встав в боевую стойку, тарантул разглядывал тебя внимательно цепочкой глаз. Рост противника тарантула не пугал, он защищался до последнего вздоха своих трахей. Чаше мы их не выливали, а ловили на горошину из смолы, которая привязывалась к нитке. Тарантул хватал смолу своими жвалами и прилипал к ней. Пойманных тарантулов мы сажали в банку. Там они пожирали друг друга. Жестокая забава. Сейчас бы я так не поступил. Сейчас мне жалко всех живых существ, даже пауков и тараканов мне не хочется убивать. С возрастом приходит понимание природы и жизни, исчезает неистребимая тяга к убийству, живущая в каждом ребенке.

Семейными животными у нас были коты.

Мудрые и самостоятельные животные. И очень независимые. Коты жили в нашем доме параллельно с людьми, интересы их с семейством Синякиных пересекались лишь изредка — когда требовалось поесть или хотелось немного ласки. Ночами начиналась их тайная жизнь, которая прорывалась в нашу действительность дикими криками и звуками драк, доносившимися со двора.

Впрочем, дед всегда держал во дворе собак.

«Чтобы брехали», — говаривал дед.

Надо сказать, что старались они на совесть.

Помню лохматого Шарика. Как сейчас понимаю, происходил он из южнорусских овчарок, отличался кротким нравом и повышенной добротой к детям. Зимой я запрягал его в санки и носился по заснеженным улицам Панфилова. Дед моих занятий не одобрял — хоперские казаки ездовых собак не знали и твердо верили, что собаки должны охранять дом. И только.

Я в то время думал совсем иначе. Скорее всего потому, что именно в это время читал Джека Лондона. Исполнилось мне тогда восемь лет, и моим кумиром стал «Время-не-ждет».

А кто бы в него не влюбился? Только вот семейная концовка в Солнечной долине меня тогда не особенно устраивала. Как всякий мальчишка, я полагал, что люди рождаются для подвигов и должны эти подвиги совершать всю жизнь. О том, что люди совершают подвиги не ради них самих, а при достижении определенных целей, тогда не понималось. Тем более я совершенно не представлял, чем должен заниматься человек, когда цели достигнуты. Старость в моем понятии начиналась с тридцати пяти лет, и по молодости я рассчитывал, что мне до нее не дожить — ведь я готовился к совершению подвигов. Ну, не двенадцати, как у Геракла, но один подвиг я надеялся совершить твердо.

Если бы я когда-нибудь стал режиссером, я постарался бы поставить несколько фильмов. «Время-не-ждет» по Джеку Лондону, «Каторгу» и «Богатство» по романам Валентина Пикуля. И странное дело, на роли главных героев в этих фильмах я видел и вижу одного человека — Эммануила Виторгана. Все дело во внешности. У него внешность интеллигентного и романтического уголовника. Жесткое лицо и мечтательные глаза. Именно то, что необходимо для задуманных мной фильмов. Увы! Я не стал режиссером, а Виторган постарел. Мечты, мечты...

И космонавтом я не стал. Даже на военного летчика меня не хватило. После одного футбольного матча, в котором меня ударили по голове, зрение мое ухудшилось. Не вышло. Вместо того чтобы летать, я всю жизнь ловил жуликов. Вот ведь, блин, — мечтая о звездах, видишь их отражения в лужах.

Собаки и волки, воющие в зимней колючей степи. Вот что такое — наши мечты.

Хотелось, да не сбылось.

Помню, как мне попался в руки Беляев. Была такая книга «Звезда КЭЦ», выпущенная в конце пятидесятых в Киргизии. В книгу поместили одноименный роман, «Голова про-

фессора Доуэля» и роман «Человек-амфибия». «Нам бы, нам бы, нам бы всем на дно, там под океаном пить вино...» Этот Ихтиандр будоражил мое воображение, «Двадцать тысяч лье под водой» Ж. Верна, прочитанные чуть позже, произвели не такое впечатление, хотя капитан Немо нравился мне даже больше Ихтиандра. И еще был «Ариэль». После него я начал летать во сне. Помню один и тот же сон, я лечу в ночном небе, чувствую, что устал, и помимо своей воли начинаю снижаться, а на пути у меня высоковольтные провода. Этот сон часто мне снился до одиннадцати лет. Я даже проверял, может, я и в самом деле умею летать? Увы, все заканчивалось падениями с лестницы, ведущей на чердак дома. Летать я продолжал только во сне.

Наверное, все в жизни зависит от точки отсчета. Мирощущения тоже.

Да, черт побери! Все дело в точке отчета. Как говорили классики марксизма-ленинизма, «бытие определяет сознание». Оно его и определило.

Поэтому оставим философию. Поговорим о бытие.

Станция детства

Станция Панфилово еще называлась поселком Калининский. Когда-то она была райцентром, но после того, как Новоаннинску был присвоен статус города, районный центр перевели туда, а станция Панфилово стала медленно хиреть, постепенно превращаясь в обычное сельское захолустье, проселочные дороги которого вспаханы огромными колесами тракторов «Беларусь» и позже «Кировцами».

Наш дом располагался на краю деревни, рядом со зданием «керосинки» — сельского магазина, где продавали керосин, олифу и краски. Чуть дальше — к железнодорожному полотну — поблескивала белыми цилиндрическими емкостями нефтебаза.

С левой стороны был наш прежний дом, который купили чужие люди, за ним был дом брата деда Ильи Степановича Сенякина. Вообще-то наша фамилия Сенякины, но в долгих армейских путешествиях отца буква «е» как-то естественно поменялась на «и», и фамилия приобрела совершенно иной смысл, который в годы детства и юности доставил мне несколько грустных и неприятных минут. Вы сами подумайте, какую кличку можно придумать от фамилии «Синякин»? Вот то-то и оно, тоска, а не кличка! Разумеется, я старался ей соответствовать, оставляя синяки на лицах обидчиков. Они же поступали тождественно. Поэтому кличку свою я и в самом деле оправдывал.

Улица уходила вправо — там жили Белинины, Укустовы, Гузевы. На улице белели бетонные кольца артезианского колодца, рядом с которым жила старуха Богатиха. У нее был огромный сад, в который мы пацанами лазили за яблоками и бергамотами. Чуть позже к Богатихе начала приезжать внучка по имени Татьяна. Не знаю, какое у нее было воспитание, но именно с ней у меня связаны первые сексуальные опыты, если такими словами можно назвать наши детские игры, переходящие в отсутствие бабки из зарослей терна в постель, расположенную в низкой темной комнате, окна которой занавешивали заросли пахучей сирени. Никогда больше не видел сирени, которая издавала такой запах, как эта!

Притихшие и опасливые, мы лежали рядом, осторожно трогая друг друга руками и открывая то, что раньше совершенно было неизвестно нам. Нет, скорее непонятно, чем неизвестно. В этом есть своя тонкость. В таких играх прошло два лета, потом Танька Богатова неожиданно появилась повзрослевшая и уже начавшая оформляться в девушку, а я безнадежно отставал от нее, оставаясь все тем же пацаном, ловящим раков под камнями пруда у водокачки.

— Сережа, — грудным низким голосом сказала Татьяна. — Поймай мне рака!

— Щас! — отозвался я, лихорадочно шаря руками под очередным камнем и не отводя взгляда от ее тоненькой фигурки

в купальнике-бикини. А может, это было не бикини, но мы называли такие купальники именно так.

— Не надо, — неожиданно разочаровавшись, сказала Танька.

Наверное, она просто разглядела долгоязого и неуклюжего подростка, никак не вписывающегося в ее представления о мужской красоте, и чувство прежней влюбленности сразу прошло. Но скорее всего его просто не было, этого чувства. Была только возбуждающая душу память о прошлогодних нескромных играх. И она ушла, а я остался ловить раков в мутной желтоватой воде.

Вот так это было. Мне тогда исполнилось тринадцать лет. Я уже жил в Волгограде, а в деревню приехал на каникулы и сразу же устроился работать на панфиловский элеватор приемщиком. Работа не особо сложная — приемщик потому так и назывался, что принимал машины с зерном, поднимал их на подъемнике и выгружал зерно в бункер, под которым катилась тяжелая черная лента транспортера. Наверное, я отличался усердием, потому что уже через несколько дней меня поставили транспортерщиком — теперь я должен был следить за тем, чтобы ленточные дороги транспортеров неустанно катились вперед. Для этого приходилось лазить в подземельях элеватора, где пахло зерном и мышами. Странное дело, но мы тогда в нарушение всех трудовых законодательств работали даже ночью. Иногда случались аварии, и тогда мы осуществляли разгрузку вручную — деревянными лопатами мы сбрасывали зерно из машин в бункера. Иногда таким способом приходилось разгружать десятка полтора машин, поэтому, приходя домой, я зачастую отказывался от литровой банки молока, огурцов и ноздреватого домашнего хлеба, заботливо оставленных бабкой на столе и прикрытых от птиц и наглых кошек эмалированным тазиком.

А потом, когда я высыпался после трудовой ночи, приходило время футбола.

На бывшем аэродроме, где садились когда-то «кукурузники» и куда, по слухам, прилетал в свое время единствен-

ный в деревне летчик, получивший звание Героя Советского Союза, мы устроили футбольное поле. Брусья ворот мы сделали из длинных бревен, которые под предводительством нашего бессменного капитана Вальки Крысанова ночью перенесли от железнодорожного полотна, где эти бревна были навалены в беспорядке. Сетки были старые, но настоящие футбольные — их Валька получил в СПТУ и самолично штопал их, приводя в божеский вид. Разметку мы делали извостью. Получилось очень даже прилично — поле поселкового стадиона, где рубились в футбол старшие товарищи, выглядело хуже.

Матчи начинались после того, как спадала жара.

В Панфилове было несколько команд. Одну из них возглавлял местный шишкарь по кличке Искус. Это фамилия у него была Искуснов. И надо сказать, что он фамилию оправдывал — пенальти и штрафные бил почти без промаха.

Ах наша футбольная команда образца шестьдесят восьмого! На воротах стоял я. Тогда это занятие настолько увлекло меня, что вместе с нашим фанатом Валькой Крысановым мы тренировались часами в самую жару. Валька бил по воротам, а я ловил мячи, напялив на себя сразу два свитера, чтобы было тяжелее, и для этих же целей не позволяя мальчикам, что сидели за воротами, бегать за мячом, когда Крысанов промахивался.

В защите чаще всего играли непробиваемые Серега Стоксин по кличке Сэм и мой вечный соперник Толька Никон по кличке Никан. Кроме них, обычно играли Стариченко по прозвищу Кодя и кто-то из аэродромовских, чьи имена уже стерлись из памяти. Кажется, фамилия одного из них была Сорокин. Точно, его фамилия была Сорокин. И у него был младший брат, который хорошо водился.

В полузащите играл сам Валя Крысанов и Валерка Каехтин по кличке Куе. Откуда у него была такая странная кличка, я уже не помню, вполне возможно, что кличка эта появилась от постоянного стремления Валерки снести кого-нибудь на поле или просто подковать на одну ногу.

А нападение! Нападение у нас было из технарей. Одним из нападающих играл Славка Халупняк, который так хитроумно водился, что мяч у него отобрать оказывалось практически невозможно. Рядом с ним играл Хахонин по кличке Хахоня. Кстати, он стал единственным из нашей команды, который добился профессиональных высот и играл в какой-то команде второй лиги. Вдвоем они могли обыграть сразу несколько человек, оттого (и смею думать, что тоже был тому виною) команда наша славилась непобедимой, и все вечерние матчи обычно проходили с нашим перевесом. Я старался не пропустить, а Хахонин с Халупняком обычно не промахивались, да и Валя Крысанов никогда не упускал возможности забить гол-другой, поэтому чаще всего наши соперники, которые со временем уже начали приезжать помериться силами из других деревень и хуторов, обратно уезжали посрамленными.

Когда над полем сгущались сумерки, мы заканчивали игру и сидели под звездными небесами. В августе метеоры очеркивали ночь чаще, чем в обычное время. Однажды мы увидели странное явление — с небес, медленно вращаясь, падало нечто, напоминающее диск с рядами иллюминаторов. Медленно поворачиваясь в воздухе, диск достиг черной неровной полосы далекой лесополосы и скрылся за ней. Что это было, мы так никогда и не узнали.

Ах, времена!

Отец Славки Халупняка в свое время работал в райкоме партии, когда еще Панфилово было районным центром, а потому имел неограниченный доступ к духовным благам. Естественно, что у него сложилась неплохая библиотека. Книг Славкин отец никому не давал, но я сумел втереться к нему в доверие и начал брать книги на дом. Вот тогда-то я и прочитал «Гриаду» Колпакова. До сих пор помню невероятное впечатление от нее. Тогда она казалась нам откровением, ибо повествовала о путешествиях в центр Галактики, о битве с Познавателями, о странных трехметровых метagalaktианах, которые пересекали Вселенную на огромном космическом корабле в виде голубого шара. Помнится, эту книгу я читал под-

ряд пять или шесть раз, а мой дружок Санька Галкин, который еще жил на своем хуторе Макаровский, не только несколько раз перечитал ее, но и переписал от руки и даже сделал собственные иллюстрации. Конечно, тогда мы еще были глупы и не читали критиков, которые обрушились на бедного Колпакова и затоптали его за то, что он написал ненаучную сказку.

Еще у Халупняка-старшего была «Война невидимок» Шпанова, «Остров погибших кораблей» Александра Беляева в золотой виньетке «Библиотеки приключений и научной фантастики», тот самый знаменитый восьмитомник того же Беляева с его невероятными рассказами о профессоре Вагнере, а кроме этих книг, в библиотеке Халупняка-старшего имелась одна книга, которая на протяжении лет оставалась моей библиолавией — вологодский сборник Г. Гребнева с романами «Арктания» и «Южное сияние». Книга эта так мне больше и не встретилась, хотя библиотека Халупняка-старшего, наверное, показалась бы сейчас жалкой по сравнению с той, что занимает стеллажи моей квартиры.

Но тогда! Ах как это славно было тогда!

Книги. С ними неразрывно связана вся моя прожитая жизнь. Это сейчас детворе стало не до книг — играют в компьютерные игры или смотрят видеоманитфон, количество кассет для которого перевалило число книг в сельской библиотеке. А тогда книги требовались для познания мира. Книги учили всему, обязательному жизненному набору учила школа.

В панфиловской средней школе я учился до шестого класса. Потом родители переехали в Волгоград, и станция Панфилово стала лишь местом, где я проводил свои каникулы. Из учителей школы я помню свою первую учительницу Елизавету Яковлевну Козявину. Помню ее старенькой, наверное, она тогда уже и была такой. Елизавета Яковлевна жила в маленьком домике на той же улице Демьяна Бедного, где жили мы с родителями и где после переезда остались дед с бабкой. Помню, как мы собирались у Елизаветы Яковлевны вечера-

ми и крутили на диапроекторе пленки, на которых нечто подобное современным мультфильмам, но состоящих из отдельных взаимосвязанных рисунков с текстами под ними, чередовалось с познавательными лентами, которые тогда выпускала московская студия «Научфильм». Теперь я понимаю, что Елизавета Яковлевна и после школы занималась нашим воспитанием и обучением, но тогда эти вечера казались приятным времяпровождением.

Еще из учителей я помню учителя физики и географии по школьной кличке Глобус, которую ему дали за мощный бритый череп, и учительницу пения по имени Татьяна с ангельски прекрасным лицом и тоненькими ногами. В это лицо я долгое время был тайно влюблен, но именно в лицо, потому что как личность учительницу я совсем не знал. Позже она вышла замуж, но замужество оказалось неудачным, муж ее бил и даже бил по этому прекрасному ангельскому лицу — обычная судьба ангела в сельском захолустье, где пудовая грязь на резиновых сапогах обязательно тянет людей в прошлое, не давая им зачастую расправить крылья.

Помню еще учительницу биологии Чернову. Ее дочь — Ольга Чернова — училась со мной в одном классе. Потом уже, через много-много лет, судьба нас с Ольгой столкнула в Волгограде, и от этой встречи осталось несколько фотографий, на которых Ольга совершенно не похожа на ту девочку, с которой я когда-то учился в школе. Мать ее запомнилась мне тем, что однажды после веселой практики в школьном саду записала мне в дневник замечание «На уроке практики свистел и кушал арбузы». Сейчас это замечание вспоминается с улыбкой, но тогда я искренне убивался — как же так, ведь она вместе с нами ела эти арбузы, почему же она записала мне замечание? Как же так, ведь все вокруг свистели, почему же отметили меня одного?

А вообще, как оказалось, я неплохо помню детство. Еще у нас был учитель физкультуры Геннадий Петрович по кличке Гыгы, которая ему была дана за идиотскую усмешку и еще более идиотский смех. Он был худ и долговяз. Вторым учите-

лем физкультуры был крепыш по фамилии Амочаев, как следствие своей фамилии он позже переехал в зерносовхоз «Амо», который, как нетрудно было догадаться, находился за Амовским бугром или иначе говоря — за кладбищем.

Школа жила своей жизнью, а мы жили своей.

Так продолжалось до двенадцатого апреля одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Господи, спроси сегодняшнюю детвору, чем же так славен этот день, держу пари, немногие с ходу назовут знаменательное событие, положившее основание Дню космонавтики, — полет Гагарина в космос. Это сейчас к космическим полетам привыкли и они стали научной рутинной, в которой романтика отошла на второй план. Но тогда! Именно в этот день!

Утро было фантастическим.

Торжественный голос диктора — уж не Левитан ли это был? — сообщил, что впервые в мире на околоземную орбиту доставлен корабль, пилотируемый человеком. И этим человеком оказался майор Юрий Алексеевич Гагарин, который в космос взлетел старшим лейтенантом, а приземлился майором, только что ему было это армейское звание, если он приземлился первым человеком, побывавшим в космосе! Первым, черт побери!

Уроков в школе не было. Все смотрели в небо, еще не зная, что сообщение ТАСС прозвучало, когда Гагарин уже приземлился в заволжских степях. В деревенской библиотеке в момент расхватили все популярные книги по астрономии и космонавтике. Одним из изданий, пользующихся особым спросом, стал фолиант Гильзина «К далеким мирам», в котором был изображен фотонный корабль, стартующий к далеким звездам. Да, братцы, это был момент национальной гордости! Мы еще не вылезли из колымских лагерей, из донов, из разрухи последней войны, но уже смотрели на звезды.

Теперь они казались такими же близкими, как лампочки на невидимых в ночи столбах!

В тот день казалось, что Луна касается крыш домов. До нее можно было запросто достать рукой.

На стене Дома культуры, как высокопарно называли наш сельский клуб, появился плакат, на котором была изображена взлетающая в небо ракета, и Бог, сидя на облаке, испуганно говорил привратнику Петру:

— Пора удирать, дружок! Они уже вышли в космос!

Библия в те времена являлась запретной книгой, как газета «Искра» в период реакции самодержавия. У бабки хранился в сундучке затертый томик псалмов, передававшийся по женской линии по наследству, и касаться его мне запрещалось под страхом жесточайшей порки.

Да плевать мне тогда было на эти религиозные тайны!

Более всего меня интересовали звезды.

В ракетном пламени проглядывало странное хрупкое сооружение из фанеры и полотна. Машину эту соорудили сумасшедшие от желания летать братья Райт. Да, Райт. Братья Вильбур и Орвилл Райт.

Их машина летала.

Фантастическое утро.

Из окна моего дома открывался прекрасный вид на придуманную мной крепостную стену средневекового замка. По стене расхаживал сонный стражник с бердышом на плече. Воздух был прозрачен и чист, словно душа ребенка. Он звенел от слепых прикосновений человеческого дыхания.

В прозрачной розово-черной бездне проплыло ажурное сооружение с белоснежными стрекозиными крыльями.

У синей полосы горизонта вспыхнула огненная стрела — упирающийся в звезды стремительный росток будущего.

Стражник на стене смотрел вверх и не знал, что пытается заглянуть в завтра.

Фантастика — это бегство от надоевшего рабства. Усталые рабы всегда замышляют побег. А от рабства никуда не денешься, от него можно сбежать только в место, которого нет. В любом месте, где мы появляемся, мы становимся рабами вещей и обстоятельств и начинаем жадать очередной Утопии.

Утопия — это место, где от повседневности отдыхает человеческая душа.

Эскапизм. Бегство от действительности. В детстве мы еще не знали, что попытка к бегству всегда безнадежна. Повесть братьев Стругацких «Попытка к бегству» в шестьдесят втором году по причине своего малолетства я читал взахлеб, как космические приключения, хотя там было больше от трагедии, до которой я дорос через несколько томительных лет.

Благословенные шестидесятые годы. Это потом я узнал, что шестидесятые стали годами недолгой оттепели, что наш мир достиг своего пика развития и свободы и уже начал медленно опускаться в застой, который продлится почти тридцать лет, и именно тогда, когда в нашей стране, по подсчетам знатного кукурузовода и партийного строителя, должен был начаться коммунизм с его бесплатными туалетами из золота, в стране воцарилась вакханалия контрреволюции, в которой было пролито немало крови и еще больше — слез. По удачному выражению писателя Евгения Лукина, я — некропатриот. Я люблю Отечество, которое спалили недоумки, возжелавшие власти. Моего Отечества больше нет. Осталась только память о нем.

Ах, шестидесятые!

Выход Гагарина в космос не мог не оставить отпечатка на наших душах. Все занялись ракетостроением. Ракеты мы клеили из ватманской бумаги. Сначала мы делали корпус в виде пустотелой трубки, к корпусу приклеивались стабилизаторы из белого картона. Ракеты разукрашивались акварелью, нос делался из пластмассового колпачка, а роль двигателя с успехом заменяла алюминиевая баночка из-под валидола, в которую вкладывалась старая фотопленка. Баночка закрывалась, а в корпусе ее делалось отверстие для истечения газа. Наши ракеты взлетали невысоко, на несколько десятков метров, но какое чувство восторга и гордости мы испытывали! Другие этого не поймут. Это надо было жить во времена Гагарина и Леонова, Титова и Быковича. Тогда каждого космонавта мы

помнили наизусть, для нас они были героями. Это теперь в космос стали летать в таком количестве, что всех космонавтов невозможно запомнить даже при желании.

И еще мы читали фантастику.

В школьной библиотеке я нашел «Мир приключений», а там напечатали повесть А. Казанцева «Планета бурь». Позже уже она вышла романом под названием «Внуки Марса», но напечатанная в «Мире приключений» повесть мне нравилось больше. И прежде всего из-за иллюстраций. Ах какие были иллюстрации в альманахе! С ума можно сойти! Во-первых, это изображение робота, потом сценка, когда на планетоход исследователей нападает дракон! Больше мне в этом сборнике ничего такого не запомнилось. Нет, вру! Вру, ребята! Там еще была сумасшедшая повесть-сказка «Пути титанов» Олеся Бердника. Как там? «Джон Эй мчал сквозь галактики...» Странное дело, тоже ведь написано про межзвездные путешествия, а запомнилось меньше «Гриады». Impression... Но Казанцев был хорош, читался на одном дыхании. Тогда я еще не знал, что пройдут годы, и Казанцев постепенно превратится в МС — мерзкого старикашку, который будет писать на молодых писателей рецензии, похожие на доносы, а еще он будет постоянно цеплять моих любимых Стругацких, ведь уже вышли к тому времени «Хищные вещи века» и «Далекая Радуга», в которой была напечатана повесть «Трудно быть богом», открывшая мне раз и навсегда глаза на мое будущее. Впрочем, тут я, пожалуй, опять вру — о своем будущем я уже все знал после того, как прочитал повесть «Должен жить» в восьмом выпуске альманаха «Мир приключений» и «Возвращение». К тому времени я уже украл «Возвращение» из библиотеки, и она потом сопровождала меня в моих странствиях. Уже в конце века, когда всем стало ясно, что Мира Светлого Полудня никогда не будет, что все вернулось на круги своя и революцией эволюцию все-таки не подменить, я вдруг неожиданно для самого себя стал лауреатом Национальной премии имени А. и Б. Стругацких в области фантастики. Аркадий Натанович к тому времени уже умер, и премию мне вручал Борис

Натанович. Думал ли я, что когда-нибудь встречу со своим кумиром лицом к лицу? Но со мной было «Возвращение», то самое первое издание, в котором была любовная линия со штурманом Кондратьевым, и поэтому она казалась мне более человеческой, чем последующие издания. Я протянул книгу Борису Натановичу и попросил ее подписать, объяснив, что в детстве украл ее в библиотеке и сохранил, как до сих пор хранил идеалы, оставшиеся мне от того времени. «Сереза, — сказал Борис Натанович, — воровать книги нехорошо!» — и сделал на книге надпись, которой я горжусь даже больше, чем премией. Но это было потом.

С третьего класса я уже читал и любил фантастику. Любовь, что я ощутил к фантастике с семи лет, не только не угасла, напротив — она медленно разгоралась. Фантастика открывала удивительные миры. В них было интереснее, чем на пыльных улицах степного поселка.

Однажды — уже в шестьдесят четвертом — я читал повесть «Стажеры» братьев Стругацких, которых уже открыл для себя и полюбил их сразу и навсегда. Читая ее, я не мог отделаться от чувства знакомости — я уже начинал читать подобное, и иллюстрации к тому тексту, что я читал, были не в пример лучше. Потом вспомнил — повесть «Должен жить» в «Мире приключений». Ну конечно же, как я мог об этом забыть! Вспыхнувшая любовь не прошла до сих пор. Правда, теперь от бурного обожания я перешел к рассудительной нежности, но это неизбежно в любви, которая длится уже почти пятьдесят лет. Ко мне подошел худой горбоносый старшеклассник.

— Что ты читаешь? — строго спросил он.

И это была встреча, определенная судьбой. К парте, за которой я сидел, подошел Саня Галкин, большой любитель фантастики. Фантастика свела нас, и мы были рядом добрых три десятка лет, пока та же судьба подобно невидимому речному течению не разнесла нас в разные стороны. Кое-кто говорит мне, что Галкин был неудачником. Я так не считаю.

Это был удивительно талантливый человек, которому однажды не повезло, и этого ему хватило на всю жизнь.

Встреча эта оказалась первой, но отнюдь не последней. Но об этом потом. Как и о фантастике. Ведь не фантастикой одной был сыт читатель, отнюдь. Уже явились на свет «Коллеги» Василия Аксенова и его же «Звездный билет», уже начал писать свою молодежную прозу Гладилин, а еще вышел роман Гранина «Иду на грозу», переиздали «Вратаря республики» Льва Кассиля и еще много печатали всякого такого, не дававшего спокойно заснуть по вечерам.

Школа была двухэтажной, из желто-серого кирпича. Она располагалась в самом центре поселка на пересечении улицы Ленина и улицы Рабочей, к которым примыкала недлинная асфальтовая дорога, начинавшаяся от деревянного универмага и заканчивавшаяся около железнодорожного полотна. С левой стороны рядом с универмагом угрюмо темнел маслозавод, куда мы лазили за жареными семечками и жмыхом, а прямо напротив ворот маслозавода была площадь, в глубине которой находился маленький Дом культуры, где демонстрировались фильмы, проходили танцевальные и иные вечера. Именно из этого Дома культуры меня в четвертом классе вывел за ухо участковый Котеняткин, когда мы пробрались на вечерний сеанс, чтобы посмотреть кинофильм «Голубая стрела». Нет, никакой эротики в фильме не было, нормальный советский боевичок про зловредных шпионов и мудрых работников государственной безопасности. А вывел он меня только потому, что соплякам на вечерних сеансах нечего делать. Ишь моду взяли! Сегодня на вечерние сеансы лезут, а что завтра будет? Тогда за нашей нравственностью следили бдительно. Напротив школы белела маленькая почта, а около нее «дежурка» — магазин, который работал до темного времени. В дежурке продавались разные продукты, но основным продуктом являлась водка, за которой постоянно была небольшая очередь. Помню запах в магазине — в нем пахло мятными пряниками и лавровым листом. Когда у нас заходило в кармане двадцать или тридцать копеек, мы отправля-

лись именно в «дежурку», а не в продовольственный магазин на улице Ленина. Не то чтобы выбор конфет в «дежурке» был большой, нет, все обычно сводилось к шоколадным конфетам «Ласточка» и трем-четырем видам карамели. Но не они нас привлекали, а такие прессованные брикеттики — «Какао с молоком», стоившие десять копеек, и «Кофе» все с тем же молоком, но стоившие всего восемь копеек. Еще в магазине продавался ядовито-желтый лимонад, газ которого бил в нос. Рядом с дежурным магазином был киоск «Союзпечати», в нем мне киоскерша оставляла журнал «Искатель». Благословенный «Искатель» середины шестидесятых годов! Какой отдушиной ты был для меня. И стоил в те времена ты всего двадцать копеек. Ради рассказов, опубликованных в нем, можно было поступиться двумя брикетиками прессованного какао!

До сих пор я вспоминаю это время с тайным удовольствием.

Каждый выпуск я ждал с нетерпением. Интересно, но именно тогда я был отнесен к интеллигентам — в киоск поступало всего два экземпляра журнала. Так вот, один экземпляр брал папа Славки Халупняка, а второй доставался мне.

В панфиловском универмаге пахло слежавшимися мехами, но нас в то время интересовал там один-единственный отдел — в нем можно было купить леску и крючки. Поплавки мы делали сами — из куги, а грузила отливались из свинца аккумуляторных пластин, которые собирались на территории СПТУ или мехколонны, расположенной по ту сторону железнодорожной линии. Все, что находилось там, так и называлось — за линией. Даже люди, которые там проживали. Мой приятель Вовка Чурбаков, двоечник и второгодник по кличке Шкурин, был из-за линии, а потому вызывал подозрения у деревенских Анискиных. Таковых поначалу имелось двое — Котеняткин и Дуличенко. По мере того как деревня теряла свой статус бывшего райцентра, работы у них становилось все меньше, и наконец остался один Дуличенко, который на моей жизни вырос от младшего лейтенанта до капитана и в этом чине ушел на пенсию.

Служба у них особо трудной и опасной не была, но драки и хулиганство иной раз случались, доставляя им определенное беспокойство. В деревне имелся свой неисправимый преступник — одноногий Алик, фамилии которого я сейчас никак не могу вспомнить. У Алика и в самом деле имелась только одна нога, вместо другой у него был протез из кожи и металла. Помнится, он его отстегивал в бане и шкандылял в зал на одной ноге, прикрывая шайкой могучий жилистый член, на котором синело расплывчатое неприличное слово. Помнится, мы еще спорили, что это было за слово, но для того, чтобы его прочесть, следовало увидеть член в эрегированном состоянии, поэтому о неприличности витатуированного слова мы в основном судили по его синей краткости. На свободе этот самый Алик находился обычно недолго. Он появлялся из мест лишения свободы, некоторое время пил и отсыпался после выпивок. Тунеядцем его признать было нельзя, поскольку Алик являлся инвалидом. Попив и отоспавшись, Алик связывался со своими старыми друзьями по ремеслу из Михайловки или Новоаннинска, и после недолгого планирования они обычно грабили какой-нибудь сельмаг, откуда вывозили все — от отрезков материала и водки до резиновых галош и слипшейся карамели. Через неделю дружков арестовывали, а затем на несколько лет исчезал и Алик, благо за кражи тогда слишком много не давали. Мне до сих пор кажется, что преступления эти раскрывались исключительно благодаря тому, что Дуличенко бдительно наблюдал за одноногим Аликом и, как только в доме у него появлялись чужие люди, докладывал об этом по начальству. Все остальное было, конечно, делом техники. Других представителей уголовной преступности я не знал, пока не посадили Вовку Чурбакова. Кажется, его посадили тоже за кражу. Все в то время у неблагополучных людей выходило точно по «Джентльменам удачи» — украл, выпил и в тюрьму.

Достопримечательностью Панфилова являлись два друга — Валя Аверин и Слава Якушев. Оба были спортсменами, оба играли в футбол. Валя Аверин был волосат, невероятно

силен, плечист и приземист. Естественным казалось, что он играет в защите колхозной команды. Слава Якушев выглядел артистично, ходил в лакированных туфлях, выставя вперед грудь и отводя в стороны руки. Он и в футболе старался блистать, а потому всегда лез в нападение. Вдвоем они были способны разогнать половину Панфилова. Однажды так и случилось. Чигули, как называли учащихся СПТУ, затеяли очередную свару из тех, что позднее стали называть разборками. И вот эту визжащую, рычащую, как банда бандерлогов, толпу вынесло на Аверина и Якушева, которые мирно обсуждали свои дела. Это чигули хотели подраться, а Аверин и Якушев хотели продолжить разговор. Потому, наверное, драки и не получилось — выломав по секции забора каждый, Аверин и Якушев гнали их вдоль улицы. На следующий день все это стало легендой, которая все обрастала разными деталями, пока не превратилась в деревенский миф.

Валя Аверин был глуховат и иногда не слышал, что ему говорят. Этим пользовались различные наглецы. Сделав приветливой морду и потрясая приветственно рукой, наглец обычно негромко говорил:

— Валя — дурак!

— Привет, привет, — отзывался Аверин, ответно помахивая могучей лапой, и двигался дальше своей дорогой.

С ним было связано немало забавных историй.

Однажды в один из морозных февральских дней Валя, по своему обыкновению, блаженствовал на краю проруби, подставляя лохматую грудь морозному ласковому ветерку. Случайный прохожий, двигавшийся по плотине, заметил голое тело на льду и перепугался, что кого-то раздели. Однако едва он приблизился к замерзшему человеку, тот неожиданно пошевелился и сел. Нервы прохожего не выдержали, и он грянулся в спасительный обморок. Вале Аверину пришлось прервать свой отдых и нести человека в больницу. Бежать босым по снегу ему пришлось около двух километров, и это произвело неизгладимое впечатление на всех случайных зрителей, которые, не видя аверинского лица, посчитали, что наблюда-

ли похищение неизвестного снежным человеком. Пересудов было не на одну неделю.

И еще одна история. Валя Аверин копал могилки на Амовском бугре. Там находилось кладбище. Помирало людей тогда не слишком много, время было хорошее, а в хорошее время помирать грех или просто не хочется, вот Валя и копал свои могилки, что называется, впрок. К работе он подходил увлеченно и пропусков не допускал даже в выходные дни.

Однажды откуда-то, быть может, даже из Москвы, приехали родственники одного из покойников, долго и тщетно бродили по кладбищу и искали могилку родственника. Наконец один из приезжих в сердцах вскричал: «Да где же она все-таки есть, Ванькина могила?» Откуда-то из-под земли трубно спросили: «Коломийцева, что ли? Так она прямо у забора на втором участке!» Спринтерской скорости родственников, покидавших кладбище, мог бы позавидовать и Боров. У одного из родственников даже случился инфаркт. А вылезший из свежевыкопанной могилы Валя Аверин никак не мог взять в толк — чего мужики убегают?

У каждого поселка есть своя история. Пусть даже этот поселок заброшен среди веков и пространств. История начинается там, где живет хоть один подверженный старости человек.

В Панфилове был свой генерал. Когда-то он воевал, потом его репрессировали, потом выпустили на свободу, потом опять репрессировали, и вновь пришло время, когда его отпустили. Сколько можно пробовать стальную проволоку на излом? В последний раз его освободили подчистую и разрешили даже носить генеральскую форму. Остаток жизни он занимался тем, что тратил свою пенсию на пиво и водку, и очень часто его видели лежащим в генеральской форме у пивного ларька. Странно, наш народ обычно очень смешлив и любит пообсуждать человеческие недостатки. Но над генералом не смеялись, и никто его не осуждал. Более того, мужики его поднимали и отводили домой. Понимали они, что даже

сталь выдерживает далеко не все. Для генерала было бы лучше сгореть в огне войны или утонуть в болоте лагеря. Но он выжил. Только вот сломался. Кто его осудит, товарищи и господа?

Только не я.

Жизнь человеческая состоит из любви и ненависти. История — это воспоминания о прошлой любви и ненависти. И горе миру, в котором ненависти было больше, чем любви.

Все мы — кто жил до нас, кто живет сейчас или будет жить когда-то, — все мы похожи на метеоры, врывающиеся в земную синеву из черных звездных пространств. Сгорая, мы оставляем за собой короткий быстро гаснущий след, еще чаще исчезаем бесследно.

Кто мы на этой Земле?

Мы — фантастические рыбы. Во тьме, близ Млечного Пути, мерцают исполинские тени Богов, вылавливающих наши души.

В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы!*

Остановимся, чтобы отдышаться.

Был долгий день, полный биения пульса в крови, день, похожий на трепет воробьиного сердца, на порхающий мотылек свечи в протянутой сквозняком комнате.

Близится время тьмы.

Ради чего и зачем случилось чудо, которое называют жизнью?

Невероятно помыслить, но поколение за поколением мы ложимся в землю, и весь смысл нашего существования в этом мире состоял в том, чтобы продолжить род и увеличить число человеческих ошибок, являющихся основанием для всех изменений в человеке ли, в обществе или самой системе непо-

* Стихи В. Хлебникова.

стижимого нам Мироздания. Хочется понять, чем мы отличаемся от жухнувшей осенью травы, от тающего весной снега, от гаснущих в Вечности звезд? Чем мы отличаемся от окружающей нас пустоты?

С криком ожидания врываемся мы в мир. Уходим мы из него успокоенными и уставшими. Разочаровавшиеся в свете звезды — вот что мы есть. Звезды, уставшие светить.

Ребенок похож на кокон, обещающий ярkokрылого махаона. Приходит время, и из кокона вылетает бледная капуста разочарования. Не помню, кто это сказал. Важно, что однажды это кем-то уже было сказано. Повторение чужого, если ты приходишь к нему сам, всегда означает, что ты на верном пути. Даже если следуешь заблуждениям.

Детство — это поле, полное многообещающих зеленых ростков. Где черта, за которой дети меняются и становятся похожими на взрослых? В детстве мы все художники, обещающие фантастические картины. Почему, вырастая, мы превращаемся в заурядных маляров? Что происходит с нами? Что происходит с миром? Почему мы становимся несбывшимися обещаниями?

Я не философ, живущий категориями вечности.

Я знаю, что я смертен, и я знаю, что однажды умру.

Мысль эта не вызывает во мне животного страха. Чего бояться пылинке, которую гонит смерч?

Все реже хочется заглядывать в бездонную глубину будущего. Все чаще хочется вспоминать.

Смерть — это черта, которая отделяет еще не случившееся от уже невозможного. Она не страшна. За последней чертой нет ничего, кроме пустоты. Это последняя наша боль.

Где тот горизонт, к которому стремится моя душа?

Чем мне заплатить за прожитые дни на Земле?

Кто мне оплатит прожитое мной время?

Вспоминается, как умирал мой дед. Он ничего не ел, целыми днями лежал на постели, глядя в угол, где темнела ико-

на. Иногда он вспоминал. Слушая эти воспоминания, я узнавал новое из жизни своей семьи. Мутные глаза деда, потерявшие блеск жизни, были спокойны и равнодушны. Дед уже устал жить. Он пережил три войны, индустриализацию, коллективизацию, послевоенную разруху и семейную жизнь. Удивительно ли, что душа его стремилась к каким-то неведомым заоблачным рубежам.

А я донимал его земными желаниями и все спрашивал, чего ему хочется. Деду ничего не хотелось, он попросил сварить уху, но съел всего две ложки, потом захотел узвару (так назывался компот из сушеных груш-черномысок), но сделал всего два глотка. Потом он вдруг потребовал коньяку.

Было смутное время. Горбачев боролся с пьянством и алкоголизмом. Как всегда, это приводило к противоположному результату. Люди гнали брагу и самогон, а на фабричном спиртном наживались продавцы, чье положение в обществе вдруг поднялось до немыслимых звездных высот.

Выше них были только борцы с хищениями социалистической собственности, к клану которых я тогда принадлежал. Представители ОБХСС для продавцов одновременно отождествлялись с Богом и Дьяволом, от них можно было ждать всяческих неприятностей.

Тогда еще не начали фальсифицировать спиртные напитки, шустрых кавказцев в городе было мало, а замороженные жулики пока еще только раскачивались, поэтому коньяк, который я принес, был превосходен.

— Всклянь! — слабым голосом приказал дед, и я налил стакан до краев.

Мы выпили.

Глаза деда начали медленно оживать. В них появился блеск. Ну конечно, он не был таким, как у искателей приключений или похотливых мужиков, но все же он, этот блеск, говорил о жизни.

— Дурак, — грустно сказал дед. — Я же помирать собрался, а ты меня обратно тянешь.

Странно было слушать его. В то время я ничего не понимал о жизни, я даже не представлял, что человеку может не хотеться жить.

Усталость человеческой души сродни усталости металла — и то, и другое всегда вызвано житейскими напряжениями, рождающимися из проблем, которые невозможно разрешить. Трещины души говорят о неисправности окружающего мира.

Жизнь похожа на кросс по пересеченной местности: преодолев не обязательные препятствия, ты рвешь ленточку финиша и только потом начинаешь понимать, что смысл заключался именно в самом беге, в самом преодолении препятствий и пространств, а не в медленном движении за финишной чертой. Смысл был в рваном дыхании бега, а не в привычных движениях щек музыканта, играющего человеку последнюю мелодию.

Отдышись.

Все равно ты уже опоздал.

Раскрой черную книгу и найди на ощупь слова: «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце».

Обидно уходить. Мы все неповторимы, как песчинки в пустыне, как капли в океане, звезды в небе, дождевики, из которых состоит радуга. С нашим уходом мир становится бледнее на единицу погасшей человеческой души.

Обидно уходить. Но мы уходим. Подобно всем, кто жил до нас, мы осыпемся осенней листвой в теплые ладони Вечности.

Был долгий день, полный счастливых и горестных минут, ты прожил его, до последней секунды не понимая, что тебе предстоит потерять.

Кто ты?

Одиноким бегун, приближающийся к неизбежному финишу? Заблудившийся во тьме всадник? Ребенок, научившийся ненужному ремеслу и разучившийся творить чудеса?

Ответов нет, но есть кладбищенская трава, которая знает все.

Мне много кого приходилось хоронить. Быть может, это правильно. Для того чтобы многих хоронить, надо жить дол-

го. Хотя бы дольше тех, кого ты хоронишь. Дети должны хоронить родителей. Только так — а не наоборот. Эти слова я сказал Жене Лукину почти через тридцать лет после смерти деда, после того, как умер мой отец, в день, когда мы хоронили мать Жени Лукина. Она была драматической актрисой. Я не помню ее ролей, возможно, что я видел ее в каком-то спектакле семидесятых годов. Но я видел ее фотографию, она была красивой, как и подобает актрисе. И еще она была смешливой. На фотографии это угадывается с трудом, но красота видна каждому. Можно позавидовать ее мужу, который стал ее властелином и отцом Жени Лукина. Она была доброй.

Когда в роскошном гробу закапывали в землю желтую тень той, что когда-то была красивой актрисой, я вдруг вспомнил — сик транзит gloria мунди! Ну да, сик транзит gloria мунди! Кому нужен перевод?! Сик транзит, дамы и господа, сик транзит! Приходит время, и тот, кто казался незыблемым и обязательным в этом мире, оказывается беспомощным и ненужным. Сик транзит! Несостоятельна слава. Тень, которую закапывают в землю, ничем уже не похожа на человека, с которым связывают земное бытие. Нет живого человека, есть всего лишь тень, глупая тень, которая так же отстранена от его мертвого тела, как женщина, которая значилась невестой мужчины, но — черт ее побери! — так и не стала женой.

Хороня родственников, друзей и товарищей, ты хоронишь частичку самого себя.

Впервые я это почувствовал, когда в Калаче мы хоронили Сергея Петровича Гладышева — моего бывшего начальника, когда я работал в убийном отделе городского уголовного розыска. Он был хорошим товарищем, с ним связано многое, хотя наша дружба оказалась короткой. Вот что интересно — иногда люди, кометой промелькнувшие в твоей жизни, оставляют в ней более яркий след, нежели те, с кем ты шел по жизни рядом много лет. И дело не в том, что мы с ним раскрыли несколько убийств и вместе переживали обязательную несправедливость начальства.

«Зря ты уходишь, — сказал он, когда я собрался на пенсию. — Самые перспективы открываются».

Он ошибся. Я остался. Ушел он. И перспективы, которые его так манили, они тоже остались. Только уже для других.

И когда черный рот могилы до краев наполнился глиной и землей, когда над свежим холмиком вырос деревянный крест, вокруг которого положили непростительно обязательные венки, я вдруг почувствовал сожаление и тоску. Прошлое ушло, все, что было связано с этим человеком, отныне для меня осталось лишь в памяти.

Потом я похоронил Николая Мигрина — фаната от уголовного розыска. И опять я похоронил вместе с ним частицу своей души. Ведь наша душа и в самом деле складывается не только из отношений к самому себе, она складывается из взаимоотношений с другими людьми и всем остальным миром. Теряя кого-то из своих знакомых, ты становишься беднее на единичку его души.

И это невосполнимые потери. Быть может, наше старение и есть следствие душевных потерь. Эрозия души, ветер времени разъедают человеческие души до тех пор, пока от них не остается чернозем, не слишком пригодный для прошлой жизни, но необходимый для того, чтобы появились всходы новых.

Но, братцы мои! Каждому хочется остаться.

Подобно всему существующему во Вселенной, мы проходим весну рождения, лето любви и работы, осень увядания и зиму смерти.

Пусть обрести бессмертие суждено лишь духу немногих, каждому хочется остаться. Оттого нам так хочется верить в загробный мир, оттого мы пытаемся продлить свое существование на Земле, оттого мы совершаем немыслимые поступки, стараясь хоть ими остаться в памяти тех, кто будет жить после нас.

Не хочется думать, что смысл нашего существования заключается во временных координатах, обозначенных датами на

памятниках, к которым вначале приходят часто, потом раз в год, потом все реже и реже и наконец дают зарости могилам неистребимой и воистину бессмертной кладбищенской травой. Место, где все равны — бездомная старушка, уснувшая под земляным холмом, цыганский барон, задыхающийся под тяжестью собственного памятника, отлитого из бронзы, похороненный с королевскими почестями вор в законе, чиновник, закрывшийся гранитной плитой, — у праха нет отличия перед землей, пришедшие из праха, однажды мы возвращаемся в него.

Нагими и слабыми приходим мы в мир, нагими и немощными его покидаем, даже то, что когда-то принадлежало исключительно нам, с нашей смертью начинает принадлежать другим. Любая человеческая жизнь неразрывно связана с рождениями и смертями. Но все-таки в ней есть нечто такое, что наполняет жизнь смыслом, и это нечто с собой не унести, даже когда приходит время уходить.

С собой не унести...

Кажется, ты еще бодро идешь вперед, что грудь твоя полна воздуха, что дорога впереди значительно длиннее оставшейся за спиной. Мой друг, это всего лишь обманное впечатление.

И всего, что было, с собой не унести.

Не унести апрельских ручьев, похожих на вздувшиеся жилы земли, не унести радостного гвалта грачей на чернеющих полях.

Не унести чистоты родниковой воды, стекающей в Дон, где в зарослях туманно колышущихся водорослей высверкивают ждущие своего стремительного часа торпеды шук; не унести с собой песчаных пляжей, лениво уходящих в теплую воду, в которой вьется бесчисленное поголовье мальков, зеркально повторяющих стада комаров над водой.

Не унести вечерних лугов, спелых звезд и луны, выгнувшейся над горбатым черным стогом травы, в пряном запахе которой смешались ароматы клевера и мяты, душицы и зверобоя, полыни и иван-чая, не унести ночных костров, в которых запекалась картошка.

Не унести с собой зимнего одиночества, отражающегося в причудливых морозных узорах на обжигающе холодном стекле, новогодних сверкающих елей, украшенных волшебными разноцветными шарами, хрустящих сугробов и белого дыма, встающего по утрам над заиндеветыми домами.

Не унести радости и тоски, не унести с собой прочитанных однажды книг, друзей, любимых, родных — всего того, что окружало тебя, составляя загадочную и непостижимую галактику твоей души.

Уходя, мы навсегда оставляем этот мир в наследство потомкам. Нагими мы приходим в мир и нищими его покидаем, даже то, что принадлежало нам и только нам, остается другим.

Но навсегда унесется с собой горечь разочарования, с которым мы его покидаем. Это единственное, что мы с собой уносим...

Каждому хочется остаться.

Не уйти в царство шепчущих теней, а остаться среди живущих. Вся человеческая жизнь есть не что иное, как попытка утвердить себя в будущем.

Бабочки дней улетают
и в руках остаются
одни очертания бегства...*

Вот на фотографии я — юный, батник нараспашку, мир впереди и уверенность во взгляде, и лицо еще чисто от морщин, и белые звезды еще не усыпали волосы.

Я взошел на корабль, чтобы совершить плавание.

Где горизонт, к которому стремится моя душа?

Туман.

Суeta суeta, и на вопросы мои нет ответов. Страшно и заманчиво подумать, что случайный толчок несбыточного мог сделать мою жизнь совершенно иной, не похожей на прожитую. Страшно и заманчиво подумать, что всего одно мгнове-

* Стихи Х.Р. Хименеса.

ние, прожитое мною иначе, могло навсегда изменить всю мою короткую Вечность.

Память постоянно проигрывает варианты. Сожаление о несбывшемся — это вечный вариант безнадежного побега из Реальности.

Есть Книга, которую мы читаем всю жизнь. Нет, это не Библия; религия — это рак души, она паразитирует на человеческой вере и надежде. Вечная Книга — это наша память.

Моя жизнь, как жизнь любого человека, есть сцепление миллионов случайностей. Память — это рукопись, которую, как правило, приходится читать только автору.

Наши воспоминания — кораблики, плывущие из нашего прошлого в наше настоящее. Векторное производное нашей души.

Дни были бесконечными, и ночи были коротки, словно полет пули. Теперь все иначе: недели свистят неразличимыми осколками, а ночи вообще незаметны; и жизнь все ускоряется, ускоряется так, что понимаешь — этому ускорению нет предела. Но он все-таки есть — последняя черта, за которой будут подведены итоги всем спорам, та, за которой мы поймем, есть ли там что-нибудь, кроме тлена и темноты. Обитая бархатом или кумачом дверь Вечности, в которую предстоит стучаться моей душе, с каждым днем все ближе.

За годы работы в милиции я привык к виду смерти. Рано или поздно привыкаешь ко всему. То, что когда-то было страдающим человеком, для меня представляло объект преступления, абсолютно несоотносимый с погибшей человеческой душой. Страшные изменения духа, но не окончательное одичание — судмедэксперты относятся к телу как к объекту исследования. В морге тела свалены кучами, и каждое из них ждет вскрытия для выяснения причин, каким образом была освобождена от плоти человеческая душа.

В морге всегда витал приторный сладкий запах тления и формалина, но патологоанатомы запаха не чувствовали. Они

пили водку и закусывали ее колбасой. Поначалу мне казалось невозможным закусывать в морге, душа не принимала ничего, кроме соленого огурца. Постепенно я привык. Быть может, в постоянном привыкании к гнусным реалиям жизни и заключается деградация души?

И еще раз о смерти деда. Перед смертью дед уже не вставал. Когда приходилось поднимать его, то мы с отцом с трудом ворочали тяжелое непослушное тело вдвоем. Потом дед умер, и я пришел за ним в морг. Из холодильника до гроба его нес я, завернув холодное стылое тело в одеяло. И что же? Оно было удивительно легким, словно со смертью дед отринул все тяжелое, что ему досталось в жизни, — гражданскую, финскую и немецкую войну, плен, послевоенную колхозную разруху, горбом доставшийся и проданный за бесценник дом, все разочарования, накопленные при жизни. Быть может, попы все-таки правы и тело деда стало легче на величину его души?

Все перепуталось в мире, и порой смерть становится горьким лекарством от одиночества и тоски.

Да что мы о грустном!

Вспоминаю начальные классы. Учились мы вдали от основной школы в одноэтажном здании бывшего райисполкома, состоящего из двух крыльев. В одном крыле шумели классы, в другом тихо жили интернатские — дети из близлежащих хуторов, в которых не было школ. Понятное дело, каждый день за несколько километров не наездишься.

Интересно, но пусть прошло много лет, я все-таки помню значительное число одноклассников — среди них Толька Никон и Славка Халупняк, Валя Ребрина и Валя Филатова, мой дружок Васька Ледовский и Саня Самсонов, и первая любовь Валя Павелко, из-за которой в четвертом классе мы с Никоном не раз сходились на кулачках, и бледная отличница Валя Звонова, утонувший гораздо позже при спасении брата Генка Коробов, незаметный Саша Четверкин, дружки Вова Земляков и Саня Карпов, и неистовый Валерка Каехтин, и

жившая с ним рядом Лида Минаева, которая чем-то походила на медвежонка, томная и плавная Людка Голынская, жесткая как придорожная трава Любка Сизова, пришедший чуть позже второгодник Вовка Чурбаков, знаменитый Шкурин, который принес в класс настоящие боксерские перчатки и научил меня драться. Еще я помню могучую Аню Селиванову, которая занималась боксом вместе с нами и однажды нокаутировала Валерку Каехтина. Уже в более поздние годы она прославилась тем, что ее попытался изнасиловать какой-то чужак в парке перед киноплощадкой. Народ быстро собрался на неистовые женские крики о помощи и увидел, как Анна, сидя верхом на бесчувственном уже мужике, награждает его ударами по посиневшей морде и зовет на помощь. Какой-то сердобольный из толпы сказал: «Так чего ж ты на помощь зовешь, деваха? Совсем его, что ли, добить?»

Детство состояло из нескончаемых «Трех мушкетеров», футбола, фантастики, легкой влюбленности, дружбы и недружбы, рыбалки, драк и всего остального, что постепенно делало нас людьми.

Если я кого-то не вспомнил, простите меня. Память человеческая и без того слаба, а с каждым годом она подводит меня все больше и больше. Каждый из этих людей внес что-то свое в понимание мною мира и обстоятельств, в которых мы жили.

Мы жили довольно дружно. Стычки с Никоном из-за Вальки Павелко не в счет, все равно усилия обоих остались безрезультатными, да и не могли они быть иными по причине нашего малолетства.

Но все-таки! Да что там говорить, приятно вспомнить!

Иногда напротив железнодорожной станции останавливался на рельсах вагон-клуб, призванный нести культуру в массу. Днем за пяточок там показывали детские фильмы и мультяшки про Самоделкина и Незнайку. Мы стояли в очереди, зажав пяточки в потных ладошках, а потом задыхались в узком душном вагоне, впиваясь взглядами в маленький экран, на котором демонстрировалось очередное чудо — на-

пример, какой-то литовский фильм, кажется, он назывался «Чертова мельница». В этом фильме флегматичные прибалтийские привидения носили головы под мышкой и пугали честных селян. И еще мне там довелось посмотреть цветной фильм «Тайна двух океанов». Помнится, мы все были под впечатлением. Через некоторое время я прочитал роман Адамова и поразился тому, как выхолощена в фильме книга.

До сих пор хочется еще раз посмотреть «Планету бурь» и, конечно же, «Алые паруса» с прекрасной Анастасией Вертинской в роли Ассоль. Странное дело, я относился к поколению, которое уже ничего не знало о знаменитом Пьеро — Вертинском. Для меня он так и остался не шансонье, а просто отцом несравненной Анастасии, в которую я был влюблен до седьмого класса, прекрасно осознавая всю безнадежность своей влюбленности.

Ее сестра Марианна тоже была красивой. Но это была просто красота, а в Анастасии жило ощущение чуда, словно ты вышел на балкон и увидел медленно плывущее НЛО, с которого тебе приветливо машут руками инопланетяне.

Кроме этого, был Дом культуры, но там вечером дежурили милиционеры, которые следили за тем, чтобы пацаны не попадали на вечерние сеансы. Невозможность посещать вечерние сеансы мы компенсировали летом, когда открывалась киноплощадка. Из всех фильмов, которые там показывали, я запомнил «Подвиги Геракла» с югославским культуристом в главной роли. Он был бугрист от мышц, а потому ему не надо было играть — достаточно было напрячь бицепсы и трицепсы. Кроме этого, частенько шли «Парижские тайны» с неподражаемым Жаном Марэ — кумиром девочек шестидесятых годов. Он выглядел мужественно, этот красавец с волевым подбородком, уже став взрослым, я был шокирован, узнав, что во Франции он был долгое время председателем французского общества гомосексуалистов. Вот еще один довод против всеобщей и всеохватывающей гласности — узнавая что-то новое о своих кумирах, порою начинаешь испытывать презрение к миру. Лучше было бы оставаться в неве-

дении и знать, что, например, Параджанова ценят за то, что он снял в своей киножизни, а Жана Марэ за его великолепные роли, а не за мускулистый и крепкий зад.

Впрочем, мое мнение, как мнение всякого гетеросексуала, является субъективным. Менять я его не хочу, однако и навязывать никому не собираюсь. Еще один раз меня поразила Сэмюель Дилэни. Этот негр с грустными глазами, писавший великолепную фантастику... Черт, ну что же они все? Обидно за мужиков. Да и за женщин тоже. Теперь я понимаю, почему у него грустные глаза. Не те прелести мужик ценит, оттого и тоска.

Я всегда считал, что все зависит от точки отсчета.

Вот, например, толстенный роман «Звездоплыватели» Г. Мартынова. В начале шестидесятых, когда никто толком не знал, как монтируются, а тем более делаются космические корабли, книга читалась взахлеб. Вероятно, возраст тоже был тому виною. Я перечитал ее уже в зрелом возрасте — и что же? Осталось ощущение наивной провинциальности. Все это соперничество с американцами и полеты в качестве соревнования двух социальных систем не вызвали у меня доверия. Страницы же, посвященные жителям Венеры, и сейчас читаются хорошо.

Изменилась точка отсчета, а с ней и отношение к роману.

Но, черт возьми, уже в том же тридцатипятилетнем возрасте я увидел Анастасию в фильме «Безымянная звезда» все с тем же Михаилом Козаковым в качестве мужа, и сердце защемило от тоски и несбыточности детской мечты о необыкновенной любви. Впрочем, это ощущение, видимо, тоже родилось из-за точки отсчета. Фильмы детства тому способствовали.

В конце концов, все наши мечты — это все те же гриновские «Алые паруса», которых мы никогда не дождемся.

Значит, будем проживать нашу жизнь, как и положено обывателю, — размеренный ход нашей жизни нарушит лишь безвременная или долгожданная смерть.

* * *

Между прочим, обыватель — это совсем не обидное определение человека, как я думал в детстве. Обыватель — просто человек, проживший обыденно обычную жизнь, занимавшийся своим делом, народивший детей, посадивший и взрастивший дерево, стачавший пару башмаков или, на худой конец, написавший книгу.

Куда страшнее мещанин, поставивший использование всех благ жизни самоцелью. Вот у него стремления так стремления, и стремления эти страшны, потому что достижению этих благ мещанин посвящает всю свою жизнь, и при этом нет таких средств и методов, которые его бы отпугнули. Видимо, потому среди мещан так много маргиналов. Маргинал это чаще всего мещанин, который при движении к своей цели потерпел поражение и был отброшен в задние ряды.

А мы — обыватели. Мы просто живем, как живет трава. Мы строим дома, пишем книги, пашем землю, ловим воров и убийц, охраняем свою землю от зла, любим и ненавидим, радуемся и грустим, оставаясь все тем же черноземом, на котором возрастет будущее.

Когда я был во втором классе, наше семейство отправилось к бабе Саше в Вологодскую область. Родители отца были у меня перед глазами. Родителей матери я не знал. Баба Саша жила в деревне Андронцево в нескольких десятках километров от самой Вологды. Тогда я еще не знал, что бабушка у меня не родная, родная уже умерла. Как и мой дед. А эта была мачехой, которая навсегда осталась с детьми любимого человека, каждого из них воспитала и каждого довела до ума. Мама как-то признавалась, что вкус мороженого и шоколадных конфет она узнала уже после замужества. Это и понятно, откуда в Андронцево, где не было ни одного магазина, взяться шоколадным конфетам или мороженому?

Мы ехали через Москву с ее обязательными эскимо, зоопарком и не менее обязательной суматохой. В зоопарке я

почему-то запомнил змей в стеклянных ящиках, пони, на котором каталась детвора, и задумчиво курящего шимпанзе.

Вологда потрясла меня обилием церковных куполов, рекой с одноименным названием, которая протекала через город, и мостом через эту реку. Мост был выстроен на восьмисотлетие Вологды. Под ним громоздились плоты из строевого леса.

В Андронцево мы добирались на грузовой машине, сидя на гробе, который везли для похорон какого-то человека. Помню, что ехали мы через брод. Машина, разбрызгивая фонтаны воды, устремилась на берег, и вскоре нас высадили на лугу с удивительно низкой и яркой травой. Впереди было несколько деревянных домов. Это и было Андронцево. К тому времени в деревне жили всего несколько человек. Бабушка Саша была одна. У нее был странный и непривычный нам дом, разделенный на две части. В одной из них жила бабушка, в другой жевала траву и печально вздыхала корова. Ночью, когда приходилось пойти по нужде, эти вздохи внушали мистический ужас. Хотелось забиться на полати и накрыться одеялом с головой.

В огороде стояли ульи, к которым то и дело возвращались тяжело нагруженные пчелы. У соседей топилась банька по-черному. Роль нагревателя в этой бане играли раскаленные камни. В такой баньке парились с веником, а потом обливались холодной водой. Когда отец меня облил впервые, я закричал от ужаса.

Чуть ниже текла маленькая лесная речка, которая называлась Синдошкой. Перед деревней она делала поворот, и на повороте образовался омут, в котором ловили рыбу. Красноперку здесь называли сорогой, щука и окунь своего названия не поменяли. Рядом с деревней посередине реки чернел камень, на котором мы с сестрой любили загорать. С этого камня я безуспешно ловил уклею — рыбки объедали наживку прежде, чем я ухитрялся вытащить хоть одну из воды.

За рекой темнел лес. Лес был смешанным, поросшим мхом и папоротником. В этот лес мы ходили собирать грибы.

Удивительно синим казалось небо.

Лица бабушки Саши я совершенно не помню. Примус, на котором мы жарили ленивых карасей, которых ловили в близлежащем пруду, помню хорошо, зеленовато-красную с белыми проплешинами и удивительно пахучую землянику помню хорошо. Муравейник около тропинки, ведущей к речке Вологде, помню. А вот лица бабушки не помню. Помню, как бабушка Саша брезгливо шурилась на карасей и называла их лягушками. Рыбой назывались только те чешуйчатые скользкие существа, которые жили в проточной воде реки. Помню морщинистые щеки и седые волосы выше резиновых сапог, в которых она ходила.

От бабушки Саши в памяти осталось лишь ощущение старости.

Странная человеческая память — она выхватывает из прошлого второстепенные детали, оставляя в тени главное. Наверное, это происходит потому, что с второстепенными деталями легче философствовать. Мысль — это неуловимая серебряная уклейка в реке, блеснув, она исчезает в никуда.

До четвертого класса жизнь моя протекала без особых потрясений.

Я ходил в школу, играл с друзьями в мушкетеров, ездил на рыбалки, большей частью, конечно же, неудачные. И еще я читал. Жизнь моя того времени неразрывно была связана с книгой. О благословенные детворой «Каллисто» и «Каллистяне» Г. Мартынова! И еще я открывал для себя «Путь на Амальтею» и «Страну багровых туч» братьев Стругацких, холодную и прекрасную, как ювелирное изделие, «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, в мою жизнь вошли Альтов и Журавлева, Днепров и Сапарин, Варшавский и Аматуни с его «Тайной Пито-Као», ну, конечно же, Виталий Мелентьев с его повестью «33-е марта», рассудительный и имевший определенный литературный дар, но такой пресный Немцов, То-ман с его шпионскими и антивоенными памфлетами, я познакомился с Думчевым из Страны дремучих трав Владимира

Брагина, восхищался «Человеком-лучом» Михаила Ляшенко. Нет, удивительные книги рождались в шестидесятые годы! Я бродил ночами по планете Видящих Суть Вещей, думал о горюшковском мальчике, восторгался угрюмым Быковым, а впереди была Пандора, чудовищная Волна на планете Радуга, и уже бродили по Вселенной загадочные Странники. Казалось, что до светлого завтрашнего дня, каким он был описан братьями Стругацкими в повести «Возвращение», подать рукой. Уж мы-то до него обязательно доживем, до этого мира Светлого Полудня. Да что там — доживем, мы еще поживем в нем, обязательно поживем!

Была уверенность во всемогуществе техники и людей. Верилось, что до Марса рукой подать, а на Луне уже в ближайшие десятилетия будут построены базы землян.

Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести...

Это из фильма «Мечте навстречу».

В это верилось и с этим гораздо спокойней жилось.

Жизнь мне портил лишь Пашка Щербаков по прозвищу Пахляня. Он меня за что-то невзлюбил, а может, ему просто нравилось издеваться над незащищенным, и именно потому он ловил меня, где только возможно, и бил. Робкие попытки дать ему сдачи поначалу не имели успеха. Он был просто сильнее. Но в четвертом классе я ему дал! Я бил его, пока он не упал, а когда Пахляня упал, я взял камень и стал бить его камнем по голове, пока кто-то закричал: «Робя! Это же зверь! Он же его убьет!», — и не позвали мою сестру, которая тогда училась в девятом классе. Наташа оттащила меня от Пашки, и правильно сделала — в противном случае я бы его убил, слепо и безрассудно мстя ему за все унижения, которые он мне причинял в течение трех с половиной лет. Но он остался жить, и даже удары камнем по голове ему пошли на пользу — Пахляня резко поумнел и больше уже не приставал ко мне со своими глупостями.

Нет, еще до этого боя, который, возможно, определил мою будущую жизнь, я частенько дрался, но не так, чтобы обрести

уверенность в себе. Не надо стремиться быть сильнее других, но всегда надо уметь давать отпор тому, что стремится к силе. Чувство уверенности рождается из ощущения победы, в противном случае мы всегда имели бы дело лишь с неудачниками.

Через двадцать лет я случайно встретил его в городе на трамвайной остановке. Пахляня увидел меня и узнал, в его глазах явственно ожил страх.

А я, пожалуй, искренне был рад встрече с ним, он, мой враг и мучитель, побежденный мною в неравном бою, принес мне весточку из моего далекого прошлого.

Кстати, о сестре Наталье, которая разняла нас в тот памятный день.

К тому времени она училась в девятом классе. Как у всякой красивой девчонки, у нее были поклонники, которые постоянно кружили вечерами около нашего дома, выясняли порой отношения между собой. До седьмого класса мы с ней постоянно дрались. Она была старшей. Поэтому ей хотелось, чтобы я признавал ее старшинство и авторитет, мне же этого делать совершенно не хотелось. Поэтому так часто случались конфликты. Но это не мешало нам по большому счету любить друг друга, и наши разногласия и конфликты не мешали нам объединяться против родителей, когда они, по нашему мнению, допускали несправедливости в отношении нас. Тут уж мы действовали слаженно и дружно. В таких же отношениях находятся сейчас и мои дети. Я ловлю себя, что характерами и поведением мы очень похожи. Чему удивляться, ведь это мои дети.

По вечерам на скамейке перед домом слышалось басовитое воркование и звонкий смех сестры. У нее был длинный нескладный горбоносый парень, которого звали Вовка Волков. Он был ее одноклассником. Они дружили. Тогда это называлось именно так.

Я жил на станции Панфилово до шестого класса и учился в средней школе. Странное название — средняя школа. Школа,

в которой учатся усредненные люди. Усредненным быть не хотелось. Эпоха развития личностей завершилась вместе с революцией. После тридцатых годов возобладал принцип — не высываться. Даже актеры стремились к усредненности. Те, кто был личностью, являлись исключением.

Во время застоя усредненность стала обязательным правилом. Правило это душило, но оно было непреложностью. Те, кто вылезал за среднюю черту, мог попасть под бритву тюрьмы или оглушающую булаву дурдома.

Черт побери!

Спустя тридцать лет я вновь побывал на станции своего детства. И что же?

Была весна. Люди все так же месили неподъемную грязь резиновыми сапогами. Многие из тех, кого я помнил, умерли, а живые стали хуже. Впрочем, я сам изменился. Наверное, не в лучшую сторону.

Стало ясно, что конец века, представлявшийся нам в детстве сверкающим и летающим, закончился в будничной житейской грязи.

Развалили страну пьяные идиоты, возжелавшие власти, прежние знамена сдали в музеи, над просторами моей бывшей Родины заполоскались разноцветные знамена, многочисленные друзья оказались по другую сторону границ. Я стал гражданином несуществующей страны, программа XXI съезда КПСС, обещавшая светлое будущее, стала полноценной фантазией, многое из того, что почиталось чистейшей фантастикой, буднично и незаметно вошло в жизнь человечества, а на станции Панфилово все осталось прежним. Строители светлого коммунистического будущего уныло строили не менее светлое капиталистическое завтра.

И ничего не изменилось!

Вместо Ту-104 появились Ту-144, но мы-то мечтали о ракетопланах и экранолетах! Вместо круглой кабинки «Востока» в космосе — пока еще! — плывет округлая кабинка «Союза». Но мы-то мечтали о звездных кораблях! Космонавтов стало столько,

что фамилии их стало невозможно удержать в памяти. Атомную бомбу заменила нейтронная. Вместо десанта на Марс и Венеру мы высаживаем десанты в бывший советский город Грозный, кровь мешается с грязью и снегом, и в наших ребят стреляют бывшие первые секретари чеченских комсомольских организаций, которым, как и заживевшим московским партократам, захотелось в князья. Появились видеоманитофоны и компьютеры, но никогда уже не будет описанных в фантастике роботов. И с этим тоже надо как-то мириться.

А все произошло потому, что не изменилась суть человека.

Вместо творца в душе многих и многих продолжал жить все тот же хапуга. И вот этот хапуга пришел к власти, захватил все, до чего только смог дотянуться, на долгие годы закуклил время и начал жиреть, подминая в людских душах романтику.

На смену революции пришла не менее победоносная контрреволюция.

Душа этого не принимает.

Но приходится жить.

Стреляются только неисправимые идеалисты. Когда тебе под пятьдесят, об идеализме смешно говорить.

Уходят романтики. Их место занимают прагматики.

Идеалом постепенно становится сытость, эталоном — двести сортов колбасы. Фантастика постепенно уступает свое место кровавому детективу. Мы пришли в будущее, еще не зная, что нас там ожидает далекое прошлое.

Грустно, читатель. Я чувствую себя как в детстве, где тебя манили конфеткой, а подсовывали горькое и невкусное лекарство.

Меня не покидает чувство, что меня нагло и бессовестно обманули, показав на мгновение и спрятав в карман Будущее, к которому стремилась моя душа. Душа жаждала понедельника, который начинается в субботу, меня же подвели к луже, показали, как в ней отражаются звезды, и ткнули мордой в окружающую лужу грязь, сказав, что это моя действительность и что мне предстоит жить именно в ней.

Кросс по пересеченной местности

Я был начитанным мальчиком. Даже успел прочитать хранящийся в тумбочке «Один день Ивана Денисовича» тогда незнакомого мне Солженицына. Правда о репрессиях постепенно проникала в мир. Появились первые люди *оттуда*. Однако вслух эту книгу еще не решались обсуждать. Отец давал ее своим знакомым. Возвращая книгу, они неопределенно говорили: да-а-а, было же такое! Первый росток лагерной литературы. Правда была нужна, она была необходима нашему обществу, но из этой книги растут книги нынешней свободы — о ворах и законах зоны. Такие книги привнесли в нашу жизнь лагерную философию одиночек, постепенно заменяя «все как один умрем» осторожным «умри ты сегодня, а я завтра». Ядом была напитана жизнь, яд вливался в наши головы с книгами, все постепенно менялось, и не в лучшую сторону.

Процесс над Синявским и Даниэлем знаком мне был по газетам. Больше всего меня поражали выступления людей, в которых говорилось, что книг Даниэля и Синявского они не читали, но гневно осуждают писателей за то, что они искажают нашу советскую действительность и клеветают на нее. Мне хотелось безумно прочитать эти книги, чтобы попытаться все понять самому. Но прочитать эти книги было негде. Прошло время, я прочитал книги охаянных в то время людей. И что же? Собственно, я не понял, что в этих книгах было страшного. Ну написали. Хорошо написали. Надо было печатать. От того, что люди это прочитали, мир не перевернулся бы. Мир перевернулся как раз из-за того, что написанное объявили запрещенным. Мир всегда меняется в худшую сторону, если жизнь начинают обкладывать различного рода запретами. За колючей проволокой все и всегда обязательно видят свободу. Никто не понимает того, что это всего лишь тот же самый мир, но по ту сторону забора. Если смотреть правде в глаза, то осужденный и охрана всегда живут за колючей проволокой, только каждый из них живет по свою сторону.

Между прочим, до Синявского с Даниэлем был Тарсис. Здесь его сажали в дурдом, но и за рубежом быстро выяснилось, что это сумасшедший. «Голос Америки» сообщил, что Тарсис лечится в клинике у известного швейцарского психиатра. Мессии из психа не получилось.

Как было не поверить тому, что писалось в газетах? Мы все тогда росли в доверии к печатному слову. В стране, которая семимильными шагами шла куда-то вперед, и не могло быть иначе.

Вранье постепенно становилось нормой жизни. Воспринимали мы это вранье как чистую правду.

Вранье тоже было семимильным.

Обман...

Мы все изолгались. Наш мир полон вранья.

Включите телевизор — и вы увидите, как очередной Президент обещает бороться за всеобщее счастье и клянется лечь на рельсы, если эта борьба окажется неудачной. Многочисленные клипы до тошноты рекламируют абсолютно ненужные нам товары. Олигархи грозятся облагодетельствовать народ, и это означает, что пора присматривать себе место на кладбище. Вместо Родины нам выдали ничего не значащие бумажки. Родину кто-то оставил себе. Вместо настоящей работы нам дали базар и сказали, что это и есть работа, достойная пера фантастов.

Светка Федорова по телефону уверяет мужа, что ночевала у подружки, хотя всему отделу известно о ее интрижке с заводителем Михальским, деловитым кандидатом наук в роскошных очках и при нажитой умственным трудом лысине. Сам Михальский в очередной раз создает концерт «Три бабочки», клятвенно обещая обогатить всякого, кто вложит в бизнес хотя бы рубль. Остальные делают вид, что усердно трудятся, хотя все с нетерпением ждут вечера, чтобы распить уже запасенную водку, даже не подозревая, что вместо водки в бутылки залит суррогат. Сорванец и гроза первого «А» класса Вовик Булкин стирает в дневнике двойку, поставленную за пол-

ное незнание предмета. И даже бездомный пес Шарик делает вид, что спит, хотя на деле внимательно наблюдает за перемещениями по двору хозяйского кота Васьки.

Надоело.

Хочется праздника для души.

Праздник бывает чаще всего случайным — едешь по степи на велосипеде, вдруг пригорок, поворот и — что это? — перед тобою поле тюльпанов. Желтые и красные тюльпаны делают серую степь фантастически красивой. Казаки называли тюльпаны лазоревыми цветами. А еще влюбленный казак обращался к любимой: «Светик мой лазоревый». Тем самым красота девушки и цветка уравнивались — и цветок и девушка освещали степь своей красотой.

Ходят кони над рекою...

Примерно после четвертого класса мы всей семьей поехали на Хопер. Там близ станицы Зотовской на хуторе Покручинский до войны жила семья Сенякиных. Она была многочисленной, но я не помню, сколько детей было в семье. Сам я знаю двоих — деда Василия и деда Илью. Странное пошло время — никто и ничего не помнит о своих предках. Забывчивое время — помнят обычно только то, что застали в жизни. Вообще вся жизнь разделилась на жизнь до семнадцатого года и после него. Революция прошла шашкой по памяти, кровавая, она вырубилась из нее поколения прадедов.

Увидев Хопер, я сразу вспомнил, что рожден казаком. Это кто-то ведет свой род по матери, у нас род всегда просчитывался через мужиков. Мать была с далекой Вологды, но отец был казачьих кровей, поэтому я мог смело считать себя принадлежащим к загадочному казачеству, которое вырубалось революцией, двумя войнами, но было неистребимо и колюче, как степной осот.

Хопер был не очень широк. Вода в нем была чистой, прозрачной, ее можно было пить из пригоршни. Она была слад-

кой. Берег был в корявых плачущих ветлах, росших из мелко-го речного песка. На отмелях били малька щуки и окунь. У противоположного слегка обрывистого берега отрывисто брал язь, красивая сильная рыба, которая, к моему огорчению, рвала тонкую леску.

Именно на Хопре отец научил меня плавать.

Учил он меня просто — отплывал на лодке от берега и бросал меня в воду. Я начинал барахтаться и тонуть, чувствуя под собой засасывающую, словно пасть сома, глубину. После нескольких неудачных попыток, нахлебавшись речной воды, я незаметно для себя поплыл.

Так и плыву до сих пор потихоньку. Барахтаюсь, сопротивляясь течению. С тех самых пор понял для себя главное — не плыви по течению, всегда выгребай против него. Не будешь выгребать против течения, река жизни тебя унесет.

Несет меня река.

Когда-то все кончится. Каждая речка впадает в свое море. Куда-то впадет после смерти моя душа?

В этот год в клубе показывали кинофильм «Человек-амфибия». Прекрасные съемки под водой, до боли всем знакомый сюжет, только немножечко осовремененный. И Михаил Козаков в роли Педро Зуриты хорош, об Анастасии Вертинской и говорить не приходится. Сразу заговорили фразами из кинофильма. Помнится, фразу Бальтазара «Что вы, дон Педро, это я вам должен кучу денег!» использовали и в дело, и не в дело. Сразу же зажила своей жизнью, обретая приклатненные акценты, песенка про «морского дьявола». И пусть кораллы в кинофильме были пластмассовыми, пусть подводная лодка казалась почти фанерной, кинофильм мы приняли. И печальный Коренев в роли Ихтиандра, и все остальное...

А вокруг Панфилова не было ни рек, ни озер. Только пруды с желтоватой от глины водой. Хотелось на море. Но оно было недоступным, как «Артек». Это считалось, что «Артек» здравница детворы всего мира. Легче горбому было выправить свой горб, чем ученикам из панфиловской средней школы

попасть в Артек. Для нас существовали пионерские лагеря на Дону. Правила в них были строгими, распорядок дня соблюдался строго, и больше всего в пионерлагере боялись, чтобы мы не утонули при купании. Поэтому купаться нас водили в специальный «малечник» — большую деревянную коробку с высокими бортами. После купания нас пересчитывали поштучно.

Мать в Панфилове работала буфетчицей в чайной. В чайной продавали водку на розлив и еще там продавали пиво. Поэтому там всегда было полно мужиков. В чайной стояли круглые столики на шатких ножках. На столах бесплатно подавался хлеб, соль, перец и горчица. Иногда мы набирали хлеба и горчицы и отправлялись компанией воровать селедку из копильного цеха. Это было еще одно чудо природы — до ближайшего моря были тысячи километров, но в Панфилове существовал копильный цех, в котором коптили исключительно сельдь и скумбрию. И то и другое отличалось высокими вкусовыми качествами и пользовалось спросом у населения. Половина населения скумбрию и селедку покупала в магазинах, вторая половина предпочитала есть эти морские продукты на халяву. Недостачи, впрочем, никогда не было, поэтому состояние равновесия поддерживалось всегда.

А с ржаным хлебом и горчицей скумбрия и селедка очень вкусны. Или мы в то время вели здоровый образ жизни и не страдали отсутствием аппетита.

Иногда мы ходили на панфиловскую хлебопекарню. Боже, какой вкусный хлеб там пекли! Нам давали еще горячие сайки, и мы ели еще дымящийся хлеб, похрустывая великолепной поджаристой корочкой. Вкуснее всего есть этот хлеб с холодным молоком, поднятым из погреба. Я так и ел его.

Хлеб моего детства...

Библиотек в Панфилове было три.

Конечно, это была взрослая библиотека, потом еще была детская библиотека, ну и конечно же, школьная библиотека.

Я был записан во все три. И во всех трех я зарекомендовал себя самым ревностным читателем. Обычно на руки давали по две художественных книги. Я был исключением из общего правила, получая по карточкам сразу по стопке книг в каждой библиотеке. Книги я читал запоем. Сначала библиотекари не верили, что книги можно так быстро читать, они устраивали мне экзамены, расспрашивая о содержании книг. Потом они перестали это делать, более того, я перешагнул возрастной ценз и начал брать для чтения Ремарка и Золя, Бальзака и Мопассана, Гюго и Жюль Верна, чьи многотомные собрания сочинений пылились на полках. В чтении я был неразборчив. Я читал Апулея и Петрония, тут же открывал дидактичного и нравоучительного Немцова, чтобы через несколько дней увлечься научно-популярной литературой. Интересен был Игорь Акимовский, но не менее интересны Обручев и Ферсман, чьи научные труды зачем-то попали в сельскую библиотеку. Была такая «Библиотечка пионера», которая учила детишек различным самоделкам. Эти книги тоже интересовали меня, как интересовали детективы Овалова, Шейнина и Адамова. Но больше всего меня интересовала фантастика. Она сразу увлекла меня своей необычностью. Дома у меня к тому времени стояли сборники «Золотой лотос» и «Альфа Эридана», еще был Ефремов, что-то из Беляева, роман Сибирцева «Сокровища кряжа Подлунный».

В библиотеках я нашел для себя многое. Во-первых, это были альманахи «Мир приключений». С первого по восьмой они были широки и высоки, совсем не похожи на кирпичики более поздних изданий. В альманахе печатались Стругацкие и Полещук, Казанцев, Бердник и Гансовский, Ляшенко и Мартынов. Потом появились Днепров, Мирер, Громова, всех трудно перечислить. Нет, ребята, это были звездные времена!

В детской библиотеке я нашел «Страну багровых туч» и «Возвращение» братьев Стругацких, потом в ленинградском сборнике «В мире фантастики и приключений» обнаружил «Путь на Амальтею», а в «Фантастике» за 1962 год удивитель-

ную повесть «Попытка к бегству», которая абсолютно не подходила ни на что из прочитанного мной к тому времени.

Ах, какие были времена!

В Доме пионеров были годовые подписки журналов «Смена», «Знание — сила» и «Техника — молодежи». И еще там были подшивки журнала «Волга», в котором ругали Владимира Высоцкого и Булата Окуджаву за отсутствие голосовых связок, будто это для песен самое главное. Как беспощадны и непримиримы были критики! Я читал и плевался. «Комиссары в пыльных шлемах» мне жутко нравились, как и «надежды маленький оркестрик под управлением любви», а Высоцкий уже спел «На братских могилах» и «Штрафные батальоны». Впрочем, бог с ними, с критиками, которых уже никто не помнит, в то время как имена моих любимцев продолжают сверкать. И еще там были статьи о полузапрещенных «битлах». Нужна ли нам такая музыка? — вопрошали критики. Сомневался тот, кто слушал их песни тайком, а потому «битлам» завидовал. У меня же сомнений не было — «битлы» мне нравились, и их музыка мне была нужна. Но не это главное. Главное в другом. Сколько приятных минут я провел над подшивками журналов «Знание — сила» и «Техника — молодежи», которые давались мне на дом. В Доме пионеров я также обнаружил совершенно неизвестный мне журнал «Уральский следопыт». Спустя некоторое время он стал моей любовью на долгие годы.

Еще я брал книги у друзей. Про Халупняка я уже говорил, любителем фантастики был мой постоянный соперник Толька Никон. В те дни, когда вражда не разделяла нас, мы менялись и открывали друг другу книги. Никон дал мне прочитать роман Сафоновых «Внуки наших внуков», который выпустила «Молодая гвардия». У него же я брал роман Брагина «В стране дремучих трав».

На улице Рабочей был крохотный книжный магазин. Порывшись на его развалах, можно было обнаружить библиографические редкости. Запах книг притягивал меня сюда не меньше, чем в библиотеки. К тому же здесь можно было ку-

пить книгу, и она оставалась с тобой навсегда, библиотечную книгу рано или поздно надо было возвращать обратно.

В шестьдесят четвертом, поддавшись моему нытью, отец купил в этом магазине роман Ивана Ефремова «Лезвие бритвы». Книга имела подзаголовок — роман приключений. Я и читал ее с этой точки зрения, только значительно позже я понял, что Ефремов имел в виду приключения духа, а не тела.

Тогда еще я не читал Ефремова, но после «Лезвия бритвы» я прочитал его повесть «Звездные корабли». Была она скучноватой. А потом мне открылся мир его «Туманности Андромеды». Роман показался холодным и стерильным, излишне торжественным. В таком мире жить не хотелось. Он был строг и отстранен, как икона в церкви. Наверное, идеологи партии так решили: коммунизм — это наша святыня, и нельзя позволить, чтобы ее лапали грязными руками. Стерильный холодный мир «Туманности Андромеды» подходил им как нельзя лучше. Из книги сделали икону. А ведь у Ефремова были великолепные романы «Великая дуга» и «Путешествие Баурджеда», у него была книга, похожая на гемму, — «На краю Ойкумены». Они были наполнены жизнью как она есть, и я восторженно проглотил эти книги, желая продолжения.

Что касается светлого будущего, то в повести Стругацких «Возвращение» оно выглядело привлекательнее. В таком мире хотелось жить, еще больше хотелось познакомиться и подружиться с живущими в этом мире людьми.

Книги формировали мое отношение к миру.

В тумбочке у отца хранилась потерянная синяя книга, которая называлась «Декамерон». Это была запрещенная книга, мне ее не полагалось даже видеть, но что может быть любопытней мальчишки и могут ли от него быть тайны? Разумеется, что я нашел это бессмертное творение итальянца Боккаччо и начал его читать. Это был мир эротики и анекдота, и то и другое меня уже весьма привлекало. Мы уже прошли через нескромные рассказы, подглядывания в деревянном туалете и в бане за женщинами, робкое лапанье девчонок в воде, а пробудившиеся эротические мечтания привели в конце кон-

цов к тому, что мы на спор принялись измерять свои крошечные члены деревянной линейкой, за которой Васька Ледовский специально сбегал домой. Знал, негодяй, что станет победителем!

Так вот, я сидел и читал в «Декамероне» новеллу о монахе Рустико, который учил некую Алибек загонять дьявола в ад. В это время пришел отец и, раздеваясь, спросил: «Чего читаешь?» Вместо ответа я показал ему обложку «Декамерона». «Хорошая книга», — рассеянно сказал отец и прошел в другую комнату, но тут же вернулся обратно. Вид у него был одновременно смущенный, встревоженный, возмущенный и озадаченный. Это я теперь понимаю, что смутился он из-за того, что стеснялся хранения неприличной книги в своей тумбочке. Встревожился прежде всего из-за того, что сомневался в моей способности адекватно оценить этот вид литературы, возмущенный — ну, это понятно! — а озадачился он тем, что не знал, как ему правильно отреагировать на случившееся — то ли попытаться сделать вид, что ничего особенного не случилось, то ли немедленно подвергнуть меня порке, несмотря на мою больную ногу, и тем самым воспитать юного нахала в полном повиновении в соответствии с патриархальным строем нашей семьи.

Что ему рассказывать, он бы не понял. Мы диалектику учили не по Гегелю. Основы эротической жизни мы изучали не по «Декамерону». Книга только способствовала пониманию сути вещей. К тому времени я уже начал понимать, какое значение в жизни человека имеет секс. Но все равно очень хотелось верить в любовь.

Отец работал преподавателем автодела в местном СПТУ. Странно, но учащихся этого профессионального училища отчего-то в Панфилове называли чигулями. Часть из них жила в общежитии, другая часть проживала на квартирах. Местные чигулей не очень любили. Иногда случались стычки, но до масштабных драк дело не доходило.

Чигули играли с нами в футбол. Мы были младше, но усерднее. Обычно мы у них выигрывали. После футбольного

матча мы — грязные, усталые и счастливые — садились на велосипеды и отправлялись на пруд. Самые продвинутые, у кого родители получали побольше, ездили на велосипедах с моторчиками. Очень было удобно — немного разгоняешься, нажимаешь на педали в обратном направлении, и велосипед едет сам, задорно тарахтя моторчиком и оставляя за собой дымный след.

Меня на велосипеде научил ездить Саня Галкин. Он приезжал с хутора Макаровский, что располагался в четырех километрах от Панфилова. Велосипед у него был «дамский», то есть без рамы впереди. Он посадил меня на велосипед и сказал, чтобы я крутил педали. После чего сильно толкнул машину вперед. Я, разумеется, сверзился в пыль. Он еще раз посадил меня на велосипед и снова сказал: «Крути педали!» После этого снова толкнул меня вперед.

И я поехал, постепенно усваивая нехитрую истину, что самое главное в жизни — это постоянно крутить педали, не давая себе свалиться в пыль на обочине дороги. Это главное — крутить педали. В тот год мне исполнилось двенадцать лет, все мои сверстники давно «летали» на велосипедах, только я не умел ездить, отчего сам себе казался неполноценным. Саня Галкин восполнил этот пробел в моем воспитании и избавил меня от уже усугубляющегося комплекса неполноценности.

Это был мой последний год в Панфилове. Сестра окончила школу и поступила в педагогический институт. Родители решили переехать в город, чтобы сестра была у них на глазах. Разумеется, меня они взяли с собой.

В городе езда на велосипеде стала неактуальной. Там имелось в достатке других видов транспорта.

Но каждый год, приезжая к бабке с дедом, я садился на велосипед.

В Панфилове мне всегда находилось, куда на нем ехать.

В шестьдесят шестом я стоял в тамбуре и смотрел, как удаляются от меня знакомые переулки. Мелькнул стадион, на мгновение остро запахло копченой скумбрией, потом про-

тарахтел велосипед с моторчиком. Прошуршал слева ветвями селекционный сад, где так сладки были ворованные яблоки сорта «золотой налив». Я отправлялся в будущее, но еще ничего не знал об этом своем путешествии.

Мне еще предстояло не раз возвращаться сюда. Каждое лето до самого окончания школы я приезжал к деду с бабкой, и все это было путешествиями в прошлое. Поезд был машиной времени, город был моим будущим, село — моим прошлым. Знать бы, какую бабочку однажды я раздавил и по пути куда!

В сумке у меня были две книги — роман Г. Мартынова «Гианея» и изданный издательством «Мысль» роман Ф. Карсака «Робинзоны Космоса». Свое «Возвращение» мне еще только предстояло украсть. Мир был огромен, пространство впереди беспредельно, звезды были, как никогда, близки — в космос уже полетела первая женщина, которую звали Валентина Терешкова. Я не сомневался, что одним из космонавтов однажды стану и я.

Ради этого стоило жить. Других целей мы перед собой тогда просто не ставили.

Жизнью правила романтика; хотелось жить на разрыв души, поэтому никто не мечтал стать банкиром, а тем более бандитом. Мы мечтали о большем. Банкирами и бандитами нас постепенно делала сама жизнь. Как и ментами.

Наивные и восторженные, мы вбегали в мир, совсем не замечая черных туч там, где вставало солнце.

Часть вторая

ГОРОД ДЕТСТВА НА ПРАВОМ БЕРЕГУ

Город стоял на берегу реки.

Провинциальный и тихий, нам после еще более глухой и тихой деревни он казался столицей. Мамаев курган был покрыт лесопосадками, на его вершине высилось какое-то сооружение, затянутое в леса, — тогда я еще не знал, что вскоре там появится разгневанная женщина с мечом, которая этим мечом почему-то грозит тем, кто живет за Волгой, хотя на деле немцы наступали с юга и с севера, с запада — откуда угодно, только не с востока.

Отец с матерью сняли квартиру. Это были три небольшие комнаты в полуподвальном помещении частного дома по улице Колодезной. Улица эта располагалась в поселке Второй километр, который всегда славился своей шпаной и хулиганами. Дом располагался у подножия Мамаева кургана, от кургана его отделял лишь глубокий овраг. Вот на Втором километре я и продолжил свое обучение. Восьмидесятая школа, в которую меня определили, была одной из последних городских восьмилеток, она располагалась в старом двухэтажном здании на краю оврага, но этот глубокий овраг отделял поселок уже от района Газаппарата и Красных казарм. Здесь, на дне оврага, располагался богатый Шишкинский сад, который так назывался по имени своего создателя. Кем он был, как жил и как закончил свою жизнь, я так и не узнал, но в сад он вложил свою душу. К сожалению, несколько позже

овраг начали замывать песком из Волги, и постепенно деревья скрылись под его многометровым слоем, а от озера, на берегу которого располагался сад, осталось лишь маленькое голубое блюдце, в котором мы купались в жаркие месяцы лета.

В школу я пришел уже после начала учебного года, где-то в октябре. Я пришел в свой класс на уроке химии. Войдя в учебный кабинет, я ощутил на себе десятки любопытных глаз, но это меня не особенно смутило. Оглядевшись, я заметил свободное место около симпатичной девочки. Подошел и сел за стол. Девочку звали Лена Данильченко, она была симпатичной, но обещала располнеть в самом недалеком будущем. Особого значения своему поступку не придал, и зря — уже на перемене ко мне подошел угрюмый парнишка и сказал, чтобы я отсел от Ленки, а не то... Остальное было понятно без слов, но во мне заговорило упрямство. Все кончилось легкой потасовкой с поклонником девочки, которого звали Володя Краюшкин. Ловкость и занятия боксом со Шкуриным помогли мне одержать верх, но тогда меня вызвал на беседу еще один, он оказался школьным шишкарем, как тогда называли лидеров. Шишकारя звали Боней. Вызов был обставлен просто — мне на голову надели грязный мешок, который служил половой тряпкой. Я снял мешок. Скрутил его в жгут и огляделся. Определить, кто меня ударил, оказалось не слишком сложно — он откровенно ухмылялся. Драка была короткой. Во время нее ко мне подскочил маленький парнишка, который зашипел мне в спину: «С кем ты связался? Это же Боня!» Я огрызнулся: «Откуда я знал, что это Боня!» Тем не менее держался я достойно. Тем самым я отстоял право сидеть, где мне вздумается, и вошел в число учащихся школы. А маленький парнишка, оказавшийся моим одноклассником, стал и моим другом. Это был Петя Жуков — влюбленный в историю и географию человек, который любил фантастику и вообще обожал читать книги, к тому же Жуков отличался недюжинной фантазией. Постепенно я обзаводился друзьями. В доме под радиоглушилкой, которая не давала свободы слова радиостанциям «Немецкая волна» и «Свобода», жили Саня Баш-

кин и Вася Попков, рядом с Жуковым, который с родителями проживал в доме барачного типа, в таком же доме жил Витька Калинин по кличке Калин, по пути из школы ко мне домой жили Саня Ерохин и Саня Горюнов, которого звали Джимом. С Джимом мы считались приятелями, а с Ерохой сошлись значительно ближе.

В сарае у Петьки Жукова у нас была штаб-квартира. Именно там мы собирались и при свете свечи рассказывали разные жуткие истории. Здесь рождались первые фантастические рассказы и пересказывались сюжеты несуществующих книг, якобы прочитанных нами.

Во дворе дома, где жили Башкин и Попков, мы играли в «дыр-дыр» — подобие футбола с маленькими воротами и без вратарей. Это был не тот футбол, к которому я привык в Панфилове. Но все равно было интересно. Мы играли с азартом — падая и роняя, рутаясь и мирясь, забивая голы и безбожно промахиваясь по воротам.

С неудачливым воздыхателем Ленки Данильченко, которого на Втором километре все звали Краем или Краюшкой, мы подружились и ходили на Мамаев курган крыть сетками реплов и щеглов, а также раскапывать блиндажи, которых там еще оставалось более чем достаточно. Крыть сетками птичек очень увлекательно. Не менее увлекательно раскапывать блиндажи, в которых можно было найти много интересного и даже полезного. Кроме костей, мы находили наши и немецкие награды, ржавое оружие, которое при определенной сноровке оказалось легко привести в рабочий и даже товарный вид. Однажды мы нашли немецкий хлеб в полиэтилене. Его следовало опустить в воду, и тогда маленький прессованный брикет раздувался до обычной сайки. Хлеб чуточку горчил, возможно, из-за добавленных в него отрубей, но есть его было можно.

Именно тогда определялось будущее нас всех.

С нами в классе учились разбитные хлопцы — Саня Чувакин, Витька Фокин, Серега Шевченко. Всем им, как и Кра-

юшкину с Калиным, предстояло в недалеком будущем пополнить преступный мир. Если Чувакин, Фокин и Шевченко просто добросовестно отсидели за совершенные ими кражи из автомашин, то Краю и Калину пришлось пройти по долгим ступеням преступной иерархии и получить почетные ныне звания особо опасных рецидивистов. Впрочем, счастья это им не добавило. Края в пьяной драке убили родственники, Калинин Витька отсидел пять или шесть раз и, как я слышал, отправился сидеть за новое преступление.

Первые звоночки прозвучали уже в седьмом классе. С нами учился некто Нелюбин — прыщавый второгодник с блатными замашками, отсидевший в двух классах по два срока. Его компания поймала на Мамаевом кургане пионерку, которая вела телевизионную передачу «Пионерская зорька». В прыщавых телах разыгрались прыщавые гормоны, и они попытались девочку изнасиловать. По возрастным причинам, из-за неопытности и торопливости это им естественным путем не удалось, и тогда они сделали это грязными немытыми пальцами. Всех их посадили, и от этого в школе стало лишь легче дышать. О них никто не жалел. Это была грязная накипь на кастрюле, в которой варили мужчин.

Мы были далеки от этого. Собираясь вечерами, мы рассказывали истории о брига живых мертвецов, истории о черной руке и блуждающих кровавых пятнах, постепенно добираясь до таких высот, что, выходя из сарая, сами боялись идти домой. Еще были фантазии на сексуальные темы, причем каждый врал, что это с ним происходило на самом деле. Гормоны играли. Впрочем, это не мешало нам оставаться детьми. Хотя рассказы были ого-го какими!

Кстати о гормонах.

Иногда в летние выходные мы всей семьей выезжали на пляж.

Еще выезжала тетка со своим вторым мужем и ее друзья и подруги. Среди них выделялась томная плавная тетка Зоя, у которой из синего бюстгальтера выглядывали белые полуша-

рия груди. Это было именно то, что мы в своем подростковом кругу всегда называли сиськами, стеснительно при этом хихикая.

Однажды суховатая и со злым лицом тетка Дина перехватила мой взгляд.

— Гляди, смотрит! — искренне удивилась она.

— Все они сейчас ранние, — лениво сказала тетка Зоя и щедрой рукой сдвинула ткань бюстгалтера в сторону, чтобы круглые запретные плоды были мне виднее. Стыда я не испытал, только жгучее любопытство и что-то похожее на желание вдруг зашевелились в глубине души. И я торопливо побежал купаться.

Вода в Волге всегда была прохладной.

Она и позже успокаивала.

В глубине темной воды порой угадывались огромные серебристые рыбы. Глядя из-под воды, они видели тени, что бродили по песчаному берегу. Для рыб мы казались богами, неторопливо бредущими по суше — этой разделительной черте, отделяющей небо от воды.

В тихом зеркале природы...

Если пройти по берегу, пересечь волейбольную площадку пляжа, обогнуть деревянный ресторан «Волга» и миновать сухой потрескивающий ветвями сосняк, можно было выйти к небольшому озеру. Озеро поросло камышом, на спокойной черной поверхности его глянцево зеленели круглые листья, среди которых белыми кудрявыми кулачками светились лилии. Если встать на берегу, в глубине озера можно было заметить ленивый медный блеск. Малька здесь плескалось столько, что озеро напоминало инкубатор. Иногда на озере встречалась ленивая цапля, которая расхаживала по мелководью, разгребая клювом тину и ловко выхватывая оттуда мелких рыбешек и зазевавшихся лягушек.

Главным было — не испугать комаров. Одно неосторожное движение — и ты оказывался в дымном облаке, способном выпить из тебя всю кровь.

Все портила только конная милиция, которая вставала у дебаркадера, к которому причаливали катера. Милиция бдила за порядком, лошади лениво пили волжскую воду. Иногда на дебаркадере случались стычки, которые в зародыше гасили конные милиционеры. При этом самую активную роль играли лошади, теперь уже всадники лениво наблюдали с высоты лошадей за реакцией толпы.

Толпа реагировала правильно.

Вспоминая о том времени, я всегда думаю о тех развилочках судьбы, благодаря которым наша жизнь складывалась определенным образом. А ведь жизнь могла сложиться и совсем иначе. Тогда у нас не было иммунитета против зла, а компании всегда придерживались в своем поведении стайного и не всегда порядочного принципа. Я вполне мог оказаться однажды на скамье подсудимых, приняв участие в краже или будучи пойманным за хранение огнестрельного оружия. Долгое время я владел офицерским «вальтером», найденным в одном из блиндажей. Хорошая оказалась игрушка! А патронов к ней было немерено. Иногда мы с Краюхой забирались в овраг, выставляли у глиняного откоса пустые бутылки и банки и упражнялись в стрельбе, чувствуя свою взрослость и крутость.

Уже в восьмом классе я с другом гулял по набережной, где нас пытались ограбить. Несколько подростков с ножами в руках хотели освободить нас от лишних денег. Но лишних денег в пятнадцатилетнем возрасте просто не бывает. А вот «вальтер» у меня был под рубахой. Выстрел из него привел грабителей в состояние тупой покорности. Мы отобрали у них ножи, а потом в порядке компенсации очистили их карманы. У них оказалось семнадцать с половиной рублей, которые мы тут же потратили в кафе «Керамика» на вино «Фетяска» и мороженое. Уже позже я понял отчетливо, что в тот день моя судьба могла круто перемениться, ведь то, что мы сделали с дружкой, называлось на языке уголовного кодекса просто и обыденно — разбой.

Вот интересно, кем бы я стал? Возможно, я стал бы не подполковником милиции, а крутым паханом или, как их теперь называют, «авторитетом». Родственники меня, конечно же, стыдились бы, а нынешнее поколение смотрело бы на меня с уважением, как раньше мы смотрели на летчиков, космонавтов и ученых. Во всем есть какая-то предопределенность. Эта предопределенность и повела меня по совершенно иному пути, о чем я нисколько не грущу, наоборот — радуюсь, что судьба оберегла меня от опасных поворотов.

Я рад, что остался человеком.

Сломанные зоной люди, определившие свой воровской путь, лишь внешне напоминают людей. В душе у них пустота, а в глазах их никогда не бывает радуги. Откуда взяться радуге, если ты все видишь в черно-белом цвете? Я жалею этих людей. Я их очень жалею. Такие люди подобны чертополоху, расцветшему внезапно на заливном лугу, он может оказаться и красивым, но все-таки будет чужим пахучему разнотравью, его иголки не позволяют любить чертополох, как любят чабрец и донник, как любят горьковатую степную полынь, как обожествляют лазоревые цветы степи — неяркие и все-таки сумасшедшие тюльпаны.

Ладно. У каждого своя судьба. И все-таки я с тоской вспоминаю руки приятеля моего детства Володьки Краюшкина. Эти руки, уже принадлежащие коренастому и хмурому мужику, светились белыми шрамами, пересекавшими вены.

Они говорили за жизнь Вовки Края куда больше, чем его немногословные рассказы, в которых привычные нам с детства слова были щедро посолены российским матом и поперчены блатными выражениями, известными нам двоим.

Знаете что? Вор и сыщик — это два берега одного жизненного потока. Они неотделимы друг от друга. Вор нуждается в сыщике, этого требует общество. Но и сыщик нуждается в воре, без этого стала бы невозможной его профессия. И эта тайная связь проходит между ними всю жизнь. Быть может, именно поэтому воры хотят, чтобы их похоронили на аллее,

где чаще всего хоронят ментов. Сопричастность продолжается и после смерти. Только признаваться в этом воры не хотят. Как и сыщики.

Разумеется, что в школе, куда я пошел учиться дальше, была библиотека. Заведовала ею Вероника Федоровна Круглова, которая одновременно являлась нашим классным руководителем. Что и говорить, с Петькой Жуковым мы излазили библиотеку от нижних полок до верхних. Там имелось старое виньеточное издание «Тайны двух океанов» Адамова, еще там нашлись романы и сборники рассказов ныне забытого Вадима Охотникова, который целился только в ближайшее будущее. Впрочем, какого черта?! Говорят, он был милейшим человеком, активным изобретателем. А литература для него была отдушиной. Не надо из человека делать монстра. Читали его с интересом. Я читал, свидетельствую о том. Ну не Толстой (на выбор), ну не Достоевский. Но, в конце концов, и не сотни других, уже давно и напрочь благополучно забытых. И в школьной библиотеке преступно бесхозно лежало первое издание романа моих любимых Стругацких. Конечно же, это было «Возвращение». В библиотеку книга уже никогда больше не вернулась. Она сопровождала меня всю дальнейшую жизнь. Странствия, которые выпали на ее долю, казались бесконечными. Теперь они завершаются. На книге появился автограф Бориса Натановича. К сожалению, Аркадий Натанович уже ничего не напишет. Я опоздал. Ах какое было «Возвращение»!

Первое издание мне нравилось больше. Хотя бы тем, что в первом издании была робко намеченная линия любви девушки Ирины к космолетчику из прошлого Кондратьеву. Потом в других изданиях авторы эту линию сократили. Но разве бывает будущее без любви? Тогда этот вопрос передо мной просто не стоял. Я твердо знал, что без любви не бывает и настоящего.

Потому что в класс пришла Галка Малыгина.

В нее я влюбился сразу и бесповоротно, при этом так, что это стало видно всем.

Я смотрел на нее так, как смотрят верующие на иконы. Она являлась для меня иконой божества, в которое хотелось истово верить. Она была прекрасна. И при этом она почти не замечала меня. Что можно сделать, чтобы божество обратило на тебя внимание? Трезвомыслящий прагматик нашел бы варианты, но истово верующий на это не способен. Быть может, я оказался слишком молод для такого чувства, скорее всего это именно так.

Я писал плохие стихи и читал их своим друзьям. Другим эти стихи казались хорошими. А как же иначе? Стихи-то были про любовь, а любовь при этом оказалась не такой уж и отдаленной, она была видна всем, кто учился тогда рядом со мной.

Постаревший Петька Жуков и сейчас вспоминает происходившее тогда с умилением. Я сам уже мало чего помню. Помню только беззвучно орущее ощущение счастья, когда я шел рядом с Галкой и нес ее портфель.

Было хорошо оттого, что она есть. Достаточно оглянуться, увидеть ее серые глаза и смущенную улыбку.

Память, память, что ты делаешь с людьми!

Рядом с поселком высился Мамаев курган.

Вершина его была в лесах. Там скульптор Вучетич ваял что-то монументальное, что должно было в день открытия раз и навсегда поразить все прогрессивное человечество. Мы были трудолюбивыми муравьями, роющимися у подножия будущих монументов. Мамаев курган, был *terra incognita* нашего времени. В лесополосах, окружающих курган, можно было наткнуться еще на скелет в остатках мундира, раскопать блиндаж, посидеть в холодном и мрачном дзоте, а то и найти невзорвавшуюся авиабомбу. Ее можно было взорвать. Для этого ее надо было добросовестно обложить сухими ветками, поплескаться бензином, провести дорожку к окопчику у обрыва и зажечь спичку.

— Не взорвется! — убежденно сказал Край.

— Должна, — неуверенно сказал я, изучивший устройство зарядов по книге «Артиллерия», изданной в пятидесятые годы. Между прочим, в этой книге были приведены сталинские слова, что артиллерия — бог войны, и в это нельзя было не поверить. Осколков на Мамаевом кургане было столько, что сразу всем становилось ясно — так гадить могут только боги.

— Фигня все это, — авторитетно сказал Витька Калин. — Полезу посмотрю. Может, костер погас.

Но костер не погас. Было самое время, когда Калин высунулся из окопчика. Ахнуло так, что раскаты еще несколько минут гуляли над курганом. Окопчик, в котором мы сидели, обвалился, и мы повисли на пятнадцатиметровой высоте.

— Вот мы дураки, — задумчиво сказал Калин. — Запросто накрыть могло.

Мы его слышали плохо. В ушах еще звенело. В воздухе пахло паленой пластмассой.

Последние пушки грохочут в кровавых спорах,
Последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат*.

Ну, что сказать? Раздарено было немало!

Ах развилки судьбы! Ведь еще тогда все могло кончиться. Но кто-то наверху рассудил, что мы должны пожить побольше, чтобы было время сыграть в казаки-разбойники не понарошку, а на самом деле. Калин и Край стали разбойниками, я же остался казаком. Игра наша затянулась до самой смерти. Большую часть жизни мы находились по разные стороны колючей проволоки. У каждого из нас была своя свобода. Уже много позже мой друг детства Володя Краюшкин, ставший особо опасным рецидивистом, пришел ко мне в кабинет, положил на стол руки в белых полосах шрамов на не единожды резанных венах и глухо сказал: «Устал!»

* Стихи Владимира Маяковского.

Время нас отбирало. Кому-то оно давало второй шанс, кого-то сразу отправляло на небеса. Кого-то оно делало разбойником, кого-то — казаком. Будущая смерть уравнивает всех. Для нее все различия несущественны. Если вы мне не верите, посидите ночью на кладбище.

Восьмидесятая школа, в которой я учился, была двухэтажной, с каким-то легкомысленным флигельком на крыше. Класс наш оказался довольно шпанистым, нравы и отношение к учебе — легкомысленными, поэтому многие учителя на время урока запирали класс на ключ. Высшим шиком было во время урока выпрыгнуть со второго этажа в окно на кучу шлака. В отличники мы не годились.

Тем не менее учился я не так уж и плохо. По крайней мере аттестат у меня был не хуже, чем у премьер-министра России конца девяностых годов Виктора Черномырдина, удивлявшего страну своими филологическими изысками. Помнится, он хорошо сказал, в духе нашего Второго километра: «Если у кого-то чешется, чешите в другом месте». И еще он выдал афоризм, точно определивший душу России: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!» Умри, Денис, а лучше не скажешь! Но, как мне помнится, всех затмил белорусский батка Лукашенко, когда ему вручали орден в православном храме на израильской земле. Он начал свою речь коротко и емко: «Я — православный атеист!»

И тут мы отвлечемся немного.

Нет, братцы мои, смесь политических и религиозных учений чаще всего получается гремучей. Возможно, я не прав. Обычно учение всегда заявляет себя как политическое, обретение им религиозности есть высшая ступенька, превращающая учение из эталона в идеал. Поэтому евангельские заповеди срабатывают, а Моральный Кодекс строителя коммунизма не сработал. Хотя надо сказать, марксизм-ленинизм даже стал одно время религией XX века. Вся беда в том, что у

марксизма не было стержня — Учителя, вместо него были педагоги, которых, как ни крути, невозможно приравнять к богам. Попытка обожествления педагога не сработала, обожествить можно только Учителя.

Христиане сделали Богом Учителя.

Христианский Бог — это педагог, который помогает людям подняться из тьмы к сверкающим истинам Абсолюта, при этом он учит, как это можно сделать. Заповеди его были уроками, которые надлежало усвоить.

Время детского сада закончилось.

Нам потребовался наставник. Поэтому веселая греческая религия и уступила место христианской. Поэтому история христианской религии полна фигур проповедников, иначе говоря — Учителей. Каждому хочется добавить свой лучик к сияющей истине.

Создание эталонов жизни и поведения — вот смысл христианской религии. Столетие за столетием нам навязываются стереотипы поведения в обществе, стремление повести людей по однажды намеченному пути развития выдается за любовь и сострадание.

Без образа Учителя христианская религия зачахла бы, но Бог христиан сам был человеком, познавшим муки и страдания, а потому получившим право на нравственные поучения. Неудивительно, что языческим полнокровным, но сверхъестественным богам оказалось не под силу конкурировать с Богом, который был слеплен из плоти и крови и который пролил эту свою кровь во имя людей.

Примерно то же самое произошло и в мусульманском мире. Привлечение к воспитанию людей образа Учителя сделало Мухаммеда Пророком, сам же Учитель вошел в мусульманский мир, снял обувь и оглядел своих учеников. Мухаммед сделал единственное — его Бог был более строгим, чем Бог христиан.

Но, видимо, это уже азиатский менталитет: там, где европейцу достаточно ивовых прутьев, азиату необходимо браться за бамбуковую палку.

Мы вошли в школьный класс. Я не знаю, сколько продлится наше обучение, но я знаю, что к прежним играм ворота уже нет. Детство подходит к своему концу, и это очень печально.

Христианство и марксизм-ленинизм удивительно похожи.

Христианство отрицает все, что противоречит существованию созданного им Бога. И марксизм-ленинизм выхолащивает весь духовный мир, сводя все к обязательности и неизбежности классовой борьбы, и делает это в светлых целях торжества бесклассового будущего, которое на поверку неожиданно оказывается убожеством, где правит посредственность. Любая вера всегда вырубала самые светлые и сильные ростки человеческого духа. Выступая в интересах своих религий, человек противоречит интересам всех других; верующий выступает противником всех иных вер, и нет ничего опаснее человека, выступающего с позиций догматического поклонения своему Богу.

Марксизм-ленинизм, созданный как философско-политическое учение, овладел умами миллионов и привел к созданию гигантского государства, воплощавшего теорию в практику жизни. Без сомнения, надо назвать марксизм-ленинизм одной из религий XX века, имевшей своих ересиологов и догматиков. Возможно, что истина крылась посередине. Победили же догматики. Мы при жизни, как и христиане, получили Учителя, растолковывающего нам постулаты веры, а дальше произошло неизбежное — поклонение догме стало непреодолимым барьером перед всем новым, что могло бы обогатить Учение, но не вписывалось в установленные им нормативы. Вначале догматики от учения начали утверждать истины, казавшиеся им незыблемыми, затем отрицать все, что противоречило их учению, затем сократили само Учение до прописных истин и, выхолостив из него живое содержание, сделали обучение учению бездарно поверхностным, выпуская цитатники, содержание которых можно было использовать как кубики — куда цитату ни воткни, она будет правильной, а далее все свелось к маразматическим старым вождям, оторванным от остальных людей и никогда не раскрывавшим ни

Маркса, ни Ленина, но с религиозным фанатизмом утверждавшим их единственность и уникальность для всей Вселенной, и не сознающим, что учению, как человеку, нужен глоток свежего воздуха, что мир развивается не догмами, а отклонениями от них, и истина — это тоска по ненайденному, потому что именно в неустанных поисках живет Природа. Вера в вечное развитие — вот Религия, которая достойна человека, достойна хотя бы тем, что в ней отсутствует Бог, и, следовательно, она лишена возможных и неизбежных для остальных Религий запретов.

Но меня унесло.

Помните, как писал Анчаров? Его повествование напоминало гуляку, который никуда не торопится. Идет себе по городу — туда заглянет, сюда забежит, увидит это, увидит то, отвлечется на беседу с прохожим. Видимо, меня подсознательно тянет к такому стилю изложения мыслей. Но там, где у Анчарова получается художественный текст, у меня выходит чистейшей воды графоманство.

Собственно, что такое графоманство? Всего лишь неистребимое желание писать. Но если это так, то я не графоман. Я испытываю отвращение при виде чистого листа. И вместе с тем меня тянет к нему. Я похож на кота, вдохнувшего запах валерианки из лужицы на полу. Запах этот вызывает отвращение и неистребимо притягивает к себе кота.

Хочется объять необъятное.

Я вырослел, а книги оставались необходимым условием моего духовного роста. Я был записан в три библиотеки. Собственная моя библиотека к тому времени составляла около сотни книг. Подавляющим большинством из них была фантастика. Плевать мне было на то, что говорили критики! Мне нравился «Марс пробуждается» Волкова, мне нравилась «Гриада» Колпакова, но мне нравился и «Солярис» пана Станислава, и еще мне нравился роман Д. Гранина «Иду на грозу», который был написан на той грани, где фантастика перестает

быть собою, а книга становится Высокой Литературой. Я читал и перечитывал «Золотой лотос», «Альфу Эридана», «Дорогу в сто парсеков», «Пылающий остров» Казанцева, «Далекую Радугу» и «Трудно быть богом» братьев Стругацких, в которых я влюбился раз и навсегда.

Шел одна тысяча девятьсот шестьдесят шестой год, а на улице Исторической имелся книжный магазин, где продавались новинки. И вот в феврале я зашел в этот магазин. Был мороз, а в магазине оказалось тепло. В разделе букинистической литературы лежало около десятка фантастических книг, да еще и на прилавки выставили «Эллинский секрет», очередной «Мир приключений» и «Фантастику, 1966, выпуск первый». Я был школьником, в кармане у меня жалко звенели двадцать пять копеек, и я изнемогал от тоски и обиды на несправедливости мира. Но тут я увидел, что продаются билеты «Книжной лотереи». Разумеется, в дикой и несбыточной надежде я тут же потратил свои двадцать пять копеек на билет. Бог не сволочь, он видит истинных любителей — мне достался максимальный выигрыш в пятьдесят рублей! И я произвел опустошение магазина, забрав все, что мне хотелось забрать. На трамвай и автобус денег у меня не было, я шел пешком, держа увязанные в стопки книги в обеих руках. Дома я разложил книги на полу и долго любовался ими, а потом начал читать. И в мою жизнь вошли зловреды и галакты из романа Сергея Снегова, удивительный Кандид из «Улитки на склоне» совсем необычных Стругацких, я взалхлеб читал «Хождение за три мира» Абрамовых, слушал песни слепого Райслинга из рассказа «Зеленые холмы Земли» еще почти незнакомого мне, но такого близкого Хайнлайна. Это было пиршество!

Господи! Как я благодарен книгам, научившим меня думать! Как благодарен их авторам за то, что они сделали меня тем, кем я стал! Прошло около сорока лет, а я по-прежнему чувствую сумасшедшую радость того дня, радость, которой я больше не испытываю, ведь и сам я стал иной и жизнь — черт ее побери! — совершенно изменилась.

— Дай почитать! — заныл Петька Жуков, увидев книги.

Все это было похоже на болезнь — самая толстая книга читалась за ночь. До сих пор я думаю, что хорошая жизнь — это «Три мушкетера» на ночь и крупные черные сухарики со стаканом ледяного молока. Было блаженство запивать сухарики молоком и следить за никогда не пьянеющим Атосом, графом де ла Фер, которого я почему-то любил больше д'Артаньяна. Он был личностью, только Дюма об этом не подозревал. Или нет? Может быть, и вся книга написана из-за истории графа де ла Фер и его красавицы жены, которая стала миледи? Подвесь меня за руки на дереве и оставь умирать, я бы вообще стал драконом!

Оторва век!

Заглядывая во вчера, я вижу их нынешних — морщинистого и язвительного Петьку Жукова, толстого и самодовольного Саню Башкина, пьяного и пугливого Ваську Попкова, рассудительного и расчетливого Саню Ерохина, всех, с кем меня тогда сталкивала судьба, давая прожить детство. Иных уже нет. Время попробовало их на излом. Материал оказался непрочным. Из оставшихся в живых оно выкроило то, что получилось. Мы себе не нравимся. Однако мы производное нашего вчера.

Мы выросли.

Медленно менялось время.

Романтика уступала место прагматизму. Никто уже не ехал на Север за туманом, туда ехали за длинным рублем. Книга превратилась в предмет роскоши, фантастика стала дефицитом. Ее стали продавать из-под прилавка.

Тогда я еще не понимал, как нагло и бессовестно меня обворовывали всю жизнь. Сколько книг я не прочитал вовремя! Если бы я прочитал их, то был бы совсем иным человеком — лучше, чище, добрей и, быть может, умней. Книжное изобилие свалилось на меня в конце жизни, когда мне уже поздно было меняться. Глупо меняться, да и невозможно — жизнь слепила из меня то, что она слепила. Как в старом

бородатом анекдоте: «Моцарт... Бетховен... Что получится, то и получится!»

Вот — получилось. Стакан водки могу без закуски. Запросто. На мертвяков смотрю без какого-либо отвращения. Пишу, что думаю. Это не всегда нравится. Первое не нравится моей жене, второе не по нраву разным снобам, третье не нравится никому. Писать надо, что интересно людям, а не тебе самому. Так меня однажды поучал один любитель фантастики, укоряя, что я совершенно не думаю о читателе. Он как раз прочитал «Владычицу морей». Я был с большого бодуна, и мне не хотелось спорить. Я соглашался. Мне и в самом деле плевать было на читателя, особенно если он зануда, как мой собеседник. Я его только спросил: «Ну, ты книгу дочитал?» — «Да», — сказал он. «Бросал читать?» — «Нет, — сказал он. — Как сел, так за раз и прочитал». — «Так какого же?» — взярилось во мне похмелье. Но я тут же махнул рукой. Какая разница, а?

Нет, все-таки хорошо, что хоть в конце жизни я поездил на разные конвенции. Узнал много хороших людей, попил с ними водки. Водка не была самоцелью, просто так складывалось, что она была приложением к приятному общению. Очень славные люди — Вячеслав Рыбаков, Андрей Измайлов, Юра Брайдер со своим соавтором Колей Чадовичем, немного меланхолический Кудрявцев, задумчивый Игорь Федоров, лысобородый Слава Логинов, который Витман, да много кого там было.

Увидел кумира — Бориса Натановича Стругацкого. Питерский интеллигент. Приятно и восторженно было смотреть. Еще приятнее было его слушать. Жаль, что уже никогда не увижу Аркадия Натановича. Не судьба! Мне показалось, что рыцарская лихость и этакое гусарство в их произведениях исходили именно от Аркадия Натановича, Борис Натанович показался мне более спокойным и рассудительным. Потом это подтвердилось «Поиском предназначения».

Боже мой, сколько хороших писателей старательно лепили меня в детстве, даже не подозревая о моем существовании!

В детстве меня восхищали рассказы Роберта Шекли. Сподобил Господь на старости лет. Я Шекли увидел. В рассказах он был неистощимым оптимистом. Русский писатель для русских читателей! Через сорок лет он удивлялся, что более популярен в России, нежели у себя, где его почти забыли. Милый Роберт, а для кого ты, черт побери, писал? Только не для сытого американца. Он слишком быстро забывает то, что совсем недавно составляло его жизнь.

Шекли имел русские корни, недаром в старости он оказался очень похожим на бича. Кстати, слово «бич» чисто русского происхождения, оно служит для сокращенного обозначения бывшего интеллигентного человека. При встрече, несмотря на то, что его окружали функционеры от фантастики, Шекли мне показался похожим на русского мужика, поднявшегося из теплотрассы, ставшей его домом.

Не зря поднялся — наверху его ждало много дел.

Только вот старость никого не жалела — он стал писать хуже и неинтереснее.

Еще я видел знаменитого Пола Андерсона. Он ходил по гостинице с гордым видом. Был он сухой и прямой, кожа на его лице желто сползала складками к подбородку. Рядом ходила его жена, немного похожая на пухлую наседку, которой уже не нести яйца. Один из моих любимых авторов! Было немного грустно на него смотреть. Черт побери, каждый человек не должен стать старше самого себя. В противном случае станешь похожим на кадавра.

Еще тоскливее было заглядывать в зеркало. Смотреть в зеркало было совсем неинтересно. Я знал, что я там увижу!

И другой пример — на сцене появился Вадим Шефнер, чтобы получить «Палладина фантастики». Было это в две тысячи первом. Тело его было старческим, он с трудом стоял, он покачивался, и его поддерживал актер Жуков, который ежегодно традиционно вел конвенции «Странника». Но какая ясная голова была у Вадима Шефнера, какой голос!

Я понял, что умру раньше. У меня никогда не было жажды жизни, которая просматривалась у Шефнера.

В тот день он был лучшим. Все остальные призеры отставали от него на шаг. В его возрасте это означало — навсегда. Да и вообще он был хорошим писателем и ехидным поэтом. Жил где-то в глубине его души вечный ребенок. Его существование подтверждалось интонациями «Девушки у обрыва», «Исповедью человека с пятью «Не», «Скромном гении» и в его стихах, которых я помнил великое множество. Говорят, что ему очень досадила великий мэтр А. Казанцев и в наказание Вадим Шефнер наклеил его фотографию внутрь унитаза. А чтоб не зазнавался и не плевался во все стороны! Говорят, Казанцев *стучал*.

Не хочу разбираться, кто в *те самые времена* на кого стучал. Бог их всех рассудит на небесах. Если только там есть кому и кого судить. Но ведь стучали! Стучали, граждане господа и товарищи. Почему? Почему? Места под солнцем не хватало? Счеты хотелось свести? Доказать таким способом свою правоту? Или это потребность иной творческой души? Помнится, и в более поздние времена иной критический отзыв глядел на автора зрачком ружейного ствола. Однажды Женя и Люба Лукины завладели внутренними рецензиями, которые на их сборник писали Казанцев, а еще чуть раньше Тупицын. Ну, братцы мои! Если это не политический донос, то я зря проработал в милиции долгих двадцать восемь лет. Но ради чего? Искренне верили в свою правоту? Так в этих критических опусах правотой и не пахло. А может, все прозаичнее — берегли свое место под солнцем от разных там лукиных, штернов, рыбаковых, не к ночи они будут помянуты!

Эх, братцы-критики, люблю я вас. И прежде всего за то, что ваши критические отзывы теперь не грозят Магаданом или Колымой, что бы вы там ни написали. Критикуйте, критикуйте, барон! Только, пожалуйста, без политических обвинений — ведь тогда критическую статью так легко спутать с доносом.

Но меня опять занесло. Я же пишу портрет юного человека. Кому какое дело, что он увидит и узнает в старости? Ну, кокетливо сказал внутренний голос, не в старости, скажем мягче — в зрелом возрасте.

* * *

В то время до зрелости мне было далеко.

Тогда я учился в седьмом классе и приезжал на каникулы к бабке с дедом. Наша половина дома была не заселена, в ней был нежилой дух, но в большой комнате стоял старый диван и книжный шкаф, на полках еще оставалось несколько десятков книг, которые не забрали пока в город. Иногда я ложился на диван и читал эти книги. Было несколько книг из популярной в пятидесятые годы серии «Военные приключения» — «Над Тисой», «Медная пуговица», «Голубая стрела» и еще старый желтый томик «Тысячи и одной ночи», которая увлекала восточными оборотами и невероятными приключениями героев.

Именно в этой комнате я в пятом классе листал подшивки «Вокруг света», которые приносил с работы отец. Я тогда не ходил в школу, по личной дурости я пытался выбить гвоздь из доски ногой в резиновом сапоге и, естественно, получил заражение крови. Нога раздулась и пульсировала, словно она была самостоятельным существом, но, перебивая боль, я читал «Вокруг света», открывая для себя Роберта Шекли и нового В. Сапарина, чьи рассказы теперь разительно отличались от всего, что он когда-то написал, как модные австрийские туфли отличаются от резиновых галош. Кстати, до «Суда над Танталусом» он как раз про самонадевающиеся вечные галоши и писал, считаясь при этом фантастом, заглядывающим в таинственные глубины будущего.

— Смотри, — сказал Саня Галкин, открывая черный томик «В мире фантастики и приключений» за 1963 год. — Классная вещь!

Нет, Станислава Лема мы уже читали — «Магелланово облако» и «Астронавты» не произвели на нас особого впечатления. Но в этот раз мы столкнулись с мыслящим Океаном Соляриса. Трагедия людей на орбитальной станции, которые встретились с инопланетным разумом, взявшимся за моделирование их несчастий. Лем писал о трагедии человека, столкнувшегося с

Неведомым, бессильного этому Неведомому противостоять, ведь спасти себя и человека в себе можно было только бегством — это поражало воображение! Это была Литература! Время жестоких чудес завораживало и заставляло спорить.

Медленно обозначились полюса. Мир не был однообразным — он был похож на тельняшку, состоящую из двух цветов. Мы вступали в жизнь и начинали понимать, что черного в ней ничуть не меньше солнечного. Просто это черное еще не вступало в нашу жизнь. Нас от него берегли родители. Черные тени кружились где-то рядом, выбрасывая в нашу сторону длинные и липкие языки. Все еще было впереди. Все еще было впереди!

Мы осваивали свою орбитальную станцию. Она называлась Панфилово. К ней причаливали континентальные поезда.

Станция Панфилово середины прошлого века.

Она и сейчас такая. Ничего не изменилось. Это столицы меняются каждый год, хорошеют, приукрашиваются. Провинция меняется лишь в худшую сторону. Ветшают дома, мелеют пруды, зарастают крапивой окраины. Стареют люди.

Такие дела.

Вечерами мы играли в футбол. Днями я работал на элеваторе. Домой я приходил поздно, и на столе во дворе под жестяным эмалированным тазом с отбитыми краями меня ждала краюха домашнего хлеба, несколько огурцов и кружка холодного молока.

Под раскладушкой, на которой я спал, стопками лежали книги. Их я читал ночами. Нет, какое было время, какое время! Я читал Севера Гансовского, Илью Варшавского, «Открытие себя» Владимира Савченко и «Аксиомы волшебной палочки» такого необычного Владимира Григорьева, «Бульвар Целакантус» Львова и выпуски «Фантастики», в которых был напечатан милый моему сердцу Михаил Анчаров, и еще я читал Монтеня и Овидия, бегал в сельскую библиотеку и брал там тома «Библиотеки Всемирной литературы». Я читал бессистемно и жадно, и это была хорошая жизнь!

Стоял август, и с небес катились звезды. Можно было лежать на ступеньках крыльца и загадывать желания — звезд хватало сразу на все.

Вечером я ехал на велосипеде на хутор Михайловский, где жил мой дружок Саня Галкин. Мы спорили о книгах, и еще больше мы с ним спорили о будущем, которое казалось нам таким прекрасным.

Был шестьдесят восьмой год — в Прагу входили танки Варшавского договора. Нас это не интересовало ни капельки, мы спорили о том, каким будет коммунистическое будущее — таким, как у Стругацких, или таким, как у Ефремова. Мир «Возвращения» был человечнее, поэтому нам он нравился больше. Тогда казалось, что в будущем танкам нет места, ну разве что высшей защиты, чтобы преодолевать опасные маршруты на далеких планетах или бороться с последствиями технологических катастроф на Земле.

Если бы мне кто-нибудь сказал, что через три десятка лет мы будем штурмом брать бывший советский город Грозный, что танки на его улицах будут гореть точно свечи, а оборонять от нас город будут боевики, которых возглавят бывшие комсомольские секретари, я бы назвал этого человека идиотом.

Будущее казалось безоблачным. Чехословакия была далеко.

Именно тогда я начал писать. Боже мой, что я писал! Простите меня, испорченные листы! Простите меня, исписанные тетради!

Я сидел и мучился. Эти муки были муками творчества. Творчество было графоманским. Я не понимал, почему Куваев складывает слова во фразы и у него получается волшебство, а у меня сухой текст, на который не хочется смотреть. Почему у Валентина Катаева текст, а у меня лепет ребенка, которому простят всё и простят все, только не я сам. Ну почему, почему, у одного получается волшебство, а другой ходит с натертыми ногами? А потому, братцы мои, потому что талант не зависит от человека. Талант — это умение наматывать портянки. Достается либо от Бога, либо приходит с прак-

тикой. Надо много работать. Будешь лениться — все твои мозоли будут видны окружающими. А что в этом случае можно сделать? А не надевай сапоги! Или учись наматывать портянки! Или по крайней мере прячь ноги под скамейку.

Хотелось заплакать.

Я сказал себе:

— Урод! Начни все сначала!

Это случилось через тридцать лет.

Плохо верилось в то, что во второй раз все получится. Если ты опозорился однажды в постели с женщиной, не думай, что получишь второй шанс. Тебя не простят. Если она не получила удовольствия в первое свое соитие, на хрен ей вторая попытка? Попытка нужна не читателю, а автору.

Хреново сознавать, что ты бездарен.

Но бездарность похожа на триппер: если уж она есть, то каждый раз ты будешь морщиться и кусать губы. И пытаться показать, что ты не просто здоров, ты — способен на многое. Хотелось и хочется таланта, но, видимо, когда его раздавали, я стоял в очереди за чем-то другим.

На кой черт мне сдались книги, в которых нахожу удовольствие лишь я сам? Нет, правда, иногда я открываю свою собственную книгу и вижу, насколько я на бумаге умней самого себя. Но это, к сожалению, бывает не всегда.

В обшарпанном деревенском Доме культуры показывали фильмы. Куда там нынешнему кино! Там я впервые увидел «Пес Барбос и необычный кросс», «Самогонщики», «Операцию «Ы», там я смотрел немецкие фильмы о Следопыте, в которых благородного индейца играл югослав Гойко Митич, и еще я там посмотрел фильм «Подвиги Геракла», который нам тогда ужасно нравился. Еще показывали различные итальянские фильмы с Марчелло Мастоаянни и Софи Лорен, но на них приходилось ходить тайком — принцип запрещения просмотров детьми до шестнадцати лет тогда действовал неукоснительно.

Лето кончалось, и я возвращался в город.

Было интересно смотреть в окно, за которым проплывали знакомые места, было здорово возвращаться, возвращаться всегда очень здорово, от возвращений начинает жить заново человеческая душа.

Машина времени на одного человека

Уэллс! Господи, ну конечно же, Уэллс!

Он входил в мою жизнь стремительно и запоздало, как комета, потерянная астрономами и внезапно объявившаяся на небосводе.

Сначала был «Человек-невидимка» — история одинокого обзлившегося человека, который подумал, что стать властелином мира легко. Самая поразительная сцена — это сцена безобразного убийства Гриффита, когда начинают молочно просвечиваться кости тела, потом становятся видны кровеносные сосуды, вены и артерии и наконец проявляется тело измученного, избитого, исстрадавшегося человека. Гениальная задумка, превратившаяся в не менее гениальный роман. Я читал его взахлеб, а впереди еще были романы Уэллса «Война миров», «Остров доктора Моро», «Когда спящий проснется», «Люди как боги» и, конечно же, «Машина времени». Было немного забавно и вместе с тем жутковато читать про эллов и морлоков, ведь я уже читал «Возвращение» и «Далекую Радугу», я твердо знал, *какое будущее возможно*, а какое — нет.

Но сама мысль о возможности путешествия во времени потрясала. Что будет, если ты убьешь своего дедушку до того, как им будет зачат твой отец? А возможность посмотреть живую Древнюю Грецию, увидеть походы Александра Македонского, посмотреть на крестовые походы и побывать на строительстве египетских пирамид? А увидеть будущее, и не просто увидеть его, а сравнить со своими представлениями о нем и с утопиями, прочитанными к тому времени?

* * *

К тому времени уже был прочитан рассказ Брэдбери «И грянул гром» о раздавленной бабочке, которая изменила мир. В подобное изменение не верилось, впрочем, Брэдбери писал скорее всего совсем не о том, он писал о необходимости бережного отношения к прошлому. Это тем более актуально сейчас, когда мы вновь в который раз начинаем оплевывать свое прошлое, по глупости и недомыслию не понимая, что изменяем Будущее, и отнюдь не в лучшую сторону.

Уэллс был первооткрывателем. Идея лежала на поверхности, но он первый ее заметил и придумал Машину Времени, даже не подозревая, что на деле она уже существует. Машина Времени — это человеческое воображение. Воображение человека позволяет ему путешествовать в прошлое и будущее, более того, оно позволяет человеку путешествовать в миры, которых никогда не было и не будет. От этого миры не становились менее достоверными, их достоверность зависела от богатства и силы воображения.

Вообще очень заманчиво представить себе, что созданные человеческим воображением миры начинают существовать в действительности. Где-то на планету Венера опускается фотонный планетолет «Тахмасиб», и путешествует по повелению фараона Баурджед, пытаясь достичь загадочной Ойкумены, и можно поговорить с Сократом, жаль только, что я не знаю древнегреческого.

Мое воображение рисовало фантастические картины, когда я читал книги. Сколько путешествий я совершил, листая страницы разнокалиберных книжек, разнокалиберных по объему, цвету, размерам, иллюстрациям и степени таланта авторов, которые их написали. Многих я уже упомянул, о многих еще обязательно надо сказать; ведь они дали мне возможность побывать в доисторических временах, увидеть динозавров и хищных стрекоз, многометровые папоротники и чудовищных рептилий, греющихся в теплых болотах юрского пе-

риода. Они дали мне возможность побродить по Луне и планетам прежде, чем на них ступила нога человека. Я смотрел на Землю с Луны раньше, чем это сделал Армстронг, и Луна у меня была каждый раз новая — то с селенитами, то без них. И к звездам я летал не раз, для меня это было плевое дело, привычное, как поездка в центр города на трамвае или автобусе.

В «Пионерской правде» печаталась повесть А. Ломма «Ночной Орел» о русском десантнике, который научился летать и начал наводить шорох в тылу у немцев. Помнится, мы читали ее с упоением, мы ждали каждого нового номера с таким нетерпением, какое сейчас, во времена книжного изобилия и пресыщенности, трудно даже представить. «Пионерская правда» того времени — она сделала многое, чтобы фантастика вошла в наши детские сердца.

К слову будет сказано, именно в «Пионерской правде» печаталась научно-фантастическая повесть тогдашнего шестиклассника, а ныне известного академика А. Фоменко, взявшегося перевернуть наши представления о мире и его истории и доказать, что древнего мира не было и во всем виноваты крестоносцы и недобросовестные летописцы. Повесть как повесть, в темном сарае домика над обрывом придумывались истории и поярче. И все-таки, читая его нынешние книги, основанные на математическом анализе, я вдруг подумал — лучше бы он продолжал писать фантастику! В гуманитарные науки нельзя лезть с цифирью, напрасно он пытается алгеброй гармонию проверить, мне значительно ближе фантастический «Спартак» Джованьоли, «Капитан Сорви-голова» Буссенара или не менее фантастическая «Одиссея капитана Блада» Саббатини, ведь в них исследовались — пусть и в романтической форме — характеры человеческие, а исторический фон только придавал этим произведениям особую прелесть. Я плакал над встречей Овода и кардинала Монтанелли в камере тюрьмы, я мчался по пыльным дорогам Франции на пыльном скакуне вместе с тремя мушкетерами и неугомон-

ным д'Артаньяном, пусть даже все эти истории были просто придуманы талантливыми людьми.

Ужасно интересно было узнавать особенности китайской цивилизации, знакомиться с суровыми законами «Яссы» Чингисхана, следить за мыслью Аристотеля и Пифагора, листать дореволюционные журналы «Вокруг света» и «Всемирный следопыт». Нам открывался мир, он был многолик и необычен, в нем запах кизяка в среднеазиатских городах смешивался с запахами фруктового шербета, шафрана и миндаля, в нем пахло морозной тайгой и арабской фантастической кухней, в нем деловитые переселенцы Старого Света добросовестно отстреливали бизонов и аборигенов Нового Света, буры дрались за свою независимость, бедуины на одnogорбых верблюдах пересекали знойные пустыни, а в этих пустынях вставали невероятные миражи.

Удивительные истории случались в прошлом, даже если они и были придуманы фантазерами. Уже значительно позже я с удовольствием читал новый вариант легенды о Летучем Голландце, придуманный Константином Кудиевским в рамках украинского «химерического» романа. История любви красавицы Камы и русского моряка с потерпевшего кораблекрушение сухогруза потрясала воображение.

Но все-таки значительно чаще меня влекло в будущее.

Надо сказать, что время шестидесятых к этому очень располагало. Прошел спор физиков и лириков. О нем теперь мало кто помнит. Физики на полном серьезе утверждали, что наступило время рациональности и расчета, лирика в современном мире ничего не значит и они прекрасно обойдутся без стихов, без щебетания птиц и рассветов, без этого ненужного слюнтяйства, которое называют нежностью души. Лирики утверждали обратное. Кто был прав в спорах, не стоит и говорить. Зря, что ли, физиков потянуло в горы, в тайгу, в знойные пустыни и на ледяные реки? Единения с природой

захотелось. А это уже чистая лирика. Был молодой Евтушенко, был молодой Вознесенский. Это сейчас они заматерели и запенклубились, из блистательных заграниц не вылезают. А тогда были нормальные ребята. И стихи писали отличные. Был в них пушкинский полет души.

А еще стремительно начались полеты в космос. После Быковского, Николаева и Терешковой с Поповичем стало казаться, что до Луны уже рукой подать. Подумаешь, четыреста тысяч километров! Рукой можно пощупать. И сомнений не было, что первыми там будут наши. Кому же еще?

Вот говорят, что советская* фантастика беднее англо-американской. Это как посмотреть. Буйству живых форм на Венере в романе Беляева «Прыжок в ничто» мог бы позавидовать и Степлтон. Но, положа руку на сердце, в каком мире хотелось бы жить? В мире «Торговцев космосом» или в мире «Внуки наших внуков»? В мире «Марсианских хроник» Брэдли или в мире Светлого Полудня братьев Стругацких? Тот и оно, мир советской фантастики был всегда добрее и чище, он чаще говорил о перспективах и реже о негативных вариантах. Впрочем, и в негативе всегда оставалась какая-то надежда. Нам всем был близок мир «Понедельника», который, как известно, начинается в субботу, — именно потому, что на интересную работу хочется не только бежать, с нее уходить не хочется!

А у американцев шла бесконечная война, были нескончаемые фронтиры, они ведь и сами были поселенцами и покорителями, эти первые переселенцы в Новый мир.

Хотелось гулять по векам, как в «Спирали времени» Г. Мартынова. Я путешествовал по Марсу и Венере, я плавал в кольцах Сатурна, меня плющило в водородных безднах Юпи-

* Странно, что в словаре компьютера уже не нашлось места понятию «советский». Выделил как незнакомое. Что ж, времена изменились. А может, это нам наказание за лженауку кибернетику? Ведь так ее отрекомендовали когда-то в советских энциклопедических словарях?

тера, меня колбасило в Поясе астероидов, я ловил кайф на планете Видящих Суть Вещей, и это было тем более странно, что совсем рядом с этой планетой располагалась другая, на которой строили свое коммунистическое общество чернокожие каллистяне.

Много позже я понял, что коммунизм — это не общественный строй. Это состояние души, которой нужен весь мир и которая живет ради этого мира. Коммунистов в мире много, они даже не подозревают, что они коммунисты. А все потому, что однажды спутали состояние души с бесклассовым обществом. Попытки построить такое справедливое общество были и будут. Это как изобретение самолета — если изобрели, на нем обязательно будут пытаться летать. Сначала он ткнется носом в васильковое поле. Потом продержится в воздухе первые десять секунд, потом пролетит расстояние, чтобы уткнуться носом в подножие холма, а потом он все-таки полетит, полетит как миленький. Последняя попытка летать была самой удачной, хоть и трагичной. Но ведь она не самая последняя. Трудно преодолеть человеческую косность и эгоцентричность, трудно преодолеть корысть и жадность, довлеющие над человеком, но ведь из серого кокона всегда вырастает прекрасная бабочка. Жаль только, что я этого не увижу. Впрочем, почему же? Разные модели светлого будущего я видел, путешествуя в своем воображении по чужим мирам.

Солнечная система Гуревича была выстроена нудновато-подробно, но поражала воображение космическим строительством, для которого использовались планеты системы. Вообще-то это было сродни изменению течения сибирских рек, Гуревич живописал свое строительство, нисколько не задумываясь, что произойдет, если природное равновесие будет нарушено в космических масштабах. И еще у него была идея ратоматоров, которые позволили бы из атомов воссоздать любую структуру, включая человека. Но ведь это бы означало полнейший переворот в психологии и философии людей! А этого переворота в утопии заметно не было.

«Туманность Андромеды» Ефремова была холодной и патетичной, в ней часто не говорили, а изрекали, люди в ней выглядели такими матерыми человечисами, холодными глыбами, на которые не хотелось даже опираться.

Люди будущего из утопии Сафроновых «Внуки наших внуков» выглядели ходячей иллюстрацией к спору физиков и лириков, они были по уши в науке, по горло в открытиях, на простые человеческие чувства у них просто не оставалось времени.

Более мелкие произведения вроде «Веточкины путешествуют в будущее» или детские повести В. Мелентьева носили иллюстративный характер, причем иллюстрировали они положения насквозь фантастических программ партии и расхожих представлений о счастье.

На этом фоне мир полдня братьев Стругацких смотрелся выигрышно. В нем жили люди, которых мне хотелось назвать друзьями, среди которых хотелось жить и работать. С каждым произведением этот мир углублялся, обретал рельефность и мускулатуру, в нем появлялись проблемы, которые хотелось решать.

Удивительно ли, что я выбрал его в качестве своего идеала? Да не я один, многие любители фантастики и просто читатели были влюблены в этот удивительно светлый мир.

Но путешествия заканчиваются с последней страницей.

На Земле меня ожидало нечто иное.

Второй километр и все, все, все

Второй километр состоял из частных домов и ведомственных флигелей. Был один трехэтажный кирпичный дом на двадцать квартир и еще парочка двухэтажных, но основу его составляли все-таки дворы, в которых росли абрикосы. Когда они цвели по весне, кривые улицы плыли в бело-розовом дыму.

Второй километр. Родина шпаны и романтиков.

Над цветущими абрикосами рвался хриплый пронзительный голос:

Мерцал закат, как сталь клинка,
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Обычно мы собирались в сарае у Петьки Жукова. Там рождались первые фантастические истории, которые сочинялись с ходу, вживую. Скорее их надо было бы отнести к жесткому хоррору, но тогда подобных делений просто не было. Несколько вечеров рассказывалось о корабле живых мертвецов, а когда эта история подошла к концу, появилась новая — о бункере упырей на Мамаевом кургане. На слушателей истории действовали — иногда кто-нибудь уныло говорил: «Давайте о чем-нибудь веселеньком. Мне домой у оврага идти...»

Неподалеку от Петьки Жукова в таком же типовом флигеле жил Трумэн. Нет, не президент, но ранее судимый, получивший в кличку имя американского президента. За что он ее удостоился, мне неизвестно. Может, за разговоры о политике. Может, за любовь к оружию — время от времени милиция проводила у Трумэна обыски и всегда уходила с добычей — немецкими гранатами с длинными ручками, автоматом ППШ или «Шмайссер», пистолетами разных марок, а на худой конец — с пригоршнями желтых маслянистых патронов. Через некоторое время у него появлялось что-то новое. За незаконное хранение оружия Трумэна не сажали, у него была справка из дурдома, которая делала его неуязвимым и неподотчетным обществу. Порой мы забежали к Трумэну послушать лихие эковские истории, которые теперь мне кажутся унылыми и скучными. Еще у него можно было выпить самогона, покурить планчика, одновременно учась правильно забивать косяк в «беломорину». Было, братцы, было! Слова из песни не выкинешь!

Трумэн жил рядом со школой. Восьмидесятая школа являлась восьмилеткой. Она стояла над оврагом. Директором ее был пожилой еврей, которого звали Исаак Львович Си-

рокко. Ученики его ласково называли Ишаком Львовичем и не любили за строгость. В школу директор приезжал на уша-стом «запорожце». Однажды Калин, Краюха и еще парочка раздолбаев, для которых учеба была тяжким путем познания, процессом, после которого следовало весело отдыхать, взяла и спустила этот «запорожец» в овраг. И в это время вышел ничего не подозревающий Ишак Львович. Увидев свою машину в овраге, он покачал головой и попросил оказавшихся поблизости учеников вытащить ее обратно. Надо ли говорить, что учениками оказались Калин, Краюха и вся компания раздолбаев? Между прочим, вытащить машину из оврага оказалось куда труднее, чем ее туда скатить!

Мы жили в поселке как лебеда на его задворках — неистребимо и весело. Вечерами мы бродили по поселку, пели под гитару и уже начинали пробовать приторные дешевые вина, которые покупались в складчину в магазине «на песках». Время от времени кто-то гиб от взрывов, кто-то попадал под машину или в милицию — эти события были тогда равнозначными по тяжести последствий. И все равно мы радовались каждому дню, бегали вечерами на киноплощадку около сорок первой школы, дрались на Мамаевом кургане с краснооктябрьскими пацанами, а в овраге у школы — со сверстниками с поселка Газоаппарат. Нас называли презрительно и испуганно второкильдемовцами, а где-то, по слухам, существовали центровые, даргорские и ангарские. Тогда еще существовали рыцарские правила ведения боев — дрались до первой крови, не били кодлой, но уже появились в арсенале железные пруты и велосипедные цепи.

В выходные мы часто отправлялись в кино. Обычно мы ездили в кинотеатры «Родина» и «Победа», только однажды Сашка Галкин потащил меня в город Волжский, где в кинотеатре «Старт» шел фильм «Вперед, Франция!». У меня в дороге разболелся зуб, я был мрачный, но — о чудо кинематографа! — после фильма я вдруг обнаружил, что зуб уже не болит, а настроение превосходное.

Однажды я получил записку, в которой мне предлагалось прийти для сведения некоторых счетов во двор школы. Разу-

меется, в вечернее время. Вызов был брошен. Не пойти в школьный двор просто нельзя, я слишком дорожил честью, чтобы ее отдать за спокойствие и целый нос. Я шел к школе. По пути меня встречали знакомые. Узнав, куда я иду, они из любопытства отправлялись вслед за мной. К назначенному времени зрителей было как в театре. Только бинокли билетерши не раздавали. Я не обольщался, вызов бросили мне, и решать вопросы своей защиты мне предстояло самому. Остальные были зрителями.

Однако никто не приехал. А если и приехал, то не решился войти в школьный двор.

И в то же самое время я продолжал читать. Честное слово, это занятие гораздо интереснее телевизора и кино. Героев создает твоё воображение, читая книгу, ты представляешь события самостоятельно, и они окрашены в твои собственные эмоциональные цвета, ты представляешь изображенный мир исходя из собственных восприятий. Тебе не навязывают, ты все берешь сам.

В то время мы с Санькой Галкиным были под впечатлением от повести Стругацких «Попытка к бегству» и даже писали киносценарий для фильма. По замыслу, сцены, относящиеся к двадцатому веку, должны были быть черно-белыми, эпизоды коммунистического будущего — цветными. А происходящее на Сауле должно было сниматься в таинственных багрово-красных тонах. Нет, мы это тогда здорово придумали. Уже лет через тридцать кто-то из режиссеров использовал приемы цветовыделения, чтобы усилить эффект сцен. Но мы-то были первыми! Вернее, мы таковыми себя считали, пока вдруг я не узнал, что еще за тридцать лет до нас этот прием использовал Сергей Эйзенштейн, сделав цветной пляску опричников в своём черно-белом фильме «Иван Грозный». Нет, черт возьми, все уже написано, все уже придумано, и нет нового под луной, и нет нового под солнцем, вздохнули мы печально.

Я продолжал читать книги. Сергей Снегов уже прочно вошел в мою жизнь, хотя я и понимал, что люди не боги.

Очень даже не боги. Алкаши и склочники богами не бывают. Таких не-богов вокруг меня было пруд пруди. Они пили, дрались, били жен, резали друг друга кухонными ножами, сидели в тюрьму и кланчили рубли на опохмелку, стоя у магазинов. Но было так здорово читать о вторжении в Персей, о галактах и зловредах и о прочих небожителях, целоваться со змедевушкой с Веги, прослушивать вселенную и драться за нее, как за родную Землю. Был конец шестидесятых, Александр Мирер написал великолепную повесть «У меня девять жизней», которую печатал журнал «Знание — сила». В повести была воссоздана *биологическая* цивилизация. Это увлекало. Повесть была трагическая. И это поражало. Я еще не понимал, что время счастливых утопий ушло безвозвратно.

И еще я не знал, что на подходе главные книги братьев Стругацких «Град обреченный» и «Гадкие лебеди». Впрочем, в шестьдесят восьмом «Гадкие лебеди» объявила «Молодая гвардия» в своем тематическом плане. Однако льды уже перестали таять, начинался еще совсем незаметно очередной ледниковый период, перепившие свободы «шестидесятники», еще хмельные от испитого, правда, пытались рваться на страницы печатных изданий. Но чаще разбрасывали листовки в ЦУМе и протестовали *против всего*.

Поклонники фантастики яростно искали вторую часть «Улитки на склоне», напечатанную в журнале «Байкал». Но мощные комбайны Искоренения работали прекрасно — они искореняли все, что только могло представлять опасность для Администрации Леса. В числе прочего комбайны искореняли сам Лес. Оставалось совсем немного до того времени, когда мы проснемся в запущенной грязной лесополосе, рядом с которой кто-то воткнул табличку «Частное владение». Рядом мы увидим сломанный и пока ненужный комбайн. Искоренение ереси обернется победой мещанства. Ересь — это зерно, из которого прорастает Будущее. Ересь появляется как антитеза догме, ведь что может быть хуже затхлых обсосанных и имеющих привкус нафталина догм? Только уверовавший в эти догмы.

Для того чтобы увидеть, чем обернутся для общества комбайны Искоренения, следовало проснуться. Или хотя бы открыть глаза. Теперь я это понимаю, а тогда по молодости лет не понимал. У книжечеев и романтиков всегда закрыты глаза. Они видят будущее солнце, а не сегодняшнюю бытовую грязь.

К Марсу летели межпланетные станции «Фобос» и «Маринер». Нет, это не было сотрудничеством, это продолжалось соперничество. Сгорел в атмосфере «Восток», пилотируемый летчиком-космонавтом Комаровым.

Это был звонок, которого не услышал никто. Восток занимался зарей грядущего пожара.

Второй километр был заповедником, в котором водилась шпана. Говорили о братьях Лебедях, о Титах, которые посадили мужика в мешок и с криками «Шила в мешке не утаишь!» принялись тыкать его этим самым шилом. Много жутковатых историй ходило о Втором километре. Да и это понятно — здесь после войны селились освобожденные из тюрем, бывшие «штрафники», и строители Волжской ГЭС, которая в значительной мере построена теми, кто смотрел на мир из-за колючей проволоки. По сравнению с нами дома рядом с Качинским училищем были образцово-показательными. Здесь жили отличники — к ним мы относились с подозрением. Они никогда не прогуливали уроков, не копали блиндажи на Мамаевом кургане и немецкие могилы за Моторным заводом, они хорошо учились и ходили чистенькими и аккуратными.

Отличники и комсомольцы потихоньку входили в мою жизнь.

Сначала я познакомился с умной и язвительной Галкой Лаврищевой. Мы дружили. У нее дома была библиотека, а ней пятитомник Александра Грина. Грин нравился Галке, но он нравился и мне. Мы долго обсуждали повести и рассказы Грина, сидя в ее комнате вечерами.

Странное дело, не мог понять, почему мне нравился Грин. Романтик и идеалист, и вместе с тем в его «Бегущую по вол-

нам» вдруг врываются нотки чуждой Грину меркантильности. И все-таки, все-таки, все-таки... Хорош он до изумления — и «Алые паруса», и «Блистающий мир», и «Вперед и назад», и «Дорога никуда», и «Бегущая по волнам». Недавно перечитывал его книги и вдруг понял — в грубой душе Грина жил чистый наивный ребенок. Такой же, как живет в глубине каждого из нас, если отбросить всю шелуху, накопленную с годами.

Она открыла мне Маяковского. Это сейчас находятся литераторы, для которых хороший тон лягнуть классика. Но он несравненный метафорист, у него строчки кипят, в них пульсирует жизнь, умению его работать с рифмой можно только тоскливо завидовать, а у этих литераторов, что пытаются его лягать, в строках кисло и пусто, как в заброшенном коровнике.

У Маяковского было космическое мышление. Он стоял вровень со звездами. Он художник, создававший несколькими штрихами зримые и впечатляющие картины.

Ну кто еще мог написать?

Испанский камень
слепащ и бел,
а стены
зубьями пил.
Пароход
до двенадцати
уголь ел
и пресную воду пил.

И кто мог быть таким безукоризненно нежным, удивительным, как водопад, рушащий воду с горного склона:

Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

А топтать его пробуют серости, которые никогда ничего путного не напишут. Я заметил, что большие талантливые

люди в дразги и ссоры обычно не влезают. Им это не нужно. Дразги организуют обычно люди, которые находятся рядом с литературой. И они отлично знают, что находятся рядом, а хочется быть внутри. Можно быть деревенщиком и с тем писать о Вселенной, можно писать о современном городе, и это будет рассказ о параллельных пространствах, а можно и наоборот — варишь варенье, но получается в конце концов деготь. Все зависит от состояния и величины авторской души. «Косые скулы океана» — это не для каждого. Большинству достаются «ландыши — Первого мая привет». Не надо, не надо меня разубеждать, есть идеалы, а они не меняются.

Лаврищева тоже была поклонницей Маяковского.

Не помню, наверное, через Галку я познакомился с Димкой Согнибедой, сыном военного преподавателя из Качинского училища. Дружба это сохранилась и сейчас, хотя нас разделяют тысячи километров и виделись мы за последние десятилетия считанное число раз. Димке тогда нравилась Ира Павлова — бледная, красивая, хотя и чуть длинноносая девочка из нашего класса. Они единственные в нашем классе, чья детская привязанность оказалась на всю жизнь. Уже после окончания школы они случайно встретились и поняли, что это навсегда. Они поженились.

Мне нравится такой конец у романов.

У Грина концовки печальнее. Но романтичнее.

Помню, как мы впервые отмечали Новый год. На пластинке была песня Лили Ивановой «Венера» и пел Борис Гуджунов «Вместе счастливы». Почему-то обе песни были грустными. Это было уже в девятом классе. Перед этим в августе мы с Димкой ездили дикарями на Ахтубу под Ленинск. Ездили, конечно, не одни — с нами был одноклассник Лешка Федоров и его отец, который над ним буквально дрожал. Лешка у них оказался единственным ребенком и к тому же болел наследственной болезнью королей и знатных фамилий. У него была гемофилия, кровь плохо сворачивалась. Так оно все и получилось — однажды, когда мы окончили школу, Лешку ударил какой-то подонок, разбил ему нос, и Лешка истек

кровью. Но тогда мы были веселы, азартны и полны желания жить. На Ахтубу мы приехали потому, что там, в лагере, отдыхала Иринка Павлова, а Димка обещал к ней приехать. Мы жили в трехместной палатке. Отец Лешки Федорова был военным, а потому навел железную дисциплину. Мы вели походную жизнь, учились варить кашу на костре. Димка плавал на свидания с Иринкой, а я ловил рыбку. Если сесть на берегу, привязать к пальцу кусок лески, а на другом конце ее закрепить крючок, то можно ловить на хлеб плотву и красноперок безо всякого поплавка. Палец чувствует поклевку, и ты раз за разом вытаскиваешь рыбешек — довольно маленьких, чтобы потом хвастаться уловом, но вполне пригодных для того, чтобы сварить уху.

Стоял август. С небес падали звезды. Где-то в песках, по преданию, монгольскими завоевателями был зарыт золотой конь в натуральную величину, Ахтубу пересекали, высоко держа маленькие круглые головы, черные гордые ужи, стрекозы садились на головы и плечи нас троих, и это означало, как говорил Федоров-старший, что мы вырастем хорошими людьми.

Потом я подрался. Кто-то оскорбил Ирку, а драться пришлось мне, Димка для этого не был предназначен, его-то и в школе прозвали Дамочкой. Федоров-старший справедливо посчитал драку грубым нарушением внутреннего распорядка нашего лагеря и увез нас с Ахтубы.

Знаете, теперь вот, вспоминая и плывя по течению, я вдруг сообразил, что мы были достойным материалом, чтобы из него вылепить будущих жителей Светлого Полудня. В нас было зерно, которое могло прорасти. Просто наши правители не знали, как к этому подступить. Они полагали, что запретами можно добиться многого. Ерунда! Запретами ничего не добьешься. Это как флажки, которыми окружают волка, — он начинает метаться, нервничать и сходить с ума, в нем рождаются злоба и ненависть к тем, кто его окружил флажками. Человек, как и всякое живое существо, должен быть свободным.

Это твердое убеждение человека, который почти всю свою жизнь прожил в клетке для попугаев. И вообще есть такой анекдот застойной эпохи: зэк освобождается из колонии и небрежно кивает прапорщику: «Счастливо тебе оставаться за решеткой!» Все мы жили за решеткой — только по разные ее стороны.

Но ребенок — это всегда обещание, даже если оно не сбывается. Мы были фантазерами и конструкторами, во многих из нас горела Божья искра, которая превратилась позднее в пепел, а все потому, что ей незачем было гореть.

Поэтому я вспоминаю детство — тогда мы еще не задумывались о мире, в котором живем, мы твердо знали, что окружающие нас пространство и время удивительны, а будущее — великолепно.

В двери настойчиво стучались семидесятые годы. Они были не хуже и не лучше уже прошедших. Они были другими. Властно распространялся блат — все было по знакомству. С голубого экрана черно-белого телевизора шутил Аркадий Райкин. «Пусть будет все, — говорил он от имени безвестного товароведа. — Но пусть чего-то не хватает!» Товаровед и заводом становились столпами общества. Пусть говорят, что мы жили нище, пусть. Но общество жирело. Людей начинали рассматривать с точки зрения полезности, в жизнь входил принцип «ты — мне, я — тебе». Книга становилась предметом роскоши. Ее не читали — Боже упаси! Она занимала почетное место на полках полированных стенок. Наличие дефицитной литературы служило мерилom положения человека в обществе и его востребованностью в мире, где встречали по одежде, а провожали... Нет, не угадали, не по уму. Провожали по хитрожопости и умению доставать дефицит. Для некоторых это становилось профессией.

Никто еще не задумывался, куда идет мир. Одинокие братья Стругацкие думали о том, что может стать стимулом постоянного прогресса при социализме. Они рылись в моделях и не находили такого стимула. Начальники от науки вообще

ничего не искали. В журнале «Коммунист» печатались бодрые статьи о развитом социалистическом обществе и новой общности людей — советском народе. До времени, когда эта новая общность поделится и начнет бодро резать друг друга, оставалось по меркам истории всего ничего. Натуру человека и его душу не изменишь правильными словами. Революционная пассионарность, пройдя от обгаживания древних ваз в дворцах и срезания кожи с кресел на сапоги к созиданию и возведению Днепрогэсов и городов в Сибири, медленно угасала. На смену хаму с голубыми кровьями пришел хам с красной кровью. Он ничего не знал и не помнил о прошлом, он полагал, что у него есть будущее. Но будущего у него не было. Цивилизоваться оказалось легко — достаточным было снять сапоги и натянуть лакированные штиблеты, а армяк заменить дубленкой. Изменить человеческую натуру, сделать души пригодными для будущего коммунистического общежития оказалось гораздо сложнее. Сталин пытался вытравить чувство собственничества и эгоизма страхом. Оказалось, страх не слишком надежное лекарство. Оно не лечило, оно загоняло душевные болезни внутрь. А если что-то гниет внутри организма, то это гниение рано или поздно прорвется нарывом.

Нарыв вызревал.

Рядом с нами очень добросовестные люди из Службы Искоренения очень добросовестно выполняли свою работу. Они культивировали поле и выпалывали сорняки, которые не вписывались в представление начальства об обществе. Но то, что благоприятно для огурцов и помидоров, не слишком подходило для людей. Сорняк в человеческом обществе — это преступник. Служба Искоренения, в которой работало очень много людей, искореняла все, что не походило на среднего человека, достойного, по мнению правителей, Светлого Будущего. Мир загонялся в средний уровень, где правит посредственность. Вместо кухарок к управлению государством приходили товароведы. Идеалом становились двести сортов колбасы, которая в силу блата

исчезала с прилавков. Некому было изгонять лавочников и менял.

Уже заговорили о том, что фантастике, особенно социальной, достойное место лишь в корзине редактора. Начали разгонять профессионалов из «Молодой гвардии». Да и саму ее молодой уже можно было назвать только с натяжкой — выпускалась литература для душевных пенсионеров. Странно, но жанр, который самой судьбой предназначался для того, чтобы остерегать людей от ошибок и показывать, для чего мы на самом деле живем, оказался в загоне. Лес Будущего благодаря Службе Искоренения обращался в болото, на котором кроваво краснела брусника.

Детство кончается, когда ты сам начинаешь чувствовать себя взрослым.

Для меня этот рубеж отмечен переходом из одной школы в другую. Восьмидесятая нас отпускала, мы выросли из ее коридоров, из ее двора, из ее учителей, которые достойно учили нас всему, что они сами знали. Восьмидесятая нас отпускала, и мы уходили в другую школу — более высокую, новую, красивую, с огромным спортзалом, с незнакомыми учителями, которых нам предстояло узнать и которым предстояло узнать нас. Пятеро выпускников Второго километра — Саня Ерохин, Васька Попков, Саня Башкин, Петька Жуков и я.

Пятеро волчат со Второго километра выходили в большой мир.

Но это уже совсем иная история о Маугли. В этой я сказал все, что хотел сказать, ну, почти все, потому что умение сказать что-то относится к самому высокому человеческому искусству. Впрочем, как и умение слушать. Не мне судить, насколько я был искусен как рассказчик, об этом судить слушателю.

Мне почти пятьдесят. Я смотрю теперь на жизнь по-иному. И это понятно. У всего в мире есть начало, и у всего рано или поздно обнаруживается, как это ни печально, конец. Если ты начал думать о прошлом, то печальное будущее приблизилось к тебе вплотную.

Детство прошло. Мы перешли в подростковый возраст. Подросток — это набухшая почка, готовая распуститься взрослым листом. Мы обещали расцвести невиданными цветами, мы были готовы к этому.

Наше взросление пришло на время медленного гниения ствола. Можно было красиво обозвать это время стагнацией, можно незатейливо назвать застоем — ясно одно: это была зима, а как известно, во время морозов цветы расцветают только в тепличных условиях, а деревья зеленеют только на юге, где этих морозов нет.

В краях, где было тепло, жили папуасы, а тепличных условий нам никто не создавал.

Общество медленно замерзло, а в городе стояло пронзительное знойное лето. Мы старались стать взрослыми — наивно и горделиво ухаживали за девчонками, пили приторно-сладкий портвейн «Хирса» в беседках, пели под гитару мужественные блатные песни и даже не брезговали матерком. На руках некоторых появились наколки. Некоторые начали курить. Тогда мы еще не понимали, что взросление — это всевозрастающая степень ответственности за свои дела и поступки. Мы пытались стать взрослыми, но не знали — как.

В это лето в читальном зале я набрел на Клондайк. Я открыл для себя новую Ариадну Громову и раннего Георгия Гуревича. Там были «Миры приключений» — толстые и огромные разноцветные тома, а еще ко мне в дом пришли Уиндэм с его триффидами, космический Артур Кларк, готически мрачный Гофман, сумасшедший Итало Кальвино, и я узнал, как кончается Вечность, если за дело берется многомудрый сэр Айзек Азимов.

Битлы уже перестали быть запретными. На улицах соловьем разливался Валерий Ободзинский. О, эти глаза напротив! О, эта «Восточная песня»! Они сводили с ума девчонок моего поколения.

Я читал и перечитывал «Стажеры» братьев Стругацких. Все мы были стажерами на службе у Будущего. Мне хотелось

на Марс, пусть там и водились зубастые беспощадные сора-тобу-хиру.

Земляне Сергея Снегова вторглись в звездное скопление Персей.

Осенью мы пришли в новую школу. Мы были чужаками. Перед нами расстилалась новая Вселенная, и ее надо было завоевать. Вселенную от нас защищали. В новой школе мне предстояло получить полуироничную кличку Пан Поэт. Я был юноша с безумным взором, мне нравились Маяковский, Есенин и Блок, и еще мне нравился Данте, которого вокруг никто не читал.

В тот год мы попрощались с детством. Сожалений никто не испытывал, мы еще не догадались, *что именно* мы потеряли.

Наступил новый учебный год. Но это уже, пусть я повторяюсь, совсем иная песня о Маугли. Рассказ о детстве закончен. Конечно, он не полон, конечно, память не сохранила многого. Но я не задавался писать мемуары, я просто рисовал портрет. Портрет ребенка на фоне счастливых и грустных времен.

С тех пор прошли годы. Стандартная фраза, тем не менее она отражает положение дел. Действительно, с тех пор прошли годы, которые вместили в себя многое. Они вместили в себя всю мою жизнь.

Мы были кузнецами своего счастья, и дух наш был молод.

Ковали мы счастья ключи, а если говорить точнее, строили мир Светлого Будущего. Того самого Будущего, в котором нам будет жить хорошо. Ну, если не нам, то нашим детям. Или внукам, в конце концов.

Долгое время меня волновал вопрос, почему мы этот мир не построили. Крылась какая-то недосказанность в том остревении, с которым мы все принялись крушить фундамент, на котором возводилось строительство, рушить стены и бить в нем окна. Эта недосказанность долго смущала меня, и я попытался добросовестно найти причины наших неудач.

Ведь и эскиз был красивым, и архитекторы были неплохи, и работали мы все не покладая рук и не считаясь с тяготами и лишениями строительства.

Так вот, господа, если кто-то из вас уже привык к новому старому обращению, или товарищи, если вы еще не отвыкли от старого обращения, бывшего в начале строительства новым, я утверждаю, что строительство было успешным! Мы построили мир, о котором мечтали и в котором хотели бы жить.

Просто этот мир, который не виден самим строителям, не совсем обычен. Он — виртуален. Да, да, господа-товарищи, мы построили виртуальное Светлое Будущего, и оно оказалось виртуальным в силу объективных причин, о которых будет сказано ниже.

Уже много позже я одно время работал начальником районной службы по борьбе с экономическими преступлениями. Нам спускали отчет по борьбе с нетрудовыми доходами. Отчет это, как большинство ведомственных бумаг, был глуп и не нужен, а потому однажды был просчитан всеми составлявшими его порто потолочным методом, а позже тем же самым методом в него пропорционально добавлялись нужные цифры, а уж затем этот отчет достигал немыслимой красоты. В нужное время отчеты отправлялись в областные управления. Там виртуальные отчеты обрабатывали, несколько поправляли и дополняли, чтобы придать ему еще немного красоты, и отправляли в министерство обобщенный отчет, который выглядел еще красивей, но от реальности и истины был столь же далек, как далек от них рассказ мужчины о своих любовных победах. Такие же отчеты приходили со всей страны. Их обсчитывали, обобщали, дополняли, а в результате рождался уже совсем немыслимо красивый, хрустящий от своей торжественности Общий Отчет. В нем не было ни одной честной цифры, но тем не менее отчет этот отражал картину борьбы с нетрудовыми доходами в том ракурсе, в котором эту борьбу хотелось бы видеть Высокому Начальству. Высокое Начальство докладывало Отчет Высшему Начальству, а Высшее Начальство на основе этих виртуальных и постепенно становящихся ритуальными цифр осуществляло

планирование беспощадной последующей борьбы, которая должна была окончательно свести нетрудовые доходы строителей Светлого Будущего на нет.

И ведь все это было не тенденцией, присущей моему родимому ведомству, но чертой, характерной для всего ведущегося по всем направлениям строительства.

В стране росло незавершенное строительство, но каждый год Высшему Руководству докладывались красивые и впечатляющие цифры о пущенных в строй объектах и сданных метрах жилой площади. На основании этих цифр планировались новые долгострои, и незавершенка в стране росла, и нам, строителям Светлого Будущего, было негде жить, потому что квадратные метры жилья были виртуальными, и, следовательно, в них мог жить и работать лишь виртуальный гражданин. И именно виртуальные граждане вселялись в виртуальные квартиры и вставляли в виртуальных цехах к виртуальным станкам, чтобы производить виртуальные ценности. Но мы-то учитывали их в наших отчетах и победных рапортах!

Мы рапортовали об огромных урожаях и закупали хлеб за границей. Собранный нами хлеб ели виртуальные граждане.

Мы создали виртуальную литературу. По количеству государственных и иных премий, выданных нашим талантам, мы перещеголяли весь мир. Читать же мы продолжали Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Гоголя и Лермонтова, Беляева и Стругацких, а когда совсем становилось невмоготу, мы читали самопально переведенные и отпечатанные на машинках и оттого страшно заманчивые западные боевики или пугающих своим кладбищенским реализмом Солженицына с Шаламовым. Виртуальные произведения наших лауреатов читают виртуальные жители нашей страны.

Хлопкоробы собирали на полях виртуальный хлопок. Виртуальный хлопок превращался во вполне реальные деньги, на которые покупалась импортная одежда. В одежде из нашего хлопка ходили виртуальные граждане нашей страны.

Животноводы выращивали виртуальную скотину и птицу. В результате мы теперь едим финский сервелат и голландс-

кие сосиски, ножки Буша и западногерманскую ветчину. Наши виртуальные сосиски и колбасы ест среднестатистический виртуальный гражданин. И неудивительно, ведь мы долгие годы трудились для того, чтобы он был счастлив.

Десятки лет мы сидели на голом фундаменте и объявляли, что построили первый этаж, потом второй, третий, четвертый... Виртуальные жители нашей страны поднимались к солнцу в построенном нами виртуальном небоскребе, а мы продолжали сидеть на заложенном энтузиастами фундаменте и считали, считали, считали... Считать мы научились хорошо. Не зря же мы победили неграмотность.

Высокая отчетная раскрываемость преступлений привела к тому, что преступные одиночные группы сплотились у нас в грозную организованную преступность, превратившись в сообщества. Но в виртуальном мире преступности действительно нет, мы победили ее нашими отчетами и победными реляциями.

Мы так стремились быть первыми на Луне, что нас обогнали американцы. Но это только здесь. В виртуальном мире «лунных вариантов» нам равных нет.

Мы так долго проповедовали интернационализм, что он пророс распадом страны и кровавой Чечней. В виртуальном мире царит мир и спокойствие.

Мы были столь ярыми атеистами, что теперь лихорадочно строим сотни церквей и замаливаем грехи. Милиция собирает с пьяных водителей деньги на строительство очередной церкви, член Политбюро неумело крестится и целует руку, пахнущую ладаном и елеем. Но это здесь. В виртуальном мире, что мы так успешно строили, все иначе.

«Дети — цветы жизни», — говорили мы. Мы так старательно растили эти цветы, что теперь они произрастают на помойках и в грязных темных подвалах. Но это только здесь, там, в виртуальном мире, они не моют машины толстосумам, они учатся и мечтают, как этого хотелось нам.

Мы долго и добросовестно строили наше светлое будущее. И мы его построили. Жаль только, что он оказался во-

ображаемым. Жить в этом мире нам, к сожалению, нельзя. В нем могут жить такие же, как он сам, воображаемые люди.

Мы построили наш мир.

Грязные и оборванные, гордые тем, что мы еще делаем ракеты и впереди всех в области балета, сидим мы на крошащемся от времени и ветхости фундаменте нашего вчера и поем хриплыми от ветров и водки голосами:

Гуд бай, Америка! О-о-о!
Где не был никогда я...

Порыв ветра подхватывает эти слова и уносит их в противоположную сторону, где мы тоже никогда не были и не будем; туда, где за снежными шапками Тянь-Шаня расположена удивительная страна Китай. Жители ее еще продолжают верить в виртуальные небоскребы. Отчеты, которые идут с мест, продолжают радовать глаз.

Где-то находится виртуальный мир, в котором живут счастье и согласие. Виртуальные граждане улетают на своих виртуальных звездолетах к виртуальным звездам. Они живут виртуальным счастьем, побеждают виртуальные опасности, по-прежнему веря в свое виртуальное всемогущество.

Нам остались пожелтевшие страницы книг, когда-то завораживавших нас в детстве. Желтые страницы книг и тоска по несбывшемуся.

Очень хочется в мир, который снился тебе в детстве.

Маленький мальчик, читавший фантастику и мечтавший жить в мире мечты, где ты? Будущее пришло. Оно оказалось совсем не таким, как его рисовало твое воображение.

Я смотрю на книги своей библиотеки. Я собирал их с детства. Они были частицей моей жизни. Значительной частицей.

Боже мой! Как мы были счастливы в том мире, где взрослые и дети пытались рассмотреть первый «Восток» через бутылочное стеклышко, еще не зная, что он уже давно сел и Гагарин летит в Москву, чтобы пройти по ковровому покры-

тию с развязавшимся на ботинке шнурком, и было страшно, как бы он не споткнулся, так страшно, что все вздохнули с облегчением, когда все обошлось.

Книги нашего детства...

Они стоят на книжных полках потрепанными и потертыми, но это нисколько не портит их, наоборот, говорит о том, что они прожили свой литературный век не зря.

Книги нашего детства...

Они похожи на рыцарские доспехи. Которые выросшие дети уже не могут надеть, но в которых было совершено так много блистательных подвигов.

Я открываю их иногда и с сожалением вижу, что вырос из них, как вырастают из брюк и курток подростки, идущие строить и покорять окружающий их мир.

Я благодарен им, ведь они научили меня мечтать. Они научили меня думать. Они научили мое поколение жить на разрыв, чтобы потом не жалеть ни о чем, даже постарев и оставшись бездомным.

Я смотрю на книги моего детства. Штурман Кондратьев, ну зачем вы бросились покорять новый мир на допотопной черепахе с ядерным приводом, да еще с полюса?

Кондратьев молчит. Да и я не могу ответить.

Пусть другие говорят, что я жил в серой и безрадостной империи, пусть другие говорят, что моя жизнь осталась где-то в стороне от галактического потока.

Я думаю, что это не так.

Я знаю это.

Я твердо уверен, что мне нечего стесняться прожитой жизни, пусть даже эта жизнь здорового и умного мужика была положена на то, чтобы убирать с человеческого пути бытовую житейскую грязь в виде разных сволочей и негодяев.

Я честно дрался и проиграл.

Я люблю свое Отечество, которое ушло в прошлое, стало частицей истории. По выражению моего друга Жени Лукина я — некропатриот. Я люблю Отечество, которое навсегда ушло вместе с двадцатым веком.

Житейская история. В жизни ведь всегда кто-то проигрывает. Ничто не вечно под луной — даже империи, которые казались вечными и незыблемыми.

Я живу в чужой стране, и даже язык, на котором в этой стране говорят, не всегда мне понятен.

Выросли новые дети. Эти дети читают новые книги. Дети как дети — они не хуже и, пожалуй, не лучше моего поколения. Они просто другие. Это неудивительно, ведь они родились в новой стране, они хозяева там, где я — иммигрант.

Мне и моему поколению остались пожелтевшие страницы книг, когда-то завораживавших нас в детстве.

Очень хочется в мир, который снился тебе в детстве. Мир, в котором мы превращались в фотонные лучи или строили межзвездные корабли, в которых мы летели сквозь галактики, еще не зная, что прилетим в никуда.

Известный и очень талантливый ленинградский писатель Вячеслав Рыбаков, который теперь живет в Санкт-Петербурге, написал своеобразное продолжение «Туманности Андромеды». Это продолжение называется «Прощание славянки с мечтой».

Я его понимаю.

Я все понимаю. В том числе понимаю и мир, в котором теперь живу. В нем вместо артистичного Юрковского властвует умами мужиковатый, но богатый Брынцалов, вместо бесстрашного капитана Быкова и стеснительного штурмана Крутикова учит людей жить вороватый «генерал» Дима Якубовский, вместо задающего умные вопросы Жилина дает идиотские ответы юрист и сын юриста Владимир Жириновский. В этом мире ум и совесть смело меняют на чистоган, а у людей вместо звезд в глазах отражаются доллары. На смену поколению романтиков пришло поколение прагматиков, хорошо знающих, что такое чистоган. Мы жили в стране зон, теперь мы живем в одной большой зоне, а над нами лишь паханы и братки. Охранять нас не надо, ведь мы никому не нужны.

Я не идеализирую мир, в котором жил, — в нем было страшно, как в старом вонючем колодце. Но над этим колодцем был виден кусочек неба, в котором сияли звезды.

Наверное, меня спасли. Так говорят. Я не буду спорить. Не хочется.

Я сел на краю колодца и отдышался. Придя в себя, я огляделся по сторонам. Империи не стало. Но все те же люди, которые не давали мне жить там, продолжают учить меня, как надо жить здесь. Кусочек звездного неба исчез, меня окружает душный мир, в котором не стало видно звезд.

Друзья, мы так долго шли к Светлому Полудню, что даже не поняли сразу — манил нас мираж.

Мираж растаял, мы растерянно огляделись и увидели на высоком холме город в дожде, а вокруг холма свился кольцом огромный и страшный змей. Мы опять в Граде Обреченном, и над нами неведомые и страшные существа ставят очередной эксперимент.

Я понимаю, что отныне это неизбежные реалии моего бытия. Как ни грустно, ребята, но мы никуда не летим.

Я все понимаю. Только не могу этого принять.

Я лишь надеюсь — однажды те, кто пришел после нас, поймут, что звезды нельзя разглядывать в сонной и грязной луже, надо обязательно поднять голову, и тогда станет видно, что утро уже наступило, а до Полудня не так уж и далеко.

Именно поэтому и ради этого я сел рисовать портрет мальчишки на фоне счастливых и грустных времен. «Земную жизнь пройдя до половины...» Чего уж там лукавить, уже виден обрыв, к которому несут кони, слышен тот самый надрывный и хриплый голос моего детства, умоляющий коней не спешить. Я уже хороню друзей. Те, кто останется, похоронят меня. Не надо креста. Не надо конуса со звездой. Путь будет белый камень. И больше никаких излишеств.

Ведь он уже близок — день прощания с Землей. Близок день, когда меня примет космос. Станут близкими звезды. Перестанет замораживать пустота. Жаль, что я не встречу друзей. Жаль, что не с кем будет обмениваться мнениями о прочитанной книге, героями которой были мы сами. От каждого из нас останется портрет на фоне счастливых и грустных вре-

мен. Останутся звезды. Останется тишина. Обмелеют и высохнут пруды, в которых мы ловили рыбу. Снесут старые дома, в которых мы жили. На портретах появятся морщины, которые носят печальное название — кракелюры. Портреты тоже стареют. Пожелтеют и выцветут фотографии. Могильный холмик, который скроет мою душу, станет всего лишь одной из возвышенностей земли, не самой высокой, которая и просуществует недолго — до тех пор, пока не умрут те, кто помнил меня. По меркам Вселенной — это всего один миг, всего один вздох, всего один шаг, за которым пугающий и одновременно притягивающий обрыв.

Встанешь над обрывом, задохнешься от беспокойного ветра времени, ахнешь, чувствуя телом бесконечную пустоту. Вот и все. Жизнь прожита. Жизнь прожита! Прожита жизнь...

Закричишь в синеву дня,
Белой искрой вспыхнув во льду:
Видишь, Господи, это я!
Слышишь, Господи, — я иду!

Волгоград-Царицын, апрель — сентябрь 2002 года.

Содержание

Пространство для человечества	5
Детский портрет на фоне счастливых и грустных времен	285

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новоросийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

**129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Синякин Сергей Николаевич
Пространство для человечества

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-026672-3

Куда может завести обычное журналистское расследование?

На другую планету?

В параллельный мир?

Трудно сказать...

Ведь даже сами участники странного секретного эксперимента, длящегося уже ДЕСЯТКИ лет, не знают, КУДА они заброшены.

Ясно одно — того, кто выйдет за пределы охраняемого Поселка, ждет практически ВЕРНАЯ ГИБЕЛЬ в джунглях, где водятся монстры, растут неведомые деревья, а ландшафт меняется ПОСЛЕ КАЖДОГО ДОЖДЯ...

ПРОСТРАНСТВО
ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

СЕРГЕЙ
СИНЯКИН

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й